

Bulletin
Of Moscow State Regional University

SERIES
“HISTORY AND POLITICAL
SCIENCES”

№ 4-5

Moscow
MSRU Press
2010

Bulletin of Moscow State Regional University

The journal was founded in 1998

Editorial council:

Pasechnik V.V., Chairman, Rector, Doctor of Pedagogics, Professor
Dembitsky S.G., Deputy Chairman, Doctor of Economics, Professor
Konichev A.S., Doctor of Biology, Professor
Lekant P.A., Doctor of Philology, Professor
Makeev S.V., Director of MSRU Press, Doctor of Philosophy, Professor
Pus'ko V.S., Doctor of Philosophy, Professor
Traytak S.D., Candidate of Physics and Mathematics, Professor

Editorial Board. Series «History and political sciences»:

Smolensky N.I., Doctor of History, Professor (editor-in-chief)
Abramov A.V., Candidate of Political Science (executive secretary)
Zhuravlev V.V., Doctor of History, Professor
Zakharov V.N., Doctor of History, Associate Professor
Seyranyan F.G., Doctor of History, Professor
Yarovoy E.V., Doctor of History, Professor
Fuks A.N., Candidate of History, Professor

Bulletin of Moscow State Regional University. Series «HISTORY AND POLITICAL SCIENCES». – № 4-5. 2010. – M.: MSRU Press. – 176 p.

“The bulletin of Moscow State Regional University” (all its series) is the reviewed and subscribed edition designed for the publication of lecturer staff's scientific articles, and also candidates for a doctor's degree, post-graduate students and applicants for a scientific degree. On MSRU web-site the information on the status of all series «Bulletin of Moscow State Regional University» and requirements to the publications for authors are periodically updated with making necessary changes.

© MSRU, 2010

© MSRU Press, 2010

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

Серия
“История и политические науки”

№ 4-5

Москва
Издательство МГОУ
2010

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор биологических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – доктор философских наук, профессор
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. – кандидат физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н. И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Абрамов А. В. – кандидат политических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В. В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, профессор
Сейранян Ф.Г. – доктор исторических наук, профессор
Яровой Е.В. – доктор исторических наук, профессор
Фукс А.Н. – кандидат исторических наук, профессор

**Вестник МГОУ. Серия «Исторические науки». - № 4-5. - 2010. - М.: Изд-во МГОУ.
- 176 с.**

«Вестник МГОУ» (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Список журналов на сайте ВАК в редакции 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2010

© Издательство МГОУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

СОБКО Е.М. Роль России в войне за австрийское наследство в современной англоязычной историографии	9
ПРОВОРНЫЙ А.В. Дворянский вопрос в социально-политической концепции А.С. Суворина	13
ГРЮНБЕРГ П.Н. Феномен ранней грамзаписи в истории России начала XX века	17
НИКИФОРОВ Ю.А. Подготовка СССР к войне с Германией в 1941: границы дискуссии	24
ЮРЧЕНКО И.Ю. Исторический феномен казачества и проблем его этно-социальной идентификации в российских диссертационных исследованиях последних лет по педагогике ..	30

ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

ГУСЫНИН В.А. Обоймицы сабельных клинков из района золотаревского поселения XI – XIII вв.	36
БОГДАНОВА Т.В. К вопросу об источниках формирования и сословном составе русского дворянства в XVIII в.	39
БЕЛОВ А.В. Городское население Московской губернии в середине XIX века: попытка социальной стратификации	45
БУДКИНА Ю.Б. Земские учреждения и кредитные кооперативы Рязанской губернии в конце XIX – начале XX вв.	50
ЯКУБСОН Е.В. Городские попечительства о бедных в столице и провинции на рубеже XIX–XX вв.	54
ОСТРОУХОВ А.И. Положение чехов и словаков в русском плену в период первой мировой войны (по материалам российских архивов)	58

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ЯЛОЗИНА Е.А. Школьная политика государства и традиционализм сельского сообщества в первой четверти XX в.	64
ЛИЧАК Н.А. Противоречия в системе охраны памятников Советской России во второй половине 1930-х гг.	68
ЮЗМУХАМЕТОВ Р.Н. Отечественная «алмазная проблема»: исторический аспект	74
ЕРМОЛОВ И.Г. Сельские старосты как низшее звено в системе административного управления на оккупированных территориях РСФСР	78
ВОЛОСОВ Е.Н. Партийные наказания как способ воздействия на технократическую элиту (на примере Ангара-Енисейского региона в 1964–1991 гг.)	83

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА, СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

САФРОНОВ А.В. К вопросу об участии групп «народов моря» в Египте в смуте конца XIX – начала XX династии	88
СУХАРЕВ А.К. К вопросу о соотношении так называемого «Сенатусконсульта о Вакханалиях» из Тириоли и сообщения Тита Ливия о преследовании вакханалий в Риме	91
АРТЕМЕНКО С.А. Социальные аспекты деятельности квакеров в Англии в XVII веке	99

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

БРОДЕЦКИЙ Я.О. Механизм преобразования свастики в символ НСДАП	105
РЕУТОВ П.П. Патрик Дж. Бьюкенен как представитель современного американского консерватизма	109
КАШИРИНА Т.В. Проблемы российско-американских отношений в 1992–1996 годах	113
ИСКОРКИНА Е.А. Пропагандистская кампания администрации Дж. Буша в американской прессе при подготовке войны в Ираке 2003 года	117

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГОЛЫШЕВА А.В. Конституционный процесс в республике Татарстан в начале 90-х гг. XX в. (по материалам республиканской периодической печати)	123
ЖИЖИМОВ Э.Е. «Вестерн» – проект глобальной унификации мира	129
КУДРЯВЦЕВ М.М. Провластные молодежные организации и движения как субъекты военно-патриотического воспитания молодежи	135
МАЛОЗЕМОВ С.И. Концептуальные основы реализации аграрной политики России в кризисных условиях	141
МАХМУДОВА С.А. Истоки и функции парламентаризма как института государственной власти	146
НАПАЛКОВА И.Г. Территориальное своеобразие как фактор эволюции политического механизма государственного управления в Российской империи	150
ТРЕТЬЯКОВА С.А. Альтерглобализм: идеологические и теоретико-методологические контуры	154
ТРОФИМОВА И.Н. Социальные проблемы в контексте реформ управления: европейский опыт	158
ФОМЕНКОВ А.А. Русские националисты и распад СССР: к истории вопроса о виновных в крушении Советского Союза	163
ОРЛИНСКАЯ О.М. Современный федерализм и федерации в контексте процессов глобализации и региональной интеграции	166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная научно-практическая конференция “Социально-политические, историко-правовые и экономические проблемы России в условиях современной глобализации”	171
НАШИ АВТОРЫ	172

CONTENTS

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

E. SOBKO. The role of Russia's participation in the war of the Austrian succession as considered in the modern English-speaking historiography	9
A. PROVORNY. Russian nobility's problem in Suvorin's social-political concept	13
P. GRUENBERG. The phenomenon of an early audio record in the history of Russia early in the XX-th century	17
Yu. NIKIFOROV. Soviet defense planning in 1941	24
I. JURTCHEKHO. Cossacks as an historical phenomena and the problem of their ethnical and social identity. Review of the educational theses over the last few years	30

HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

V. GUSYNIN. The collars of sabre's blades from the area of the Zolotaryovskoye settlement of XI – XIII centuries	36
T. BOGDANOVA. Towards the sources of formation and birth status of Russian nobility in the XVIII-th century	39
A. BELOV. Urban population of the Moscow province in the middle of the XIX-th century: an attempt of social stratification	45
Y. BUDKINA. Zemsky establishments and credit cooperative societies of Ryazan province in the late XIX-th – early in the XX-th centuries	50
E. YAKUBSON. Cities guardianship of poor people in capitals and provinces on the boundary XIX-XX centuries	54
A. OSTROUKHOV. The position of Czeches and Slovaks in Russian captivity in the period of the First World war (on the materials of Russian archives)	58

CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

E. YALOZINA. School state policy and the traditionalism of rural community in the first quarter of the twentieth century	64
N. LICHAK. Contradictions in the system of monument reservation in Soviet Russia in the second half of the 1930 th	68
R. UZMUHAMETOV. Domestic "diamond problem": historical aspect	74
I. ERMOLOV. Rural heads as the lowest link in the administrative control system in the occupied territories of RSFSR	78
E. VOLOSOV. The means of punishments used by the Party as a means of influence at the technocratic elite (example of the region of Angara-Enisey, years 1964-1991)	83

HISTORY OF THE ANCIENT, MIDDLE AGES AND NEW TIME

A. SAFRONOV. The participation of the Sea Peoples in the disturbances in Egypt at the end of the XIX – beginning XX Dynasty	88
A. SUKHAREV. To the problem of relationship between so-called "senatus consultum de bacchanalibus" and Livy's account about the persecution of the bacchic rites in Rome	91
S. ARTEMENKO. Social aspects of the quakers activity in the XVII century England	99

CONTEMPORARY HISTORY

I. BRODETSKY. Mechanism of transformation swastika to symbol of NSDAP	105
P. REUTOV. Patrick J. Buchanan as a representative of modern American conservatism	109
T. KASHIRINA. The Problems of the Russian-American relations in 1992-1996	113
E. ISKORKINA. The propagandistic campaign of George Bush's administration in American press during the preparing of the War in Iraq in 2003	117

POLITICAL SCIENCES

A. GOLYSHEVA. The constitutional process in the Republic of Tatarstan in the early 90's. XX V. (materials on the republican periodical press)	123
E. GIGIMOV. «Western» as a project of global unification of the world	129
M. KUDRYAVTSEV. Pro-governmental youth organizations and movements as the subjects of military-patriotic education of youth	135
S. MALOZEMOV. Conceptual bases of realisation of agrarian policy of Russia in crisis conditions	141
S. MAKHMUDOVA. The Origins and the functions of parliamentarism as the institute of the state power	146
I. NAPALKOVA. Territorial originality as the factor of evolution of the political mechanism of the government in the Russian empire	150
S. TRETIAKOVA. Alterglobalism: ideological and theory-methodological contours	154
I. TROFIKOVA. Social problems in the context of administrative reforms: the European experience	158
A. FOMENKOV. Russian nationalists and disintegration of the USSR: to the historical background about guilty of wreck of the Soviet Union	163
O. ORLINSKAYA. Modern federalism and federations in the context of processes of globalisation and region integration	166

SCIENTIFIC LIFE

The international scientifically-practical conference "Sociopolitical, istoriko-legal and economic problems of Russia in the conditions of modern globalization"	171
OUR AUTHORS	172

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 78.09.03

Собко Е.М.

Московский государственный университет
культуры и искусств

РОЛЬ РОССИИ В ВОЙНЕ ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Аннотация. Статья посвящена такому слабоизученному вопросу, как освещение проблем участия России в войне за австрийское наследство в современной зарубежной (англоязычной) историографии. Автор приходит к выводу, что главными вопросами, которые рассматриваются зарубежными историками по данной тематике, являются следующие: внутривнутриполитическая борьба в России, вопрос о внешнеполитической ориентации России в ходе войны, проблемы союзнических отношений России и Австрии, вопрос об участии России в военных действиях. Автор считает, что приведенный зарубежными историками материал не позволяет представить себе целостную картину участия России в войне за австрийское наследство.

Ключевые слова: война за австрийское наследство, внешняя политика России, участие России в войне за австрийское наследство.

E. Sobko

Moscow state university of culture and arts

THE ROLE OF RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE WAR OF THE AUSTRIAN SUCCESSION AS CONSIDERED IN THE MODERN ENGLISH-SPEAKING HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article is devoted to the little investigated problem: different aspects of Russia's participation in the War of the Austrian Succession as considered in foreign (English-speaking) historiography. The author comes to the conclusion that the main problems which are analyzed in foreign historiography are the following: the political struggle in Russia, Russia's international orientation during the War, Russian-Austrian alliance and Russia's participation in the military actions. The author believes that the material

presented by the foreign historians does not allow to imagine the complex picture of the Russia's participation in the war.

Key words: War of the Austrian Succession, Russian foreign policy, Russia's participation in the War of the Austrian Succession.

Изучение истории внешней политики России XVIII в. представляется очень важным, так как в этот период происходило становление России, как одной из ведущих европейских держав, и её роль в международных делах постоянно росла. В связи с этим важно и актуально исследовать механизм этого влияния, обобщить опыт деятельности российской дипломатии. Данные вопросы могут изучаться только при комплексном исследовании положения России на международной арене в целом. Исследования двусторонних отношений с той или иной страной явно недостаточно. Важным поэтому представляется изучить роль России в контексте общеевропейских отношений. Наиболее ярко указанные проблемы проявляются в период обострения международной обстановки в Европе, активизации деятельности разного рода межгосударственных союзов и в годы коалиционных войн, таких, как, например, война за австрийское наследство¹. И в то же время историки уделяли мало внимания роли России в этих общеевропейских конфликтах. Новейшие исследования по данному вопросу отсутствуют, но для их создания необходимо представить уровень разработки проблемы. С этой целью обратимся к вопросу о том, какое отражение получила указанная тематика в современной зарубежной историографии (нами будут проанализированы работы английских и американских историков, однако все выявленные тенденции в целом характерны для работ зарубежных авторов).

* © Собко Е.М.

Длительная и кровопролитная война 40-х годов XVIII в., в которую было втянуто большинство стран Европейского континента, получила в XIX веке название «война за австрийское наследство». В зарубежной историографии она изучена достаточно подробно (этого, кстати, не скажешь об историографии отечественной, в силу чего к статье прилагается краткая историческая справка¹). Что касается участия России в войне за австрийское наследство, то в зарубежной историографии эта тема недостаточно изучена, а порой и вовсе не рассматривается. Тем не менее, в некоторых исследованиях зарубежных историков, изданных во второй половине XX - начале XXI века, участию России в войне за австрийское наследство уделено определенное место. Обратимся к их рассмотрению, сразу сделав оговорку, что ввиду обилия работ по дипломатической и военной истории и очень небольшого «удельного веса» российских сюжетов в них, нашей задачей является не широта охвата литературы, а выявление тех общих тенденций, которые характерны для зарубежной историографии в плане оценки роли России в войне.

Если обобщить те «российские» вопросы, которых касаются исследователи в своих работах, то можно назвать следующие:

1. Внутривнутриполитическая борьба в России, в которой участвовали зарубежные дипломаты, и которая самым непосредственным образом влияла на российский внешнеполитический курс. Это относится, прежде всего, к началу царствования императрицы Елизаветы.

2. Вопрос о внешнеполитической ориентации России в ходе войны, ее колебания, в частности в отношении Саксонии.

3. Вопрос о союзнических отношениях России и Австрии, о русско-австрийском договоре 1746 г., его причинах и значении.

4. Вопрос об участии России в военных действиях (поход войска князя Репнина), влияние России на подписание мирного договора.

Первая из обозначенных проблем отражена в известной работе американского историка Браунинга Рида «Война за австрийское наследство», несколько раз переиздававшейся в 90-е гг. XX в. [3]. Сразу хочется отметить, что в этой объемной и содержательной монографии для России нашлось место только одному параграфу [3, 140-142]. Браунинг Рид демонстрирует хорошую осведомленность в

вопросе о той внутривнутриполитической борьбе по проблемам внешней политики России, которая шла при дворе Елизаветы Петровны. «Поскольку награда за получение Российской помощи обещала быть очень весомой, – подчеркивает автор, – европейские государства принялись неутомимо завоевывать расположение императрицы и ее приближенных» [3, 141]. В этой борьбе принимали участие и искусные в хитросплетениях европейской политики братья Бестужевы, и скандально известный маркиз де ла Шетарди, и преданно служившие интересам своих держав лорд Гиндфорд и барон Мардефельд. Таким образом, автор констатирует, что в 40-х гг. XVIII в. роль России в европейской международной политике была такова, что ведущие державы начали стремиться завоевать ее расположение. По мнению Браунинга Рида, из всех европейских столиц Берлин проявлял наибольшую заинтересованность в вопросах российской внешней политики [3, 141]. Он цитирует следующее высказывание Фридриха II: «Нет ничего в мире, что бы я ни сделал для того, чтобы жить в мире с этой империей» [3, 141].

Интересные сведения о начальном этапе войны приводит в своей работе «Монархия Габсбургов. 1618-1815» Чарльз Инграо. Он пишет, что победы Пруссии показали, что австрийская монархия не может рассчитывать на помощь своих бывших союзников. «Единственным исключением, – продолжает далее автор, – была Россия, предложившая существенную военную поддержку. Однако нападение Швеции, инспирированное Францией в июле 1741 года, привело к тому, что Россия была вынуждена направить свои войска в другом направлении» [5, 153]. Джереми Блэк в монографии «Европейские международные отношения (1648-1815)» обращает внимание на то, что смерть Анны Иоанновны заставила Россию сосредоточиться на внутривнутриполитических делах и меньше уделять внимание внешней политике страны, что, конечно, не могло не радовать прусского короля [2, 160].

У. Дорн, автор работы «Борьба за империю», написанную в русле концепции «баланс сил», называет «старыми союзниками» Россию и Англию, также активно стремившуюся привлечь Россию на свою сторону в преддверии войны [4, 134]. Действительно, на начальном этапе войны за австрийское наследство Россия еще не определилась со своей внешнеполитической ориентацией, чему

способствовали разногласия между разными придворными группировками, которые «лоббировали» интересы различных стран. Однако постепенно в России всё больше склонялись к тому, чтобы принять сторону Англии и Австрии в европейском конфликте. Пока так называемая «Вторая Силезская война» шла неудачно для Фридриха II, Россия не предпринимала активных действий. Однако наступление войск Фридриха II на Саксонию означало усиление Пруссии, что не могло не тревожить Россию (кроме того, саксонский курфюрст был одновременно польским королём, а Российская империя имела свои интересы в Польше). Успехи Фридриха II в Саксонии привели к тому, что в октябре 1745 г. петербургский кабинет принял решение об оказании военной помощи Саксонии, наступательные операции планировались на весну 1746 г. [1, 96-97]. Браунинг Рид, описывая события осени 1745 г., пишет о «поворотах российской внешней политики», которые выразились в том, что Россия сначала пообещала военную помощь Саксонии (а следовательно, и Австрии), а затем взяла свои слова обратно [3, 247].

Обратимся к рассмотрению того, какую оценку получили русско-австрийские отношения изучаемого периода в работах зарубежных авторов. Браунинг Рид анализирует взгляды братьев Бестужевых на внешнеполитический курс России и при этом отмечает, что они оба выступали за сотрудничество с Австрией, что, по его мнению, «являлось аксиомой российской внешней политики» [3, 141]. Английский историк Дэвид Огг, рассматривая расстановку сил на международной арене перед началом войны за австрийское наследство, пишет, что Россия в системе общеевропейских отношений находилась на заднем плане и являлась потенциальным союзником Австрии и противником Пруссии [7, 161]. Анализируя этот же сюжет, Роберт Канн, автор работы «История империи Габсбургов (1526-1918)», считает, что Россию (так же, как и Англию и Голландию) в начале войны нельзя было отнести к числу стран, открыто поддерживавших Австрию, хотя у упомянутых стран и был общий интерес: предотвратить нарушение общего баланса сил в Европе [6, 96]. Таким образом, в данном вопросе позиции историков не совпадают.

Важной вехой в ходе войны за австрийское наследство стало заключение в 1746 г. русско-австрийского оборонительного союза. В своей монографии Браунинг Рид ка-

сается этого вопроса, причем считает, что Россия пошла на его заключение только благодаря усилиям А. Бестужева [3, 271]. Договор был подписан 2 июня 1746 г. в Санкт-Петербурге, и сразу же, по словам Браунинга Рида, получил ироническое название «договор двух императриц». Основной чертой договора, как справедливо отмечает автор, являлась его антипрусская направленность. Подводя итог этому сюжету, Браунинг Рид делает следующее интересное заключение: «Значительная часть договора оставалась секретной. Однако европейские державы знали о нем достаточно, чтобы понять, что два восточных гиганта (имеются в виду Российская империя и Империя Габсбургов – Е.С.) сделали, наконец, одно общее дело. А следовательно, Россия, самая значительная европейская держава, стоявшая на позициях нейтралитета, теперь была на грани того, чтобы стать воюющей страной, причем самой обширной из всех европейских государств» [3, 272]. Роберт Канн также отмечает важность заключения этого договора, подчеркивая, что он был направлен непосредственно против Пруссии, «защищал Габсбургов от их самого грозного военного противника» [6, 99].

Наконец, последний блок проблем, касающихся роли России в войне за австрийское наследство, это события заключительного этапа войны – 1747-1748 гг. Во-первых, это подписание российско-британских конвенций 1747 г. о субсидиях, и, во-вторых, поход войска под руководством князя Репнина.

В ноябре 1747 года между Россией и морскими державами была подписана конвенция, согласно которой российское правительство обязывалось за 300 тысяч фунтов стерлингов в год посылать 30-тысячное войско на помощь Британии и Голландии (по мнению Браунинга Рида, постоянная неспособность Британии победить французскую армию давала России основания полагать, что ее военная помощь должна быть вознаграждена).

Подписание ноябрьской конвенции привело к тому, что в феврале 1748 г. тридцатитысячный российский корпус под командованием князя В.А. Репнина двинулся через Польшу и Богемию к Нидерландам. И вот здесь возникает много вопросов.

Во-первых, о численности этого войска. Браунинг Рид пишет, что императрица Елизавета, чтобы показать значимость своей помощи союзникам, послала военный кор-

пус численностью не 30, а 37 тысяч человек (правда, он не ссылается на источник, откуда взяты эти цифры).

Другая сторона вопроса – корпусу предстояло двигаться через германскую территорию. Браунинг Рид пишет, что Австрия и Британия добились разрешения различных германских государств, чтобы российский корпус беспрепятственно мог продвигаться через германские земли.

И, наконец, самое главное – что представляло собой это войско и какую роль оно сыграло в ходе войны. Браунинг Рид характеризует его как прекрасное, дисциплинированное войско, вызывавшее страх у французов. Последние пытались маскировать этот страх, утверждая, что нет необходимости опасаться армии, которая движется так медленно и вообще отдыхает каждые три дня. Джереми Блэк также отмечает, что Франция была встревожена перспективой появления российских войск на Рейне [3, 165]. Так или иначе, российский корпус не дошёл до театра военных действий, так как Франция поспешила подписать в апреле 1748 г. прелиминарный мир с Англией и Голландией, по условиям которого предусматривался отзыв из Фландрии французских войск, действовавших против англичан, в ответ на недопущение туда российского корпуса.

Подытоживая все эти события, Браунинг Рид пишет, что, наконец, после стольких десятилетий, война в Западной и Центральной Европе ускорила свой путь к миру благодаря появлению российского войска. «Силу этой гигантской восточной страны, показавшей свое превосходство над Швецией, стали теперь ощущать и в Версале, и в Лондоне» [3, 367]. Да, вывод справедливый, но почему «по крохам» приходится выискивать в монографиях материал, его подтверждающий? Поэтому, анализируя работы зарубежных авторов, трудно представить себе целостную картину участия России в войне за австрийское наследство, место, которое занимала Россия в системе европейских отношений. А что же можно сказать по этому поводу, рассматривая работы отечественных историков? Это уже сюжет для другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ В годы правления Елизаветы Петровны произошёл крупнейший европейский конфликт, известный под названием «войны за австрийское наследство» (1740 – 1748). Россия, как и ряд

других европейских стран, выступила гарантом «Прагматической санкции», принятой ещё в 1713 г. и устанавливавшей нераздельность наследственных земель Габсбургов. Однако в 1740 г. после смерти императора Карла VI и принятия его дочерью Марией Терезией титула королевы Венгерской и Богемской прусский король Фридрих II вторгся в Силезию – одну из провинций, принадлежавших Габсбургскому дому. Его расчёты на то, что среди европейских государств найдутся и другие охотники получить «австрийское наследство», полностью оправдались: противниками Австрии выступили Франция, Бавария, Саксония. Развязалась война, длившаяся почти восемь лет. В неё были втянуты большинство стран Европейского континента. «Войну за австрийское наследство» можно подразделить на несколько этапов. Первый этап датируется 1740 – 1742 г. Это Первая Силезская война, закончившаяся в 1742 г. Бреславским миром, по которому почти вся территория Силезии перешла к Пруссии. Бреславский мирный договор не устроил ни одну из воюющих сторон, и война за австрийское наследство стала развиваться по восходящей линии. К 1742 г. к Австрии, вначале в одиночку противостоявшей вчерашним гарантам «Прагматической санкции», присоединилась Англия, Голландия, Саксония и Сардиния. Позиции Марии-Терезии усилились. Однако и Фридриху II в июне 1744 г. удалось заключить новый секретный договор с Францией с рядом взаимных обязательств. Все эти союзы не установили европейского равновесия, и война за австрийское наследство продолжалась. В августе 1744 г. Фридрих II, нарушив Бреславский мирный договор, вторгся в Богемию и занял Прагу. Начался новый этап борьбы за «австрийское наследство», получивший название «Второй Силезской войны» (1744 – 1745). Дрезденский мир между Австрией, Саксонией и Пруссией был подписан в декабре 1745 г. Он подтверждал условия Бреславского мирного договора. Кроме того, Фридрих II обязывался признать императором мужа Марии – Терезии. На втором этапе войны за австрийское наследство усиливается антипрусская направленность внешнеполитического курса России и намечается линия на улучшение русско-австрийских отношений. В дальнейшем указанные тенденции получают своё развитие.

На последнем этапе войны за австрийское наследство (1746 – 1748) Россия и Австрия идут по пути всё большего сближения и подписывают в мае 1746 г. союзный договор. После подписания Дрезденского мира военные действия в Европе не прекратились: мир был подписан между Австрией, Саксонией и Пруссией, но война продолжалась на западе. Здесь боролись Австрия и морские державы (Англия и Голландия) – с одной стороны, Франция и Испания – с другой. В 1746 году интенсивные военные действия велись между австрийскими и французскими войсками в австрийских Нидерландах.

В ноябре 1747 г. между Россией и морскими державами была подписана конвенция, согласно которой российское правительство обязыва-

лось за 300 тысяч фунтов стерлингов ежегодно посылать на Рейн «для службы на Мозеле или в Нидерландах» на 2 года 30-тысячный корпус войск. Подписание ноябрьской субсидиарной конвенции привело к тому, что в январе 1748 г. тридцатитысячное русское войско под командованием князя В.А. Репнина двинулось через Польшу и Богемию к Нидерландам. Российский корпус не дошёл до театра военных действий, так как Франция поспешила подписать в апреле 1748 г. прелиминарный мир с Англией и Голландией, по условиям которого предусматривался отзыв из Фландрии французских войск, действовавших против англичан, в ответ на недопущение туда российского корпуса.

Таким образом, подписание Россией Союзного договора с Австрией в 1746 г. и субсидиарных конвенций – с Англией в 1747 г. повлияло на ход войны за австрийское наследство. Все эти соглашения имели значение для прекращения военных действий в Европе.

Война за австрийское наследство завершилась подписанием в октябре 1748 г. Аахенского мирного договора между всеми воюющими державами. Аахенский конгресс утвердил «Прагматическую Санкцию» и признал мужа Марии-Терезии Франца Лотарингского императором, однако Силезия была признана владением Фридриха II.

И современники, и исследователи проблемы приходят к выводу, что Аахенский мирный договор по целому ряду причин был временным перемирием, не решившим противоречий между европейскими державами. Для Франции война закончилась фактически безрезультатно. Пруссия, получив Силезию, не оставила своих захватнических планов. Кроме того, ей не удалось сломить гегемонию Австрии. Австрия стремилась к реваншу, а Пруссия продолжала претендовать на австрийские владения в Германии. В этих итогах войны за австрийское наследство лежали истоки Семилетней войны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История внешней политики России. XVIII век. М. 1998.
2. Black J. European International Relations. 1648-1815. Palgrave. 2002.
3. Browning Reed. The War of the Austrian Succession. New York, 1994.
4. Dorn W. Competition for Empire. New York – London. 1940.
5. Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy. 1618-1815. New York. Cambridge. 1994.
6. Kann R.A. A History of the Habsburg Empire. 1526-1918. University of California Press. 1977.
7. Ogg D. Europe of the Ancien Regime. 1715-1783. New York – London. 1940.

УДК 930.2(470+571)(081)''18/19''

Проворный А.В.

Московский государственный
областной университет

ДВОРЯНСКИЙ ВОПРОС В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.С. СУВОРИНА*

Аннотация. В статье рассматривается проблема дворянства в публицистике А.С. Суворина – издателя наиболее влиятельной в дооктябрьской России газеты «Новое время», на страницах которой он часто выступал по актуальным вопросам общественной жизни. Представлен краткий обзор литературы об А.С. Суворине, характеризуются его взгляды на проблему обнищания помещного дворянства, расширение земельной собственности буржуазии, рост ее влияния, на задачи дворянства, которому А.С. Суворин отводит ключевую роль в своей концепции развития России.

Ключевые слова: Россия 1876-1912, дворянство, А.С. Суворин, газета «Новое время».

* © Проворный А.В.

A.Provorny,
Moscow State Regional University
RUSSIAN NOBILITY'S PROBLEM IN SU-
VORIN'S SOCIAL-POLITICAL CONCEPT

Abstract. In the article we are looking at issues with nobility presented in Suvorin's work, who was a publisher of one of the most influential pre-revolution Russian newspaper «Novoye Vremya» («The New Time»). Suvorin often expressed his views on social and public life of that time on the newspaper pages. We are exposed to a brief literature overview about Suvorin with an analysis on his opinions about landlords' impoverishment, on the expansion of the bourgeois land ownership and its growing influence as well as nobility's predicaments, to which Suvorin allocates the key role in his concept of Russia's development.

Key words: Russia 1876 – 1912, nobility, A.S. Suvorin, «Novoye Vremya» («The New Time») newspaper.

Фигура А.С. Суворина, редактора и издателя наиболее влиятельной в дооктябрьской России газеты «Новое время», в историографии последних двух десятилетий занимает значительное место. Интерес историков понятен: игравший значительную роль в общественной жизни России на протяжении почти сорока лет (как минимум, с 1876 г., когда он принял на себя редактирование и издание «Нового времени», и вплоть до смерти в 1912 г.), А.С. Суворин в советской науке упоминался нечасто и только как крайний реакционер, монархист, черносотенец и т.п. Именно такими эпитетами сопровождалось имя Суворина там, где его никак нельзя было обойти молчанием (например, в собраниях сочинениях крупнейших русских писателей, с которыми А.С. Суворин состоял в переписке, или в трудах по истории русской литературы, журналистики и книгоиздания).

В советский период изучением деятельности А.С. Суворина занимался узкий круг исследователей, среди которых особо можно выделить Е.А. Динерштейна, чьи труды в 1998 г. увенчала монография «Человек, сделавший карьеру» [2]. Работа представляет собой ряд очерков, написанных на протяжении нескольких десятилетий. Как и название книги, первые по расположению и по времени написания разделы отсылают к заметке Ленина в большевистской «Правде» в связи со смертью А.С. Суворина [6] и следуют содержащимся в ней оценкам. В качестве доказательства «реакционности» А.С. Суворина используется, например, его замечание, что один из номеров «Колокола» показался ему скучным. В последующих главах изложение становится более научно и этически корректным, однако автор не оставляет исходных тезисов о сугубо реакционном характере всей деятельности А.С. Суворина, о его беспринципности в качестве издателя, журналиста и общественного деятеля, о нечистоплотности применявшихся им деловых приемов. Монография Е.А. Динерштейна, содержащая богатый фактический материал и немало верных наблюдений частного характера, в целом страдает тенденциозностью.

В современной литературе представлен другой взгляд на А.С. Суворина, когда

«минусы» заменены на «плюсы». В работах этого направления акцент делается на консервативных, охранительных, националистических сторонах деятельности А.С. Суворина, которые оцениваются в апологетическом духе, как и сама его личность. А.С. Суворин предстает бескорыстным подвижником в сфере народного просвещения, беззаветным радетелем русской национальной идеи, образцом для журналистики на все времена – едва ли не былинного масштаба героем, «телохранителем России» (как назван сборник мемуарных материалов о нем, вышедший в 2001 г. [9]). Такие оценки базируются преимущественно на материалах юбилейных и подобных им публикаций, вышедших в издательстве самого А.С. Суворина, а также высказываниях людей, бывших его непосредственными сотрудниками (например, В.В. Розанова [8]) и находившихся под влиянием его личности, в самом деле незаурядной.

В нашу задачу не входит ни примирение, ни усреднение крайних взглядов в отношении А.С. Суворина. Вынесение каких-либо окончательных оценок и безоговорочных вердиктов по отношению к крупной исторической фигуре далеко не всегда может быть научно корректным. Более продуктивным представляется анализ личности А.С. Суворина сквозь призму его отношения к комплексу общественно-политических и культурных проблем последней четверти XIX – начала XX в., который условно можно назвать дворянским вопросом. Ряд монографий, связанных с данной тематикой, как последних лет [1, 6], так и более ранних [5, 8], в том числе зарубежных авторов [11, 10], подробно характеризуют социально-политическое положение русского дворянства в этот период. Однако задача данных исследований несколько иная, – мы хотели бы предложить взглянуть на дворянский вопрос, так сказать, изнутри времени, глазами А.С. Суворина, для которого тема дворянства была предметом не только общественно-политической, но по преимуществу нравственной рефлексии.

Не будучи представителем родовитого дворянства, А.С. Суворин видел в сословной иерархии русского общества одну из важнейших черт, составляющих как национальное своеобразие жизни, так и залог успешного развития страны. Его беспокоила постепенная утрата дворянством лидирующей роли в экономике, политике, культуре.

Начиная с 1889 г., А.С. Суворин помещал в «Новом времени» свои «Маленькие письма» – небольшого объема заметки, очерки, фельетоны, посвященные тому, что в данный момент занимало его самого и к чему он хотел привлечь внимание читателей своей газеты. Едва ли тема дворянства главенствовала в «Маленьких письмах» и в целом в публицистике «Нового времени», но она почти постоянно присутствовала, что совершенно естественно, так как в сословном обществе России любой значимый вопрос так или иначе затрагивал дворянство.

Экономический упадок (а проще говоря – обнищание и разорение) русского дворянства, последовавшие за реформой 1861 г., – общеизвестный факт, обусловленный прежде всего объективными закономерностями экономического развития общества. «Виновата история», – писал А.С. Суворин в «Новом времени» [7, № 6932, 1895, 18 (30) июня]. Он видел здесь два аспекта. С одной стороны, потеря главного источника благосостояния – дарового труда крепостных – не могла не нанести экономического ущерба помещичьим хозяйствам. С другой стороны, оставаясь владельцами обширных сельскохозяйственных угодий, обладая различного рода административными и материальными ресурсами, определенным авторитетом в крестьянской среде, преимуществами образованности и общей культуры, поддерживаемые многими правительственными мерами, – дворяне, казалось, могли бы наладить хозяйство на своей земле на новой экономической основе и повести за собой крестьянство. Но воспользоваться этой возможностью в массе своей дворянство не смогло.

В «Маленьком письме», опубликованном в ноябре 1889 г., А.С. Суворин приходил к выводу, что, хотя в России имеется ряд успешных помещичьих хозяйств, в целом «дворянство не приучило крестьян к улучшенному хозяйству, потому что само не обладало хорошим навыком». Даже в современной ему литературе А.С. Суворин находит единственный положительный пример – Левина из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». «Наша художественная литература правдивая, и если она дала нам так мало о дворянине – сельском хозяине, то потому, что этот тип является и в жизни как редкое явление, и, вероятно, еще до сих пор не сформировался вполне», – заметил он [7, № 4924, 1889, 12(24) ноября].

Вопросам культуры и эффективности

дворянского сельского хозяйства, профессионализма помещиков в качестве аграриев А.С. Суворин и позднее уделял немало внимания. Что же касается других экономических аспектов функционирования помещичьего хозяйства, то важнейшую роль А.С. Суворин отдавал «конкуренции» дворян с «разночинцами», понимая под этим термином набирающую силу буржуазию.

А.С. Суворин писал: «Разночинец невежественный, алчный, разночинец кулак и пройдоха... вступил в конкуренцию с дворянством и, может быть, навредил ему больше всего и безжалостнее всех: со смелостью первобытного человека он протискивался со своей мощной, сначала в передние и людские, а потом и в кабинеты, и обчищал все». Даже «разночинцы честного труда, люди науки и искусства», отмечал А.С. Суворин, изменили привычный облик сословной России: «Они составляли конкуренцию дворянству на всех тех поприщах, где прежде дворянство первенствовало, не исключая и поприща государственного человека, министра». Однако этому способствовали и сами дворяне, многие из которых «демократизировались с таким великодушием или легкомыслием, что позволяли на себе поехать верхом. <...> Дворянство терялось и терялось...» [7, № 4917, 1889, 5(17) ноября]. Данная А.С. Сувориным оценка тем более интересна, что и сам он – такой же «разночинец», удачливый предприниматель, играющий, благодаря влиянию «Нового времени», неформальную роль «государственного человека». Однако утрата дворянством прежнего влияния А.С. Суворина тревожит.

В особенности эта тревога касается проблем, с которыми пришлось столкнуться помещному дворянству. «Они [помещики – А.П.] приняли на себя все последствия освобождения, все случайности внутренней политики... Их встретила иная, более сложная, более ответственная и тяжелая жизнь, где необходимы были и опыт, и знания, и расчеты, – вся та трудная задача вести сельское хозяйство, которую из книг не вычитаешь, да и книг-то таких нет. И это в бедной стране, среди бедных жителей, среди работников, даже питающихся впроголодь, среди круглого невежества, без школ, без промышленности, без дешевых орудий». Подтверждая этот тезис, А.С. Суворин приводил красноречивые цифры. К 19 февраля 1861 г. из 11 миллионов крепостных душ 7 миллионов было в залоге. В 1875 г. было

заложено 11 тысяч имений, а к моменту написания статьи (1895 г.), «говорят, свыше сорока тысяч имений заложено...Заложено, вероятно, больше трети дворянской земли» [7, № 6932, 1895, 18(30) июня].

Тремя годами позже, в 1898 г., А.С. Суворин передавал свои впечатления от поездки в Тульскую губернию. «На пространстве десятков верст все скуплено купцами... Помещики жалуются на рабочих, на их неисправность, на нарушение ими условий и т. д. [...], ясны какие-то полувраждебные, полуиронические отношения крестьянина к помещику, а помещика – к финансовому чиновнику». В то же время «купец умеет ужиться и с финансовым чиновником, и с крестьянином... Сам помещик находится во власти купца, который покупает у него хлеб и ставит ему цены, имея торговые сношения и приказчиков, чего у помещиков нет». На этот раз всегдашний оптимист А.С. Суворин заканчивал свой очерк в минорном ключе. «Мне жаль помещиков. И сам я – не помещик, и в моем роде никогда не было помещиков, но мне жаль, что они уходят... Вместо дворянства являются помещики из других сословий и очень аккуратно берут крестьян в свою крепость... Беднеют помещики, беднеет и крестьянство» [7, № 8084, 1898, 30 августа (11 сентября)].

Сочувствуя дворянству и настороженно относясь к «разночинцам», А.С. Суворин отдавал себе отчет в том, что перемены, при всех их негативных сторонах, необходимы России, и выступал последовательным сторонником буржуазно-демократического пути развития. «Я любил и люблю реформы шестидесятых годов, – признавался он в своей газете, – и 19 февраля, и земские учреждения, и новый суд, и апрельские законы...» [7, № 9938, 1903, 3(16) ноября]. На страницах «Нового времени» А.С. Суворину то и дело приходилось отражать нападки правой прессы (и прежде всего «Гражданина» во главе с князем В.П. Мещерским), защищая не только земские учреждения или права еще не оформившегося свободного крестьянства, но и личную свободу крестьян, с которой не могли смириться реакционные круги дворянства.

«Он [князь Мещерский – А.П.] говорит, что рабства у нас не было: “не было ни рабов, ни плантаторов, ни дарового труда”, что все это только веяния “той эпохи, которая именно тем и согрешила против исторической правды и, как потом оказалось, против госу-

дарственных интересов России, что освобождение крестьян от крепостной зависимости признала освобождением рабов от каких-то плантаторов”. Все это сочинили в Петербурге “интеллигенты-либералы для того, чтоб иметь право плевать на дворянство”» [7, № 5988, 1892, 28 октября (10 ноября)].

Для сторонников контрреформ («реформаторов», как он их называл) А.С. Суворин не жалеет сарказма и презрения. Крепостное право для него совершенно неприемлемо ни с экономической точки зрения, ни этически. Он уверен, что в массе своей русское дворянство согласно с ним: «Что касается желания князя Мещерского восстановить якобы “родительскую власть” [помещика над крестьянином – А.П.], то я готов прозакладывать все, что имею, готов прозакладывать жизнь, что, если дворянство об этом поговорит, оно откажется от этого права, оно произнесет свое решение огромным большинством, и не по чувству, не по гуманности только, не по стыду перед историей и миром, а по разуму, по холодному рассудку, который скажет ему, что это невозможно и губительно» [7, № 5988, 1892, 28 октября (10 ноября)].

А.С. Суворин (во всяком случае, до 1905 г.) твердо стоял на либерально-государственных позициях, не принимая как реакционно-пассеистских идей возвращения к «дофевральским» (1861 г.) порядкам, так и крайнего западничества, особенно левого толка. Он стремился – быть может, наивно – к сохранению социального мира, залогом чего ему виделось дворянство: «Русское дворянство – народное дворянство, от корней и ветвей русского народа и заслуживает полного к себе доверия» [7, № 9044, 1901, 4(17) мая].

Российское «прогрессивное» общественное мнение времен А.С. Суворина, недовольное существовавшим порядком (зачастую не отдавая себе отчета в природе и причинах своего недовольства), практически не имея возможности легально выразить свое недовольство, сочувствовало любым радикальным проявлениям – от неразумных, но смелых публичных выступлений до политических убийств. В этих условиях А.С. Суворин, не имевший ни желания, ни возможности солидаризироваться с левыми силами, оказался записан в лагерь реакционеров.

Свои идейные принципы А.С. Суворин сформулировал вполне определенно. Он решительно против тех, кто только отрицает,

«консерваторы они или революционеры, желают ли они похерить реформы, или всю русскую жизнь с ее русскими началами... Я верю в русский ум даже в весенние разливы, даже в буйную весну, и я не был бы русским, если б осмелился думать, что вся премудрость заключается в слове “похерить”» [7, № 9938, 1903, 3(16) ноября]. Однако в своего рода коллективном портрете русского дворянства, от князя Мещерского до князя Кропоткина, писавшемся в течение многих лет на страницах «Нового времени», чаще отражены черты именно того «весеннего разлива», что стал катастрофическим паводком, именно той «буйной весны», что неудержимым селевым потоком «похерила» едва ли не «всю русскую жизнь с ее русскими началами».

А.С. Суворин видел опасность надвигающегося социального взрыва и полагал, что благополучие России связано с монархией, постепенно отходящей от принципов абсолютизма и сословности. Элитой общества, его ведущей силой еще долгое время должно оставаться преимущественно дворянство как наиболее образованный и культурный общественный слой, имеющий богатые традиции государственного служения, готовый «жертвовать своими интересами в пользу государства» [7, № 6860, 1895, 6(18) апреля] и, что немаловажно, открытый для всех, кто в силу своих личных качеств готов разделить с этим сословием бремя лежащих на нем социальных задач. «В моем понимании дворянство – ручей, становящийся с разви-

тием просвещения рекою и морем» [7, № 7154, 1896, 28 января (9 февраля)], – в этой фразе концентрированно выражено одно из основных положений социально-политической концепции А.С. Суворина, представленной как в собственном его творчестве, так и в целом в публицистике «Нового времени».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: Экономический статус и социокультурный облик. М., 2008.
2. Динерштейн Е.А. А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998.
3. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010.
4. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.
5. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.
6. Ленин В.И. Карьера // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 43-44 («Правда», № 94, 18 августа 1912 г.).
7. «Новое время» 1889, 1892, 1896, 1898, 1901, 1903 гг.
8. Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. М., 1992.
9. Телохранитель России. А.С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001.
10. Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb, IL., 1985. Русский перевод: Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.
11. Hamburg, G.M. Politics of the Russian nobility, 1881-1905. New Brunswick, N.J., 1984.

УДК 94(970) «19/20»

Грюнберг П.Н.

Московский государственный
областной университет

ФЕНОМЕН РАННЕЙ ГРАМЗАПИСИ В ИСТОРИИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА*

Аннотация. Феномен ранней грамзаписи в контексте общей истории начала XX века еще не изучен. Роль ранней грамзаписи, создавшей широкий тематический спектр фонограмм – от образцов высокого искусства до записей политических деятелей и учебных аудиопособий – в изменении жизни об-

щества весьма значительна. Она является своего рода зеркалом, отразившим жизнь и интересы людей вне политических приоритетов, является бесценным источником в аспекте истории повседневности. Невозможно переоценить и культурно-историческое значение ранней грамзаписи, о чем свидетельствует множество исторических имен в

* © Грюнберг П.Н.

различных сферах искусства. Наконец, ранняя аудиоиндустрия и рынок аудиопродукции, создали первичное информационное пространство и положили начало информационному обществу. России и русской грамзаписи принадлежит своеобразная и решающая роль в создании этого исторического феномена. Изучение истории компании «Граммофон» и ее продукции, как основного источника, позволяют проследить все становление мировой аудиоиндустрии и аудиорынка и формирование на их основе первичного информационного пространства.

Ключевые слова: история звукозаписи, ранняя аудиоиндустрия, история России начала XX века, история повседневности, история культуры и искусства, военная история, информационное общество.

P. Gruenberg

Moscow State Regional University

THE PHENOMENON OF AN EARLY AUDIO RECORD IN THE HISTORY OF RUSSIA EARLY IN THE XX-TH CENTURY

Abstract. The phenomenon of an early sound recording in the context of the general history of the beginning of the XX-th century has not been studied yet. The role of an early sound recording, created a wide thematic spectrum of soundtracks – from samples of high art before records of politicians and educational audiogrants – in change of the life of a society is rather considerable. It is some kind of the mirror which has reflected the life and the interests of people out of political priorities, is an invaluable source in aspect of history of daily occurrence. It is impossible to overestimate and cultural-historical value of an early audio record to what the set of historical names in various spheres of art testifies. At last, the early audioindustry and audioproduction market have created a primary information field and have begun an information society. In the creation of this historical phenomenon the decisive role belongs to Russia and Russian early recordings. The study of the history of Gramophone Company and its production as the basic source, allows to follow the formation of the world audioindustry and the audiomarket and the formation on their basis of a primary information field.

Key words: sound recording history, the early audioindustry, the history of Russia early in XX-th century, daily occurrence history, cultural history and arts, military history, information society.

Современное общество существует в условиях избыточного использования производимой в немыслимых объемах аудиопродукции, а истоки аудиоиндустрии еще недавно совсем не были изучены и осмыслены. Вот некоторые основные причины неизученности ранней грамзаписи. Первая – невероятно быстрые темпы технического прогресса и развития звукозаписи и аудиоиндустрии, при которых быстро забывалось все, что формально устаревало.

Вторая причина: вся эволюция звукозаписи и ее индустрии приходится на XX в., век глобальных катаклизмов – мировые войны, революции, революционные изменения в общественной жизни, в социальной сфере, в экономике. Наука еще только в начале основательного изучения исторических процессов, происходивших в XX в. Оставшаяся на периферии научного интереса, ранняя грамзапись вполне закономерно долгое время не удостоивалась внимания историков.

Третья, немаловажная причина заключается в своеобразии историографической ситуации, в которой оказалась ранняя звукозапись. С «легкой руки» нескольких зарубежных исследователей [20] история звукозаписи оказалась отданной историкам науки и техники, т. е. в узкоспециализированную научную сферу, а что не укладывалось в прокрустово ложе истории техники, отошло в удел прикладной дискографии, обслуживающей интересы частных коллекций, аудиофондов и немногих современных аудиопроизводств, репродуцирующих ценные старые фонограммы. Этот искусственно суженный «остаток» и есть основное, что обуславливает историческое содержание и историческую ценность ранней звукозаписи и аудиоиндустрии. Это – ее продукция и ее фонограммы на граммофонных пластинках, фонографных цилиндрах и дисках, перфолентах, которые, несмотря на значительные утраты, живы и интересны по сей день. Невозможно запретить раннюю аудиозапись и в узкой сфере «материальной культуры» своей эпохи, вместе с самоварами, умывальниками, швейными машинками «Зингер» и т. п., ибо это неуместно (и неуважительно) по отношению к тем многочисленным историческим именам, чьи фонограммы актуальны по сей день и чьи имена на аудионосителях обусловили исторический феномен ранней аудиозаписи.

К столетию звукозаписи в 1977 г. в СССР существовала все лишь одна имеющая на-

учное значение работа по истории ранней звукозаписи [14, 676-706] Еще несколько работ за 1960-1970-е гг. могли претендовать на условный статус «научно-популярных». В это время появилась небольшая, но емкая и значительная статья В.Л. Янина «Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения» [17, 27-37], которая ввела раннюю грамзапись в сферу современной ей всеобщей истории, сделала ее объектом последующего исторического исследования во взаимосвязи с исследованием источниковедческим. В.Л. Янин определил и значение старых звуконосителей как нового вида исторических источников, обосновал базирование исследования исторического феномена ранней аудиозаписи на комплексной источниковой основе. Последовавшие исследования стали развитием изложенного В.Л. Яниным принципиально нового подхода к выявленной проблеме как специальной, так и общей истории [2].

На основе исторических и источниковедческих исследований последних лет можно изложить общее представление об историческом феномене ранней грамзаписи и ее роли в истории России начала XX в.

Принцип «обратимости звука» (т.е. запись звука и его воспроизведение) был изложен французским поэтом (!) и изобретателем Шарлем Кро в начале 1877 г. без практической реализации. В конце того же 1877 г. в США архизнаменитый Т.А. Эдисон достиг в своих опытах положительного результата. Звуковые колебания записывались им по спирали при движении иглы рекордера в вертикальной плоскости – (так называемый «шрифт Эдисона») на цилиндрическую поверхность. Десятилетием позже в США инженер Эмиль Берлинер реализовал идею Ш. Кро, предлагавшего запись звуковых колебаний в горизонтальной плоскости на дисковую поверхность («шрифт Берлинера»). Аппарат Эдисона для записи и воспроизведения звука был назван «фонограф». Аппарат Берлинера – только для воспроизведения – получил название «граммофон». К середине 1890-х гг. после усовершенствования граммофона Эдмундом Джонсоном и совершенствования технологии записи дисков и их прессовки компания Эмиля Берлинера стала быстро опережать в коммерческих результатах фонографные производства, работавшие по лицензии Эдисона и тиражировавшие фонографные цилиндры (или фоновалики) методом пантографии (од-

новременная перепись с одного на несколько цилиндров). И «граммофонщики», и «фонографщики» производили сравнительно небольшие тиражи «массовой» продукции, не требовавшей больших затрат при гарантированном спросе. Частные фонографные коллекции уже тогда располагали уникальными, поистине историческими записями. Зачаточная аудиопромышленность, казалось, не имела значительных перспектив, но она пришла в Европу, где знаменитая компания Pathe Frere («Братья Пате») наряду с кинопродукцией стала налаживать фонографное аудиопроизводство по лицензии от Эдисона.

Начало грамзаписи и грампромышленности в Европе было положено в мае 1898 г., когда в Лондоне была основана дочерняя компания одноименной американской «The Berliner's Gramophone Company». В августе 1898 г. вступила в действие первая в Европе студия грамзаписи. С октября 1898 и до апреля 1899 г. записи производились только в этой лондонской студии. Здесь в марте 1899 г. заезжими из Петербурга заурядными артистами были записаны первые русские грампластинки. Вскоре начались выездные сессии в городах континентальной Европы. Первым городом, куда прибыли в апреле 1899 г. инженеры лондонской студии Ф. Гайсберг и У.С. Дарби, был Санкт-Петербург. Затем последовало основание филиалов лондонской «Berliner's Gramophone Company» в ряде европейских стран, а также отделений этих филиалов. В 1901 г. компания была переименована в «The Gramophone and Typewriter», а в 1907 г. – в «The Gramophone Company». В России уже с начала века компанию именовали просто: компания «Граммфон»¹.

Граммфонная пластинка неожиданно получила в Европе быстрый и шумный успех. «Граммфонщики» обратились к записи занимавших видное положение артистов. Именно громкие, знаменитые и популярные артистические имена стали лучшей рекламой всей грамзаписи, даже ее низовому ярусу, дешевой продукции. Первой пробой стала апрельская сессия 1899 г. в Петербурге. Деятели компании «Граммфон» оказались значительно дальновиднее своих конкурентов. Компания «Братья Пате» стала в сфере репертуарной политики подражателем компании «Граммфон», а вскоре перешла на производство дисковых носителей, сохранив «шрифт Эдисона».

С компанией «Граммофон» связано создание всех основных технических и производственных параметров граммофонной пластинки, многие из которых существовали до окончания массового производства виниловых грампластинок в 1990-х гг. Это формат диска, размещение на нем фонограммы, форма этикетки, принцип формирования этикеточных данных, а также основные принципы технологии записи и тиражирования грампластинок. Компания «Граммофон» определила и общие принципы формирования реестров фонограмм, составляющих торговый каталог, по различным направлениям многообразного профессионального музыкального, театрального искусства и прикладных жанров – записи учебные, детские, юбилейные (к юбилеям больших исторических событий), военные, этнографические. Позднее, на рубеже 1920–30-х гг. компания «Граммофон» стала основным ядром международного концерна ЕМІ («Электромузыкальная индустрия»), который и сейчас сохраняет одно из ведущих мест в мировой аудиоиндустрии. Компания «Граммофон» была не только первым по времени, но и основным производителем и распространителем граммофонных пластинок в России до 1918 г. Структура производства грампластинок и основные признаки продукции компании «Граммофон» во многом характерны для всей старой грамзаписи. Поэтому продукция и других аудиопроизводств, возникших после утраты компанией «Граммофон» патентного приоритета в 1903 г., может быть рассмотрена по аналогии, в сопоставлении ее основных признаков с подобными признаками современных им дисков компании «Граммофон»¹.

В России раньше, чем в других странах, была сделана ставка на самых выдающихся артистов, что стало основой «репертуарной политики» во всех филиалах компании, позднее и у всех ее конкурентов. Уже в апреле 1899 г. были записаны несколько солистов Петербургской императорской оперы, лучшие военные оркестры, даже знаменитый балалаечник В.В. Андреев. В 1901 г. были записаны «суперзвезды»: Л.В. Собинов, супруги Н.Н. и М.И. Фигнеры (участники премьеры оперы «Пиковая дама» П.И. Чайковского), великая исполнительница «цыганского» романса А.Д. Вьяльцева, молодой, но уже ошеломляюще знаменитый Ф.И. Шаляпин. Было окончательно сломлено предубеждение, сомнение в значитель-

ности граммофонной пластинки, и с 1902 г. «элитарные записи» возглавили торговые списки всех филиалов компании «Граммофон», а также союзной ей американской компании «Victor» Эл. Джонсона и Э. Берлинера.

Появившиеся на пластинках компании «Граммофон» в 1901 г. первые бумажные этикетки (сначала была тисненая этикетка, клишированная непосредственно на «зеркале»² диска) были исключительно черного цвета. В конце 1901 г., когда в России впервые была записана группа артистов экстра-класса, то для их пластинок была назначена особая цена: формат «миньон» (17,5 см. в диаметре) – 2 руб. 50 коп., «гранд» (25 см.) – 5 руб. (вместо 1 руб. 50 коп. и 3 руб. соответственно). По предложению одного из главных петербургских контрагентов компании, инициатора «элитарных» записей с апреля 1899 г., профессора Е.П. Раппофа³, для этих пластинок была принята этикетка красного цвета, как индикатор высшей ценности пластинки. «Красная этикетка» («Red Seal») была заимствована всеми филиалами компании «Граммофон», а вскоре и компанией «Виктор» в США; она существует в разных вариантах и поныне, в эпоху компакт-дисков на продукции Victor'a.

Вскоре центральный английский офис компании выпустил отдельный каталог «красной этикетки», т. е. исключительно пластинок знаменитых артистов (раздел «экстра»), записанных всеми филиалами компании (сентябрь 1902 г.). Таким образом, в 1902 г. сформировались два разряда пластинок: «обыкновенные» (черные этикетки) и «экстра» (красные этикетки). В конце 1903 г. к ним присоединилась марка «Зонофон» с этикеткой зеленого цвета для дешевой продукции. В 1907 г. вводится новый цвет этикеток – оранжевый – исключительно для новых пластинок Ф.И. Шаляпина в России, и для пластинок «короля баритонов» М. Баттистини в Италии. Для этикеток пластинок великой оперной певицы Аделины Патти еще раньше был избран розовый цвет, ставший затем основным в разделе «экстра». Росло число развлекательных, «массовых» записей, но акцент был перенесен на записи «академических» музыкальных жанров, элитарной эстрады, на записи видных литераторов, политиков и др. Стал формироваться бесценный в историческом и историко-культурном отношении арсенал ранней грамзаписи.

	Компания «Граммофон»	Дочерняя марка «Зонофон»
Английская	0000	40000
Восточная	10000	100000
Русская	20000	60000
Французская	30000	80000
Немецкая	40000	20000
Итальянская	50000	90000
Испанская	60000	50000
Венгрия и Чехия	70000	100000 (общая с восточной)
Скандинавская	80000	70000
Голландская	90000	30000 (для «Зонофон» группа 10000 не использовалась)

Сложилась единая, ставшая классической, система нумерации продукции компании «Граммофон» и присоединенной в 1903 г. дочерней компании «Зонофон» с цифровым индексом территориальной (или языковой) группы в каждом филиале компании (см. табл.).

Массы граммофонной продукции группировались в каталогах по этим признакам. Между информационными «доменами», образованными филиалами компании, установился обмен самими известными, «транснациональными» позициями каталогов. В России, кроме «русского» репертуара, распространялись пластинки, отпрессованные с иных матриц – с фонограммами, записанными компанией в других европейских странах, а также записанных в США компанией «Victor». Главный договор союзных компаний был заключен в 1902 г.: «Victor» получил право использовать «красный этикет», и, главное, установился обмен копиями матриц. В США в марте 1903 г. весь выпуск «Red Seal» состоял из пластинок, отпечатанных с матриц, полученных от компании «Граммофон». В их число входили и русские записи [27]. С 1904 г., когда Victor наладил в США записи «своих» знаменитостей, копии американских матриц начали поступать на заводы в Ганновере, Риге, позднее в Хейсе и др. Поступавшие из Америки записи получали каталожные номера согласно правилам каталожной системы компании «Граммофон».

В транснациональной системе накопления и использования аудиопродукции уже на раннем этапе можно усмотреть принци-

пиальное сходство, параллель, аналогию с современными информационными системами, включая «паутину» Internet. К 1904 г. пространство, охваченное рынком продукции европейской компании «Граммофон» и американской «Виктор», приобрело уже масштаб, позволяющий оценивать его как единое мировое пространство. Компания «Виктор», кроме США, действовала в Японии и Латинской Америке, а компания «Граммофон», кроме Европы, – в Африке, Индии и Австралии. После утраты патентного приоритета у «Граммофона» и «Виктора» начали появляться все новые конкуренты – новые производства. Первое из них – бывший соперник и конкурент Эмиля Берлинера и его союзников – компания «Columbia». Она начала разворачивать свою деятельность за пределами США с 1902-1903 гг. после договора с компанией Э. Джонсона «Victor Talking Machine Company», по которому «Columbia Phonograph Company» могла использовать патенты Э. Берлинера.

В России «Columbia» записала две номерные серии пластинок [9, 78–80].

Первая была начата в 1903 г. (было записано почти 500 номеров) и продолжена в 1906 г., но не была закончена. Вторая номерная серия соответствует 1907 г.:

35000–35489	(1903 г.)
35...–35680	(1906 г.)
36001–36820	(1907 г.)

В других европейских странах «Коламбия» приступила к записям в том же 1903 г. и до 1907 г. вела их в следующих сериях каталожных номеров:

Италия	10 000	
Англия	25 000	
Франция	50 000	(предшествовали непродолжительные четырехзначные серии 3000 и 3100)
	51 000	(начата по окончании серии 50000)
Испания	22 000	(ранние испанские записи входили во французскую серию 50000)
Германия	40 000	(до 1904 г. эта серия включала Австрию)
Австрия	12 000	(начата в 1904 г.)

В Европе новые производства подражали компании «Граммофон» в создании «национальных» разделов в своей продукции. Система производства и реализации продукции, созданная на «граммофононской» основе, стала системой первичного единого информационного пространства. Об этом можно говорить с уверенностью, ибо если технические средства ранней грамзаписи ныне рассматриваются как информационные технологии, то, в русле подобных представлений и при уже принятой терминологии, имеются все основания считать единое пространство распространения, применения и использования ранних звукозаписей (преимущественно граммофонного типа) как первичное информационное пространство. Это пространство охватило все цивилизованное человечество. Некая фонограмма, записанная на дисковый носитель в пункте X, датируемая временем Y, могла быть востребована и воспроизведена индивидуальным, коллективным или корпоративным пользователем в любой иной точке этого пространства в любое иное время. С 1904 по 1914 гг., т.е. уже к началу Первой мировой войны, все человечество уже жило в новых условиях, это был первый этап, первый шаг к информационному обществу.

Спрос на граммофонную продукцию в России к 1912-1913 гг. составлял 24 млн. экземпляров граммофонных пластинок и 500 тыс. граммофонов в год. Две трети прессовались в России, остальные – импорт готовой продукции из европейских стран и из США. Количество наименований только русских записей компании «Граммофон» превышает 22 тыс. Общая численность наименований всей ранней аудиопродукции назвать сложно, безусловно, она выражается трехзначной цифрой (для России и русского рынка известно не менее 150 тыс. титулов). Объемы про-

изводства и реализации аудиопродукции в России говорят о том, что граммофонная пластинка легко и быстро вошла в жизнь и быт, была востребована во всех слоях общества.

Содержание каталога только русского отделения компании «Граммофон»⁴, начиная с раздела «экстра», весьма показательно, ибо это торговое предложение было ориентировано на устоявшийся спрос, следовательно, отражает культурный уровень общества того времени и запросы различных его слоев. В каталоге представлены имена выдающихся русских и зарубежных артистов, практически вся артистическая элита Европы и Америки. Но основная масса музыкальных записей – десятки и сотни имен музыкантов всех специальностей (опера, оперетта, эстрада, инструменталисты, оркестры и пр.) – была представлена в основном разделе пластинок с черной этикеткой. Все тематические разделы русского каталога компании богаты историческими записями. Бесценны фонограммы, представленные в разделе речевых записей. Это фонограммы литераторов: Л.Н. Толстой, И.А. Бунин, Л. Андреев, В.В. Вересаев, В. Брюсов, Н. Телешов, А.И. Куприн и мн. др.; корифеев драматических театров: М. Ермолова, А. Яблочкина, А. Южин-Сумбатов, Г. Федотова, Н. Ходотов и др.

Особенно популярны были первоклассные образцы «цыганского» пения, созданного знаменитыми исполнителями романсов и песен (А.Д. Вальцева, А.Д. Давыдов, Варя Панина и Н.В. Плевицкая и мн. др.). Конечно, наряду с фонограммами эстетической и историко-культурной ценности выпускались и граммофонный «ширпотреб», тем не менее, весьма характерный для своего времени.

Особое место занимают записи с сюжетами военного быта, военные сигналы, ученья, имитациями походных и боевых ситуаций, военные церемониалы. Отражены столетний юбилей Отечественной войны 1812 г. и юбилей правившей династии – трехсотлетие Дома Романовых. Записи политических деятелей мало занимали администрацию компании, поскольку спрос на них был невелик. Беден «политическими» записями и русский каталог, но эта бедность компенсируется значительностью имен: председатель I-й Государственной думы С.А. Муромцев и лидер партии «кадетов» П.Н. Миллюков, одна из записей которого особенно интересна, ибо

посвящена полемике с авторами знаменитого сборника «Вехи». Были созданы некоторые небезыңтересные характерные записи. Так, записи сибирских каторжников являются не только отражением своеобразного фольклора, но и свидетельством популярности и интереса к его создателям. Не менее интересны и записи старообрядцев. Первые учебные и образовательные и специальные детские записи, наконец, первые записи голосов природы (птицы) свидетельствуют о необычайно широком спектре интересов и той роли, которую занимала грамзапись в жизни людей начала XX в.

Ранняя грамзапись является своеобразным отражением жизни русского общества вне политических и иных приоритетов с позиций истории повседневности. На основе наблюдений в сфере ранней грамзаписи можно констатировать, что при всей контрастности положения классов и социальных противоречиях, русское общество было, в целом, на том же уровне культурных запросов, что и общество еще шести крупнейших и ведущих стран того времени – Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии и США. Даже культура народных слоев, куда еще не пришла грамотность, была отражена в ранней русской грамзаписи в превосходных образцах фольклорного творчества («Концерты М.Е. Пятницкого с крестьянами», Москва, начало 1914 г.). Утвердившееся в XX столетии представление о предреволюционной России как о всецело «отсталой» и малокультурной стране не подтверждается свидетельствами ранней аудиозаписи.

Велико культурно-историческое значение ранней грамзаписи. Множество старых фонограмм имеет непреходящее значение для российской и мировой культуры.

Благодаря ранней грамзаписи современное ей общество перешло к существованию в новых условиях, когда «законсервированная» временная информация стала доступна позднему востребованию в пределах системы, образованной аудиоиндустрией и рынком аудиопродукции, что стало принципиальным прообразом современных информационных систем. Ранняя грамзапись обусловила возникновение первичного информационного пространства и зачатки информационного общества.

Так, сто лет назад возникла система сохранения, распространения и обмена информацией, необходимой для полнокровной культурной жизни всего мирового сообщест-

ва. Роль России и ранней русской грамзаписи в этом объединении – своеобразная, значительная и решающая. Значение феномена ранней грамзаписи обуславливает его место в контексте общей истории начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Две работы, заложившие основы нормативного источниковедения ранней грамзаписи: Перкинс Дж.Ф., Келли Э., Уорд Дж. Система матричной нумерации пластинок компании «Граммофон» в 1898–1921 гг. Перевод В.В. Тирдатов. Рукопись // Оригинал: The Record Collector 1976. Vol. XXIII. P. 51-90; Янин В.Л. Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения // Археографический сборник за 1977 год. М.: Наука., 1978. С. 27–37.
- ² «Зеркало» - пространство между бумажной этикеткой и фонограммой или между центральным отверстием и фонограммой, как у ранних грампластинок.
- ³ Раппоф Е.П. (1859-1919) - ученик знаменитого пианиста Т. Лешетицкого. профессор Высших курсов фортепианной игры, Высших курсов музыки и пения и Высших драматических курсов в СПб с 1882 по 1919 гг.
- ⁴ Имеются в виду торговые каталоги компании «Граммофон» за 1907-1916 гг., из которых отметим: «Пишущий Амур». Издания Общества «Граммофон» с огр. отв. (так! – Г.П.) Полный каталог пластинок, выпущенных в продажу включительно по март 1914 г. Каталог № 16 G; Полный каталог двухсторонних пластинок Зонофон. Октябрь 1911. Каталог № 12 Z. Каталоги ранних аудиопроизводств и специализированная периодика начала XX в. являются довольно обширной группой невостребованных прежде источников, которые наряду с самими ранними звуконосителями являются основой источниковой базы настоящей работы: Полный каталог пьес первого в России специального склада усовершенствованных граммофонов Торгового дома оптика и механика А. Бурхардт. СПб., 1901; Каталоги компании «Пате» (сводные). М., 1913, 1916; Последние новости (пластинки для Патефона). М., 1911, 1913, 1914, 1915.; Сводный каталог «Пишущий Амур» и «Зонофон». Август 1915 г.; Список валиков к фонографам. СПб., 1905.; Официальные известия акционерного общества Граммофон. СПб., 1908-1910.; Граммофон и фонограф. СПб., 1902–1904; Граммофон и фотография. СПб., 1906, Новости граммофона. СПб, 1907; Граммофон и фонограф. Серпухов., 1907; Граммофонный мир. М., 1910-1916; Граммофонная жизнь. СПб., 1910–1916.

ЛИТЕРАТУРА:

- ¹ Грюнберг П.Н. «Загадка псевдонима «Макс» (История первых русских записей на граммофонные пластинки и их датировка) // «Мелодия». М., 1986 №. 4. С. 60-61; 1987 №. 1. С. 60-62/
- ² Грюнберг П.Н. История начала грамзаписи в России и источниковедение российской грамзаписи 1899-1915 гг. М., 2002.

3. Грюнберг П.Н. История русской армии и ранняя русская грамзапись // Военный исторический журнал. 2007 № 9. С. 67–71.
4. Грюнберг П.Н. К 100-летию грамзаписи. «Непобедимый граммофон» (Очерк истории граммофонной пластинки и граммофона и создания звуковой индустрии) // «Мелодия». М., 1987 № 3. С. 50–51; № 4. С. 24–25.
5. Грюнберг П.Н. Ранняя русская грамзапись у истоков информационного общества // Родина. 2010. № 3. С. 132–136.
6. Грюнберг П.Н. Ранняя русская грамзапись в контексте национальной и мировой культуры // Вестник Московского государственного университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурные коммуникации. 2005. № 4. С. 90–99.
7. Грюнберг П.Н. Ранняя русская грамзапись и ее роль в создании первичного единого информационного пространства // Отечественные архивы. 2008 № 6. С. 16–23.
8. Грюнберг П.Н., Янин В.Л. Дата первых граммофонных записей Ф.И. Шаляпина // «Памятники культуры. Новые открытия». Ежегодник Научного совета по мировой культуре АН СССР за 1988 год. М., 1989. С. 186–192.
9. Железный А.И. Пластинки «Колумбия» // «Мелодия». М., 1982. № 1(10).
10. Железный А. И. Наш друг – грампластинка. Киев., 1987.
11. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
12. Перкинс Дж. Ф., Келли Э. и Уорд Дж. О матричных номерах компании «Граммфон» 1898–1921 // The Record Collector. 1976. Vol. XXIII. P. 51–90. Перевод с англ. В. Тирдатов. Рукопись.
13. Регирер Е.И. Исторический обзор // Граммфонная пластинка. М.-Л., 1940.
14. Федоров В.А. История России 1861–1917. М., 2003. С. 367.
15. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
16. Янин В.Л. Реконструкция каталога вокальных записей русского отделения компании «Граммфон» («The Gramophone Company Ltd.» и «Zonophone») 1899–1915 гг. М., 2002
17. Янин В.Л. Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения // Археографический сборник за 1977 год. М., 1978. С. 27–37.
18. Bennett. John R. Voice of the Past. Vocal recordings 1898–1925. Volume 11. A Catalogue of Vocal Recordings from The Russian Catalogues of The Gramophone Company Limited (Obshchestvo Grammofon s ogr. otv.) 1899 – 1925. England. Lindfort., The Oakwood Press. 1977.
19. Gaisberg F. W. Music on Record. London., 1943.
20. Gelatt. R. The Fabulous Phonograph 1877–1977. London., Cassell. 1977.
21. Girard V. and Barnes H.M. Vertical-cut Cylinder and Disc. London., BIRS. 1964.
22. Grosse G. Von der Edisonwalze zur Stereoplatte. (Die Geschichte der Stereoplatte). Berlin., 1981.
23. Haas W. Das Jahrhundert der Schallplatte. Eine Geschichte der Phonographie. Bielefeld., 1977
24. 100 Jahre Schallplatte. Von Hannover in die Welt. Hannover-Hamburg., 1987.
25. Juettemann H. Phonographen und Grammophone. Braunschweig., 1979.
26. Lange H. H. Die Deutsche “78er” Discographie. Berlin., 1978.
27. Morton-Moses. J. Guide To American Recordings 1895–1925. NY, 1949.
28. Read O. and Welch W.L From Tin Foil to Stereo (Evolution of the Phonograph). Indianapolis: Howard & Sams, 1976.
29. Riess C. Knaurs Weltgeschichte der Schallplatte. Zurich., 1966
30. Teubig K. Deutsche Schellackschallplattenmarken. 1894 – 1958. Hannover (?), 1988.

УДК 94”1939/45”

Никифоров Ю.А.

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

ПОДГОТОВКА СССР К ВОЙНЕ С ГЕРМАНИЕЙ В 1941: ГРАНИЦЫ ДИСКУССИИ*

Аннотация. В статье дан историографический обзор проблемы подготовки СССР к вероятной войне с Германией в 1941 г. Автор сосредоточивает внимание на оценке характера германского нападения 22 июня 1941 г., которое ни в коем случае не может быть признано превентивным. Что касается

подготовки Советского Союза к отражению агрессии, то анализ современной историографии показывает несостоятельность попыток обвинить советское руководство в подготовке упреждающего удара по немецким войскам.

Ключевые слова: СССР, Германия, 22 июня 1941 г., превентивный удар, «Соображения по плану стратегического развертывания Красной Армии», Сталин.

* © Никифоров Ю.А.

Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект НК 70 П.

Yu. Nikiforov

Sholokhov Moscow state university for humanities

SOVIET DEFENSE PLANNING IN 1941

Abstract. In this article the author performs a historiographical analysis of USSR state of readiness to the potential war with Germany. The author pays attention to the character of Wehrmacht attack on the 22 of June, 1941, which in any case can be described as a preventive action. As for the Soviet Defense Planning, it is necessary to stress the point that all the accusations against Soviet leaders in preparing the preventive attack against Germany are groundless

Key words: USSR, Germany, 22 of June, 1941, preventive attack, "Observations on Red Army Strategic Deployment", Joseph Stalin.

В подготовке страны и вооруженных сил к отражению возможной агрессии важную роль играло оперативно-стратегическое планирование, предусматривавшее определение порядка развертывания вооруженных сил, создание группировок войск для ведения военных действий и замыслы первых стратегических операций.

В зависимости от складывающейся международной обстановки, а также изменений сил и средств, форм и способов ведения вооруженной борьбы содержание разрабатываемых планов постоянно уточнялось. В предвоенные годы и накануне войны в СССР сложилась система разработки оперативно-стратегических планов ведения войны, она представляла собой комплекс различных документов, которые делились на две взаимосвязанные части — оперативную и мобилизационную.

Основу оперативной части плана составляли план стратегического развертывания вооруженных сил, план прикрытия мобилизации и сосредоточения войск и планы первых фронтовых операций. Основу мобилизационной части плана составляли план (схема) мобилизационного развертывания вооруженных сил (мобилизационный план) и план мобилизации промышленности.

Перед началом Второй мировой войны последний оперативный план был утвержден правительством (ЦК и СНК) в ноябре 1938 г. К разработке нового плана Генштаб под руководством Б.М. Шапошникова приступил в июле 1940 г., однако последовавшие события в Прибалтике и Бессарабии потребовали внесения корректив. В августе документ за

подписью С.К. Тимошенко и Б.М. Шапошникова был готов, однако правительством в него были внесены изменения, касающиеся предполагавшегося направления главных ударов противника и, соответственно, направлений операций РККА. Эти изменения вносились и дорабатывались уже под руководством нового Начальника Генштаба К.А. Мерецкова. Документ был представлен в правительство, и после обсуждения и доработки утвержден 14 октября 1940 г.

В 1941 г. под руководством нового Начальника Генштаба Г.К. Жукова работа по уточнению документов оперативного планирования продолжалась. Следует отметить, что известные историкам документы, подготовленные в Генштабе весной 1941 г. — прежде всего два варианта «Соображений по плану стратегического развертывания» — представляют собой черновики, испещренные многочисленным числом исправлений, на которых отсутствуют подписи должностных лиц. Тем не менее они позволяют реконструировать представления советского военного руководства о характере действий Красной Армии в будущей войне.

Анализ этих документов подтверждает зафиксированный в мемуарах советских военачальников факт, что советское военное руководство исходило из ошибочных представлений о начальном периоде войны. «При переработке оперативных планов весной 1941 года, — свидетельствовал Г.К. Жуков, — практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в её начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений» [9, 230-240]. О том же говорил и А.М. Василевский: хотя руководство Генштаба и исходило «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготавившимся к боевым действиям противником...», тем не менее, «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15 - 20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны...» [3; 8].

Какие подтверждения этому можно найти в рассекреченных документах?

В «Соображениях...» от 18 сентября 1940

г., после постановки задачи войскам Западного фронта «ударом... нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии», указывалось: «В течение 20 дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию» [19, 247]. Таким образом, «нанесение удара» (Здесь и ниже курсив наш – Ю.Н.) планировалось на 20-й день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной»¹.

Разработанным в штабе КОВО планом развертывания войск округа на 1940 г. предусматривалось, что войска будут готовы к переходу в наступление на тридцатый день мобилизации (см. п. III), причем сосредоточение и развертывание должно было проводиться после начала войны (п. V). В ходе первого – оборонительного – этапа предполагалось «уничтожение живой силы наступающего противника» (п. V.1) и нанесение авиацией «мощных ударов» по железнодорожным узлам с целью «нарушить и задержать сосредоточение немецких войск» (п. V.6) [19, 492-493].

Несомненный интерес представляют документы, подготовленные Генштабом непосредственно перед войной – в мае-июне 1941 г. Ознакомление с директивами Генштаба командованию западных приграничных округов, а также планами прикрытия, разработанными в округах непосредственно перед нападением Германии, дает возможность с уверенностью говорить, что устаревшие представления о начальном периоде войны сохранялись у командования РККА до 22 июня 1941 г.

Например, задачи обороны в директивах, отданных Генштабом в мае 1941 г. в КОВО и ЗапОВО, определяются следующим образом: «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмотблизирование, сосредоточение и развертывание войск округа. /.../ Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами... нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника» [20, 227; 17, 117]. Ниже определялось количество боеприпасов, которое разрешалось израсходовать до пятнадцатого дня мобилизации [17, 120]. Таким образом, составители директив исходили из того, что

военные действия начнутся до окончательного отмотблизирования и сосредоточения главных сил Красной Армии и, что не менее существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий.

На основе этой директивы в штабе КОВО был разработан окружной план, в котором командование округа повторяло основные положения директивы Генштаба: «разрушением ж/д мостов и узлов Ченстохов, Катовице, Краков, Кельце, а также действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск» [14, 8].

В «Записке по плану действий войск в прикрытии», составленной в ЗапОВО, авиации ставилась такая же задача: «...нарушить и задержать сосредоточение войск противника» [15, 11].

Что касается командования ПрибОВО, то, говоря о задачах разведки, составители плана в этом округе указывали: «Цель разведки – с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление» [13, 13]. Яснее не скажешь – война начнется как-то иначе, но не решительным наступлением главных сил противника, считали в штабе ПрибОВО (следует подчеркнуть, что командование *всех* без исключения округов в планах прикрытия ставило перед своими войсками оборонительные задачи на всем протяжении границы, а значит, никаких оснований для истолкования приведенных отрывков как свидетельств того, что СССР собирался первым открыть военные действия, нет).

Таким образом, советское военное руководство исходило из такого представления о начальном периоде войны, в соответствии с которым начало войны и вступление в сражение главных сил противоборствующих сторон хронологически не совпадают. Военные действия в этот период должны были вестись ограниченными силами с целью помешать развертыванию основных сил противника.

В то же время «Соображения...» от 15 мая 1941 г. [7, 40-45; 8, 303-309; 20, 215-220] позволяют предположить, что руководство Генштаба в лице Г.К. Жукова и А.М. Василевского осознавало и было обеспокоено тем, что Германия имела очевидное преимущество в сроках сосредоточения и развертывания на границах СССР армии вторжения относи-

тельно противостоящих ей сил Красной Армии. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отоброшенную, с развернутыми тылами, – указывалось в документе, – она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». После же перечисления задач, поставленных перед войсками фронтов, предлагалось осуществление необходимых подготовительных мероприятий по отоброшению и сосредоточению войск [20, 216].

К сожалению, многими историками этот документ без серьезного обоснования был истолкован как план упреждающего удара, предложение нанести который якобы было сделано руководством Генерального штаба Красной Армии И.В. Сталину в мае 1941 г. При этом упреждающий удар понимался как предложение проявить инициативу в развязывании военных действий [1, 16].

Однако выражения «предупредить в развертывании», нанести «внезапный удар» не обязательно в данном контексте должны означать «осуществить нападение». Если планировалось, что на развертывание войск и той, и другой стороне потребуется какое-то время уже после начала войны (иными словами, «нанесение удара» и открытие военных действий хронологически не совпадают), то выражение документа «упредить в развертывании» должно пониматься как отражение стремления осуществить его в более короткий срок, чем это сделает противник (сократив тем самым пресловутый «начальный период»), и, естественно, нанести удар первым. Ничего более. Истолкование данного документа как предложения открыть военные действия, развязать войну является неоправданным расширением тезиса и без дополнительной аргументации неприемлемо.

Утвердившееся в литературе мнение о том, что советским военным и политическим руководством весной 1941 г. рассматривался такой вариант начала войны с Германией, при котором инициатором начала военных действий выступил бы СССР, ли-

шено достаточных оснований. Во всяком случае, сторонникам этой версии следовало бы поискать дополнительные документальные подтверждения в свою пользу, поскольку соответствующую интерпретацию известных документов планирования нельзя не признать произвольной.

Составители майских «Соображений...», учитывая возможность начала войны летом 1941 г., предлагали И. Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной Армии непосредственно после начала войны нанести противнику «внезапный удар», упредив его в развертывании основных сил. Предполагалось, что столкновение с Германией может произойти только по инициативе последней, и, не будучи уверенным в том, что война всё-таки начнется, руководство Генштаба планировало продолжать оборонительные мероприятия в том случае, если напряженность между двумя странами разрешится как-нибудь иначе. В этой связи уместно сослаться на работы О.В. Вишлёва, где содержатся убедительные доводы в пользу того, что советское руководство рассчитывало на то, что началу военных действий будет предшествовать выяснение отношений на дипломатическом уровне, в крайнем случае – какая-либо провокация со стороны Германии [4; 5; 6]. Кроме того, советской разведке не удалось своевременно вскрыть замысел противника; докладываемые Сталину разведсводки и спецсообщения содержали противоречивые сведения о планах Германии и сроках её вероятного нападения на СССР.

В любом случае, советские генералы допускали ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадёт хронологически с началом военных действий. Напомним известное признание Г.К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью

нанесения сокрушительных рассекающих ударов» [11, 29-30].

Непосредственный свидетель и участник событий тех лет, причем весьма информированный, П.А. Судоплатов, успел откликнуться на развернувшуюся в начале 1990-х гг. дискуссию по поводу советских предвоенных планов. «Должен сказать, однако, со всей ответственностью, – заявил он, – что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий» [18, 216].

Представляется все же, что советскому руководству не удалось найти адекватный ответ на проблему, связанную с осознанием неравности стартовых условий двух стран при осуществлении отмобилизования войск и их развертывания, из чего вытекала необходимость признания заведомой «проигрышности» для советской стороны начального этапа войны в ситуации, когда превентивное нападение по политическим соображениям было исключено. В мае 1941 г., после полета заместителя А. Гитлера по нацистской партии Р. Гесса в Великобританию, ситуация требовала немедленных действий по форсированию соответствующих мероприятий, пусть даже ценой несоблюдения маскировки – именно это имел в виду А.М. Василевский, когда говорил о необходимости «твердо сделать шаг вперед» к «рубикону войны», на что Сталин вовремя не решился [2, 68].

Выступить инициатором начала военных действий в тот момент, когда назревал, как опасались в Москве, англо-германский компромисс, означало бы для СССР не только отказаться от выгод, которые давал ему статус нейтрального государства и навязать себе войну с очень сильным и опасным противником, но и стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств.

Кроме того, политическое руководство и командование РККА не могло не понимать, что страна и вооруженные силы еще не были готовы к войне. Экономика не была переведена на военное положение. Производство новых образцов танков, самолетов и других видов вооружения только началось. Крас-

ная Армия находилась в стадии коренной реорганизации. В этих условиях Советскому Союзу было крайне необходимо оттянуть начало войны хотя бы на 1-2 года.

Когда советское политическое руководство и командование РККА осознали, что войны с Германией в самое ближайшее время не избежать, наши вооруженные силы явно запаздывали с созданием исходной группировки войск, предусмотренной предвоенными планами. Сосредоточение и развертывание войск Красной Армии осуществлялось как реакция на становившуюся все более явной угрозу германского нападения, и поэтому не могло не запаздывать по сравнению с аналогичными мероприятиями врага. Поэтому, вероятно, Сталину в последние мирные дни не оставалось ничего иного, как продолжать прежнюю линию: «во что бы то ни стало, выиграть время», «еще неделю, еще 15-20 дней...», «не поддаваться на провокации...», избегать действий, которые могли ускорить выступление Германии. Все помыслы и действия Сталина в это время, писал Г.К. Жуков, «были пронизаны одним желанием – избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся» [10, 324].

Изложенные в «Соображениях...» планы первых операций РККА носят наступательный характер, что дало ряду историков, в первую очередь последователям В. Суворова-Резуна, дополнительный повод для обвинения СССР в подготовке нападения на Германию. Однако прямой связи между характером действий вооруженных сил и политическими целями войны нет. Наступление и нападение – разные вещи. Как представляется, Генеральный штаб и Наркомат обороны, будучи, в сущности, всего лишь инструментом в руках политиков, при планировании операций вообще могли не рассматривать вопрос о том, кто именно будет инициатором военных действий – СССР или Германия. Войска должны были быть готовы разгромить противостоящего им противника в любом случае. Советское командование не планировало отступления вглубь страны в духе 1812 г., рассчитывая с первых дней войны начать борьбу за стратегическую инициативу. Только такой вариант позволял надеяться на успешный исход столкновения со столь мощным противником, каким являлась гитлеровская Германия. И в этом не было ничего исключительного – как убедительно показал А.В. Исаев, все планы

крупных держав, участниц как Первой, так и Второй мировой войн, были наступательными [12, 11-20]. Даже Финляндия и Польша планировали «наступательную войну». Тем не менее, никому не приходило и не приходит в голову обвинять Францию или Польшу в подготовке нападения на Германию только потому, что военные этих стран в случае войны планировали действовать «наступательным образом».

Так что «наступательный характер» советской военной доктрины и документов планирования (на обоснование какого-либо некоторыми историками потрачено немало усилий) никак не может свидетельствовать в пользу того, что советским руководством было принято решение о нападении на Германию летом 1941 г., или же служить аргументом в пользу некой особой «агрессивности» сталинского СССР.

* * *

Не подлежит сомнению, что агрессия Германии против СССР являлась реализацией программной установки Гитлера на завоевание «жизненного пространства» на Востоке Европы и уничтожение Советского Союза как национально-государственного образования и социальной системы.

Что касается Советского Союза, то расклеванные в 1990-е гг. документы военно-стратегического планирования не дают оснований для утверждений о подготовке им нападения на Германию. Более того, нет достаточных оснований и для утверждений о подготовке Генеральным штабом Красной Армии упреждающего удара по сосредотачивающимся у границы немецким войскам.

Конечно, советское руководство готовилось к войне: долгосрочные стратегические планы Гитлера, мероприятия германской армии по подготовке к вторжению с определенного момента не являлись для советского руководства тайной, и не реагировать на них было преступным легкомыслием. Однако СССР не намеревался нападать на Германию. Мир с ней был для него во всех отношениях более выгодным, чем столкновение с непредсказуемыми последствиями. Весной – в начале лета 1941 г. правительство СССР сделало максимум возможного, чтобы удержать Германию от военного выступления и начать развертывание Красной Армии лишь после того, как обстановка станет критической. Но и выдвигая войска к границе, оно

продолжало искать пути преодоления кризиса мирными средствами.

Предположения о том, что СССР мог напасть на Германию в 1942 г. или позднее, – спекуляции, не имеющие документального подтверждения. Планы стратегического развертывания на этот период Генеральным штабом Красной Армии разработаны не были, никаких программных заявлений по этому поводу руководство СССР не делало. Да, в 1942 г. СССР чувствовал бы себя более сильным в военном отношении, чем в 1940 или 1941 г. Но это еще отнюдь не означает, что Сталин непременно напал бы на Германию. Мощь Красной Армии могла просто стать тем фактором, который исключил бы возможность военного выступления Германии против Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Использование авторами выражения «активная оборона» свидетельствует, что в их представлении в период сосредоточения главных сил боевые действия будут уже вестись.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бобылёв П.Н. К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5.
- Василевский А.М. В те суровые годы // Военно-исторический журнал. 1978. № 2.
- Василевский А.М. Накануне 22 июня 1941 года (неопубликованное интервью Маршала Советского Союза А.М. Василевского от 20 авг. 1965 г.) // Новая и новейшая история. 1994. № 6.
- Вишнев О.В. «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995.
- Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
- Вишнев О.В. Почему медлил Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С.86-100; № 2. С.70-96.
- Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1993. №3. С.43-44.
- Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т.2.
- Исаев А.В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004.
- Конец глобальной лжи / Публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Военно-исторический журнал. 1996. №2.
- Конец глобальной лжи: когда Киев еще не бомбили / публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Во-

- енно-исторический журнал. 1996. №4.
 15. Конец глобальной лжи: на Западном направлении / публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Военно-исторический журнал. 1996. №3.
 16. Новая и новейшая история. 1993. № 3.
 17. Новая и новейшая история. 1997. №5.

18. Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
 19. 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998. Кн.1.
 20. 1941 год: в 2-х кн. / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998. Кн.2.

УДК 94(47)

Юрченко И.Ю.

Московский авиационный институт

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА И ПРОБЛЕМ ЕГО ЭТНО-СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РОССИЙСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ПО ПЕДАГОГИКЕ*

Аннотация. В статье представлены результаты историографического анализа трактовок феномена казачества в диссертациях на соискание ученой степени по педагогическим наукам. В новейшей российской истории возрождение казачества вызвало широкий научный и общественный интерес к этому феномену отечественной истории. Центральное место в современной историографии занимает проблема этнической и социальной идентификации казачества. Автор показывает, что этот вопрос является определяющим в трактовке казачества не только для историков, но и для педагогов. Так же, как и в исторической науке, в педагогике исследователи делятся на два основных направления: сторонников признания отдельной этничности казаков и их оппонентов, считающих казачество, прежде всего, социокультурным явлением в контексте традиционной русской культуры.

Ключевые слова: казачество, этнопедагогика, исторический феномен, социокультурное явление, этничность казаков, диссертации, историография.

I. Jurtchenko

Moscow Aviation Institute (State Technical University) - "National Research University of aircraft, missile and space systems."

COSSACKS AS AN HISTORICAL PHENOMENA AND THE PROBLEM OF THEIR ETHNICAL AND SOCIAL IDENTITY. REVIEW OF THE EDUCATIONAL THESES OVER THE LAST FEW YEARS

Abstract. In this research the author analy-

ses all the treatments of the Cossacks's phenomena appeared in the postgraduate and doctoral theses in the Russian educational science over last few years. The Cossacks's renaissance viewed in the contemporal Russian history attracts the large scientific and public interest. The problem taking the central stage in the contemporal historiography is the Cossacks's ethnical and social identity. The author shows that this matter is the determinant for treatments of the Cossacks's phenomena not only among historians but among teachers too. As in the historical science educational researchers can be divided into two basic parties. The scientists in the first one suppose the Cossacks the separated ethnic group while the others characterize them as sociocultural phenomena inside of Russian culture.

Key words: Cassacks, ethnical educational science, historical phenomena, sociocultural phenomena, ethnical Cassacks's identity, theses, historiography.

Сложные и порой неоднозначные процессы возрождения казачества в сегодняшней России закономерно вызывают повышенный научный и общественный интерес как к истории казачества, так и к самой природе этого феномена отечественной истории. Одной из главных проблем феноменологической природы казачества в новейшей историографии стал вопрос его этно-социальной идентификации. При этом казачество оказывается в фокусе научных исследований не только историков, но и представителей многих гуманитарных дисциплин: политологов, юристов, экономистов, социологов,

* © Юрченко И.Ю.

культурологов и других. Важно отметить, что, во всяком случае, исследователи феномена казачества вынуждены в той или иной мере обращаться к историческому опыту и определять свое собственное видение места казачества в отечественной истории. Поэтому с точки зрения историографического анализа исследования смежных гуманитарных наук представляют существенный интерес.

Весь комплекс феноменологических проблем казачества интересует и педагогов, которые стремятся использовать исторический опыт казачества в образовательном процессе и воспитании молодежи. Только за последнее десятилетие было представлено к защите полтора десятка диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора педагогических наук, где активно использовался воспитательный потенциал казачества. Ниже мы рассмотрим тематику и основные тенденции актуализации казачьего наследия в этих исследованиях. Но прежде чем перейти к рассмотрению конкретных научных работ, надо отметить одну общеметодологическую особенность изучения феномена казачества в современной российской историографии. Подавляющее большинство исследователей придерживается одного из двух основных концептуальных подходов к проблеме этно-социальной идентификации казачества. Представители и наследники традиционной советской (марксистской) научной школы рассматривают казачество, прежде всего, как историческое сословие, а ныне – как специфическую этнографическую социокультурную группу в составе русского/славянского народа. Сторонники новых, альтернативных подходов, распространенных ранее, прежде всего, в Европе и Америке, рассматривают казачество как этническое образование – субэтнос в составе русского или даже отдельный этнос, причем дискуссионным остается вопрос: славянский это этнос по происхождению или нет.

Среди диссертационных работ по педагогике можно выделить две основные группы. Во-первых, это исследования общего характера, опирающиеся на использование в педагогической деятельности казачьих традиций без жесткой привязки к историческому опыту конкретных казачьих войск и исторических периодов. Это работы Е.В. Демкиной [11], В.Н. Быковского [6], И.А. Горбуновой [8], В.В. Козлова [12], Н.П. Башкатовой [4], и М.И. Резниковой [15]. Однако и среди

этих работ значительная часть построена на использовании исходного материала, полученного на основе изучения и обобщения исторического опыта конкретных казачьих войск, прежде всего казачества Юга России.

Ряд авторов рассматривает казачество в качестве этнического образования. Так, диссертация Е.В. Демкиной посвящена проблеме этнопедагогики в контексте психолого-педагогического взаимодействия учителя и ученика с учетом его этнических особенностей и традиционных норм воспитания в семье. Предметом исследования выступала технология формирования готовности социального педагога к взаимодействию с детьми из казачьих семей. Опытное-экспериментальное исследование проводилось среди студентов – будущих педагогов на базе Адыгейского госуниверситета и Московского открытого социального университета. Е.В. Демкина отмечает, что важнейшей составляющей воспитания является формирование культуры межнациональных и межэтнических отношений и, в частности, культуры общения между представителями различных этносов. Понятно, что особенно актуально данная проблема звучит сегодня в Северокавказском регионе, где возникают многочисленные и наиболее «горячие» очаги межэтнических конфликтов. Поэтому не случайно обращение автора диссертации к профилактике таких конфликтных ситуаций в педагогической деятельности. В то же время отмечается неэффективность тактики замалчивания таких проблем в советской общественной системе. Демкина констатирует очевидную необходимость овладения основами этнопедагогики и этнопсихологии для учителей и учащихся. Ставит проблему поликультурного и национального образования для обеспечения формирования личности учащихся как субъектов возрождения этнокультуры. Следует отметить, что вся вторая глава диссертации посвящена исследованию этнических особенностей детей – выходцев из казачьих семей, где первый параграф отведен изучению именно исторического опыта в целях выявления особенностей воспитания в казачьих семьях в различные исторические периоды. Таким образом, Е.В. Демкина рассматривает казачество как отдельное этническое образование, исследует его этнопедагогiku.

Еще более «радикальных» взглядов на этническую принадлежность казачества

придерживается в своей диссертации, посвященной физическому воспитанию молодежи на традициях российского казачества, В.В. Козлов. Он отмечает общий подъем национального самосознания народов Российской Федерации, устойчивое повышение интереса к истории и культуре как России в целом, так и ее многочисленных этнических образований, среди которых особое место «занимает казачество – уникальное явление русской истории» [12, 4]. Автор диссертации особо отмечает, что казачество – это не только сословие или жизнеспособный военный механизм, а нечто гораздо большее. Он рассматривает казачество в широком историческом контексте «с древнейших времен» до революции 1917 г., трагедии Гражданской войны, расказачивания и возрождения казачества в новой России в 1980–1990-е гг. Исследователь рассматривает народную казачью физическую культуру как часть традиционной военно-физической подготовки казаков. Историю казачества автор рассматривает с «середины VII в., когда уже имелись доказательства существования казаков» [12, 6]. Во многом такое «удревнение» казачьей истории по сравнению с классической историографией связано с некритическим восприятием работ казачьего историка периода Гражданской войны Е.П. Савельева, известного своими весьма оригинальными взглядами.

Другие исследователи, как например В.Н. Быковский, рассматривают казачество через призму не этнических, а социальных и культурных отношений. В своей диссертации этот автор исследует особенности воспитания учащихся на примере культуры казачества, которое рассматривается как социально-педагогический и культурный феномен. В этом контексте исследователя, прежде всего, интересуют социально-сословная и педагогическая самобытность казачества, его культурные истоки и наследие казачьего народного просвещения. Феномен казачества в данном случае в узком педагогическом смысле предстает как определенная модель воспитания с использованием элементов традиционной казачьей культуры. В этническом (этнопедагогическом) плане культурное наследие казачества мыслится как часть русской народной культуры, а педагогика казачества – как «специфическая ветвь русской народной педагогики, которая бытовала в общественно-экономических условиях, отличавшихся от средних общероссийских»

[6, 3]. Причем культура казачества рассматривается как комплексная, объединяющая в себе культуры различных народов, при доминанте патриотизма, гражданственности и ориентации на семейные ценности. Опыт-но-экспериментальной базой исследования были общеобразовательное учреждение «Кадетская школа № 46 г. Пензы. Пензенский казачий генерала Слепцова кадетский корпус»; муниципальное учреждение дополнительного образования «Пензенский казачий генерала Слепцова кадетский корпус»; казачьи кадетские классы ПТУ № 13 города Каменка Пензенской области. Всего в исследовании приняли участие 823 ученика, 96 воспитателей и учителей, 378 членов казачьего общества.

Концептуально близкую В.Н. Быковскому позицию занимает в своем исследовании И.А. Горбунова, которая рассматривает художественно-игровые традиции педагогики казачества как средство формирования будущего режиссера. Автор диссертации рассматривает казачью культуру в широком русле обращения к истокам славянской народной культуры с учетом региональных особенностей и специфики жизнедеятельности и проблемы «формирования личности в процессе целостного восприятия художественно-игровых традиций, включающих праздники и обряды» [8, 3]. Причем автор особенно обращает внимание на демократические и гуманистические традиции казачества в многонациональном государстве. Горбунова ставит проблему возрождения «педагогики казачества и ее художественно-игровых традиций как утерянного пласта российской самобытности» [8, 4], отмечая, что казачество в дореволюционной России было носителем уникального культурного и этнографического наследия. Исследователь считает наиболее древним именно северокавказское казачество, которое сформировалось, по ее мнению, «не в ходе естественного развития и контактов этносов, а в результате искусственного объединения, выразившегося в переселении на новую территорию значительных групп людей разной сословной и хозяйственно-культурной ориентации. Именно это сыграло особую роль в формировании оригинальной культуры казаков» [8, 5]. Таким образом, казачество рассматривается как сословие, которое «несло в себе не только ростки той самой демократии, к которой мы стремимся сейчас, но и особой культуры воспитания через систему худо-

жественно-игровых традиций» [8, 5]. Экспериментальной базой исследования выступал Ставропольский госуниверситет.

Промежуточную позицию между сторонниками преимущественно этнического или социального определения феномена казачества занимает Н.П. Башкатова. Целью своего исследования, среди прочего, она видит анализ и обобщение с позиций историзма опыта казачьей народной педагогики в деле воспитания патриота и гражданина на основе семейных ценностей, деятельности казачьих организаций и учебных заведений. Отдельно следует отметить, что свое исследование Башкатова проводит на материале Северного Кавказа. Автор диссертации, на основе изучения исторических традиций до 1917 г., рассматривает патриотическое воспитание как основу народной педагогики казачества и исследует особенности применения педагогического и воспитательного опыта казаков в современных казачьих учебных заведениях и детских организациях. С одной стороны, констатируется «стремление к национальному самоопределению, на путь которого встало казачество России», утверждается, что «казачеству Северного Кавказа удалось создать самобытную культуру, сохранить и передать последующим поколениям глубокую веру в силу своего народа». С другой стороны, утверждается, что «в систему образования и воспитания казачества положено два начала – религиозно-православное и национально-русское, что обусловило высокую духовность, гражданственность и патриотичность казачества» [4, 4]. Эти качества были выработаны казаками, поскольку они во все времена были тесно связаны с государственной службой и исполнением высокого долга перед Отечеством.

Вторую большую группу исследований составляют диссертации, основанные на конкретном историческом материале отдельных казачьих войск. Это диссертационные работы С.Г. Александрова [2], А.В. Григорьевой [9], Ю.Н. Абакумова [1], Н.Г. Баженовой [3], А.В. Коновалова [13], В.Г. Визера [7], С.Н. Даньшова [10], И.В. Холина [16], Н.А. Бодневой [5]. Надо отметить, что большая часть этих исследователей также посвятила свои работы изучению казачества Юга России и Северного Кавказа. Это лишь раз показывает актуальность и востребованность казачьего опыта именно в этом, наиболее полиэтническом и конфликтогенном, регионе России.

Среди этих работ мы также видим сторонников концепции этничности феномена казачества. К примеру, С.Г. Александров в своей диссертации придерживается взгляда на кубанское казачество как на отдельный субэтнос. Исходя из этого, он считает необходимым в организации физического воспитания и военно-прикладной подготовке казачьей молодежи в кадетских корпусах учитывать в полной мере региональные условия, этнические, социокультурные и другие традиции кубанского казачества. Для этого в свою очередь необходимо исследовать и использовать исторический опыт физического воспитания казаков во второй половине XIX – начале XX вв. и, в частности, использовать традиционные подвижные игры кубанских казаков. В первой главе диссертации на основе привлечения широкого круга источников, в том числе архивных и периодической печати XIX в., исследованы особенности и традиции физического воспитания казачьей молодежи в семейном и станичном кругу, учебных заведениях Кубанской войсковой области, а также боевой и физической подготовки в Кубанском казачьем войске. Благодаря этому данная диссертационная работа особенно интересна с исторической точки зрения.

Исследователь воспитательных традиций донского казачества конца XIX – начала XX вв. Ю.Н. Абакумов рассматривает казачество как специфический феномен российской истории. Он отмечает, что разработка специальных этнопедагогических концепций помогает воспитателям привить ученикам уважение к памяти своих предков, памяти других народов, воспитанию их в лоне национальной культуры, языка, традиций. Для отдельных субэтнических образований характерны яркие особенности систем воспитания, хозяйствования, фольклора. По мысли автора диссертации, таким самобытным явлением в пределах единого этноса большим пластом русской культуры является казачество, которое, таким образом, предстает в виде демографического, локального этно-культурного образования. Объектом исследования в данном случае выступает историко-этнический и педагогический опыт воспитания подростков на традициях донского казачества, а предметом – определение педагогических условий использования традиций донского казачества в воспитании подростков. Со специально педагогической точки зрения казачество мыслится как пси-

холого-педагогический феномен с собственной парадигмой воспитания, основанной на народных традициях, особенностях духовно-психологического склада казаков, образа их жизни, быта, народного искусства и ремесел.

Как уже отмечалось выше, при анализе общих работ среди педагогов есть сторонники как преимущественно этнической, так и социокультурной трактовки феномена казачества. Так же обстоит дело в исследованиях исторического и педагогического опыта отдельных казачьих войск. В качестве примера социокультурного подхода к северокавказскому казачеству можно привести диссертацию А.В. Коновалова, посвятившего свою работу изучению особенностей военно-патриотического воспитания казаков Северного Кавказа. В этой работе, в том числе, исследуется история образования северокавказского казачества, принципы и содержание военно-патриотического и религиозно-нравственного воспитания, боевые традиции казаков. Автор исследования отмечает необходимость разработки нового подхода к государственно-патриотическому воспитанию, «основанному на многовековой истории Российского государства и традициях народов, его населяющих» [13, 3]. Система воспитания у казаков рассматривается здесь как славная патриотическая традиция России, порожденная особым укладом жизни и востребованная сегодня в условиях активизации национального самосознания и вовлечения казачества Северного Кавказа в социально-экономическую и политическую жизнь региона. В диссертации рассматривается история, этнография и этническое (понимаемое как народное) воспитание казачества. Объектом исследования выступает педагогическая культура казачества, а предметом – система военно-патриотического воспитания казачества Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. В числе задач исследования названо рассмотрение социально-исторических условий и факторов, оказавших заметное влияние на особенности возникновения и становления системы военно-патриотического воспитания северокавказского казачества в дореволюционный период. Главная цель для автора диссертации – формирование «казака – воина-патриота» для выполнения в интересах государства социально-политической функции. Это позволит «интегрироваться в современную социокультурную общность, отождествляющую

себя с российским казачеством», что будет способствовать, по мысли А.В. Коновалова, процессу подлинного возрождения казачества и установлению гармоничных межнациональных отношений на Северном Кавказе.

Похожим образом рассматривает феномен казачества В.Г. Визер [7]. В своей диссертации он выявляет теоретические и практические предпосылки военно-патриотического воспитания учащихся в современных социокультурных условиях и представляет результаты опытно-экспериментальной работы по реализации модели системы военно-патриотического воспитания учащихся с учетом традиций сибирского казачества. Казачество в этом контексте рассматривается как социокультурное сообщество.

Новый взгляд на проблему феномена казачества представил в своей докторской диссертации С.Н. Лукаш [14]. Важно отметить, что в этой работе специально акцентируется внимание на культурологическом подходе к воспитательной теории, «в основе которой лежат ценности, смыслы и идеалы казачьей культуры, традиционно ориентирующейся на идею народовластия и свободного развития личности» [14, 4]. В таком контексте казачество мыслится именно как социокультурный и исторический феномен, а «изучение процессов казачьего культурогенеза в начале XXI столетия приобретает кросснаучный интегративный характер в направлениях развития таких гуманитарных наук, как история, этнография, культурология, лингвистика, философия, политология, социология» [14, 4]. При этом автор обращает внимание на то, что ранее исследование феномена казачества в педагогике ограничивалось использованием «этнопедагогического потенциала казачьей культуры» [14, 4]. С нашей точки зрения нельзя не согласиться с утверждением С.Н. Лукаша о кросснаучном и интегративном характере нового тренда в изучении казачества в последние годы. Это подтверждает и тот интерес, который проявляет к феномену казачества современная педагогическая наука в России. При этом весьма актуальной историографической задачей становится комплексный анализ феноменологической природы казачества в видении различных гуманитарных дисциплин. Подводя итоги, надо отметить, что центральный вопрос для отечественной историографии о этно-социальной природе казачества является актуальным и для представителей педагогической науки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абакумов Ю.Н. Воспитание подростков на традициях донского казачества конца XIX – начала XX веков: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000.
2. Александров С.Г. Генезис, систематика и технология использования народных игр кубанского казачества в физической подготовке учащихся кадетских корпусов: дис. ... канд. пед. наук. – Краснодар, 1999.
3. Баженова Н.Г. Этнопедагогические ценности Амурского казачества: дис. ... канд. пед. наук. – Биробиджан, 2000.
4. Башкатова Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность: дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2005.
5. Боднева Н.А. Становление и развитие системы семейного воспитания в Терском казачестве: вторая половина XIX – начало XXI вв.: дис. ... канд. пед. наук. – Пятигорск, 2008.
6. Быковский В.Н. Особенности воспитания учащихся на примере культуры казачества: дис. ... канд. пед. наук. – Тула, 2002.
7. Визер В.Г. Военно-патриотическое воспитание учащихся с учетом традиций сибирского казачества: дис. ... канд. пед. наук. – Омск, 2006.
8. Горбунова И.А. Художественно-игровые традиции педагогики казачества как средство формирования личности будущего режиссера: дис. ... канд. пед. наук. – Карачаевск, 2002.
9. Григорьева А.В. Традиционное воспитание и школа у казаков Северного Кавказа (Исторический аспект, современные проблемы): дис. ... канд. пед. наук. – Пятигорск, 1999.
10. Даньшов С.Н. Духовно-нравственное воспитание учащихся на основе приобщения к традициям казачества Южного Урала: дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2006.
11. Демкина Е.В. Психолого-педагогические основы формирования готовности педагога к взаимодействию с детьми из казачьих семей: дис. ... канд. пед. наук. – Майкоп, 2000.
12. Козлов В.В. Физическое воспитание детей и молодежи на традициях российского казачества: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2004.
13. Коновалов А.В. Военно-патриотическое воспитание казаков Северного Кавказа (XVIII – начало XX века): дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2005.
14. Лукаш С.Н. Воспитание подрастающих поколений в традициях и инновациях культуры казачества Юга России. Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Ростов н/Д., 2010.
15. Резникова М.И. Педагогические условия воспитания гражданской культуры школьников средствами казачьего фольклора: дис. ... канд. пед. наук. – Таганрог, 2006.
16. Холин И.В. Становление и развитие военного обучения Кубанского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2007.

ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 904

Гусынин В.А.

Пензенский государственный
педагогический университетОБОЙМИЦЫ САБЕЛЬНЫХ КЛИНКОВ ИЗ РАЙОНА
ЗОЛОТАРЕВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ XI – XIII вв.*

Аннотация. В статье описываются метрические характеристики, а также исследуются технологии и приемы изготовления одного из видов фурнитуры, используемой в средневековых саблях – обоймиц клинка, найденных в районе Золотарецкого поселения. При этом часть исследуемых материалов впервые вводятся в научный оборот. Все исследованные экземпляры изготовлены из одного листа железа. Ряд обоймиц изготовлены не симметрично, и можно выделить лицевую и тыльную стороны. Лицевая часть зачастую орнаментирована, а на тыльной части всех предметов располагается шов от соединения краев листа, из которого изготавливалась обоймица. В целом, можно говорить о наличии на памятнике разнообразных по качеству и степени отделки обоймиц, как смонтированных на сабли, так и отдельно от них. При этом, более качественно изготовлены орнаментированные обоймицы.

Ключевые слова: обоймица, сабля, Золотарецкое поселение, Волжская Булгария, Верхнее Посурье.

V. Gusynin

Penza State Pedagogical University

THE COLLARS OF SABRE'S BLADES
FROM THE AREA OF THE ZOLOTARYOVSKOYE SETTLEMENT OF XI – XIII CENTURIES

Abstract. The author of the article gives a metrical description of one of accessories of medieval sabers from the area of the Zolotaryovskoe Settlement – a blade's collar. The author also analyses the technologies and methods that were used to make such collars. It is the first time some of the terms are introduced for scientific use. All the examined issues are made of a single iron plate. Some of the collars are asymmetrical, and a front and back sides of the

collar can be distinguished. The front side has often an ornament on it, and on the back side of all issues is a seam of the two sides of the iron plate having been combined to make the collar. Generally, there are several types of collars, that can be differed from the point of quality and extent of decoration and whether they were assembled directly on the saber or not. The quality of the ornamented collars is better.

Key words: collar, sabre (saber – амер.), the Zolotaryovskoye settlement, the Volga Bulgaria, the Upper Sura valley.

Помимо находок шести целых сабель в районе Золотарецкого поселения [Гусынин В.А., 2008, 189] на данный момент на памятнике обнаружено большое количество сабельной фурнитуры (обоймицы на клинок, перекрестия, навершия рукояток) и деталей ножен (стаканы, петли для подвеса). Большую группу находок сабельной фурнитуры составляют железные обоймицы с удлиненным вдоль рубящей кромки язычком, огибающие клинок у основания. Только одна сабля, найденная в Верхнем Посурье, не содержит такой обоймицы. Однако, как и другие детали сабельной фурнитуры, обоймицы находят и отдельно от клинков, таких находок на настоящий момент семь.

Для облегчения описания необходимо выделить конструктивные части детали. К таким следует отнести: тело (Б1-Б7), язычок (А1-А3) (рис. 1, а). Пунктиром на схеме (рис. 1, а) указаны условные границы частей обоймицы, сплошной линией фактические края и сгибы. Кроме того, ряд экземпляров не симметричны – одна сторона может отличаться от другой формами, размером и наличием украшений, поэтому условно будем называть правую сторону обоймицы при взгляде на клинок сверху лицевой (рис. 1, е), а левую тыльной (рис. 1, б-д, ж).

* © Гусынин В.А.

Все обнаруженные обоймицы можно разделить на два типа:

1. с фигурными краями язычка и противоположной перекрестию стороны тела;
2. без такого украшения.

Однако на некоторых обоймицах даже без фигурных краев иногда присутствуют чеканные (вдавленные) продольные полосы (желобки), проходящие по телу и язычку вдоль обуха и рубящей части клинка (рис. 1, е).

Обоймицы с фигурными краями (2 экз.). Фигурные края представляют собой чередование полукруглых или тупоугольных выступов с клиновидными (остроугольными) выступами на язычке и клиновидный вырез на середине тела обоймицы.

1. Фрагмент обоймицы (рис. 1, б). Сохранилась только лицевая сторона язычка (А1), и часть тела (Б1-Б4). Общая длина фрагмента 70 мм, ширина 37 мм, толщина у обуха 11 мм. Толщина пластины 1 мм. Язычок орнаментирован по всей сохранившейся длине, кончик язычка обломан. Рисунок представляет собой чередование двух клиновидных и одного тупоугольного выступа. Тело не орнаментировано.

2. Обоймица, сохранившаяся полностью, смонтированная на саблю [Белорыбкин Г.Н., 2001, рис. 83, 2] Общая длина 110 мм, ширина 32 мм, толщина 9 мм. Отчетливо заметный шов располагается у обуха клинка с тыльной стороны (деталь Б7 перекрывает деталь Б1). Такое расположение шва является наиболее эстетичным, так как менее всего бросается в глаза. Орнамент на язычке симметричный с обеих сторон доходит до середины и представляет собой чередование клиновидных и полукруглых выступов, кончик заостряется по дуге. Орнамент на теле обоймицы в виде клиновидного выреза посередине.

Неорнаментированные обоймицы (10 экз.). Язычки таких обоймиц зачастую сужаются от основания к концу, реже бывают равномерной ширины по всей длине.

1. Обоймица, подвергшаяся сильной коррозии, в настоящий момент сломана и состоит из двух частей (рис. 1, в). Однако, по аналогии с обоймицами подобной конструкции можно предположить, что при отсутствии детали Б7, деталь А3-Б6 перекрывает деталь Б1. Общая длина 69 мм, ширина 36 мм, толщина 10 мм. Толщина пластины 1 мм. С обеих сторон связка язычок-тело имеют форму гиперболы. Кончик язычка тупой, закругленный.

2. Обоймица (Рис 1, г). Общая длина 70 мм, ширина 35 мм, толщина 10 мм. Толщина пластины 1 мм. Шов с тыльной стороны еле заметен, с неравномерным краем (проковылся), что свидетельствует о кузнечной сварке (деталь Б7 отсутствует, деталь А3-Б6 перекрывает деталь Б1). На лицевой стороне два декоративных желоба вдоль обуха и рубящей поверхности клинка, а связка язычок тело имеют форму гиперболы, на тыльной стороне они расположены под прямым углом друг к другу. Кроме того, язычок на лицевой стороне шире, чем на тыльной стороне. Кончик язычка обломан.

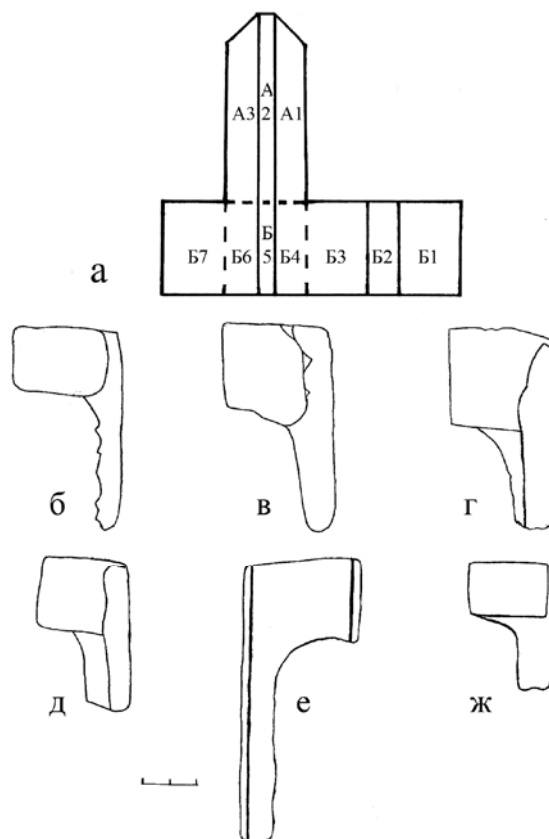

Рис. 1. Обоймицы. а – развертка обоймицы, б-ж – обоймицы из района Золотаревского поселения.

3. Аналогичную конструкцию имеет и другая обоймица (рис. 1, д) длиной 55 мм, шириной 34 мм, толщиной 11 мм. Толщина пластины 1,5 мм. На данном экземпляре ширина язычка на лицевой стороне также больше чем на тыльной. Шов с тыльной стороны (деталь Б7 отсутствует, деталь А3-Б6 перекрывает деталь Б1). Кончик заострен.

4. Обоймица (рис 22, е). Общая длина 98 мм, ширина 39 мм, толщина 11 мм. Толщина пластины 1,5 мм. Шов с тыльной сторо-

ны (деталь Б7 отсутствует, деталь АЗ-Б6 перекрывает деталь Б1). На лицевой стороне два декоративных желоба вдоль обуха и рубящей поверхности клинка. Язычок имеет равномерную ширину по всей длине, однако, на тыльной стороне он уже, чем на лицевой. Кончик язычка обломан. Внешний край тела обоймицы вырезан по дуге, обращенной внутрь.

5. Обоймица, подвергшаяся сильной коррозии [Белорыбкин Г.Н., 2003, рис. 11, 1]. Общая длина 92 мм, ширина 34 мм, толщина 11 мм. Из-за плохого стояния изделия шов не прослеживается. У язычка, сужающегося к концу, кончик заострен по дуге. Подобно предыдущей обоймице, внешний край тела вырезан по дуге, обращенной внутрь.

6. Фрагмент обоймицы (рис. 1, ж) длиной 43 мм, шириной 31 мм, толщиной 10 мм. Толщина пластины 1,5 мм. Сохранилась только лицевая сторона язычка (А1), и часть тела (Б1-Б4). Язычок имеет равномерную ширину по всей длине, кончик обломан.

7. Обоймица, сохранившаяся полностью, смонтирована на саблю [Белорыбкин Г.Н., 2001, рис. 83, 1]. Предполагаемая длина 123 мм, ширина 37 мм, толщина 11 мм. Шов практически незаметен, возможно, ввиду сильной коррозии экземпляра. Язычок сужается, кончик тупой, закругленный.

8. Обоймица, смонтированная на саблю из частной коллекции [Погорелов Е.В., 2003, рис. 1]. Общая длина 87 мм, ширина 40 мм, толщина 11 мм. Прослеживается шов на тыльной стороне (деталь Б7 отсутствует, деталь АЗ-Б6 перекрывает деталь Б1).

9. Обоймица, смонтированная на саблю [Белорыбкин Г.Н., 2003, рис. 9]. Общая длина 97 мм, ширина 34 мм. Ввиду сильной коррозии, сложно установить наличие шва. Язычок имеет равномерную ширину по всей длине, кончик тупой закругленный.

10. Обоймица, смонтированная на саблю [Белорыбкин Г.Н., 2003, рис. 9], подверглась сильной коррозии, в силу чего достаточно сложно определить ее первоначальные размеры и конструкцию. Длина около 110 мм, ширина около 35 мм. Однако на лицевой стороне обоймицы заметны следы украшения ее золотом в виде тонкой ниточки золота на язычке. Возможно, золотой фрагмент является остатком инкрустации или золочения. Отделкой золотом подвергались разнообразные предметы, обнаруженные на памятнике [Белорыбкин Г.Н., 2001, 160-172].

Обоймицы изготавливались из одного листа со швом на тыльной стороне клинка, края обоймицы соединялись внахлест, за исключением экземпляров, подвергшихся сильной коррозии, у которых способ изготовления проследить невозможно, но наиболее вероятно, что они также изготавливались из одного листа. Иногда шов отчетливо виден, и, по всей видимости, в таких случаях не закреплялся. В других случаях шва практически незаметно, здесь следует говорить о технологиях скрепления металла, например, о кузнечной сварке (волнистые края швов также свидетельствуют о том, что деталь сильно проковывалась).

Тело во всех случаях имеет четкую треугольную, повторяющую сечение клинка, или подтреугольную форму с выпуклыми боковыми сторонами. Возможно, такая конструкция характерна для обоймиц, смонтированных на клинки с пятиугольным сечением, в таком случае они не повторяли форму клинка полностью.

Все украшения на лицевой части обоймицы, за исключением обоймицы на сабле, где украшены обе стороны [Белорыбкин Г.Н., 2001, рис. 83, 2], а на тыльной части всех предметов располагается шов от соединения краев листа, из которого изготавливалась обоймица.

В целом, можно говорить о наличии на памятнике разнообразных по качеству и степени отделки обоймиц как смонтированных на сабли, так и отдельно от них. При этом, более качественно изготовлены орнаментированные обоймицы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение / отв. редактор А.Н. Кирпичников – СПб.; Пенза, 2001. – 198 с.
2. Белорыбкин Г.Н. Новые материалы Золотаревского поселения // Археология восточноевропейской лесостепи / отв. редакторы Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий: сб. материалов. – Пенза, 2003. – С. 410-432.
3. Гусынин В.А. Пензенские средневековые сабли // Археология восточноевропейской лесостепи / отв. редактор В.В. Ставицкий: сб. материалов. Вып. 2. – Т. II. – Пенза: Копи-Ризо, 2008, с. 189-192.
4. Погорелов Е. В. 2003. Находка сабли конца XII – начала XIII веков в окрестностях города Пензы // Археология восточноевропейской лесостепи / отв. редакторы Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий: сб. материалов. – Пенза, 2003. – С. 473-476.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФОРМИРОВАНИЯ И СОСЛОВНОМ СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В XVIII в.*

Аннотация. В первой четверти XVIII века произошли коренные изменения в структуре и социальном положении российского дворянства. Оно представляло собой уже иную социальную категорию, нежели сословие служилых людей по отечеству в веке семнадцатом.

Изучение источников формирования, сословного состава и изменения численности российского дворянства позволяет полнее осветить входящие условия социальной политики государственной власти.

К середине XVIII столетия в России также существовала сословная группа однодворцев, статус которой оставался неопределённым вплоть до времени правления Екатерины II. В источниках содержатся противоречивые трактовки происхождения и социального положения данной группы.

Дворянство вобрало в себя как исконную столбовую и титулованную знать, так и внешние, подчас искусственные вливания и находилось только на пути к окончательной сословной консолидации.

Ключевые слова: дворянство, социальная политика, сословие, однодворцы, иностранцы, служилые люди.

T. Bogdanova

RUSSIAN STATE SOCIAL UNIVERSITY
(Moscow)

TOWARDS THE SOURCES OF FORMATION AND BIRTH STATUS OF RUSSIAN NOBILITY IN THE XVIII-TH CENTURY

Abstract. In the first quarter of XVIII century radical changes took place in the social status of Russian nobility. It represented itself another social category than social class of people in the 17th century.

The investigation of the sources of formation, the class compound and the change of numeration of Russian nobility allows to light the terms of social politics of governmental authorities.

By the middle of the XVIII-th century there was another class group of smallholders whose

status left to be uncertain till the time of Ekaterina II. Contradictory interpretations of origin and social status of the group are given in objective accounts.

Nobility included not only original hereditary nobility and titled one but sometimes external even artificial characteristics so it was on the way to a complete class consolidation.

Key words: nobility, social politics, class, smallholders, foreigners, people on the service.

В первой четверти XVIII в. произошли коренные изменения в структуре и социальном положении российского дворянства. Произошло юридическое слияние боярской аристократии и обширной сословной группы собственно дворян («детей боярских») вследствие принятия Указа о единонаследии (1714) [15]. Резко усилился приток во дворянство выходцев из низших сословных групп благодаря нормам Табели о рангах, численность русского дворянства значительно возросла и из-за перехода в российское подданство иностранцев. Многочисленные петровские новации, связанные с упорядочиванием обязанностей знати по государственной службе, наследственным правом, отношениями с крепостным крестьянством также существенно повлияли на социальное и хозяйственное положение дворянства к концу петровского правления. В целом можно утверждать, что дворянство XVIII в. представляло собой уже иную социальную категорию, нежели сословие служилых людей по отечеству в веке семнадцатом. Изучение источников формирования, сословного состава и изменения численности российского дворянства позволяет полнее осветить входящие условия социальной политики государственной власти. Необходимо выяснить, как выглядела внутрисословная социальная стратификация дворянства в эпоху дворцовых переворотов, представители каких сословных групп допетровской России в конечном итоге вливались в состав аристократии Российской империи, как и по каким

* © Богданова Т.В.

причинам менялась доля дворян по отношению к численности всего российского населения.

В течение первых двух третей XVIII в. российское дворянство находилось в состоянии трансформации: из военно-феодальной сословной группы оно превращалось в аристократическое землевладельческое сословие. Помимо потомков служилых людей по отечеству Московского государства и боярских фамилий, в изучаемый период в состав российского дворянства вливались выходцы из других российских сословных групп и иностранцы. Изменения в социальном положении дворянства коснулись, прежде всего, юридического статуса. *Камералистский*¹ подход Петра I к вопросам государственного строительства неизбежно отразился и на социальной политике. В допетровскую эпоху не существовало юридически очерченных чётких границ, например, между боярством и дворянством. В течение XVI и XVII вв. мы видим немало примеров, когда бесспорно дворянские фамилии из-за заслуг отдельных своих представителей, родства с правящей династией поднимались до боярства (например, Глинские, Нагие, Бельские и т.д.) или же ветви одного и того же генеалогического древа оказывались в разных категориях: Сабуровы – бояре, а Годуновы – дворяне, обе фамилии являлись ответвлениями одного рода (родоначальник – ордынский выходец Чет-мурза)². Статус земельных владений так же далеко не всегда оказывался здесь определяющим. Часто одно и то же лицо одновременно владело и родовыми вотчинами, и пожалованными поместьями. Таким образом, главным критерием отнесения конкретного человека (семьи) к боярству или дворянству было не только происхождение, но и положение при дворе, служебное звание, которое по своему значению приближалось к титулу в западном понимании (могло передаваться по наследству). На рубеже XVII- XVIII вв. социальное самосознание и юридический статус русской знати вступали в резкое противодействие с политической действительностью. Местническая система с её конкретизацией индивидуального служебного статуса была крайне неудобна для абсолютистской модели государства. Несмотря на официальную отмену местничества в 1682 г. (правительством Фёдора Алексеевича), сословная и служебная психология русской аристократии во многом ещё была привязана к укоренившимся местническим

традициям.

Это обстоятельство и стало главной предпосылкой Указа о шляхетском единонаследии 1714 г.

Самой многочисленной составляющей российского дворянства к середине XVIII в. были потомки так называемого столбового дворянства – фамилий, известных ещё по родословным книгам (столбцам) периода Московского царства. Представители данной категории московской знати находились на придворной, военной и гражданской службе. Они являлись, во-первых, наследственно-служилыми людьми, занесенными в Разрядные книги XVII века и Бархатную книгу 1687 г.³, и, во-вторых, землевладельцами. Именно они назывались детьми боярскими или служилыми людьми по отечеству в XVII в., и их потомство век спустя наполняло офицерский корпус и отчасти бюрократический столичный аппарат. Численность столбового дворянства к началу царствования Анны Иоанновны составляла примерно 80 тыс. семей (в нуклеарном смысле), т.е. от 320 до 340 тыс. человек вместе с женщинами и детьми [10]. К концу правления Елизаветы Петровны, т.е. за одно поколение, эта цифра сильно не увеличилась и была близка к 360 тыс. человек. Таким образом, эта категория составляла около 70% от всего дворянского корпуса, подавляющее большинство [16]. Их социальные и гражданские ожидания задавали тон в политической жизни страны, определяли направление корпоративных (общедворянских) требований, проявившихся впоследствии в наказах депутатам Уложенной комиссии 1767-1768 гг. от дворян [11, 259; 1, 96].

Второй по значимости (но отнюдь не по численности) категорией выступало потомство родовитых боярских семей и примыкавшее к ним по своему общественному положению титулованное дворянство. Не располагая какими-либо юридически обозначенными преимуществами по службе перед остальным дворянством, данная категория оказывалась в выигрышном положении в силу традиции и, очень часто, имущественного превосходства. Понятие «обедневший княжеский род» было расхожим для XIX, но не для XVIII в. Таковых семейств на всю Россию насчитывалось не более 1,5 тысяч (при этом титулованных родов было менее двухсот). С точки зрения сословного самосознания и основных политических устремлений они практически не отделялись

от главной дворянской массы.

Иностранцы, принявшие российское подданство и причисленные к дворянству, представляли собой чрезвычайно пёструю массу, которую можно условно разбить на три основные группы. К первой относились помещики прибалтийских провинций Лифляндии и Эстляндии, присоединённых по итогам Северной войны, так называемые остзейские немцы. Остзейцы уже с Петровского времени формально иностранцами не были, считались российскими подданными по рождению и месту проживания. Но по воспитанию и психологии, вероисповеданию они, безусловно, были немцы, и таковыми воспринимались русскими дворянами. Если приезжая знать зачастую принимала православие, охотно вступала в семейно-брачные отношения с русским дворянством, то остзейские помещики держались особняком, ревностно сохраняли приверженность лютеранству (причём не только свою, но и своих латышских и эстонских крепостных крестьян)⁴, редко вступали в брак с русскими. Более того, остзейцы без труда объединялись в «землячества» по месту службы с выходцами из собственно германских государств, помогали им в продвижении по службе. Прибалтийских дворян-немцев насчитывалось к началу 1730-х гг. 25-27 тыс. человек [20, 108], т.е. не более 5% от общей дворянской массы. При этом положение остзейской партии при дворе было неизменно прочным на протяжении всех правлений XVIII в., слегка будучи поколебленным лишь в начале царствования Елизаветы Петровны. Три фактора делали эту аристократическую диаспору чрезвычайно влиятельной во внутрироссийской политической жизни 1730-1750-х гг.:

а) привилегированное положение по сравнению с собственно русскими дворянами (необязательность службы, подсудность только коронному суду, монопольное право аренды государственных земель в Лифляндии и Эстляндии – эти привилегии были подтверждены или дарованы ещё самим Петром I в ходе Северной войны) [21, 336];

б) беспрецедентное упрочение их положения при дворе, в гвардии и армии во времена бироновщины. Это прочное положение сохраняется и в дальнейшем, в частности в правление Елизаветы Петровны, несмотря на патриотические лозунги и декларирование в момент переворота 25 ноября 1741 г. желания новой императрицы очистить Россию от засилья иностранцев. Разумеется,

российский абсолютизм XVIII в., будучи по своей природе вполне космополитичным и вненациональным, не мог обойтись без услуг остзейцев. Нельзя забывать, что прибалтийские земли вошли в состав Российского государства в немалой степени именно благодаря пророссийской лояльности прибалтийского дворянства. Российские монархи ценили деловые качества, образованность и преданность остзейцев, что делало их придворную партию совершенно «непотопляемой» при любом правителе. Широко известны и сплочённость, взаимовыручка остзейцев, их приверженность своей диаспоре, что дополнительно усиливало данную группу внутри политически рыхлого и малодейственного русского дворянского большинства;

с) наконец, объективно остзейское дворянство было весьма влиятельно, поскольку прибалтийское помещичье хозяйство в целом было эффективнее и стабильнее великороссийского. Например, в 1760-е гг. среднеарифметический ежегодный доход лифляндского поместья составлял 860 рублей, а великороссийского – всего 540 рублей [23]. Т.е., как правило, типичный остзеец был состоятельнее типичного русского помещика (естественно, без учёта богатейших придворных магнатов – Шуваловых, Воронцовых, Разумовских и проч.)

Вторую группу дворян-иностранцев составляли приехавшие в Россию и поступившие на службу в первом поколении. Их численность постоянно менялась, причём в течение XVIII в. очевидна тенденция к уменьшению. Если при Анне Иоанновне таковых была примерно четверть от всего офицерского состава гвардии и армии, то уже в правление Екатерины II эта группа составляла не более 15% от всего офицерского корпуса (не считая россиян иностранного происхождения и остзейцев) [18], причём теперь эти иностранцы часто уезжали из страны на родину, отслужив в России определённый срок. Разумеется, национальный состав этой группы был чрезвычайно пёстрым, но следовало бы выделить категорию православных иностранцев: сербы, греки, молдаване, грузины (до вхождения в состав Российской империи Молдавии и Грузии). Представители знати этих народов были затронуты волной массовой иммиграции в Россию вследствие активной российской внешней политики в XVIII в. в Причерноморском регионе и на Балканах и чаще всего покидали историческую родину, чтобы

избежать преследований со стороны османских властей. Они сравнительно быстрее ассимилировались, органичнее вливались в основной дворянский корпус, основывали собственные, уже российские дворянские фамилии (Змаевичи, Милютины, Депрерадовичи, Кантемиры, Багратионы и многие другие). Остальные иностранцы, если не покидали Россию в первом поколении, тоже обычно смешивались с русскими, утрачивая нероссийскую самоидентификацию, и, за исключением немцев, не образовывали этнических диаспор. Как было отмечено выше, приезжие чаще, чем остзейцы, вступали в браки с русскими дворянами. Например, из известных нам 352 иностранцев, состоявших на службе в гвардии в 1741-1761 гг. и имевших чин не ниже 9 ранга, 29 человек (более 8%) состояли в смешанных браках с русскими женщинами [8, 1-154]. Доля русских офицеров и чиновников, взявших в жёны иностранок в изучаемый период, к сожалению, учёту не поддаётся, однако по мемуарным упоминаниям известно не менее 20 подобных случаев [5; 7; 14].

К третьей группе дворян-иностранцев мы относим родившихся в России от родителей-иммигрантов. Среди них были как потомки представителей знати европейских стран, приехавших на службу в Россию, так и дети безродных иностранцев, получивших дворянский титул за службу уже здесь, от российских правителей. К 1762 г. какие-либо статистические данные по этой категории привести не представляется возможным, но к 1796 г. более 3, 2 тыс. российских дворянских фамилий были иностранного происхождения (не из Прибалтики) [6], т.е. их количество даже превышало титулованное русское дворянство. В целом к 1762 г. доля иностранцев всех категорий на российской службе была выше всего в военно-морском флоте – 46% от всего среднего и высшего командного состава; затем следовали гвардия – 34,5%, императорский двор – около 32%, армейское офицерство – 26,7%, меньше всего иностранцев было на гражданской службе – 18,5% [3, 46].

К середине XVIII столетия в России также существовала сословная группа однодворцев, статус которой оставался неопределённым вплоть до времени правления Екатерины II. В источниках содержатся противоречивые трактовки происхождения и социального положения данной группы. Так, в документах Разрядного приказа 1670-1680-х гг. они

неоднократно именуются служилыми людьми по отчеству, упоминаются параллельно со стрельцами, служилыми казаками, т.е. служилыми по прибору, но совершенно определённо отделяются от «детей боярских». Подобная специфика поставила исследователей социального развития XVIII в. в сложное положение. Формально однодворцев можно было бы считать дворянской сословной группой, важным отличием от «детей боярских» был размер пожалованной земли («один двор») и отсутствие крепостных крестьян в их распоряжении. Однако уже в правление Петра I различий стало намного больше: однодворцы были обложены подушной податью и рекрутской повинностью, в то же время освобождены от обязательной государственной пожизненной службы, в отличие от собственно дворян. Тем не менее, ещё в царствование Анны Иоанновны правительство отчасти приравнивало однодворцев к дворянам, в частности, их охотно брали в гвардию, однодворцев мы встречаем в списках обучающихся в Морской академии и других чисто дворянских учебных заведениях.

В знаменитых записках Христофора Манштейна встречаем следующее примечательное упоминание: «...Линии (левобережная Украина) охраняются 20 000 драгун из милиции, размещённых по крепостям и по сёлам, нарочно для них выстроенным. В мирное время они получают на одну треть менее обыкновенного войскового жалованья, а взамен им розданы участки пахотной земли, которую они обрабатывают. Это войско набрано из 200 000 бедных *дворянских* (выделено мной. – Т.Б.) семейств в областях Курской и Рылской, так называемых однодворцев, т.е. владельцев одного только двора, которые сами пахут свою землю. Эти же семейства обязаны ежегодно высылать на линию из своей среды известное число работников в помощь войску при земледельческих работах. ...Это превосходнейшее войско в России. Из этого войска выбраны были при императрице Анне люди как для Измайловского гвардейского полка, так и для Кирасирского графа Миниха» [12, 64-65]. Исследователь XIX в. М. Яблочков, руководствуясь данными полученными при исследовании законодательства 1680-1700-х гг., делает однозначный вывод о недворянском происхождении однодворчества и, опираясь на указы Петра в 1701-1706 гг., уверенно разводит дворян и однодворцев в принципиально разные сословия уже в первые годы Северной вой-

ны: «Удобным местом для укрывательства дворян от службы представлялось сословие однодворцев. Это были *“прежних служеб служилые люди”*, потомки прежних драгун, пушкарей, рейтаров, копейщиков, которых поселили на Украинской линии, дали им земли и дворы и, вместо всех других повинностей, обязывали служить в особых полках и защищать Украинскую линию от набегов неприятелей; но Пётр Великий вместо натуральной повинности обложил их денежной в таком же размере, как других крестьян, и отменил обязанность их служить. Дворяне при первой ревизии в 1719 г. спешили записаться в подушный оклад, в однодворцы; другие дворяне попали в однодворцы при той же первой ревизии по ошибке, по невниманию опекунов и другими способами; туда же попали многие кадеты дворянских семейств; таким образом, однодворцы, не быв никогда дворянами как однодворцы, имели в своих рядах дворян, попавших туда по укрывательству от службы, по ошибке и другими способами...» [22, 372-373].

В советской историографии господствовало мнение, что однодворческое сословие в XVIII в. являло собой пережиток эпохи засечных черт, времени борьбы с крымской угрозой XVI-XVII вв. Поскольку дворянская помещная конница не была достаточно многочисленной для стабильного обеспечения безопасности на южных рубежах, царское правительство нуждалось в массовом войске, постоянно находящемся в районе засечных черт. Основу такого войска и составили однодворцы, им не полагались поместья, эти воины обеспечивали себя своим собственным трудом. Главной причиной растворения данной сословной группы стало введение рекрутских наборов. Наконец, после наступательных кампаний 1737-1739 гг. и, особенно, победоносной Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. угроза со стороны Крыма была снята, и однодворчество окончательно утратило своё оборонительное значение. В отличие от казачества, однодворцы проживали среди массы крестьянского населения, практически в центре страны, и потому не эволюционировали в полупривилегированное военное сословие. Самодержавие теперь нуждалось не в воинах-земледельцах, а в увеличении сборов подушной подати [4; 9; 17].

Современная историческая наука признаёт возможные альтернативы в эволюции однодворчества в XVIII в. В частности, считается доказанным тезис о вливании неболь-

шой части (не более 2%) однодворческих семей в состав дворянского сословия к середине столетия. Помимо субъективных обстоятельств, например, деятельности Бирона по ослаблению дворянской гвардейской корпорации, этому способствовала и насущная потребность самодержавия в пополнении дворянского корпуса деятельными свежими силами [2; 13]. Таким образом, приходится принять вывод современной историографии, что лишь незначительная доля однодворцев приняла участие в складывании господствующего сословия Российской империи, основная же их масса не имела шансов приобрести дворянское достоинство и впоследствии слилась с государственными крестьянами Черноземья и Восточной Украины.

XVIII в. породил ещё одну весьма многочисленную категорию шляхетства – лиц недворянского происхождения, приобретших титул потомственных дворян благодаря государственной службе. Как известно, такая возможность предоставлялась Табелью о рангах – дворянином становился чиновник, достигший по служебной лестнице 8-го класса (коллежский асессор), и военная служба по получении первого обер-офицерского звания (прапорщик – в инфантерии и артиллерии, корнет – в кавалерии). Приток выслужившихся дворян к середине столетия был ощутимым, так в исследовании Е.В. Анисимова «Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра» приводятся данные о том, что среди лейб-кампанцев, участвовавших в перевороте 25 ноября 1741 г. прирождённых шляхтичей было менее 40% [1], остальных можно смело назвать разночинцами, а ведь именно гвардейские полки были своеобразной кузницей офицерских кадров для русской армии в тот период. Однако источники единогласны в том, что данная категория дворянства никогда не складывалась в какую-либо устойчивую группу внутри аристократического сословия со своей особой социальной психологией, сословным самосознанием и проч. Наоборот, выслужившиеся в дворяне офицеры и чиновники стремились как можно скорее слиться с основной шляхетской массой, и им это удавалось, поскольку в большинстве случаев это были действительно достойные люди. Приток в дворянство выходцев из низших сословий стал восприниматься самодержавием как определённая угроза целостности и устойчивости аристократии гораздо позже, во второй четверти XIX в.

Итак, дворянство эпохи дворцовых переворотов вобрало в себя как исконную столбовую и титулованную знать, так и внешние, подчас искусственные вливания и находилось только на пути к окончательной сословной консолидации. Тем не менее, осознанность социальных и гражданских требований дворянства в 1730 г., общность социальной позиции и довольно рано проявившийся сословный эгоизм, свидетельствовали о неизбежности союза между дворянством и абсолютизмом. Закономерной представляется и связь между исключительными привилегиями шляхетства и его сравнительно ничтожной малой долей среди населения Российской империи: с 1725 по 1762 г. удельный вес дворян в российском обществе несущественно увеличился – с 1,7% до 2,1%, и позже практически уже не менялся [19].

В данной статье у нас нет возможности охватить все социальные процессы, протекавшие в российском аристократическом сословии. В частности, за рамками работы остались такие интереснейшие вопросы как возникновение и статус личного дворянства, а также так называемых выслужившихся дворян.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Камерализм – представление об управлении государством, господствовавшее в XVII-XVIII вв. и предполагающее проникновение государства во все сферы общественной и личной жизни, построение бюрократической машины, четко и функционально работающей.
- ² Из рода Сабуровых, например, происходила первая жена великого князя Василия III, знаменитая Соломония, отправленная в монастырь из-за бездетности и, по преданию, родившая уже в монастыре сына Георгия; возвышение Годуновых относится к гораздо более позднему времени и связано с опричниной.
- ³ Бархатная книга — сборник родословий наиболее знатных боярских и дворянских фамилий России, составленный в 1687 в связи с ликвидацией местничества (1682) и после прекращения ведения Разрядных книг.
- ⁴ История Русской Православной Церкви в синодальный период.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в. // В борьбе за власть. Страницы политической истории XVIII века. М., 1988. С. 96.
2. Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994;
3. Амфитеатров В.К. Офицерский корпус в Вооруженных силах Российской империи в XVIII в. СПб., 1889. С. 46;
4. Белявский М.Т. Отодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767-1768 гг.). М., 1984;
5. Винский Г.С. Моё время. Записки. СПб., 1914.
6. Дворянские роды Российской империи. СПб., 1995-1996. Тт. 1-4.
7. Записки И.И. Неплюева (1693-1773). СПб., 1893.
8. Именные списки е.и.в. гвардии Измайловского полка чинам 1741-1759 гг. // Русский архив. 1896. Кн.4. С.1-154.
9. Кабузан В.М. Изменение в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971.
10. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М., 1990.
11. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887. Т. 1. С. 259.
12. Манштейн Х.-Г. Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997. с.64-65.
13. Мионов Б.Н. Социальная история России. Т.1.
14. Россия и русский двор в первой половине XVIII в. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. СПб., 1891 и др.
15. Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. Отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986.
16. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974.
17. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974.
18. Фаизова И.В. Указ. соч. С. 76.
19. Фаизова И.В. Указ.соч. С. 89.
20. Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII в. М., 1999. С. 108.
21. Яблочков М. История дворянского сословия в России. М., 1876. С. 336.
22. Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб, 1870. С. 372-373.
23. Якушкин В. Очерки по истории русской земельной политики XVIII-XIX вв. М., 1890.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА: ПОПЫТКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ*

Аннотация. Город рассматривается в рамках регионального подхода. Это подразумевает изучение города, как части единой городской сети, присущей самостоятельному региону, и как результат распределения функций внутри региона, формирование его городской сети. Социальная стратификация – распределение слоев внутри городской сети, в чем проявляется роль и место города, его характер.

Ключевые слова: Город, региональный подход, городская сеть (сеть городов, сеть городских поселений), социальная стратификация, функции города, специализация города.

A. Belov

Institute of the Russian history of the RAS
URBAN POPULATION OF THE MOSCOW
PROVINCE IN THE MIDDLE OF THE XIX-
TH CENTURY: AN ATTEMPT OF SOCIAL
STRATIFICATION

Abstract. The city is considered within the framework of the regional approach. It means the study of a city, as a part of the uniform city network inherent in an independent region, and as a result of the distribution of the functions in the region, the formation of its city network. Social stratification is the distribution of layers in the city network in what the role and a city place, its character are shown.

Key words: city, the regional approach, city network (a network of cities, a network of city settlements), social stratification, city functions, city specialisation.

Социальная стратификация городского населения: обоснование подхода, характеристика источника и объекта исследования

Население – не только и не столько количественный, сколько качественный показатель путей и особенностей развития страны: «История общества – это по существу история населения» [5, 3].

Традиционно исследования численности и социального состава городских жителей периода позднего феодализма отличал

широкий масштаб и пристальный интерес к глобальным процессам (Водарский Я.Е., Рындзюнский П.Г., Миронов Б.Н. и др.). Именно в этом направлении достигнуты наибольшие результаты. Задача исследователей, как правило, состояла в выявлении наиболее масштабных процессов, снятых со значительных территорий.

Цель, которую мы ставим перед собой, противоположна. А именно: рассмотреть отдельный регион; на его основании конкретизировать знание, увидеть нюансы в рамках отдельного самостоятельного пространства; проанализировать города не как абстрактные объекты, а в качестве присущей этому региону единой городской сети, внутри которой присутствует территориальное распределение функций. Подобный подход успешно реализован в рамках социально-экономической географии [8, 173; и др.]

В основе нашего исследования лежит принцип сравнения между собой различных показателей численности и социального состава. При этом речь идет только об официальном городском населении. Данный прием позволит не только систематизировать данные по численности и социальному составу городского населения, что уже само по себе весьма информативно. Но на их основе выявить распределение удельного веса населения и социальных групп, что определяется нами как пространственная социальная стратификация.

Благодаря этим данным можно: выделить типы городов и присущий им набор признаков; определить функции конкретного города (или группы городов), их характер; дать оценку качественным особенностям (признакам), присущим русскому городу на этом этапе.

В качестве исследуемого региона была выбрана Московская губерния. Помимо того, что она является частью Центральной России, ей присуща еще одна важнейшая (для нашего исследования) черта – устойчивость территории. Благодаря этому ее города можно считать устойчивой и единой территориальной городской сетью.

* © Белов А.В.

При сравнении численности («людность», в терминологии В.С. Семенова-Тян-Шанского) [12, 48] ставится цель установить удельный вес населения конкретного города как части городского населения всей губернии. Такой же подход используется в отношении распределения социальных слоев.

В качестве основного источника были использованы материалы, собранные военными статистиками за 1852 г. Их выводы по нашей теме крайне общи, а приводимые цифры практически никак не систематизированы. Однако полнота статистических таблиц [2, 309-310], при дополнительной (проделанной нами) обработке позволяет создать объемную и интересную картину.

Численность городского населения и его распределение среди городов губернии (величина и особенности)

Москва абсолютно доминирует в численном отношении среди всех городов губернии. На ее долю приходится более 80% всего городского населения. По ряду категорий эта величина составляет 100% или приближается к ней. Причины данного обстоятельства не могут быть объяснены только губернским или «столичным» положением города. Москва выступает также как негласный центр всей Центральной России.

Ее отличительной чертой является ярко выраженный дворянский характер. Именно в ней было сосредоточено 92,5% потомственных дворян, проживающих в городах губернии.

За «столичным» городом по мере убывания численности городского населения шли Коломна (3,85% от всего городского населения края), Серпухов (3,3%), Дмитров (1,63%), Верея (1,3%), Бронницы (1,1%), Клин (1,02%). Прочие города имели заметно менее 1% (Можайск, Руза, Подольск, Волоколамск, Звенигород). Самым малонаселенным являлся Богородск – всего 0,2%

По признаку «людности» ярко выделяются 3 группы уездных городов. Причем они отделены друг от друга резким переходом. Первая группа – Коломна и Серпухов. Удельный вес населения этих двух городов наибольший среди провинциальных городов губернии и составляет 4 и 3,3% (соответственно). Для сравнения: у основной части городов эта величина (в среднем) – менее 1%. В нашем случае абсолютная численная граница этой группы начинается приблизительно от 13000 человек.

Вторая группа – Дмитров и Верея (1,3 и 3,3%, или в абсолютных цифрах – от 5200 до 13000 человек).

Третья группа – Бронницы и прочие, стоящие ниже ее по числу жителей. Наиболее многочисленная группа, она включила в себя 8 городов из 13. Если внутри третьей группы падение численности населения постепенное, то разница между ее крупнейшим городом и вышестоящей Вереей (городом 2-й группы) весьма резкая – 840 человек. К этой категории относятся города, чья численность составляет около 1% и менее от общегубернской. В нашем случае это около 4000 человек.

Первая и третья группы весьма ярко выражены. Это самые крупные или, напротив, самые малочисленные из городов губернии. Численная разница между их населением (отсчитывая от крайних показателей) очень велика: более 8500 человек. Эта разница больше, чем все население Дмитрова – третьего по численности уездного города губернии. Вторая группа (по сути) – переходная между двумя соседними.

Помимо численных отличий, три группы городов обладают присущими только им качественными характеристиками. Это позволяет использовать выявленную закономерность в распределении городов значительно шире. Так, первую группу составляют наиболее развитые города. Им свойственна, по выражению В.П. Семенова-Тян-Шанского, наиболее «бойкая торгово-промышленная жизнь» [12, 73]. Здесь присутствует большое число традиционных городских (торгово-ремесленных) слоев. Именно этим поселениям присущ наибольший (по губернии) процент почетных граждан, что является свидетельством активной хозяйственной деятельности (в Коломне – 7,3%, в Серпухове – 8,6%). Для сравнения, уже в нижеследующих по численной иерархии Дмитрове и Верее их всего по 2%

Третья группа объединяет поселения весьма слабо развитые в хозяйственном плане. В первую очередь это административные центры своих уездов и узкие региональные рынки [9, 39]. Но каждый из них обладает своим лицом и разным потенциалом развития.

Вторая группа уездных городов носит переходный характер между двумя полярными группами не только в количественном, но и в качественном отношении. В нее объединились два города с похожими историческими

судьбами (Дмитров и Верея). В прошлом это весьма значимые центры региона, одни из самых развитых. Так, Дмитров был важным посредником в связях с северной столицей. Во второй половине XVIII в. дмитровчане были ближе Петербургу, нежели к Москве [13, 207]. Кроме того, они активно занимались товарным огородничеством. Приблизительно такое же положение занимала Верея. Но со временем оба города утратили ведущее место в пространственном распределении функций Центральной России, сохранив его только в некоторых регионах. Это позволяло им сохранить относительно «сытное житье», но не давало возможностей для дальнейшего развития. По сути – это были своеобразные города-рантье, доживающие за счет своих былых позиций.

Таким образом, исходя из числа населения, можно выделить 3 типа городов, присутствующих в Московской губернии. Крупные – 13000 человек или 3,3% от всего городского населения губернии. Мелкие (доминирующие) – около 4000 человек или 1%. И промежуточные – 1,3-3,3%, от 5200 до 13000 человек. При этом (как мы увидим ниже) «численные» типы обладали и ярко выраженными качественными отличиями. Отношение города к той или иной группе неоднократно проявит себя в особенностях состава его населения и выполняемых функциях.

Установленное нами в рамках Московского региона деление на группы в целом совпадает с «характерными категориями» городов, сформулированными для всей Европейской России В.П. Семеновым-Тянь-Шанским [12, 73]. Известный географ обозначил низшую (шестую) группу как «городки» и определил ее размер в рамках от 1 до 6 тысяч человек, что практически точно совпадает с третьей группой городов Московской губернии. Дмитров и Верея, по иерархии В.П. Семенова-Тянь-Шанского, и вписываются в пятую группу «малых городов» (5000-10000) человек. Серпухов и Коломна (крупнейшие города губернии) – в четвертую группу «средних городов» (от 10 до 40 тысяч человек).

Численный принцип был успешно использован для установления качественных признаков не только известным географом. В частности, историк и археолог А.В. Куза применил его (только в площадном выражении) для определения характера укрепленных поселений [7, 40-70]. Я.Е. Водарский, внимательно анализировавший приемы

установления качественных признаков города, считал, что А.В. Куза смог найти «критерий древнерусского города» [3, 193], который представляет «большой интерес», хотя и требует разработки [4, 19].

Распределение социальных слоев между городами губернии. Социальная стратификация

В основе нашего исследования лежит рассмотрение принципа пространственного распределения функций.

По числу слоев «первопрестольная» также доминировала среди городов губернии. Здесь присутствуют практически все слои. Их удельный вес составляет от 80-100%. Исключением являлись только ямщики (45%).

Отличительной чертой русских городов было значительное присутствие **крестьян**. Данному вопросу посвящен ряд работ выдающегося историка П.Г. Рындзюнского, в том числе одна из его монографий [11, 212]. В ней автор указывал, что на 1858 г. крестьяне составляли среди жителей городов России 20,2%. В основном они делились на две категории – осевшие в городе и приходявшие на заработки отходники. Москва не была исключением. Сумма крестьянских слоев (не считая ямщиков) составляла почти 42% от всех жителей. Половой состав указывает на значительную часть отходников [12, 73]. В частности, в категории «крестьян государственных имуществ» она составляла: мужчины – 85%, женщины – 15%.

Ситуация в уездных городах была более разнообразной. Наиболее информативны данные по четырем категориям (крестьяне, городские слои, дворяне, представители духовного ведомства). По остальным картина в основном ровная, что не позволяет сделать однозначных предположений.

Крестьяне были присущи (помимо Москвы) уездным городам только первой группы, т.е. наиболее развитым в хозяйственном отношении Коломне и Серпухову. В частности, в Серпухове крестьяне составляли почти ¼ часть всего населения. В значительной степени это были отхожие крестьяне. В Коломне половая разница между ними составляла 6,5 раз.

В городах второй и третьей групп крестьян было не так много. Часто совсем нет (Можайск). В Богородске их величина равнялась 0,003% от всего сословия. Выводы П.Г. Рындзюнского соответствуют периоду, исследуемому ученым (пореформенное вре-

мя), когда процесс отходничества получил наибольшее распространение. В середине века он был замечен только в экономически активных поселениях. Так, в Москве концентрировалось 93,7% от всех крестьян – жителей городов Московской губернии. Уже в Дмитрове (третьем по численности) эта величина равняется 0,06%. Нельзя забывать, что Дмитров – город второй группы.

В городах третьей группы чрезвычайно заметны индивидуальные отличия, вызванные заторможенным хозяйственным развитием и, вследствие этого – консервацией отживающих сословных форм распределения функций.

В Волоколамске все «местные» крестьяне на 100% были «однودворцы». Причем все они местные жители, исходя из разницы между полами, которой почти нет – всего 4%. Соотношение по полам представителей одной группы применил в своей работе П.Г. Рындзюнский [11, 215]. По его мнению (которое подтверждается результатами нашего исследования), этот показатель дает наглядное представление о «степени обжитости» города данной социальной категорией.

Всего однودворцы составляли почти часть жителей города (22%). По сути, это не крестьяне, а неофициальная часть мещан. Их наименование – пережиток, отголосок прежней истории: Волоколамск – пограничный город.

В Бронницах, единственном уездном городе сохранились конюшенные крестьяне. Что также можно оценить как пережиток былой специализации поселения.

В Подольске наблюдается высокое число крестьян (12% от всего населения). При этом они отходники: представители частновладельческой категории с половой разницей 1 к 5. Данная особенность – проявление тенденции начала перехода города к активной хозяйственной жизни.

Особое место в населении некоторых городов занимали **ямщики**. Представители этой промежуточной (к тому времени) социальной категории были весьма заметны в трех поселениях края: Москве (45,7% от всей социальной группы), Коломне (39,7) и Клину (13,9). Данное обстоятельство указывает на особенности характера и функционирования данных городов (транспортная функция, обслуживание крупных трактов). Также незначительное число ямщиков (0,5%) присутствовали в Бронницах, стоящих на полпути между Москвой и Коломной.

Городские слои

Их распределение в провинциальных городах очень однотипно и почти не информативно. Практически повсеместно общий процент всех четырех социальных групп (мещане, купцы, цеховые и почетные граждане) весьма значителен. Самое малое число их присутствует в Клину (56%). В основном – более 80% от всех жителей города (Дмитров, Можайск, Верея, Бронницы). Но высокие показатели не могут выступать признаком хозяйственной активности, т.к. складываются за счет мещан – аморфного и неопределенного по своим хозяйственным занятиям сословия. К тому же мещан отличала крайняя бедность [6, 228], что, естественно, препятствовало их активной хозяйственной деятельности («преуспевающие среди них встречались редко» [6, 246]). Именно мещане составляют по 60-70% всего населения Можайска, Дмитрова, Вереи и др. городов.

Привлечение данных по купечеству также не может помочь установлению размера настоящего активной, торгово-промышленной части городских жителей. Большинство купцов относятся к 3-ей гильдии [1, 244], а она фактически сливается с мещанством. В частности, в Бронницах купцов 3-й гильдии насчитывается около 90% от всего купеческого сословия. По остроумному замечанию Н.А. Четыриной, которой принадлежит обстоятельное исследование по истории Сергиевого Посада, «разница между купцом и мещанином заключалась не в наличии или отсутствии коммерческого занятия, а в возможности оплаты ежегодного минимального купеческого сбора, открывающего доступ к гильдейским привилегиям. Это характерно... для всей страны» [14, 61].

Как нам представляется, в поиске надежного признака хозяйственной активности надо обратить внимание на категорию почетных граждан (ее наличие, динамику). Большинство почетных граждан было только в трех городах губернии: Москве (80% от всей сословной группы), Коломне (7,3%) и Серпухове (8,6%). То есть относились к столичному городу и городам первой группы. В идущем следом за ними Дмитрове почетных граждан было всего 2% от своей социальной группы. В Верее – 1,74%. Обратим внимание на то, что Дмитров и Верея – это промежуточные города, отнесенные ко второй группе уездных городов края.

Дворяне были весьма заметной чертой

провинциальных городов губернии. Они буквально наводняли уездные города. Самым дворянским городом губернии, естественно, была Москва (90% всех дворян, живущих в городах губернии). При этом в отношении всего населения Москвы доля дворян составляла 5,3%. При этом в небольшом Звенигороде (0,4% от всех горожан края) – дворяне составляли десятую часть жителей этого города. Весьма заметно присутствие дворян в Рузе (5,7%). Даже в городе ямщиков, каким являлся Клин, 4,1% от всего населения – дворяне! Однако абсолютным рекордсменом выступает маленький провинциальный Богородск. Здесь на 946 жителей приходилось 208 дворян. Т.е. почти 1/4 часть жителей города!

Интересно, что высокому числу провинциального дворянства соответствует (как правило) и высокий процент «дворовых людей», которых можно трактовать как прислугу, т.к. они писались в таблицах отдельно от «дворовых крестьян». Например, в небольшом Клину число дворян и «дворовых людей» составляло, соответственно 4,1 и 4% от общего числа местных жителей. В еще меньшем Звенигороде (0,4%) – 9,7 и 3,2%.

Причины такого присутствия, по-видимому, в том, что в результате административных реформ Екатерины II в первой половине XIX в. резко увеличивается число провинциальной бюрократии [10, 437, 440]. Кроме того, уездные, но близкие к Москве города являлись удобным приютом для выходцев из бедных дворянских фамилий.

Лица, относящиеся к духовному ведомству. Наличие этой социальной группы было также в ряде случаев весьма характерно для облика городов и характера их деятельности. Присутствие лиц духовного ведомства достигает максимума в Москве (79%) и Коломне (6,4%). Москва является древним духовным центром. Коломна – центром епархии. Но наиболее внешне заметным присутствием священства и монашества было

в относительно маленьком Можайске (по численности он занимал 7-е место из 14-и). Здесь лица, относящиеся к духовному ведомству, составляли 6,3% (от всех жителей города). Для сравнения, в Москве это соотношение было менее 2%. Объяснение, скорее всего, лежит в сохранении культа Николы Можайского, крайне популярного стране.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Военно-статистическое обозрение Московской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1853.
2. Ведомость о народонаселении Московской губернии за 1852 год (Таблица №3) // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1853. С. 309-310.
3. Водарский Я.Е. Зарайск: тайна рождения // Зарайск. Т. 1. Исторические реалии и легенды. М., 2002.
4. Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006.
5. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
6. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008.
7. Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.
8. Лаппо Г.М. География городов: Учебное пособие для географических факультетов вузов. М., 1997.
9. Образование и развитие городов на территории Московской области // Города Подмосковья. Т. 1. М., 1979.
10. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007.
11. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.
12. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб., 1910.
13. Тихомиров М.Н. Российское государство XV – XVII веков. М., 1973.
14. Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). М., 2006.

ЗЕМСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И КРЕДИТНЫЕ КООПЕРАТИВЫ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.*

Аннотация. Изучены взаимоотношения земских учреждений с кредитными и ссудосберегательными товариществами в конце XIX – начале XX вв. на примере Рязанской губернии. Исследованы масштабы, содержание и результаты работы земств по становлению и развитию кооперативного кредита. Рассматриваются вопросы, характеризующие направления сотрудничества и узлы противоречий между указанными учреждениями. Анализируются причины сдержанного отношения рязанского земства к кредитной кооперации.

Ключевые слова: земские учреждения, кредитные кооперативы, Рязанская губерния, Рязанское отделение Государственного банка, крестьянство.

Y. Budkina

Ryazan State University named after S. Esenin

ZEMSKY ESTABLISHMENTS AND CREDIT COOPERATIVE SOCIETIES OF RYAZAN PROVINCE IN THE LATE XIX-TH – EARLY IN THE XX-TH CENTURIES

Abstract. The article is devoted to the research of mutual relations of zemsky establishments with credit and loan-and-savings associations in the late XIX-th – early in the XX-th centuries on the example of Ryazan province. Scales, the maintenance and the results of work of zemstvo on formation and development of the cooperative credit are studied. The circle of the questions characterising directions of cooperation and knots of contradictions between specified establishments is considered. The reasons of the reserved relation of the Ryazan zemstvo to credit cooperation are analyzed.

Key words: zemsky establishments, credit cooperative societies, Ryazan province, the Ryazan branch of the State bank, peasantry.

Вопросы организации кооперативного мелкого кредита не могли остаться в стороне от земства, одним из главных направлений деятельности которого было развитие мес-

тного хозяйства. По этому поводу видный деятель Московского губернского земства, ставший при Временном правительстве товарищем министра внутренних дел, В.В. Хижняков отмечал: «Кооперация – как средство подъема хозяйства, эта мысль не была чужда земству уже в самое первое время его существования» [14, 3]. Аналогичного мнения придерживался и известный исследователь кооперативного кредита М.Л. Хейсин. «Земства, – подчеркивал он в одной из своих работ в 1917 г., – усмотрели в ссудо-сберегательных т[оварищес]твах наилучшую форму народного кредита и в первой половине 70-х годов мы имеем дело с увлечением земств ссудо-сбер[егательными] т[оварищес]твами» [13, 27]. Примечательны, наконец, в этом смысле и слова видного российского экономиста С.Н. Прокоповича, который указывал: «В 1870–1877 годах за дело учреждения ссудо-сберегательных товариществ усердно принялись земства» [9, 10].

В период «увлечения» земства ссудосберегательными товариществами по инициативе влиятельных представителей земских кругов – А.И. Васильчикова, А.В. Яковлева, В.Ф. Лугинина и других, в 1871 г. был создан Комитет о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства, а также его отделение в Петербурге. Комитетом и особенно его Петербургским отделением была проведена большая работа по популяризации кооперативных идей, содействию в возникновении и становлении кредитных кооперативов в Российской империи [2, 98].

Однако явный интерес руководителей земских органов, большинство из которых являлись средними и крупными землевладельцами, к ссудосберегательным товариществам не был идейным увлечением, а скорее – наоборот: его стимулировал трезвый расчет, связанный с увеличением рентабельности собственного хозяйства. Развитие кооперативного кредита среди крестьянства лучше всего подходило для того, чтобы не

* © Будкина Ю.Б.

допустить полного разорения крестьянских хозяйств, стабилизировать, а по возможности и сократить недоимки по земским платежам, нейтрализовать посягательства крестьян на помещичьи земли. Поэтому часто именно земцы-помещики выступали инициаторами, учредителями и руководителями создаваемых кооперативов, снабжали их первоначальным капиталом. Например, в Рязанской губернии первое ссудосберегательное товарищество – Зимаровское (Раненбургский уезд) появилось в 1870 г. тоже благодаря инициативе земского деятеля, князя Н.С. Волконского [3, 1].

Развитие кредитной кооперации отвечало, по большому счету, и стратегическим интересам государства, заинтересованного не только в сохранении «социального мира» в деревне, но и в повышении налогового потенциала крестьянского хозяйства.

Проблема организации ссудосберегательных товариществ в Рязанской губернии неоднократно привлекала к себе внимание земских собраний. Например, в 1871 г. на собрании Касимовского уездного земства был поставлен вопрос о помощи ссудосберегательным товариществам со стороны губернского земства. Собрание ходатайствовало об отпуске «заимообразно без процентов» 500 рублей из сумм губернского земства для открытия в селе Дмитриевке ссудосберегательного товарищества, основываемого местным помещиком Алеевым, давшим также 500 рублей без процентов. Собрание признало помощь ссудосберегательным товариществам «желательной» и постановило, согласившись с гласным А.И. Кошелевым, крупным землевладельцем Сапожковского уезда, ассигновать для организации подобных учреждений 12 тысяч рублей (по 1 тысяче рублей каждому уезду) с тем, чтобы займы выдавались из 5 % сроком на 10 лет под поручительство уездных земств и по утверждении устава товарищества (см. [12; 6]).

По свидетельствам видного специалиста по проблеме сельского мелкого кредита на рубеже XIX–XX столетий П.А. Соколовского, глубоко изучившего опыт деятельности земств в сфере кооперативного кредита, уже в следующем году все уездные земства Рязанской губернии «признали эти учреждения (ссудосберегательные товарищества – Ю.Б.) полезными, но не все согласились принять на себя гарантию по выдачам губернского земства». В конечном итоге губернской управе было предоставлено право выдавать

ссуды под поручительство «благонадежных и достаточных лиц», изъявлявших желание принять на себя ответственность в уплате ссуды [12, 178].

Важно то, что земские инициативы, направленные на стимулирование развития мелкого кооперативного кредита, порой тормозило стойкое нежелание и даже боязнь крестьян учреждать ссудосберегательные товарищества. Так, в Зарайском уезде причиной подобного отношения к кредитным кооперативам в одной из волостей было то, что в ее пределах (селе Любиче) существовал знаменитый Ларинский банк, основанный еще в 1817 г. В другой волости того же уезда существовала ссудная касса у бывших государственных крестьян [12, 181–182].

Серьезным препятствием для активного участия земств в организации мелкого кредита как в Рязанской губернии, так и в целом по империи служила проблема невозврата кооперативами полученных ссуд. Так, в 1879 г. истек срок ссуды Чернобаевскому ссудосберегательному товариществу Пронского уезда в 100 рублей. В связи с этим губернская управа неоднократно обращалась в Пронскую уездную управу с предложением внести долг и соответствующие проценты с него, на что получила уведомление о том, что «товарищество положительно распалось и нельзя отыскать ни правления, ни членов его» [12, 179].

Таким образом, деятельность губернского и уездных земств в Рязанской губернии по развитию кредитной кооперации в 70–80-е гг. XIX в. в целом носила ограниченный характер. Более того, она так и не смогла оказать существенного воздействия на развитие и эффективную работу кредитной кооперации. Масштабы и помощь ссудосберегательным товариществам оказались незначительными и не отвечали потребностям последних. Земства, за исключением отдельных представителей, не имели компетентных специалистов в области народного кредита, а главное не обладали денежными средствами для его успешной организации.

С другой стороны, как неоднократно отмечали современники, еще не окрепшие ссудосберегательные товарищества зачастую не могли грамотно распорядиться полученными от земства денежными средствами, что приводило к массовой переписке и невозврату полученных ссуд. Такое положение дел отрицательно сказывалось как на развитии ссудосберегательной кооперации, приучая

крестьян к неплатежам по ссудам, так и на отношении земств, которое постепенно постигло разочарование в кооперативной деятельности.

Последующий период взаимоотношений земства и кредитной кооперации в Рязанской губернии вплоть до 1908 г. можно охарактеризовать как период «охлаждения», а порой и явного земского противодействия ее развитию. По словам первого в Рязанской губернии инспектора мелкого кредита П.А. Смирнова, «со стороны земцев нередко приходилось слышать даже разговоры о том, что «мужик любит только брать и не любит платить» [11, 22].

В июне 1904 г., согласно Положению об учреждениях мелкого кредита, земства получили право открывать земские кассы мелкого кредита, а также кредитные и ссудосберегательные товарищества на основании образцовых уставов, но при условии доведения сведений об этом до губернского комитета [7]. Однако это обстоятельство не во многих случаях изменило отношения большинства земств Рязанской губернии к кооперативному кредиту. Вплоть до 1908 г. в губернии не было открыто ни одной земской кассы.

Кроме того, камнем преткновения между земством и Управлением по делам мелкого кредита стал вопрос о том, какие учреждения должны играть ведущую роль в организации мелкого кредита. По воспоминаниям того же П.А. Смирнова, «некоторые земцы упрямо твердили, что дело мелкого кредита должно быть делом земским; что управление берется не за свое дело» [11, 23].

Новый этап земско-кооперативных отношений начался приблизительно с 1908 г. и продолжался до первой половины 1914 г., что было связано со столыпинскими преобразованиями в аграрном секторе, которые не только способствовали динамичному развитию кредитной кооперации, но привели к сотрудничеству земств и кооперативных учреждений мелкого кредита. Веским аргументом в пользу последнего является тот факт, что земства в Рязанской губернии заняли второе место после Инспекции мелкого кредита в деле организации кредитных кооперативов. Причем, например, Ранenburgское уездное земство содействовало открытию кооперативов даже вопреки Инспекции мелкого кредита¹.

Наибольшую организованность и результативность земское содействие кооператив-

ному кредиту получает с момента организации уездных земских касс мелкого кредита. Первая такая касса в губернии была открыта в январе 1908 г. в Зарайске, владея капиталом в 11 тысяч рублей, полученном от уездного земства [4]. Затем открылись Ранenburgская (1911 г.), Данковская и Рязанская (1912 г.), Сапожковская (1913 г.) земские кассы. В годы Первой мировой войны – Рязанская уездная земская касса (1915 г.) и Скопинская земская касса (1916 г.) [8, 29; 32].

Более того, с 1911 г. во многих уездах Рязанской губернии возникает участковая агрономия, которая сыграла немалую положительную роль в развитии губернской системы мелкого кредита. Земские агрономы, видевшие в кооперативных организациях своеобразного помощника, часто в своих лекциях указывали на позитивное влияние кредитных кооперативов в крестьянском хозяйстве [6, 1-2].

Примечательно, что определенное отношение в указанный период к созданию сети кредитной кооперации имели и земские начальники. Были попытки организовывать кредитные кооперативы при их содействии через волостные правления. Однако это, по словам инспектора мелкого кредита, не дало положительных результатов, главным образом из-за их неподготовленности и непонимания задач мелкого кредита².

Содействие Рязанского земства кредитному кооперативному движению в губернии в предвоенный период осуществлялось по трем основным направлениям, которые, с определенной долей условности, можно определить как: кооперативно-кредитное, кредитно-посредническое, организационно-просветительское.

Первое направление характеризовалось выдачей ссуд через земские кассы мелкого кредита в основные капиталы новым кредитным кооперативам. Накануне мировой войны земские кассы мелкого кредита после губернского отделения Госбанка являлись вторыми по значимости кредиторами кредитных кооперативов. Согласно данным на 1 января 1914 г., в Рязанской губернии из остатка по займам в размере 748 тысяч рублей на долю земских касс приходилось 266 тысяч (36 %), на долю Госбанка – 445 тысяч (59 %). Такое процентное соотношение, судя по всему, объясняется меньшим размером процентной ставки по ссудам в Госбанке. Например, в Ранenburgской земской

кассе по займам взималось 8 %, а в Госбанке – только 5 %.

Второе направление деятельности было ориентировано на осуществление земствами самостоятельно или посредством земских касс мелкого кредита посреднической деятельности с кооперативами. В основном земские кассы кредитовали кооперативы сельскохозяйственными орудиями и машинами через земские сельскохозяйственные склады. Однако существовали и другие формы земского посредничества. Например, Зарайская земская касса отпускала в кредит кирпич и известь с земского кирпичного завода [6, 5-6].

Третье направление было связано с содействием в возникновении кооперативов, организации инструкторской и агрономической помощи, устройстве курсов по счетоводству, организации съездов и совещаний представителей кооперативов, устройстве курсов по кооперации, библиотечек. Стоит обратить внимание, что в результате сотрудничества земских учреждений с кредитными кооперативами не только улучшились материальные условия для проведения культурно-просветительских мероприятий, но появились такие важные их формы, как кооперативные выставки и экскурсии для членов кредитных и ссудосберегательных товариществ [11].

Важно отметить, что в предвоенный период повсеместно наблюдалось активное стремление кооператоров «войти» в земство, приобрести здесь соответствующее влияние и силу. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что в результате земских выборов в Бронницком уезде Московской губернии прошло 7 видных участников местных кооперативов. В Костромской губернии (Ветлужский уезд) крестьяне выбрали в свои гласные только кооператоров. Аналогичные попытки участия кооператоров в выборах зафиксированы в Ярославской и Ставропольской губерниях. Не стала исключением и Рязанская губерния. Здесь среди уполномоченных также преобладали кооператоры (Раненбургский, Рязанский уезды). Примечательно, что в Зарайском уезде на земских выборах образовались специальные «банковские партии» из деятелей местных кредитных товариществ [1, 105].

Анализ земских источников показывает, что такая активность рязанских кооператоров заставляла земства в целом сдержанно относиться к кредитной кооперации, опа-

саясь, что ее популярность среди населения оттеснит земство, как орган местного самоуправления, на второй план. В связи с этим показательны слова одного из компетентных современников, который отмечал: «... большая часть Земств Рязанской губернии смотрела на кооперативы как на новые ячейки, подходящие для осторожного проведения некоторых земских начинаний. В отношении кредитной кооперации мероприятия земств были специальными и не затрагивали во всей широте вопроса о взаимоотношениях органов местного самоуправления и тех начинающих пробуждать самодеятельность населения кооперативных ячеек, первоначальные функции которых сводились почти исключительно к кредитованию населения» [5, 119-120].

В целом же масштабы и результаты кооперативной деятельности земских учреждений были сравнительно скромные и далеки от постоянно возрастающих потребностей кооперативных учреждений мелкого кредита. В то же время имелись объективные причины слабого влияния земств на кредитную кооперацию. Среди них финансовая, организационная и кадровая ограниченность земских органов, которые по своему развитию существенно отставали от стремительно развивающегося кооперативного движения. В результате накануне Первой мировой войны кредитные кооперативы превратились в значительной степени в независимые и самодостаточные общественно-хозяйственные организации и, по большому счету, могли развиваться без помощи земства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 154. Оп. 323. Д. 49. Л. 34, 35.
- ² ГАРО. Ф.154. Оп. 323. Д. 49. Л. 4 об.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кооперация и земские выборы // Спутник кооператора. Настольный кооперативный календарь на 1915 г. СПб., [1914].
2. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988.
3. Кредитная кооперация в Раненбургском уезде Рязанской губернии. Рязань, 1920.
4. Кутехов Ф. Мелкий кредит в Зарайском уезде // Рязанская жизнь. 1912. 4 августа.
5. Лучебуль М. Обзор агрономических мероприятий земств Рязанской губ[ернии] за 1913–[19]14 гг. Рязань, 1915.
6. Общий обзор мероприятий земств Рязанской губернии по содействию кооперации // Первое губернское кооперативное совещание при Рязанской губернской земской управе. Труды совещания. Журналы и доклады. Рязань, 1916.

7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 1904. Собр. III. Т. 24. Отд. 1. № 24737.
8. П.С. Кредитная кооперация в Рязанской губернии // Рязанский Кредитный Кооперативный сборник-календарь на 1919 год. Рязань, 1919.
9. Прокопович С.Н. Кредитная кооперация в России. М., 1923.
10. Ранебургская земская сельскохозяйственная и кустарная выставка // Рязанская жизнь. 1913. 28 сентября.
11. Смирнов П. История мелкого кредита в Рязанской губернии // Рязанский Кредитный Кооперативный сборник-календарь на 1919 год. Рязань, 1919.
12. Соколовский П.А. Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ. СПб., 1890.
13. Хейсин М.Л. Исторический очерк кредитной кооперации в России. Пг., 1917.
14. Хижняков В. Земство и кооперация (К 50-летию земства). М., б. г.

УДК 94 (470) «19/20»

Якубсон Е.В.

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

ГОРОДСКИЕ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БЕДНЫХ В СТОЛИЦЕ И ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.*

Аннотация. Рассмотрена деятельность городских органов самоуправления в сфере общественного призрения. На материалах Московской и Тульской губернии (фонды 85 «Тульское городское попечительство», 778 «Попечительство Тульского дома призрения бедных», печатные отчеты о деятельности городских попечительств Московской губернии) проводится сравнительный анализ столичной и провинциальной благотворительности: сопоставляются способы, виды, условия и размеры помощи, оказываемой городскими попечительствами. В условиях модернизации, начавшийся во второй половине XIX в., повлекшей имущественное расслоение в обществе, деятельность попечительств во многом способствовала социальной адаптации бедной части населения к новым экономическим условиям. Недостаток денежных средств, направляемых на благотворительность, в провинции компенсировался попытками создать более разветвленную систему адресной помощи, а также сотрудничеством с церковными попечительствами.

Ключевые слова: благотворительность, Тульская губерния, Московская губерния, органы местного самоуправления, городские попечительства.

Е. Yakubson

Leo Tolstoy Tula Pedagogical University
CITIES GUARDIANSHIP OF POOR PEOPLE

PLE IN CAPITALS AND PROVINCES ON
THE BOUNDARY XIX-XX CENTURIES

Abstract. This article is devoted to the activity of city self-government institutions in the sphere of Charity. On the basis of Moscow and Tula province (funds 85 «The Tula city guardianship», 778 «Guardianship of the Tula almshouse poor», printing reports about activity of cities guardianship of Moscow district) the comparative analysis of the capital and provincial charity is carried out: kinds, conditions and the sizes of the help rendered by cities guardianship are compared. In the conditions of the modernization of the second half of the XIX-th century which has entailed property stratification in the society, guardianship activity promoted in many respects social adaptation of a poor part of the population to new economic conditions. The lack of money resources directed on charity in a province was compensated by attempts to create more branched system of the address help, and also by the cooperation with church guardianship.

Key words: charity, Tula district, Moscow district, local government department, cities guardianship.

В настоящее время благотворительность рассматривается как неотъемлемая составляющая процесса модернизации России и формирования гражданского общества на рубеже XIX-XX вв. Интерес исследователей к истории благотворительности в начале

* © Якубсон Е.В.

XXI в. обусловлен во многом сходной с дореволюционной Россией социокультурной и экономической ситуацией. Современные исследователи обращаются к разным аспектам темы: изучение церковной благотворительности (В.Г. Бобровников, Г.К. Азаматова, Т.Г. Деревягина); исследование личностей крупных филантропов (А.С. Боханов, И.Н. Юркин, Г.Н. Ульянова); работы обобщающего характера (П.В. Власов, Г.Н. Ульянова, А.Р. Соколов). Региональные исследования, представленные в диссертациях последних лет, анализируют национальные, религиозные и другие особенности местной благотворительности. Внимание исследователей обращено на эволюцию форм филантропической деятельности, накопление и систематизацию разнообразных данных по отдельным благотворительным учреждениям. Интересным представляется сравнить столичную и провинциальную благотворительность на примере деятельности городских попечительств Московской и Тульской губернии, действовавших под эгидой городского самоуправления.

Во второй половине XIX в. происходило реформирование органов, в компетенцию которых входили вопросы организации и контроля за благотворительной деятельностью. 1 сентября 1885 г. в Москве был закрыт Приказ общественного призрения [2], действовавший с 1775 г. и отвечавший за деятельность народных школ, сиротских домов, госпиталей и больниц, богаделен, рабочих и смиренных домов, домов для умалишённых. По проекту об усовершенствовании системы городской благотворительности в Москве были созданы городские участковые попечительства [3, 10-11]. В 1894 г. в столице их насчитывалось 28. На каждом участке проживало от 10.000 до 76.000 чел. [5, 2]. Их деятельностью руководило собрание попечителей под председательством городского головы. Московское попечительство о бедных насчитывало в своих рядах в 1895 г. – 1953 чел., в 1900 г. – 1949 чел., в 1904 г. – 1794 чел.

Порядок предоставления помощи был следующий. Проситель должен был обратиться с заявлением в канцелярию участкового попечительства или непосредственно к попечителям. В личной беседе сотрудники устанавливали местожительство просителя. Информация о просителе заносилась в опросный лист. В нем содержались сведения о фамилии, имени, отчестве или прозвище

претендента на выдачу пособия, звании, дате рождения, семейном положении, профессии, оказываемой ранее единовременной или систематической помощи и её вид. Для всесторонней проверки личности просителя в Москве существовало Справочное бюро по делам благотворительности, в котором можно было узнать источники существования родителей, семейное положение, наличие помощи со стороны родственников нуждающегося в помощи и т.п. [6, 84-85]. Эти документы вместе с заявлением рассматривал совет попечительства и выносил решение о предоставлении помощи. В Москве призрению подлежали люди, прожившие в городе не менее двух лет.

Видами вспомоществования являлись: выдача пособий деньгами или натуральными продуктами, помещение в богадельни, поиск работы нуждающимся. Так, число богаделен, находящихся в ведении городского самоуправления Москвы, увеличилось с 23 в 1895 г. до 34 в 1904 г., количество детских приютов соответственно, с 11 до 40, число «кочечно-каморочных квартир» (ночлежек) – с 2 до 15 [6, 134-135]. Размер пособий варьировался от 1 до 50 р. В среднем денежные ежемесячные выплаты нуждающимся составляли 2-3 р. для одиноких и 3-5 р. – для семейных [6, 130-132].

Из отчётов городских попечительств следует, что количество отказов со временем уменьшалось. В попечительстве Басманной части в 1897 г. отказано в помощи было 122 из 470 просящих, что составило 25, 9 % отказов. В следующем году отказ получили 137 из 659 человек (20, 3%), в 1899 – 80 из 814 (9%), в 1900 – 43 из 698 (6, 2%). Из отчётов Мещанской части следует, что в первые годы существования попечительства (1896-1898 гг.) число отказов в получении помощи составляло от 34 до 53 %. В последующие два года оно снизилось до 10 % [9; 10].

При этом попечительства избегали выдавать деньги на руки, так как выдаваемые денежные пособия «не всегда затрачивались на насущные нужды» [5, 20]. Подтверждение этому можно найти у современников, которых волновали проблемы нищенства. Так, Л.Н. Толстой описывает случай, когда, выяснив причину нищенства (потеря работы), он дал деньги на приобретение инструмента (пилы), указал место, где нуждаются в данном работнике и договорился, чтобы его приняли. Однако оказалось, что мужик на работу не пришёл, а продолжал просить

милостыню. Другие просили денег на дорогу, чтобы вернуться домой, в деревню, но так и оставались попрошайничать в городе [13, 169-170]. Подобные случаи не были единичными.

Иногда попечительства выдавали деньги не просившему, а своему сотруднику, который решал, как их израсходовать, чтобы лучше удовлетворить потребности нуждающихся. Попечители оплачивали квартиры, выдавали книжки на получение продуктов в съестных лавках, приобретали одежду и обувь, предоставляли обеды в своих столовых, оплачивали обучение детей, покупали лекарства, приобретали швейные машинки и т. п. Так, например, в 1900 г. из 42625 пособий, выданных московским городским обществом бедных, 33232 составили денежные пособия, 9393 – натурой [5, 16].

В Москве, благодаря деятельности городских попечительств, функционировала разветвлённая система благотворительных учреждений, с помощью которой городское самоуправление могло сдерживать масштабы нищенства и бороться с ним. Городские попечительства Москвы к 1 января 1912 г. содержали: 49 приютов и яслей на 1709 детей; 33 богадельни на 1480 чел., 16 учреждений с 49 дешёвыми и бесплатными квартирами, в которых проживало 285 взрослых и 227 детей; 9 учебных швейных мастерских для девочек и 2 для мальчиков; 6 мастерских для раздачи женщинам работы на дом; 8 столовых для выдачи бесплатных обедов (300 тыс. порций в год); 2 библиотеки [8, 83-84].

Современники отмечали эффективность работы городского попечительства: «...нельзя не пожелать, чтобы пример нашей древней столицы, с энергией взявшейся за новое дело, встретил подражание в возможно большем числе других городов» [7]; «...участковые попечительства, учреждённые в 1894 г., являются главной основой всей городской благотворительности» [4, 123]. Циркуляр МВД от 31 марта 1899 г. рекомендовал распространение опыта Москвы в других городах [4, 109]. Он был воспринят в соседней Тульской губернии.

В 1900 г. в Туле начинает функционировать городское попечительство. При его открытии тульский городской голова определил его цели: доставление заработка, снабжение одеждою, обувью, топливом, съестными припасами, помещение детей в приюты, учебные заведения, больных – в

больницы, убогих – в богадельни. Деятельностью Тульского городского попечительства руководил Председатель, его товарищ и Совет попечительства из 12 членов. Город был поделен на 6 участков. Председатели участковых попечительств и их товарищи избирались городской думой на 4 года. 5-10 членов приглашались участковым попечителем и также утверждались думой. Количество почётных членов, благотворителей и сотрудников не регламентировалось. В Правилах городского попечительства указывалось на обязательное присутствие в заседаниях председателей церковно-приходских попечительств, находящихся на территории данного участка и обладавших правом голоса наравне с членами Совета [11, 2]. (В Москве попытки городского самоуправления сотрудничать с церковно-приходскими попечительствами, взяв приходы за основу при делении города на участки, «встретили отпор со стороны церковного начальства») [4, 107].

Основным видом помощи являлась выплата денежных пособий. Единовременные выплаты, как и ежемесячные пособия неимущим, были скромнее московских и варьировались на участках города от 25 коп. до 5 р. в месяц. Если в Москве основную массу нуждающихся составляли крестьяне, то в Туле – бедные ремесленники¹. Для получения пособия составлялись прошения, направляемые в участок городского попечительства. Система проверки и контроля просящего пособие была заимствована у московских коллег. Однако тульским городским попечительством были выработаны свои критерии, определяющие степень нужды. Так, денежные выплаты для одиноких людей предусматривались в случае, если недельный заработок составлял не более 70 коп. Если проситель не имел своего жилья и платил за квартиру, эта сумма вычиталась при подсчёте недельного заработка. Для семейных доход для получения пособия от попечительства должен был составлять не более 70 коп. на каждого взрослого члена семьи и не более 50 коп. на каждого ребёнка². Члены участковых попечительств строго проверяли данные о заработке. Для этого составлялись списки существующих на территории участка промышленных предприятий с указанием возможных заработков рабочих. Количество людей, получавших пособия, на участках разнилось. Так, например, ежемесячными пособиями в 1901 г. на 2-ом участ-

ке воспользовались 13 чел. (от 5 коп. до 5 р.), на 6-ом – 20 чел. (от 1р. до 5 р.), на 4-ом – 904 чел. (на общую сумму 1317 р. 49 коп.)³.

Более крупные суммы пособий выделялись на починку домов, на пособия «по выходу замуж», на похороны. Количество и сумма выделяемой помощи на каждом участке определялись самостоятельно. Так, в 1902 г. на поправку домов на 1-ом участке было выделено по 100 р. четырём просительницам, другому просителю – 35 р., на 2-ом участке на эти же нужды – 55 р.⁴

Пособия на замужество предоставлялись согласно жребию. В 1909 г. Городским попечительством пособия были предоставлены 89 девицам из 609 претендующих на общую сумму 4926 р. Размер пособий варьировался от 25 до 100 р.⁵ Крупные пособия (100 р. и более), как правило, предназначались для родственниц благотворителей⁶. Но при этом родные сестры не могли метать жребий одновременно [12, 4-5].

По возможности, члены попечительств стремились оказать целевую помощь: поместить в больницу, устроить на работу, купить инструменты, лекарства. Заинтересованность и внимание горожан к деятельности попечительств, сострадание к нуждающимся проявилось в увеличении числа пожертвований в пользу неимущих. В связи с этим общий капитал городского попечительства увеличился с 46397 р. в 1902 г. до 191195 р. в 1909 г. [1, 33].

За первое десятилетие существования тульское городское попечительство значительно расширило сферу деятельности. Помимо выдачи пособий, оно устраивало «дешёвые и даровые квартиры», оказывало медицинскую помощь, бесплатно раздавало лекарства, предоставляло на них скидки (размер доходил до 35 %), выдавало работу на дом, определяло на работу, устраивало детей в школы⁷. За первое десятилетие работы были открыты: убежище для неизлечимо больных, две бесплатные столовые, общежитие для бедных вдов с детьми, богадельня «для преступных женщин», мешочная и швейная мастерские, богадельни для неимущих. Был создан специальный детский отдел городского попечительства, который опекал два детских приюта, приюты для нищенствующих детей и для детей алкоголиков, ясли, сиротский дом⁸.

Таким образом, деятельность столичных и провинциальных попечительств способствовала социальной адаптации бедной части

населения в условиях модернизации второй половины XIX – начала XX вв., повлекшей имущественное расслоение в обществе. В провинции не только перенимали инициативу и опыт столиц по совершенствованию филантропической деятельности, но и адаптировали его к местным условиям. Так, в провинциальных городах (малочисленных по сравнению со столицей), помощь носила преимущественно адресный характер. Ограниченность в средствах требовала всестороннего контроля за их расходом, объединения усилий с другими благотворительными учреждениями (особенно с церковно-приходскими попечительствами) в оказании помощи неимущим.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф. 85. Оп. 1. Д.1. Л. 23.
- ² Там же. Л. 33
- ³ Там же. Л. 20. Л.28. Л. 30.
- ⁴ ГАТО. Ф. 85. Оп.1. Д. 16. Л. 23. Л.49.
- ⁵ ГАТО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 14. Л.31
- ⁶ ГАТО. Ф. 85. Оп. 1. Д.1. Л. 20
- ⁷ ГАТО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 14
- ⁸ ГАТО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1. Л. 32

ЛИТЕРАТУРА:

1. Благотворительность в России. Т. 2. СПб., 1907. С. 33
2. Богданов В. П. И.Н. Мамонтов и его проект «народного здоровья» // Московский журнал. 2001. №4.
3. В комиссию о пользах и нуждах общественных при Московской городской думе: доклад председателя комиссии И. Н. Мамонтова...М.,1887. С.10-11.
4. Гогель С. К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб., 1908. С. 123.
5. Городские попечительства о бедных в Москве в 1900 году. М.,1902. С.2.
6. Городские попечительства о бедных в Москве 1895 – 1904. М.,1908. С.84-85.
7. Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897.
8. Общественное призрение Московского городского самоуправления. М., 1914. С. 83-84.
9. Отчёт городского попечительства о бедных 1 и 2 участка Басманной части. М., 1896-1901.
10. Отчёт городского попечительства о бедных Мещанской части 1-ого участка. М., 1897-1900.
11. Правила о городском попечительстве, учреждаемом в г. Туле для оказания помощи нуждающимся. Тула.1900. С.2.
12. Смета прихода и расхода Тульского городского попечительства о бедных на 1912 г. Тула, 1911. С. 4-5.
13. Толстой Л. Н. Так что же нам делать? Собрание сочинений в 22-х томах. Т.16. М., 1983. С. 169-170.

Остроухов А.И.

Московский государственный
областной университет

ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ В РОССИЙСКОМ ПЛЕНУ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ)*

Аннотация. В статье исследуется проблема положения чешских и словацких военнопленных периода Первой мировой войны, размещенных в разных лагерях военных округов России. На основе материалов российских архивов освещается политика российских властей по отношению к военнопленным. В круг этой политики входили следующие вопросы: регулирование законодательными актами и правилами труда военнопленных на российских предприятиях и сельскохозяйственных работах, отношения между местным населением и военнопленными, забота об их здоровье, возможность принятия русского гражданства военнопленными, взаимодействие официальных властей и общества Красного Креста по оказанию им помощи. В статье показано, что в трудах историков в недостаточной мере были использованы материалы российских архивов, поэтому одна из задач данной статьи заключается в расширении источниковой базы.

Ключевые слова: Первая Мировая война, военнопленные в России, чехи и словаки, правовое положение, общество Красного Креста, труд военнопленных.

А. Ostroukhov

Moscow State Regional University

THE POSITION OF CZEKHEs AND SLOVAKS IN RUSSIAN CAPTIVITY IN THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR (ON THE MATERIALS OF RUSSIAN ARCHIVES)

Abstract. In the article the problem of the Czech and Slovak prisoners of war during World War the First, stationed in various military districts of Russia, is investigated. Based on the materials of Russian archives the policy of Russian authorities towards the prisoners of war is covered. The aspects of this policy included the following issues: regulations by laws and regulations by the labor of the prisoners of the war on Russian enterprises and

agricultural work, the relationship between the local population and the prisoners of the war, the concern about their health, the possibility of the Russian prisoners of the war to gain Russian citizenship, the cooperation between official authorities and the Red Cross in order to provide assistance. The article shows that in the works of our historians the materials of Russian archives are not adequately used, so one of the objectives of this article is to increase the source base.

Key words: World War the First, the prisoners of war, Czechs and Slovaks, a legal status, the Red Cross, the work of the prisoners.

Данная статья, опираясь на материалы российских архивов, характеризует положение чешских и словацких военнопленных в России и является продолжением публикации, в которой рассматривался тот же вопрос на основании источников из пражских архивов [1].

В статье использованы документальные материалы из ведущих российских архивов, таких, как Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) и Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Выявленные источники, позволяющие закрыть «белые пятна», оставшиеся от предшествующих исследований, содержатся в следующих фондах:

- 1) Фонд 2000 – Главное управление Генерального Штаба (РГВИА);
- 2) Фонд 1558 – Штаб Приамурского военного округа (РГВИА);
- 3) Фонд 1720 – Штаб Казанского военного округа (РГВИА);
- 4) Фонд 3333 – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (ГАРФ);
- 5) Фонд 3341 – Центральная коллегия по управлению делами Российского Общества Красного Креста (ГАРФ);

Документы, представленные в этих фондах, включают ведомости, справки, сравнительные списки, анкетные данные, постановления, приказы, правила, регули-

* © Остроухов А.И.

рующие положение чешских и словацких военнопленных, их ходатайства, направленные в Главное управление Генерального штаба, прессу. Перечисленные источники позволяют с большей или меньшей степенью информативности исследовать вопрос о судьбах чехов и словаков, попавших в российский плен в 1914-1918 гг.

В историографии советского периода, посвященной проблеме положения чешских и словацких военнопленных во время Первой мировой войны, наибольшую роль сыграла монография Клеванского А.Х. «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус», опубликованная в 1965 г. В основу книги легли исследования чехословацких историков тех лет, значительное количество материалов из архивов СССР^{1, 2, 3, 4} и Чехословакии. Автором было рассмотрено положение чешских и словацких военнопленных в России и развитие национального движения в их среде. Монографии присущ более взвешенный и тщательный, чем в предыдущих работах по этой теме, подход к освещению вопроса о численности чешских и словацких военнопленных в России.

Исследуя положение чехословацких военнопленных и отношение к ним со стороны российских властей и проанализировав положения международных Гаагских конвенций о правовом статусе военнопленных 1899 и 1907 гг., Клеванский пришел к выводу, что ни один их пункт российскими властями не выполнялся и фактически чешские и словацкие военнопленные были отданы на произвол местных военных властей, комендантов лагерей и охраны, местных предпринимателей и подрядчиков, которые поступали с военнопленными, исходя из своих собственных потребностей и желаний, грубо нарушая и не выполняя предписаний Гаагских конвенций [2, 32].

Одним из несомненных достоинств книги Клеванского является то, что впервые в советской историографии для исследования вопроса об отношении власти к чехословацким военнопленным в России были привлечены новые архивные материалы. Однако автор не рассматривал такой важный аспект темы, как отношения между местным населением и чехословацкими военнопленными.

Диссертационное исследование Недбайло Б.Н. «Чехословацкий корпус в России (1914-1920)» состоит из трех разделов: 1) чехословацкие военные формирования в годы

Первой мировой войны, 2) Чехословацкий корпус в борьбе против советской власти в 1918 году, 3) участие Чехословацкого корпуса в противоборстве политических сил во время Гражданской войны в России.

Ссылаясь на материалы РГВИА^{5, 6}, Недбайло Б.Н. подробно осветил такую сторону положения чешских и словацких военнопленных, как использование их труда на предприятиях и в сельском хозяйстве. Он пришел к выводу, что ГУГШ, стремясь к экономической выгоде, относилось к военнопленным, «как к рабам»: их постоянно эксплуатировали, заставляли выполнять самые тяжелые сельскохозяйственные работы, строить железные и шоссейные дороги [3, 27-28].

Однако вопрос о регулировании этого труда законодательными актами и правилами для военнопленных остался неизученным. Между тем в РГВИА содержатся сведения, позволяющие выявить, какие законодательные акты и правила регулировали труд чешских и словацких военнопленных не только на российских предприятиях, но и на сельскохозяйственных работах. Все вышеперечисленные документы сосредоточены в фонде 2000, и с них начнем рассмотрение этого вопроса.

Главное управление Генерального штаба (эвакуационный отдел по заведыванию военнопленными) установило от 17 декабря 1916 г. следующие «Правила приема военнопленных на работу для российских предприятий»:

1) «При сдаче военнопленных, от ведомства они должны быть снабжены необходимыми по времени года одеждой и обувью, а равно и бельем;

2) В местах работ военнопленные размещаются в бараках и землянках, и лишь при отсутствии таковых и невозможности срочно выстроить их, в ближайших селениях, в частных домах, но непременно казарменным порядком;

3) Во время работы чешские и словацкие военнопленные нижних чинов получают продовольствие из общего котла, на одном основании с нижними чинами русской армии.

4) В обязанности начальника работ на предприятии лежит организация надлежащей постановки медицинской помощи заболевшим военнопленным»⁷.

Таким образом, Эвакуационный отдел предусмотрел многие меры по обеспечению

положения военнопленных, работающих на предприятиях. В то же время очевидно, что военнопленные изначально рассматривались как дешевая рабочая сила. Обращает на себя внимание то, что практически не регламентировался характер труда, тем самым допускалось, что они окажутся на самых тяжелых работах. Что касается вопроса обеспечения довольствием, то все военнопленные низводились до нижних чинов. В весьма общем виде регулировалась и сфера медицинского обслуживания.

Приведем другой важный документ из этого же фонда «Правила для содержания чешских и словацких пленных на сельскохозяйственных работах», принятые Эвакуационным отделом ГУГШ 30 апреля 1916 г:

1) «Питание пленных должно быть лучше, чем питание русских рабочих;

2) Пленные обязаны начинать и заканчивать работы одновременно с русскими рабочими;

3) Пленные обязаны работать в свои праздники, а равно и в воскресенья, однако вместо воскресений пленным предоставляется право отдыхать в один из ближайших дней недели, по выбору того сельского хозяина, в распоряжении которого пленные находятся;

4) В случае нерадивости, непослушания или грубости, пленные подвергаются аресту на хлебе и воде при ближайшем волостном управлении или становой квартире на 7 суток;

5) Если дурное поведение пленного вызывает сельского хозяина отказаться совершенно от работ этого пленного, то таковой не может быть направлен на другую работу, но должен быть немедленно же возвращен в распоряжение ближайшего воинского начальника, который с ним поступает согласно указанию своего начальства о наложении взысканий на военнопленного»⁸.

Согласно данным этого архивного документа, можно утверждать, что на сельскохозяйственных работах условия труда чешских и словацких военнопленных были строго регламентированными, в отличие от работы на российских предприятиях. Так, пленные должны были начинать и заканчивать работу в те же часы, что и русские рабочие, а также работать в выходные и праздники, но с правом на выходной в один из дней недели.

Обратимся теперь к другому малоизвестному вопросу – к отношению местного населения к чешским и словацким военнопленным, которое проявлялось в разных

формах. Наиболее полно и подробно проблема отношения между местным населением и военнопленными отражена в архивных документах фонда 1558 (Штаб Приамурского военного округа) РГВИА. В своем ходатайстве к начальнику Приамурского военного округа учитель Никольск-Уссурийского ремесленного училища Прокопенко обратился с просьбой о разрешении «произвести фотографические снимки с расположения отряда военнопленных, и сделать несколько снимков в казармах для помещения этих снимков без текстов к ним в наших журналах («Родина», «Огонек»). Преподаватель справедливо полагал, что любая достоверная информация о пребывании военнопленных чехов и словаков в крае будет представлять большой интерес не только для современников, но так же иметь историческую ценность. Несмотря на то, что Прокопенко характеризовался только положительно и был известен как «любитель фотографии, посылающий их в разные журналы», его просьба, дошедшая до командующего округом генерала А.Н. Нищенкова, была резко отклонена⁹. В результате фотодокументального материала о жизни чешских и словацких военнопленных в Приамурском военном округе практически не сохранилось.

Определенные недоразумения между чешскими и словацкими военнопленными и местным населением стали возникать на почве денежных расчетов. Разрешение под конвоем посещать магазины и рынки было объявлено военнопленным, как офицерам, так и нижним чинам, сразу же по прибытию их в лагеря Приамурского военного округа. Однако естественное желание приобрести продукты и товары первой необходимости наталкивалось на отказ продавцов принимать иностранные деньги. Как типичный пример, газета «Приамурье» в №3 от 25 февраля 1916 года приводила разговор на базаре в Шкотово: «Наши не принимают кроны, а чехи удивляются – «Серебро же!» «Мало ли что серебро, - смеются торговцы, – да не русское!»¹⁰.

В целях устранения таких расчетных затруднений, которые потребовали быстрого решения в масштабах всей страны, Главное управление Генерального штаба сделало запрос министерству финансов. Министерством было отдано распоряжение отделениям Государственного банка, губернским и уездным казначействам о приеме германских кредитных билетов по цене 30 копеек за

марку, австрийских – по 25 копеек за кро-ну. Для золотых и серебряных полновесных монет устанавливались курсы: германская марка по 46 и 17 копеек, австрийская – по 39 и 15 копеек. Никелированные, бронзовые и медные деньги приему не подлежали¹¹.

Несмотря на то, что Главное управление Генерального штаба оперативно уведомило об этом распоряжении все банки и казначейства округа, обмен денег на местах оставался проблематичным. По поводу отказа местных казначейств в обмене германских и австрийских денег на рублевый эквивалент руководством штаба Приамурского военного округа сообщалось, что после запроса «Государственный банк уведомил, что распоряжение о покупке иностранных денежных знаков от военнопленных первоначально было дано тем учреждениям Государственного банка, в районе коих были сосредоточены чешские и словацкие военнопленные». Разрешение проводить обмен денег для военнопленных было дано лишь следующим дальневосточным конторам и отделениям Государственного банка и приписанным к ним казначействам: Хабаровскому, Николаевскому-на-Амуре, Владивостокскому¹².

Забота о здоровье военнопленных во время их пребывания в российских лагерях было одним из приоритетных направлений политики официальных властей и ГУГШ по отношению к иностранным пленным. Очевидно, это было связано с тем, что российские предприятия и сельские хозяйства нуждались в здоровых и сильных военнопленных, готовых выполнить самые тяжелые работы. Эвакуационный отдел ГУГШ 21 января 1915 г. издал приказ, имевший юридическую силу для всех военных округов России: «Военнопленные, забираемые нашими армиями на полях сражений и сосредотачиваемые для дальнейшего направления в пределах военных округов, находятся в большинстве случаев в крайне загрязненном и антисанитарном состоянии. В виду той опасности, которую представляет собой антисанитарное состояние военнопленных, в смысле появления и распространения заразных заболеваний, могущих носить эпидемический характер, наш отдел приказывает воинским начальникам всех военных округов России, позаботиться об устройстве специальных бань, приспособленных для дезинфекции военнопленных, через которые в наикратчайший срок должны пройти военнопленные перед отправлением в пункты, назначенные

для постоянного квартирования, а также об устройстве этих бань в самих пунктах пребывания военнопленных»¹³.

Согласно этому документу, становится очевидным, что ГУГШ предприняло все усилия, чтобы свести риск заболеваний среди военнопленных к минимуму. Что же касается чешских и словацких военнопленных, то Эвакуационным отделом были также приняты меры по защите их здоровья. В фонде 1720 (Штаб Казанского военного округа) РГВИА находится письмо начальника штаба Казанского военного округа о чешских и словацких военнопленных ГУГШ: «В распоряжении начальника гарнизона города Сызрани для снабжения пленных чехов и словаков назначено и отправлено вещей: 1) Из Казанского вещевого склада 1000 теплых курток и пиджаков, 200 пар валенок и 50 шапок; 2) Из Пензы от уездного воинского начальника 1000 шаровар и 300 пар сапог; транспорт уже отправлен»¹⁴.

В письме на имя начальника Эвакуационного отдела ГУГШ от 16 января 1915 г. военно-санитарный инспектор Казанского военного округа пишет, какие меры были приняты для обеспечения здоровья чешских и словацких военнопленных, проживающих в поселке Паратского завода: «Проведя тщательный осмотр данного места, я пришел к выводу, что заболевания сыпным тифом локализируются среди чешских и словацких военнопленных, помещенных в верхнем поселке Паратского завода, и для предотвращения развития эпидемии приняты следующие меры: 1) Заболевшие изолированы в нескольких отдельных зданиях завода; 2) Усилен надзор за санитарно-гигиеническими условиями быта для военнопленных и обращено внимание на необходимость снабжения их бельем и кипяченой водой; 3) Установлено наблюдение за тем, чтобы жители верхнего поселка Паратского завода не приходили в соприкосновение с живущими в нижнем поселками чехами и словаками»¹⁵.

Таким образом, благодаря мерам, принятым российскими властями для обеспечения здоровья чешских и словацких военнопленных, удалось избежать массовой смертности от обморожения, так как военнопленные попадали в российские лагеря в основном без теплой одежды, а также смертности от эпидемий, вызванных не всегда соблюдавшимися санитарно-гигиеническими требованиями к бытовым условиям чешских и словацких военнопленных.

Реальным шагом российских властей по улучшению положения чешских и словацких военнопленных можно считать Постановление Временного правительства от 17-го июня 1917 г. «О приеме в подданство России неприятельских военнопленных, состоящих в рядах Русской армии или добровольческих воинских частях». Условиями, срок действия которых распространялся до окончания текущей войны, являлись: «подача личного ходатайства желающим, поручительство солидной славянской организации, благоприятный отзыв местных властей в случае, когда это возможно»¹⁶. Тогда же военнопленные славянского происхождения получили право вступать в брак с русскими гражданками. В Государственном архиве Российской Федерации в фонде 3333 (Центральная коллегия по делам пленных и беженцев) содержится ответ Центральной коллегии о пленных и беженцах на письмо русской женщины, желающей выдать замуж свою дочь за военнопленного чеха: «Вдова Елена Михайловна Жигальцева, проживающая по Тургеневской улице в доме Моисеева, просит разрешения на брак дочери Елены с австро-венгерским военнопленным Матвеем Матвеевичем Варга, чехом по национальности. Центральная коллегия о пленных сообщает, что с ее стороны не встречается препятствий, при наличии у военнопленного требуемых для совершения брака документов»¹⁷.

В целом же решение вопроса о принятии военнопленных в русское гражданство Военным Министерством Временного правительства основывалось на двух мотивах: «1) русские гражданки, выходящие замуж за военнопленного (иностранца) становясь, в силу брака, иностранными гражданками, теряют в своих правах, между тем должны находиться в России, так как мужья в виду состояния войны, уехать к себе на родину и увезти с собой жен – естественно не могли; 2) заключение браков военнопленных с русскими гражданками практиковалось чехами и словаками как способ удобного осуществления шпионажа»¹⁸. Ввиду данных обстоятельств, в вопросах о браках и выдаче русского гражданства чешским и словацким военнопленным Временное правительство проявляло большую осторожность, выделив три категории военнопленных чехов и словаков, имеющих право вступать в брак с русскими гражданками: «1) Освобожденные на поруки, под ответственность юридических и

частных лиц; 2) освобожденные, с включением в разряд трудообязанных; 3) возбуждавшие ходатайство о принятии в русское подданство в том случае, если в надлежащих учреждениях о них нет компрометирующих данных, и они не могут быть приняты лишь в силу международных соглашений»¹⁹. Разрешать браки для пленных трех указанных категорий в каждом отдельном случае предоставлялось штабам округов.

В фонде ГАРФ 3341 (Центральная коллегия по управлению делами Российского Общества Красного Креста) хранятся документы от Комитетов помощи военнопленным общества Красного Креста, от родственников чешских и словацких военнопленных, в которых содержатся просьбы об установлении их места нахождения. Так, например, в июле 1918 г. родственники чешского ополченца Карла Войте, взятого в плен 2 ноября 1914 г. у Коло и находившегося до обозначенного времени в лагере военнопленных Никольск-Уссурийска, подали прошение о выяснение местонахождения своего родственника, так как «не имели о нем известий с 15-го октября 1917 года»²⁰.

Эвакуационный отдел Главного управления Генерального штаба совместно с Комитетом общества Красного Креста в России обязывались оказать всемерную помощь и поддержку родственникам чешских и словацких военнопленных в установлении их местонахождения.

Таким образом, документальные материалы из российских архивов, по сравнению с пражскими, дают возможность исследовать новые аспекты жизни чешских и словацких военнопленных в российских лагерях, такие, например, как: забота официальных российских властей об их здоровье, вопрос об отношении чешских и словацких военнопленных с местными жителями и проблема получения русского гражданства чешскими и словацкими военнопленными.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 16, 49, 50, 55.
- ² ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 112. Л. 36.
- ³ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2000. Оп. 6. Д. 166. Л. 34.
- ⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 70, 255, 274.
- ⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 7.
- ⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 182. Л. 3.
- ⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 166. Л. 34.
- ⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 162. Л. 60.

- ⁹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 1. Л. 30.
¹⁰ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 1. Л. 78-79.
¹¹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 1. Л. 228.
¹² РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 1. Л. 230, 232.
¹³ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 255.
¹⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 274.
¹⁵ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 70.
¹⁶ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 50.
¹⁷ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 16.
¹⁸ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 49.
¹⁹ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 3. Д. 539. Л. 55.
²⁰ ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 112. Л. 36.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Остроухов А.И. Положение чехов и словаков в российском плену в период Первой мировой войны (по материалам пражских архивов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки», 2009, №1. С. 85-92.
2. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 32.
3. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914-1920): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 27-28.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 37.01131-051

Ялозина Е.А.

Всероссийская государственная
налоговая академия Минфина РФ

ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме отношения традиционного сельского общества к развитию начального школьного обучения в первой четверти XX века. Автор рассматривает эволюцию школьной политики земств, а в дальнейшем и местных органов советской власти. На основе анализа сделан вывод о том, что становление и развитие отечественного образования на данном этапе определялось не только государственной стратегией, но и хозяйственно-экономическими запросами, возможностями и психологией сельского общества. Источниковой базой исследования являются архивные документы, как правило, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: школьная политика, сельская школа, традиционное общество, отделы народного образования.

E. Yalozina

All-Russia State Tax Academy of the Ministry of Finance of Russia

SCHOOL STATE POLICY AND THE TRADITIONALISM OF RURAL COMMUNITY IN THE FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The present article is devoted to the problem of the relations of traditional rural society to the development of primary schooling in the first quarter of the twentieth century. The author examines the school policy of local government («zemstvo») and the Soviet authorities. On the basis of the analysis it has been concluded that the formation and the development of domestic education at the given stage was defined not only by the state strategy, but also by the economic needs, possibilities and psychology of rural community. The base of the research is provided by archival documents, which are introduced into the scientific use for the first time.

* © Ялозина Е.А.

Key words: school state policy, rural school, traditional society, departments of public education.

В контексте историко-методологической проблемы традиционализма аграрного российского общества конца XIX - первой четверти XX вв. особый научно-познавательный интерес представляет изучение такого его социального института, как сельская школа. Ее становление в пореформенный период и развитие в условиях становления советской власти определялось не только государственной стратегией, но и хозяйственно-экономическими запросами, возможностями и психологией сельского сообщества.

Земская школьная политика изначально основывалась на убеждении, что крестьяне, в силу своей психологии, только тогда по-настоящему заинтересуются школой, когда будут сами изыскивать и давать собственные средства на ее устройство, содержание и обучение своих детей. В свою очередь, земцы из крупных землевладельцев считали невыгодным и несправедливым для себя участвовать в расходах на школу, направленных исключительно на обучение крестьянских детей. Поэтому в конце 1870-80-х гг. на сельское общество приходилось 30% - 45% расходов на материальную поддержку учителей и приобретение учебных принадлежностей. Со временем роль государства и земств в финансировании образования становилась заметней: они выделяли средства на содержание учителей, закупку учебников и учебных пособий, хозяйственные расходы, постройку и ремонт школьных зданий. На этом фоне участие населения в софинансировании школы сокращалось и к 1900 г. составляло всего 5% [1, 271].

В начале XX в., на волне революционных событий, под давлением общественно-поли-

тического движения, думской деятельности школьная проблема приобретает черты общемировых тенденций, когда усиливается роль государственных финансовых потоков, а школа выполняет государственный социально-политический заказ. События 1917 г. радикализировали концепцию школьного развития. Советская власть в своих первых государственных актах декларировала новый беспрецедентный принцип финансирования системы образования только за счет средств центрального бюджета государства. Однако унаследованные от прежней власти нерешенные социально-экономические проблемы системы образования, усугубляемые катастрофическими последствиями революции, войны и финансового кризиса, оказались неподъемными для большевиков. В начале 1920-х гг. власть предельно сокращает финансирование школы из центрального бюджета, перекладывает эту задачу на слабый нестабильный местный бюджет и заявляет о необходимости привлечения для спасения положения школы средств населения. По существу, речь шла об обращении советской власти к традиционному российскому опыту предыдущих десятилетий. Вопреки идеологическим воззрениям большевиков, их государственной просветительской политике, инвариантом которых было неприятие и отторжение дореволюционной практики, социально-экономические реалии диктовали необходимость политических компромиссов и установку на приоритет целесообразности.

Традиционализм хозяйственно-экономического поведения сельского общества был опасен и чреват для советской власти попыткой возрождения «старой царской» школы. В целях недопущения этого и регламентации механизма привлечения средств населения Совет Народных Комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР) 15 сентября 1921 г. принял постановление «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений»¹. Постановление явилось первой попыткой советской власти в условиях кризиса приостановить стихийное разрушение школьной системы и урегулировать формы и методы привлечения внебюджетных средств населения для поддержания народного образования. В октябре 1921 г. народный комиссариат просвещения в своем циркуляре предупреждал о недопущении введения платы за обучение в школах республики, открытии платных час-

тных и кооперативных школ². Месяц спустя, ЦК РКП(б) разослал на места директиву «О порядке привлечения местных средств к расходам по содержанию просветительных учреждений», в которой поставил перед партийными организациями задачу оказать отделам народного образования всемерную помощь в мобилизации средств населения на нужды школы³. Таким образом, в конце 1921 г. проблема внебюджетного финансирования школы приобретала нормативную основу в документах государственного, партийного и ведомственного уровня. Власть решала двукратную задачу: привлечь традиционные источники внебюджетного финансирования – средства населения, и не допустить при этом усиления натиска на школу мелкобуржуазной стихии.

Выполнение поставленной задачи в условиях социально-экономического и политического кризиса начала 1920-х гг. являлось крайне сложным делом. В этой связи власти прибегли к привычным со времен «военного коммунизма» принудительно-мобилизационным действиям. Так, к примеру, положение о добровольности сборов и самообложении, присутствовавшее в постановлении СНК РСФСР от 15 сентября, местная власть в своих циркулярах, спускаемых в волости, игнорировала и вела речь о такой форме сборов, как повинность, т.е. об испытанном в годы «военного коммунизма» методе принуждения. Устанавливались два вида «самообложения» в качестве обязательной повинности: продовольственная – чтобы накормить учителя и топливная – для обеспечения школы. Взимание этих сборов должно было производиться в два срока: к 1 октября – в размере потребностей 1-го полугодия, к 1 декабря – в расчете на 2-е полугодие⁴.

В соответствии с директивами центра, в декабре 1921 г. в округах были проведены съезды заведующих отделами народного образования, объединенные заседания комиссий комитетов РКП(б), военкоматов, исполкомов по вопросам привлечения средств населения, определившие в своих решениях круг задач местной власти по мобилизации общества на поддержку школы. В ближайший период все аппараты этих органов власти обязывались ударно заниматься проведением самообложения, при этом устанавливались конкретные сроки 100% выполнения обязательств. Неисполнение решений расценивалось как содействие контрреволюции⁵.

Подавляющее большинство крестьянских хозяйств после Гражданской войны, неурожая 1921 г. и его последствий испытывали серьезные экономические трудности и зачастую были не в состоянии выполнить норму по самообложению, материально поддержать школу. Перед ними стояла гораздо более насущная жизненная проблема – преодолеть голод, выжить самим. Сбор продовольствия в пользу школ проводился с трудом. Выполняя разнарядку по самообложению, лишь немногие волости могли выдать по 1 пуду (16,38 кг) муки на школьного работника или 30 фунтов (1 фунт = 0,409 кг) пшеницы. Еще реже крестьяне на члена семьи учителя могли выделить дополнительно еще 1 фунт масла и 4 фунта мяса. Некоторые волости были в состоянии лишь «обложить население топливом» или отказывались от самообложения вообще. В таких местностях учителя голодали, уходили в поисках заработков, и властям не оставалось ничего другого, как вынужденно закрывать школы [3, 2].

Проводимое добровольно-принудительными методами самообложение как источник поддержки сельской школы и учителя в 1921/1922 учебном году, на практике не оправдало себя. В мае 1922 г. руководство многих округов признавало, что самообложение «не проходит». Причину провала проведения кампании власть видела, прежде всего, в административном ресурсе – халатном отношении и самоустранении работников просвещения, при этом экономический упадок крестьянских хозяйств и особенности патриархальной психологии крестьян, практически, не принимались в расчет.

Неэффективность кампании и продолжающееся стихийное закрытие сельских школ побудили власть в начале 1922/1923 учебного года обратиться к другой форме помощи населения школе – на договорных началах. С крестьянством заключались договоры, согласно которым школы находились в ведении отделов народного образования, но содержались, преимущественно, за счет местного населения, которому предоставляли право контролировать средства, ассигнованные на расходы школе [4, 18]. Следует подчеркнуть, что власть была осторожна в своих действиях по развертыванию договорной кампании, опасаясь крестьянской инициативы возрождения «старой дореволюционной школы». Поэтому договоры на содержание школ заключались, как прави-

ло, поэтапно, сначала на несколько месяцев, реже – на полгода.

Как показала практика, на условиях таких договорных отношений крестьяне стали проявлять некоторую заинтересованность и активность. Даже, будучи ограничены в средствах и возможности оказать материальную поддержку, они в качестве добровольной помощи соглашались выполнять работы в пользу школы, сделать сруб, провести там мелкий ремонт. Осенью 1922 г. из волостей стали приходить сообщения о постепенном восстановлении школ, возвращении туда учителей и учеников. Второй этап заключения и реализации договоров с сельским населением проходил зимой-весной 1923 г. трудно, с нарушением сроков, объемов и условий оказания помощи. И все же, по сравнению с неэффективной принудительной формой самообложения населения, добровольная договорная кампания реализовывалась на 20-25%, что давало возможность, хоть и слабо, но поддерживать учителя и не закрывать школу [5, 8-11].

Вместе с тем подтверждались и опасения советской власти: революционные события не смогли переломить эту удивительную патриархальную тягу крестьян к моральному воздействию. Крестьянское сообщество, сообразуясь с дореволюционным опытом материальной поддержки школы, начинало диктовать учителям, работавшим на договорных началах, свои условия: преподавать Закон Божий, письмо и арифметику в рамках дореволюционных учебных программ, привычными и понятными, а не новыми советскими, методами. В противном случае, они грозили отказаться от договорных обязательств материальной поддержки.

На том этапе у советской власти не было достаточных рычагов контроля и активного противодействия этой тенденции. Дело в том, что в конце 1922 – начале 1923 гг. в системе управления народным образованием начались деструктивные процессы: в условиях финансово-экономического кризиса с целью экономии средств были сокращены штаты окружных отделов народного образования, а волостные отделы народного образования как структура вообще были полностью ликвидированы. В сложившейся ситуации власть оказалась перед выбором: отказаться от традиционной формы поддержки сельской школы или продолжать пожинать плоды договорной кампании «по-крестьянски». В условиях, когда школа

рассматривалась как важный участок идеологического фронта, а постановка дела образования осуществлялась в соответствии с принципом, сформулированным X съездом РКП(б) – все просвещение в коммунистическом государстве может быть только коммунистическим и никаким другим, – власть, допустившая крестьянскую инициативу, не могла позволить, чтобы далее в условиях новой экономической политики образовательный процесс в сельской школе осуществлялся вразрез с государственной просветительской политикой и идеологией.

Хозяйственно-экономическая помощь крестьян, безусловно, позволила в условиях кризиса поддержать школьную сеть, не дать ей развалиться. Используя возможности этого ресурса, власть в мае 1923 г. приняла политическое решение отказаться от практики поддержки учебных заведений на договорной основе с населением. В связи с этим планировалось поэтапно перевести сельские школы на финансирование местного бюджета и к началу 1923/1924 учебного года сократить количество договорных школ наполовину [6, 482]. Однако нестабильный местный бюджет на тот период был не готов взять на свои плечи обеспечение и реализацию принятого решения. До середины 1920-х гг. местные власти продолжали с «оглядкой» использовать договоры с крестьянством, поставив их выполнение под контроль партийно-советских органов, и привлекать другие внебюджетные источники софинансирования школы.

Таким образом, в начале 1920-х гг., в условиях формирования большевиками новой государственно-политической системы и представлений относительно экономических перспектив общества, происходило дальнейшее развитие такого его социального института, как школа. Очевидной и характерной чертой процесса советского школьного строительства была преемственность с дореволюционными формами и методами. Носителем исторической связи в определенной мере было традиционное сельское сообщество. Оно являлось субъектом процесса школьного строительства и пыталось транслировать

свой опыт морального хозяйствования на протяжении нескольких рубежных десятилетий конца XIX - начала XX вв. Российское сельское сообщество вносило в практику развития школы свой специфический опыт материальной поддержки, обусловленный хозяйственно-экономическими возможностями, патриархальной культурой и психологией крестьян.

Советская власть, в свою очередь, реализуя собственные концептуальные принципы в рамках сложной социально-экономической и политической конъюнктуры восстановительного периода, не могла поступиться идеологическими позициями. Большевики, используя возможности сельского сообщества, тем не менее ставили его в условия необходимости вырабатывать различные социально-экономические приспособительные приемы интеграции в советскую действительность и участвовать таким образом в софинансировании социалистических планов. Такими формами и стали добровольно-принудительное самообложение и договорная кампания.

Выработанные в первые годы советской власти технологии сочетания дореволюционного традиционного и нового советского опыта, хотя и не были эффективными, но, тем не менее, позволяли выживать школе в кризисной ситуации, а потому оказались востребованными и использовались советской властью на протяжении 1920-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1818. Оп.1. Д.444. Л. 26.
- ² ГАРО. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 85. Л. 81, 82, 83.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 2. Д. 122; ГАРО. Ф. Р-2584. Оп.1. Д.56. Л. 23, 94-96.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 63; ГАРО. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 61. Л. 5, 13, 343.
- ⁵ ГАРО. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 98. Л. 2, 3, 4.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. СПб. 1909
2. Известия ЦК РКП(б). 1921. № 36.
3. Народное просвещение. 1923. № 6.
4. Народное просвещение. 1921. № 87/88.
5. Собрание Узаконений (СУ). 1921. № 64.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В СИСТЕМЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.*

Аннотация. Статья посвящена противоречиям в отношении сохранения памятников искусства и старины в Советской России во второй половине 1930-х гг. Законодательными актами государственной власти культурное наследие было поставлено под охрану. Однако, несмотря на это, исторические памятники уничтожались. Показано, что все силы специалистов были направлены на спасение ценнейших произведений искусства.

Ключевые слова: охрана памятников, культурное наследие, Советская власть, государственная политика, 1930-е гг.

N. Lichak

Yaroslavl State Technical University

CONTRADICTIONS IN THE SYSTEM OF
MONUMENT RESERVATION IN SOVIET
RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE
1930th

Abstract. The article is devoted to the contradictions concerning conservation of antique and art monuments in Soviet Russia in the second half of the 1930^s. Cultural heritage was put under protection by the rule of the legislative acts. However, in spite of this, monuments were destroyed. Efforts of the specialists were aimed at saving the most valuable works of art.

Key words: monument conservation, cultural heritage, Soviet Russia, Soviet Government policy, 1930^s.

Возникающие проблемы в современной системе охраны памятников, вопросах реституции церковных ценностей вызывают общественный интерес к историческим этапам сохранения культурного наследия. Тридцатые годы двадцатого столетия вошли в историю России как годы грандиозныхстроек и коренных преобразований в стране. В то же время это были годы, полные противоречий, оставивших немало трагических страниц в экономической, общественно-политической, духовной и культурной жизни

общества. Одна из таких страниц связана с изучением развития системы охраны памятников.

Середина 1930-х гг. характеризовалась резким усугублением идеологической тенденциозности в отношении к историческому и культурному наследию. Недооценка государством роли системы охраны памятников как важного фактора социального развития общества отрицательным образом повлияла на всю музейную, краеведческую и реставрационную работу. Этот период времени характеризуется также борьбой различных взглядов на историко-культурное наследие. Оформление авторитарно-бюрократической системы, подъем энтузиазма и инициативы людей, спровоцированный революционными лозунгами, – все это послужило мощным толчком для наступления на отечественную несоветскую культуру. Тем самым набирала силу тенденция, направленная на свертывание работ по охране памятников, на снос старинных архитектурных строений и «идеологически вредных» памятников.

Против такого отношения к прошлому отчаянно боролись лишь энтузиасты, отстаивающие необходимость сохранения всех памятников и расширения реставрационных работ.

Существует мнение среди исследователей, что с середины 1930-х гг. можно говорить об исчезновении органов охраны памятников, по крайней мере, на несколько лет. Но такой взгляд представляется некоторым преувеличением. Так, с 1930 г. охрана и учет памятников осуществлялись сектором науки при Наркомпросе, продолжал действовать и Комитет по охране памятников при Президиуме ВЦИК [16, 199]. А в сентябре 1933 г. в составе Наркомпроса был восстановлен закрытый тремя годами ранее музейный отдел.

В сложной ситуации оказались местные органы охраны – музеи. Но они не обладали ни материальными возможностями, ни юридическими правами для осуществления деятельности по охране культурного наследия, которые были на них возложены.

* © Личак Н.А.

Судьба памятников часто решалась в административных и хозяйственных органах, которые считали, что лучшей формой сохранения объектов будет их приспособление под «хозяйственные нужды социалистического строительства» [6, 22]. На заседании Президиума Костромского горсовета, например, решался вопрос «о расширении парка культуры и отдыха за счет сноса Соборной группы Костромского Кремля и о необходимости ходатайства перед Наркомпросом о снятии их с учета и охраны»¹. Церковь Ильи Пророка в Ярославле мешала проведению парадов на главной площади города².

Недостаток материальных средств существенно повлиял на систему реорганизации органов по охране памятников. Денежные ассигнования в необходимом объеме выделялись только на важные объекты. Существовали два фонда – государственный и местный. На отдельно взятый памятник столицы из центрального бюджета могли выделить 50-60 тыс. руб. в год, в то время как местные органы могли выделить только 10 тыс. руб.³, в силу ограниченных финансовых возможностей.

С быстрым ходом закрытия церквей по городам и районам РСФСР непрерывно увеличивалось число памятников, переходящих в непосредственное ведение музейных органов. Однако увеличения ассигнований не было. Отпускавшиеся кредиты (2-6 тыс.) были явно недостаточны. Ряд памятников оказывался в положении, близком к катастрофическому. Так, на 1933 г. ярославский музей составил смету минимально необходимых ремонтных работ по десяти памятникам высшей категории и двум памятникам I категории⁴. В то же время сумма кредитов на всю страну на 1933 г., которой мог распорядиться сектор науки, составляла 45 тыс. руб.⁵.

Статьи в поддержку процесса сохранения культурного наследия появлялись на страницах официальной прессы Советской России. Они содержали критику тех местных властей, которые допускали факты гибели памятников. Критический отзыв опубликовала ярославская областная газета «Северный рабочий» [17, 3]. Содержание статьи гласило, что группа московских архитекторов после посещения церкви Иоанна Предтечи (XVII в.) написала в Книге отзывов о «варварском отношении к ценным фресковым росписям» этого храма⁶. Архитекторы отмечали, что городские власти «не смогли

придумать ничего лучшего, как занять эти здания под склады»⁷. Значение памятников революции, истории, культуры, архитектуры и археологии, казалось, должно было возрасти. Признавалось, что памятники способствуют познанию истории Родины, воспитанию трудящихся в духе преданности и любви к своему Отечеству [16, 196]. В то же время наследие, по мнению специалистов, следовало использовать как средство развития межнационального сотрудничества и как материал антирелигиозной пропаганды.

Проблема сохранения археологического наследия на местах крупнейших строек стояла также остро. Еще в 1932 г. Академия наук вела переговоры с Госпланом СССР о систематических археологических исследованиях. В том же году был создан специальный комитет, в состав которого вошли представители государственных учреждений, научно-исследовательских институтов, крупных музеев (Наркомпроса РСФСР, Междуправительственного комитета, Коммунистической академии, Музея антропологии и этнографии, Эрмитажа, Государственного исторического музея, Русского музея). Силами комитета под руководством академика Н.Я. Марра осуществлялись научные экспедиции в районы крупных строек, выпускались плакаты и листовки.

В 1932-1937 гг. состоялись крупнейшие археологические экспедиции на места строек всесоюзного значения – Днепрогэса, Пермской ГЭС, канала Москва-Волга, Ярославской ГЭС, Беломорско-Балтийского канала и др. Обследованием памятников архитектуры и революционного движения занимались также экспедиции на строительстве Баксанской ГЭС (Кабардино-Балкария) [5, 11], Байкало-Амурской магистрали [3, 80]. К работе экспедиций привлекались сотрудники местных музеев, краеведы. Успех экспедиций подкреплялся проводимыми в результате обследований беседами и экскурсиями, лекциями и выставками для рабочих, инженерно-технического персонала и местных жителей.

Несколько изданий в 1932-1935 гг. выдержала «Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках» [9, 10-16], рассчитанная на широкий круг читателей.

Исследование археологических памятников проводилось также при строительстве метро. Комиссия, в состав которой входили

представители различных музеев, ЦГРМ, ГАИМК, выявляла и фиксировала археологические памятники. Непосредственно в строительстве метрополитена участвовали две бригады (археологическая и архивно-историческая) во главе с А.В. Арциховским и П.В. Сытиным [14, 155].

Перед экспедициями ГАИМК были поставлены задачи выявления и фиксации не только археологических объектов, но и памятников других типологических групп. Так, археологическая экспедиция во главе с О.Н. Бадером, работавшая в 1933 г. на трассе канала Москва-Волга, имела в своем составе отряд для обследования памятников революционного движения и архитектурных объектов. Были сделаны обмеры, планы, фотоснимки здания, где помещалась типография большевиков, а также домовая церковь 1592 г., Оршина монастыря с собором XVI в., монастыря у села Савватьево с церковью 1679 г. [14, 155].

Законодательно данные инициативы были подкреплены специальным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране археологических памятников» [18, 1934, № 16] от 10 февраля 1934 г., которое запрещало уничтожение и повреждение древних городищ, селищ, стоянок, курганов, могильников и т.п. На местах еще до этого нормативно-правового акта действовали подобные постановления местных органов власти. На основании постановления Ярославского облисполкома от 15 декабря 1932 г. «Об охране памятников искусства, революции, старины, быта и природы»⁸, всем местным советам и другим организациям запрещалось производить ремонт, реставрацию, слом и переделку памятников архитектуры, зарегистрированных в списках Наркомпроса РСФСР, а также всех зданий и сооружений, построенных до 1800 г., без письменного разрешения музейных органов. Виновные должны были привлекаться к уголовной ответственности.

Функции охраны недвижимых памятников, сведенные до вопросов надзора за узким кругом музеефицированных объектов, перешли к вновь образованной в 1934 г. Всесоюзной академии архитектуры. Ею, в частности, в 1934-1935 гг. курировалась редкая по тем временам работа по укреплению Дмитриевского собора во Владимире [1, 60]. Сотрудники Академии проводили главным образом обследования и обмеры гибнущих памятников. В 1937 г. были организованы экспеди-

ции для обмеров сооружений, затопляемых или разбираемых в связи со строительством Угличской электростанции.

В декабре 1934 г. была утверждена Наркомпросом и согласована с Наркомфином «Инструкция по охране исторических памятников и порядке управления ими» [4, 20]. Осенью 1935 г. Президиум ВЦИК утвердил «списки памятников, состоящих на государственной охране». На этом двусмысленном фоне практики и теории вдохновенно трудились над «созданием национальной по форме и социалистической по содержанию архитектуры».

Примечательно, что такому развитию событий способствовали факты восстановления исторических факультетов вузов, создание новых учебников по гражданской истории. Решение об этом было принято Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1934 г. и закреплено майским постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1934 г. – «О преподавании истории в школе» [10, 369-370]. Данные мероприятия были направлены против нигилистического отношения к национально-патриотическим традициям в условиях ухудшения международной обстановки.

Актуальным стало воспитание патриотизма, который еще недавно ассоциировался у многих с идеологией контрреволюции. Это, в свою очередь, потребовало обращения к истории. В постановлении жюри правительственной комиссии по учебникам для 3-4-х классов школы и в постановлении ЦК ВКП(б) 1938 г. критиковалось «непризнание прогрессивным фактом принятие христианства, неправильное освещение роли Александра Невского, отсутствие признания положительной роли Богдана Хмельницкого, преувеличение организованности крестьянских восстаний» [13, 13]. В постановлении 1938 г. подверглась критике и школа Покровского (сам он умер в 1932 г. еще в почете), «которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события» [13, 13].

Происходило возвращение к исторической тематике, ее реабилитация. При этом после разгрома прежней философии и прежней историософии появлялась возможность заново интерпретировать факты, приспособляя их к новой политической ситуации.

Изменение трактовок распространилось

на искусствоведческую и архитектуроведческую тематику. В газетных статьях отмечалось, что «великие художники прошлого принадлежат трудовому народу, унаследовавшему все культурные ценности предыдущих классов, и не в наших интересах держать эти ценности под спудом, распылять их и превращать в историческую ветошь, как пытаются это делать вульгарные социологи» [13, 13]. Признавалось, что борьбу за полноценную советскую архитектуру нельзя успешно вести, не будучи вооруженным огромным архитектурным опытом минувших эпох. Публиковавшиеся материалы по истории архитектуры рассматривали вопросы народной архитектуры ряда регионов.

Исследованиями состояния памятников архитектуры и археологии во второй половине 1930-х гг. продолжали активно заниматься Государственная академия истории материальной культуры, Академия архитектуры СССР, реставрационные мастерские Третьяковской галереи. В 1939 г. по утвержденному уставу Всесоюзной академии архитектуры была сформирована Комиссия по охране и реставрации памятников архитектуры [13, 80].

Следует отметить, что отношение к памятникам менялось не сразу. В печати второй половины 1930-х гг. чаще всего отмечалось формальное отношение хозяйственников к своим обязанностям в отношении охраны памятников. Но теперь имелась возможность вести борьбу с этими нарушениями. Разборка памятников в Ярославской области мотивировалась потребностью в кирпиче⁹. Однако Академия архитектуры СССР, обратившись к управлению строительством, спасла церковь Иоанна Предтечи (XVII в.) в Угличе, попавшую в зону строительства Угличской ГЭС [8, 130]. Важным было также и то, что периодическая печать, в частности, «Советский музей», издаваемый с 1930 г., стал публиковать материалы о состоянии памятников.

Деятельность Всесоюзной академии архитектуры и ее Комиссии по охране распространялась не на всю территорию СССР. Местные органы власти сохраняют жесткие способы борьбы с культурным наследием. Председатель Комиссии Степанцов на совещании научно-технических сотрудников Ярославского областного краеведческого музея критиковал положение памятников города Ярославля, который по их количеству занимал третье место в СССР¹⁰. Отвечая

на вопрос, кто должен санкционировать снос памятников, председатель возлагал ответственность за решение на Президиум ВЦИК, а также местный облисполком. Власть российской периферии, воспользовавшись данными полномочиями, например, оценивала церковь Николы Рубленый город с позиции, что ее строил «пролетарий Ярославля», следовательно, надо оставить, а церковь Ильи Пророка строилась московскими рабочими – ее надо снести. Закрытый к тому времени филиал реставрационных мастерских, возглавляемый П.Д. Барановским и И.Э. Грабарем, не мог повлиять на уничтожение памятников. Успенский Собор, церкви – Симеона Столпника, Иоанна Златоуста в Рубленном городе, Всехсвятская, Рождества Богородицы, Власьевская – это небольшой перечень разрушенных в 1930-х гг. храмов Ярославля. К тому же список храмов, подлежащих охране, постоянно изменялся.

Нельзя забывать, что большой вред делу охраны памятников истории и культуры нанесла антирелигиозная кампания, в ходе которой на территориях практически всех областей СССР полностью или частично была разрушена большая часть культовых зданий. Избежавшие разрушения церковно-архитектурные памятники передавались под хозяйственные нужды.

При Всесоюзном комитете по делам искусств СНК СССР, созданном в 1936 г., действовало управление по охране памятников [15, 80]. Сформированные комитеты, носившие, как правило, временный характер и занимавшиеся небольшой группой памятников и музеев, не могли существенно повлиять на сложившуюся ситуацию.

Музейно-краеведческому отделу в регионах должны были подчиняться краевые и областные отделы народного образования. В 1935 г. пленум Межведомственного комитета утвердил положение «О краевых и областных уполномоченных комитета и уполномоченных по городам Москве и Ленинграду» [21, 15]. Уполномоченные комитета были обязаны на местах осуществлять надзор за эксплуатацией памятников, контролировать расходование денежных средств и пр.

Определенно, государственный контроль охраны культурного наследия, полностью утраченный к концу 1920-х, во второй половине 1930-х гг. был временно восстановлен. Наблюдались попытки «реанимации» государственной охранной системы первых послереволюционных лет. Но большого ус-

пеха эти попытки не имели. Межведомственный комитет, имевший в штате всего несколько постоянных сотрудников, был не в состоянии решить поставленные перед ним задачи. Музейный отдел Наркомпроса, рассматривая ограниченный объем проблем и имея мизерный штат, не играл сколько-нибудь значительной роли в деле охраны памятников. Деятельность региональных отделов народного образования была скована отсутствием средств, острой кадровой проблемой. Сфера охраны культурного наследия тех лет отличалась разобщенностью отдельных ведомств, крупных музеев и научных учреждений.

В 1937 г. государство вновь отпустило значительные средства на ремонт и реставрацию памятников архитектуры древнерусской живописи. Это дало возможность возобновить ремонтно-реставрационные работы. Ремонт важнейших памятников архитектуры производился в Новгороде. Во Владимире готовился к реставрации Димитриевский собор – уникальный памятник архитектуры XII в. с богатейшей скульптурой, каменной резьбой, фресками, находившийся в неблагополучном состоянии. Ремонтировались также храм Покрова на Нерли (1165 г.) и памятники г. Боголюбова [1, 60]. В 1938 г. начались реставрационные работы в Троице-Сергиевой лавре [20, 4]; в 1939 г. – в Пскове [19, 172] и т.д.

Обширные планы в области охраны памятников имел Музей Академии архитектуры СССР, который предполагал превратить в музеи-заповедники крупнейшие историко-архитектурные ансамбли, создать музей архитектуры под открытым небом, основанный на подлинных памятниках [8, 130; 12, 2]. Первый опыт такого музея предполагалось осуществить в с. Коломенском, куда еще в 1927 г. по инициативе П.Д. Барановского были перевезены памятники деревянного зодчества (башня Сумского острога и башня Николо-Карельского монастыря с берегов Белого моря, домик Петра I из Архангельска, медоварня, усадебные ворота). В 1938 г. в Академии архитектуры разрабатывалась планировка этого музея. На 1941 г. для организации работ в Коломенском были выделены специальные средства [14, 35].

С 1934 г. сохранением древнерусской живописи занималась реставрационная мастерская Третьяковской галереи, возглавляемая знатоком древнерусского искусства Ю.А. Олсуфьевым. В ней работали опытные мас-

тера-реставраторы Е.А. Домбровская, И.И. Суслов, И.В. Овчинников, И.А. Баранов. Продолжая деятельность Центральных государственных реставрационных мастерских (закрытых в 1934 г.), мастерская совершила ряд экспедиций: во Владимир (завершение укрепления фресок круга Андрея Рублева в Успенском соборе, начатого ЦГРМ), в с. Боголюбове и Александровскую слободу (обследование фресок Покровской церкви XVI в.), в Новгород и его окрестности (открытие следов древних фресок в церкви Михаила Сковородского монастыря, раскрытие там отдельных композиций, фигур и фрагментов, датируемых концом XIV в.) [11, 202], а также в Псков, Ростов и другие города.

В июне 1939 г. музейно-краеведческий отдел Наркомпроса проверил состояние памятников архитектуры в Ярославской области и отметил следующие недостатки. Реставрационные работы ведутся в Ярославле, однако отсутствуют на объектах области; по вине арендаторов разрушаются многие храмы Ярославля XVII в.; в неудовлетворительном состоянии находятся такие памятники, как Ростовский кремль, Борисоглебский монастырь, торговые ряды в Ярославле и т.д. Наркомпрос потребовал от директоров музеев строго соблюдать постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об охране исторических памятников» от 10 августа 1933 г. [18, 1933, № 44, ст. 179], подчеркнув, что они будут нести уголовную ответственность за нарушение данного постановления.

Руководители местных органов власти, еще недавно руководившие разрушением памятников, теперь были объявлены «врагами народа». Газета «Правда» писала в 1938 г. по поводу разрушений на Бородинском поле: «...Люди... разоряли его не по глупости, а сознательно. Враги народа знали, что своими преступными действиями они уничтожают государственные ценности, оскорбляют достоинство великого народа». «Враги народа» были репрессированы, хотя являлись всего лишь исполнителями приказов сверху.

Некоторое смягчение позиции по отношению к памятникам старины объясняется тем, что накануне приближавшейся войны советское руководство во главе с И.В. Сталиным начало постепенно поворачиваться лицом к русской истории и культуре. Тем самым они стремились поднять патриотизм народа и укрепить единство общества накануне военных потрясений. Культурно-историческое наследие помогало успешно ре-

шать данную политическую задачу.

Все вышеперечисленные факты подтверждают, что ситуация с охраной памятников старины во второй половине 1930-х гг. была неоднозначной и противоречивой. Интересы политики выходили и в данном вопросе на первый план. Несмотря на нормативно-правовые акты, предусматривавшие сохранение культурного наследия, были осуществлены массовые кампании, направленные на разрушение исторических памятников, утрату большого количества культурных ценностей. И только накануне войны этот процесс замедлился и сменился политикой бережного отношения к культурному наследию прошлого.

Ситуация, сложившаяся в конце 1930-х гг. по отношению к охране памятников искусства и старины, снова включает их в прошлое мифологизированной истории, формируя уже мифологию новейшей истории путем искусственной селекции многовекового процесса изучения национальной культуры. Именно «создание национальных форм» стало исходным в творческом методе, подобно тому, как происходило создание новых городов, индустриальных гигантов, а в искусстве – заказных жизнерадостных полотен, фильмов, песен и плакатов.

Двойственная политика по отношению к памятникам второй половины 1930-х гг. в РСФСР – с одной стороны, уничтожение, с другой – реабилитация, необычайно насыщена. И все же можно считать, что к концу десятилетия пик отрицательного отношения к памятникам был пройден. Но лишь части из них отводилось место в новой системе идеологизированного искусства.

Однако отсутствие финансирования, косность, неповоротливость и разобщенность государственной памятникоохранительной системы, идеологическое ранжирование объектов старины, переоборудование под антирелигиозные музеи – все это достаточно известные причины сложившейся ситуации, корень которых – культурная политика правительства – противоречивая, непоследовательная, декларативная, находящаяся под неуклонным контролем руководящей партии. Формально сняв с себя ответственность за сохранность культурного наследия, правительство переложило ее на местные органы власти с их скудным бюджетом. Вместе с тем, именно по их указаниям «в установленном порядке» разрушались, перестраивались усадьбы, особняки,

взрывались храмы и монастыри – то, что не укладывалось в жесткие рамки политической доктрины. Разрушение системы охраны памятников привело к существенным культурным и историческим утратам.

Бурное промышленное развитие и колхозное строительство, реконструкция села 1930-х гг. требовали усиления внимания к наследию, более тесных контактов государственных органов охраны памятников с различными хозяйственными, плановыми и проектными организациями, привлечения более широких кругов общественности. Результатом явился подготовленный в 1938 г. общий список российских памятников, который затем периодически корректировался.

В Советской стране акцент делался на политических предпосылках, определявших то или иное отношение к культурному наследию и, в частности, к памятникам архитектуры. Основательная «чистка» – расчистка памяти ее носителей, создание множества предпосылок для вытеснения истинных исторических фактов – все это было важно для формирования государственной идеологии, оказывая влияние на отношение к наследию как обычных людей, так и специалистов в сфере охраны памятников культуры и искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Ф.Р. 5263. Оп. 1. Д. 722. Л. 14.
- ² ГА РФ. Ф.Р. 5263. Оп. 1. Д. 87. Л. 63.
- ³ ГА РФ. Ф.Р. 5263. Оп. 1. Д. 16. Л. 17об.
- ⁴ Государственный архив Ярославской области (далее: ГАЯО). 1400. Оп. 1. Д. 53. Л. 46, 65, 72, 83.
- ⁵ Центральный архив Москвы (далее: ЦАГМ). Ф.Р. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 17об.
- ⁶ ГАЯО. 1400. Оп. 1. Д. 74. Л. 43.
- ⁷ ГАЯО. 1400. Оп. 1. Д. 96. Л. 22.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ГАЯО. 1400. Оп. 1. Д. 60. Л. 6.
- ¹⁰ ГАЯО. 1400. Оп. 1. Д. 87. Л. 63.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Б. Ремонтно-реставрационные работы в Дмитриевском соборе во Владимире // Советский музей. 1937. № 9-10.
2. Антонова В.И. Древнерусская живопись в Государственной Третьяковской галерее // Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Т. 1. 1963.
3. Балтенко К.Г. Работы на Байкало-Амурской магистрали // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 2.
4. В помощь работнику музея (законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству) / Сост. А.Б. Гиленсон. М., 1936.
5. Деген-Ковальский Б.Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Известия

- ГАИМК. 1935. Вып. 2.
6. Гапченко Л.В. Владимир Иванович Невский // История СССР. 1967. № 1.
 7. Иванов А. Охрана исторических памятников// Советский музей. 1936. № 6.
 8. Иванов В. Н. Задачи охраны памятников архитектуры// Русская архитектура. М., 1940.
 9. Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках // ГАИМК. Л., 1933.
 10. КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963.
 11. Кудрявцев Е.В. Об итогах экспедиций художников-реставраторов Государственной Третьяковской галереи на периферию в 1937 г.// Искусство. 1938. № 4.
 12. О работе музея архитектуры в 1940 г.// Сообщения музея архитектуры. Вып. 1. 1940.
 13. Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации/ Под ред. Е.Д. Кульчинской, К.В. Рыцарева, А.С. Щенкова. М., 2004.
 14. Полякова М. Охрана культурного наследия России: Учебное пособие для вузов. М., 2004.
 15. Постановления Совета Министров СССР (далее: СП СССР). 1936. № 10. Ст. 80.
 16. Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917-1967) // История СССР. 1967. № 7.
 17. Северный рабочий. 1935. 20 апр.
 18. Собрание Узаконений РСФСР.
 19. Спегальский Ю. Памятники зодчества в Пскове// Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.-Л., 1948.
 20. Фрам Э. Реставрация музея б. Троице-Сергиевой лавры// Известия. 1938. № 38 (9 февраля). С. 4.
 21. Шорина Е.В. Партийно-государственный контроль – важное средство коммунистического строительства// Советское государство и право. 1963. № 5.

УДК 93/94

Юзмухаметов Р.Н.Западно-Якутский научный центр
Академии наук Республики Саха (Якутия)**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ «АЛМАЗНАЯ ПРОБЛЕМА»: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

Аннотация. Предметом данного исследования является анализ отечественной «алмазной проблемы» - истории поисков и открытия месторождений алмазов в нашей стране, которая в силу секретности данных работ до сих пор остается за пределами внимания исторической науки. В то же время выявление Якутской, а затем и Архангельской алмазоносных провинций и создание на их базе отечественной алмазодобывающей промышленности представляет собой выдающееся событие в истории России. В историческом плане «алмазная проблема» в нашей стране заключается в том, что до сих пор нет достоверного научного изложения истории поисков и открытий месторождений алмазов в России.

Ключевые слова: алмазная проблема, месторождения алмазов, геологи -алмазники, Якутская и Архангельская алмазоносные провинции.

R. Uzmuhametov

West-Yakut Center of Science of Academy
of Sciences of Republic of Sakha (Yakutia)**DOMESTIC “DIAMOND PROBLEM”: HISTORICAL ASPECT**

Abstract. The subject of our research is the study of domestic “diamond problem”, i.e. history of exploration and discovery of diamond deposits in our country, which has been out of attention of historical science because of data security. At the same time the discovery of Yakutsky next Arkhangelsky diamondiferous provinces and the establishment of domestic diamond industry on their basis represent an outstanding event in the history of Russia. The “diamond problem” in our country is that up to now there is no any authentic scientific description of the history of Russian diamond deposits prospecting and discovery.

Key words: diamond problem, diamond deposits, geologists of diamond mining industry, Yakut and Arkhangelsk diamondiferous regions.

История поисков месторождений алмазов в России насчитывает около двух столетий, хотя некоторые письменные источники указывают на находки этого драгоценного камня в нашей стране в более раннее время [1, 261-262]. На протяжении долгого пери-

* © Юзмухаметов Р.Н.

ода алмазные кладовые России оказались надежно упрятанными от пытливого людского взгляда. И только открытие первых россыпей алмазов на Урале в 1938-1939 гг. приоткрыло тайну завесы над проблемой алмазности нашего родного отечества. Эта тайна была полностью раскрыта спустя только пятнадцать лет, в середине 50-х гг. прошлого века, после открытия первых коренных месторождений алмазов в России. Именно 1954-1955 гг. явились рубежом между долгим периодом безуспешных поисков месторождений алмазов в нашей стране и стремительно набирающих силу массовых их открытий в дальнейшем.

Эти открытия, нареченные журналистами и писателями «событием века», сыграли важную роль в последующем экономическом развитии России. Выявление Якутской, а затем и Архангельской алмазносных провинций и создание на их базе отечественной алмазодобывающей промышленности представляет собой выдающееся событие в истории России.

Более чем за полвека, прошедшие со времени открытия первого коренного место-

рождения алмазов в нашей стране – кимберлитовой трубки «Зарница», были сделаны новые находки и открыты другие коренные и россыпные месторождения алмазов. Помимо многочисленных месторождений в Западной Якутии, на севере европейской части России были открыты богатые алмазами кимберлитовые трубки в Архангельской области, найдены новые россыпи на Урале. Выявлен ряд районов, перспективных в плане обнаружения алмазносных магматических пород, в том числе на северо-западе России. Найдены и новые генетические типы коренных источников алмазов. На севере Сибирской платформы в Попигайском импактном кратере открыты крупные залежи технических алмазов ранее неизвестного генетического типа (см. табл.).

За всем этим стоит гигантская работа, выполненная благодаря мобилизации огромных интеллектуальных ресурсов, технических и финансовых средств. Все это стало возможным благодаря усилиям первопроходцев и первооткрывателей алмазных месторождений, чей упорный и нелегкий труд в сложных природных и климатических ус-

Таблица 1

Основные месторождения алмазов России

Месторождение	Год открытия	Год начала разработки
Россыпные месторождения на Среднем Урале	1938 - 1939	1941 - 1942
Трубка «Зарница»	1954	1998
Трубка «Мир»	1955	1957 (открытым способом) 2009 (подземным способом)
Трубка «Удачная»	1955	1971
Россыпное месторождение на р. Ирелях	1954	1960
Трубка «Юбилейная»	1975	1989
Трубка «Интернациональная»	1969	1971 (открытым способом) 1999 (подземным способом)
Трубка «Айхал»	1960	1961 (открытым способом) 1998 (подземным способом)
Россыпное месторождение на р. Эбелях	1965	1984
Трубка «Сытыканская»	1955	1978
Месторождение им. Ломоносова	1980	2005
Трубка «Ботуобинская»	1994	1999
Трубка «Нюрбинская»	1996	2002

[2, 16-17]

ловиях привел, в конце концов, к знаменательной победе.

В историческом плане «алмазная проблема» в нашей стране заключается в том, что до сих пор нет достоверного научного обобщения истории поисков и открытий месторождений алмазов в России. Открытия любых месторождений алмазов как у нас в стране, так и за рубежом имеют свои особенности и нюансы, от элементов случайности до полного подтверждения расчетных прогнозов.

История открытия месторождений алмазов в России – это не только история развития идей потенциальной алмазности того или иного региона, геологических исследований и непосредственных поисков, это – часть истории нашей страны. Поэтому неудивительно, что история открытия российских алмазов несет на себе отпечаток многих особенностей развития советского, российского общества: уклада жизни, устремлений, уровня морали. Эти открытия имели важные долгосрочные экономические, геополитические, социальные и другие последствия, полная оценка которых требует тщательного и всестороннего анализа всех аспектов проблемы.

Организация поисков месторождений алмазов в нашей стране имела в первую очередь экономическую потребность отечественной промышленности в этом сырье. Поэтому не случайно первые организованные целенаправленные поиски этого минерала приходится на период советской индустриализации в 30-е гг. прошлого века. Долгое время СССР ввозил алмазы из-за рубежа, так как открытые на Урале небогатые алмазоносные россыпи не могли удовлетворить все возрастающие собственные потребности. Благодаря открытию первых коренных месторождений алмазов в Западной Якутии, Советский Союз превратился из импортера в экспортера алмазов как валютного сырья.

Длительное время в «алмазной» истории России основным и единственным методом поисков месторождений алмазов был поиск алмазов по самим алмазам с отбором крупно-объемных проб объемом в десятки, сотни кубических метров при оценке алмазности долин рек и ручьев. Поэтому можно сделать вывод, что открытие первых коренных месторождений алмазов в России могли произойти значительно ранее, если бы поисковые работы были обеспечены опережающими научными исследованиями, более четким определением цели поиска – ким-

берлита, с точным указанием особенностей его петрографии и минералогии, включая сведения о минералах-спутниках. Только независимое открытие метода пироповой съемки, после многолетних и многочисленных проб и ошибок, и итоги изучения морфологии вилюйских алмазов позволили нашим геологам разрешить вопрос коренных источников алмазов. После открытия трубки «Зарница» основным при поисках кимберлитов становится метод шлиховой съемки (по пиропам и пикроильменитам), значение которого остается главенствующим и по настоящее время. Одновременно на смену крупнообъемному приходит мелкообъемное опробование. Начиная с 70-х гг. прошлого века поиски алмазов перемещаются в районы относительно сложного геологического строения, что потребовало использование целого комплекса поисковых работ с включением в себя больших объемов горных выработок и бурения.

На поиски алмазных месторождений советским правительством выделялись довольно значительные материальные средства. Уменьшение объемов финансирования работ по поискам алмазов в СССР имело место только в 60-е гг. XX в., когда отечественным ученым удалось организовать производство искусственных алмазов. Еще в 1954 г. мир узнал о промышленном синтезе алмазов, осуществленном компанией «Дженерал Электрик» (США). В СССР первые алмазы были синтезированы в конце 1960 г., а первая промышленная партия была получена в октябре 1961 г. в Киеве на экспериментальном заводе «Союзтвердосплав» [3, 131-136]. Казалось, что после этих открытий необходимость в природных алмазах отпала, но последующие события доказали, что искусственные алмазы по многим своим параметрам уступают природным и не могут их полностью заменить. Поэтому в 70-е гг. прошлого века финансирование работ по отрасли «алмазы» значительно увеличилось.

Открытие первых коренных месторождений алмазов в нашей стране и создание на их базе алмазодобывающей промышленности является одним из примеров положительного влияния на экономику страны планового централизованного хозяйства. Только в СССР в те годы было возможным выделение крупных сумм и организация широкомасштабных работ по поиску месторождений алмазов, которые, несмотря на длительное отсутствие положительных результатов,

расширялись год от года и в конечном итоге дали блестящий результат.

Первая партия отечественных алмазов была продана на мировом рынке в 1959 г. [4, 119]. С тех пор экспорт алмазов стал играть важную роль во внешней торговле нашей страны. Основная часть русских алмазов экспортировалась и продолжает экспортироваться через торговые связи с монополистом в мировом алмазном бизнесе – фирму «Де Бирс» и ее дочерних предприятий. Данные о количестве проданных алмазов и вырученной за них валюты никогда в СССР не публиковались, хотя за рубежом ежегодно печатались отчеты о купле-продаже драгоценных камней. И до сих пор алмазы являются стабильным источником поступления в нашу страну конвертируемой валюты, играют значительную роль в технике, новых технологиях и оборонной промышленности. Алмазы являются невозобновляемым минеральным сырьем и относятся к стратегическим ресурсам страны.

С середины 50-х гг. прошлого века в нашей стране происходило постепенное наращивание минерально-сырьевой базы для обеспечения стабильной работы отечественной алмазодобывающей промышленности. В последние годы, благодаря принятой и успешно реализуемой в акционерной компании «АЛРОСА» («Алмазы России-Саха») программе развития геологоразведочного комплекса, который на сегодня является бесспорным лидером в алмазной геологии России, были открыты и разведаны новые коренные месторождения алмазов, выявлены перспективные в отношении алмазности районы как в Западной Якутии, так и в других регионах нашей страны.

Дальнейшее развитие геолого-поисковых работ, ориентированных на поиск алмазов, в постсоветской России имеет экономические причины, связанные с мировым ростом цен на драгоценные камни. В настоящее время по официальным данным, экспорт необработанных алмазов из РФ достигает 1,5 млрд. долларов, а все виды использования алмазов, в том числе в ограночной и ювелирной промышленности, дают нашей стране 2,5-3 млрд. долларов ежегодно [5, 185]. Но при этом финансирование геологоразведочных работ по отрасли «алмазы» со стороны государства сведено сегодня до минимума.

Ближайшее будущее поисков алмазов в нашей стране связано с техническим перевооружением геологической службы отрасли

и расширением эффективной минерально-сырьевой базы в перспективных регионах России. Необходимо заметить, что в настоящее время в мире наблюдается резкое усиление конкуренции за обладание сырьевыми ресурсами, которое сопровождается бурным ростом ассигнований на геологоразведочные работы, в том числе и по поиску алмазов. Поэтому Россия не должна оставаться в стороне от этого процесса. Национальные интересы нашей страны требуют дальнейшего расширения геологоразведочных работ для укрепления минерально-сырьевой базы отечественной алмазодобывающей промышленности.

О поисках и открытиях месторождений алмазов в России написано множество разнотипов статей и книг, авторами которых являются не только профессиональные журналисты и писатели, но и непосредственные участники, свидетели тех событий. В то же время историческая наука к изучению этой темы не обращалась. Отсутствие научных исследований по данной теме объясняется тем, что поиски алмазов в нашей стране долгое время велись под грифом «секретно», в связи с чем фонды федеральных, региональных, ведомственных архивов историкам были недоступны. Если кто-то из них и получал возможность ознакомиться с хранившимися там документами, то ссылаться на первоисточники в своих публикациях, в любом случае, не имел права.

Между тем без детального изучения многогранной деятельности организаций и предприятий, занимавшихся поисками алмазов в России с конца 30-х гг. XX в. и открывших коренные месторождения, без восстановления исторической справедливости в отношении истинных первооткрывателей невозможно представить во всей полноте новейшую историю горной промышленности нашей страны.

История поисков и открытия месторождений алмазов в России представляет собой планомерный поэтапный процесс, который развивался закономерно. Его особенностью является то, что организация поисков алмазов в России базировалась, в первую очередь, на собственном опыте отечественных геологов-алмазников, так как иностранный опыт был им в основном неизвестен, а затем и отвергнут партийными и хозяйственными функционерами по политическим мотивам. И только с конца 50-х гг. прошлого века российская «алмазная» наука стала разви-

ваться в интеграции с мировым опытом в направлении поисков и изучения алмазов. Несмотря на то, что в 50-е гг. XX в. была создана устойчивая легенда, которая живет до сих пор, о том, что алмазные месторождения Якутии были спрогнозированы заранее, на самом деле у отечественных геологов не было ясных теоретических представлений, где искать месторождения алмазов в нашей стране.

История поисков и открытия месторождений алмазов в России свидетельствует, что выдающиеся открытия являются результатом самоотверженного труда геологов-практиков, геологической науки и представляют собой сложный и многотрудный процесс познания генезиса алмазных месторождений, форм их проявления, условий размещения и локализации и, самое главное, развития и совершенствования методологий поисков.

Обобщение отечественного исторического опыта поисков и открытия коренных месторождений алмазов имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку по-

иски новых месторождений алмазов продолжают. Поэтому опыт и итоги предыдущей работы геологов-алмазников не должны быть забыты, так как они могут быть востребованы в организации дальнейших поисков алмазных месторождений. Все это позволяет заключить, что необходимость создания обобщающего труда по истории поисков и открытия месторождений алмазов в России представляет собой актуальную научную проблему и может стать предметом специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Харьков А.Д., Зинчук Н.Н., Зуев В.М. История алмаза. М., 1997. С. 261-262.
2. Матвеев А.С., Протасов В.Ф. Развитие алмазной промышленности России и эффективность инвестиций. М., 2004. С. 16-17.
3. Шафрановский И.И. Алмазы. М.;Л., 1964. С. 131-136.
4. Кириллин А.Д., Кириллин О.А., Кириллин Г.А. Мировой алмазный рынок. М., 1999. С. 119.
5. Вечерина О.П., Левченко В.А., Никулин А.М. Мировая добыча алмазов. М., 2000. С. 185.

УДК 94(470)''1941/1945'':352/353

Ермолов И.Г.

Тверской институт экономики и менеджмента

СЕЛЬСКИЕ СТАРОСТЫ КАК НИЗШЕЕ ЗВЕНО В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РСФСР*

Аннотация. В статье показано, как формировался институт управления сельскими населенными пунктами в годы нацистской оккупации. Проанализирован контингент сельских старост, дана оценка эффективности их работы в интересах оккупантов.

Ключевые слова: староста, оккупация, коллаборационизм, партизаны, гражданское население, община.

I. Ermolov

Tver institute of economy and management

RURAL HEADS AS THE LOWEST LINK
IN THE ADMINISTRATIVE CONTROL SYSTEM
IN THE OCCUPIED TERRITORIES OF
RSFSR

Abstract. The present article shows the process of the formation of the management

* © Ермолов И.Г.

institute of rural settlements in the years of Nazi occupation. In the given paper the contingent of rural heads is analyzed, the estimation of the effectiveness of their work in the interests of the invaders is considered.

Key words: a head, occupation, collaboration, partisans, civilians, community.

До настоящего времени отечественная историческая наука уделяет недостаточно внимания коллаборационизму в сфере управления, в частности, исследованию вопроса о роли сельских старост в установлении и поддержании нужного оккупантам «нового порядка». Тем не менее именно данная категория коллаборационистов решала большой круг вопросов, благодаря чему обеспечивалось относительно нормальное для условий военного времени снабжение германских

армий за счет местного населения. В этой связи изучение данного вопроса важно, так как оккупированная территория РСФСР состояла в основном из сельских населенных пунктов. По сравнению с территориями Украины, где было установлено гражданское управление, и республиками Прибалтики, где оккупационный режим имел некоторые особенности, территория РСФСР относилась к зоне военного управления. Это означало, что власть здесь принадлежала военным: командующим тыловыми районами германских армий, немецким комендатурам – военным и хозяйственным. Однако германская оккупационная администрация не могла решать весь круг вопросов по управлению местным населением, к тому же с провалом «блицкрига» немцам пришлось настраиваться на долговременное сотрудничество с гражданским населением РСФСР.

Одной из первоочередных задач оккупантов стала организация из коренного населения органов местного самоуправления, которые были бы полностью подконтрольны германской военной администрации. С целью создания видимости реставрации дореволюционных институтов управления германская администрация ввела для управления сельской местностью должности старост и волостных старшин.

Первичной административной единицей была сельская община, существовавшая в пределах одной деревни. Членами общины являлись все жители деревни, постоянно в ней проживающие. Во главе ее стоял староста, который формально избирался населением, фактически – назначался германским командованием¹, иногда – районным бургомистром². Выборы старосты проходили на сельском сходе, присутствовали на котором только мужчины, достигшие 18-ти лет. Как правило, никто из избирателей не осмеливался голосовать против кандидатуры, предложенной немцами. В ряде местностей, например, в западной части Орловской области, даже формальных выборов старост не проводилось. В должностной инструкции для бургомистров и волостных старшин указывалось, что «староста назначается и увольняется старшиной»³, который «несет ответственность за правильное назначение»⁴. Партизаны, действовавшие в Калининской области, истолковывали выборность старост нежеланием местных жителей добровольно заступать на эти должности. Согласно одному из партизанских донесений, местные

жители сел Идрицкого района ввиду этого избирали старост помесечно⁵.

Некоторое исключение составляла территория Локотского автономного округа (ЛАО) – административного государственного образования, включавшего 7 районов Орловской и 1 район Курской областей. Здесь сельские старосты выдвигались на всеобщих сходках и избирались всенародным голосованием, причем в большинстве случаев выборы были альтернативными, в отличие от других оккупированных областей, где они носили формальный характер. Даже подпольные комсомольские организации вынуждены были признать наличие в ЛАО элементов республиканского правления, в частности, выборности старост на демократической основе в деревнях округа. Так, согласно отчету секретаря Навлинского райкома ВЛКСМ О. Карповой, составленному не раньше 1 сентября 1942 г., в деревне Думча волостной старшина, проводя собрание по выборам старосты деревни, усиленно пытался протолкнуть на эту должность своего человека. Однако, несмотря на его старания, жители избрали другого, более уважаемого крестьянина [4, 232].

Представляет интерес контингент сельских старост. Для историографии советского периода хрестоматийным стало утверждение, что на ответственных должностях в системе управления состояли в основном уголовники, маргиналы, остатки эксплуататорских классов, в том числе эмигранты. Так, Л.В. Котов указал, что «на руководящие посты в этом аппарате (в органах местного самоуправления – И.Е.) назначались прибывшие в обозе гитлеровской армии белоэмигранты, в том числе члены белогвардейской организации «национально-трудовой союз» (НТС), находившейся на службе у фашистов... Они всячески помогали германской армии... Но советские люди не мыслили свободы своей Родины без ее верных сынов-коммунистов» [3, 6]. В другом труде по истории войны говорится: «Верными лакеями фашистов в проведении всех мероприятий по порабощению народа и уничтожению советских патриотов были буржуазные националисты... в том числе националистическое отребье, прибывшее в обозе гитлеровской армии» [2, 346]. Любопытно, что подобные утверждения не выбиваются из контекста пропаганды, проводившейся в годы войны. Так, в докладной записке комиссара Мглинского партизанского отряда Крупян-

ко Орловскому обкому ВКП(б) от 7 апреля 1943 г. говорится, что «в основном предателями оказались бывшие офицеры, эсеры и ряд отбросов советского общества» [4, 382]. Однако в действительности подбор кадров сельских старост осуществлялся с учетом их опыта работы при советском режиме. При этом на должности старост нередко попадали прежние председатели колхозов и сельсоветов, счетоводы, бригадиры и прочие категории сельской интеллигенции. Так, в Калининском районе на 1 апреля 1942 г. из 138 колхозов 95 находились в оккупации, из их председателей только 18 эвакуировались и 5 находились в партизанах. Основное же количество председателей исполняло свои прежние обязанности в качестве старост и старшин. Так, старостой стал бывший председатель колхоза «Борьба» С. Харитонов, усердно выполняя все задания немецких властей. Бывший председатель Скворецкого сельсовета, член ВКП(б) Н. Лукин дезертировал из партизанского отряда, сдал оружие немцам и стал старостой. Председатель колхоза «Красный Путиловец» Усвятского района Смоленской области, кандидат в члены ВКП(б) В.Т. Буков, будучи призван в РККА, дезертировал, вернулся домой и был назначен старостой. Завуч Церковищенской сельской школы того же района, член ВКП(б) М.И. Миронов, также, дезертировав из РККА, стал старостой. Бывший бригадир полеводческой бригады, кандидат в члены ВКП(б) П.Ф. Шутров зарегистрировался в немецкой комендатуре, вскоре был назначен старостой, при этом неоднократно водил немецкие карательные отряды в места дислокации партизан⁶.

Докладная записка представителя ПШ на Брянском фронте старшего майора госбезопасности Матвеева и заместителя начальника разведотдела майора Быстрова в ЦШПД от 1.12.42 констатирует, что «обычно старостами немцы ставят... предателей из числа бывших советских работников – председателей колхозов, сельсоветов, бывших членов ВКП(б)»⁷. Согласно той же докладной записке, «иногда сельские старосты избираются населением или назначаются немецкими властями из честных советских людей, пользующихся авторитетом у населения»⁸. Один из партизанских документов ЗШПД утверждает, что часть оставшихся за линией фронта членов ВКП(б) добровольно изъявила желание сотрудничать с оккупантами⁹. Согласно выводам А.Ю. Попова, определенная часть

работников советского аппарата управления стала активно сотрудничать с оккупантами, а на должности старост довольно часто попадали именно председатели сельских советов и колхозов [5, 73]. Причем в некоторых случаях бывшие председатели колхозов сами предлагали немцам свои услуги, выдвигая свои кандидатуры на должности старост¹⁰. Обзор формулярных дел бывших немецких пособников из числа старост по Орловской, Курской и Смоленской областям, взятых на учет в постоккупационный период органами НКВД, позволяет заключить, что не менее 1/3 из них составляли бывшие советские руководители, в том числе члены и кандидаты в члены ВКП(б). Так, из общего числа 140 «бывших немецких ставленников» из числа старост, взятых на учет Почепским РО НКВД Брянской области на 10 августа 1944 г., 50 чел. – бывшие советские и партийные работники (в основном председатели колхозов и сельсоветов), 2 – крестьяне-единоличники, 81 – рядовые колхозники¹¹. Советские партизаны также констатировали наличие в управленческом аппарате немалого числа членов ВКП(б). Так, одна из партизанских сводок, характеризуя кадровое состояние органов местного самоуправления в Стародубском районе Орловской области, сообщает: «Характерно, что немцы таких «коммунистов» не боятся, а вполне им доверяют»¹².

Контингент старост представлен почти исключительно лицами зрелого возраста – старше 40 лет, в основном, по нашим подсчетам, средний возраст сельских старост составляет 45-50 лет, около 10% составляют лица пенсионного возраста – старше 60 лет. Любопытно, что некоторые документы за подписями представителей последней возрастной категории старост написаны по правилам правописания, принятым до 1917 г.¹³.

Не менее интересно, что старосты после оккупации в ряде случаев остались на ответственных должностях и даже заняли более высокие, нежели до войны, должности. Так, бывшие счетоводы, писари, землемеры, служившие в оккупацию старостами, в большинстве стали председателями колхозов. А секретари сельских советов, бывшие в оккупацию волостными старшинами, в ряде случаев заняли должности председателей сельских советов¹⁴. Такой парадокс можно объяснить острой нехваткой руководящих кадров, в результате чего приходилось мириться с компрометирующим прошлым данной категории руководителей.

Сельский староста имел обычно в подчинении заместителя, писаря и 1-3 полицейских, являлся полным хозяином в своем селе, регулируя практически все стороны жизни населения. Так, без ведома старосты ни один житель села не имел права куда-либо выехать или пустить кого-либо переночевать. Староста и его подчиненные снабжались удостоверениями о том, что состоят на службе у немцев и имеют право передвижения на территории своей волости без пропусков¹⁵. Староста имел право свободного хождения по деревне в любое время суток, тогда как для остального населения покидать жилища разрешалось лишь в светлое время суток, как правило, до 18.00 – часов зимой, до 21.00 часа – летом¹⁶. За свою службу староста и его аппарат получали зарплату, размер которой зависел от количества населения в деревне. Так, зарплата старосты колебалась от 300 до 450 рублей, заместителя – от 200 до 250 рублей, писаря – от 200 до 300 рублей, полицейского – 240 рублей плюс хлебный паек в размере около пуда зерна в месяц. Печати сельский староста не имел, заверяя выдаваемые им документы либо своей подписью, либо своей подписью и печатью волостного управления¹⁷.

На сельского старосту возлагалась обязанность не только первичного учета населения, но и определения его политической благонадежности, для чего староста вел соответствующую учетную книгу. В отдельных селах старосты по своему личному произволу устанавливали тотальный контроль за всеми сторонами жизни населения. Так, в ряде сел Хотынецкого района Орловской области (Алехино, Суханка и др.) старосты запретили девушкам выходить замуж по собственному желанию, выдавая девушек замуж по своему усмотрению [4, 66]. Помимо учета населения, определения его политической благонадежности, выполнения предположений, обеспечения правопорядка в населенном пункте, на старосту могли быть дополнительно наложены иные специфические обязанности. Так, военный комендант слободы Ольховатка Воронежской области Линдеманин обязал всех председателей колхозов (старост) в преддверии вступления союзнических Германии венгерских и итальянских войск, принять меры по предотвращению с их стороны мародерства. В приказе от 6 августа, в частности, говорилось: «Вступают итальянские и венгерские войска. Всем председателям колхозов надо позаботиться о том, чтобы убрать весь скот

подальше от проезжих дорог, так как эти войска будут беспощадно забирать и резать скот. В случае, если скот будет отобран насильно без разрешения, надо немедленно заявить коменданту»¹⁸.

Что касается произвола со стороны сельских старост, он в ряде случаев выходил за все мыслимые рамки. Так, в Стародубском районе Орловской области старосты нашли оригинальный способ уклониться от продовольственного налога, распределив причитающийся с них и с полицейских налог между жителями сел¹⁹. При сборе продналога старосты нередко допускали злоупотребления, завышая налог, свидетельством чему служат многочисленные письменные претензии со стороны волостных старшин и районных бургомистров. Так, старосте д. Жуковка Унечского района Орловской области районный бургомистр Старовойтов писал: «Для Германской армии, по распоряжению начальника полиции, Вы должны были взять в каждом дворе по 1 гусю. Вы же у г-на Болшунова взяли 4-х гусей, поэтому Вы должны выполнить распоряжение нач. полиции и возвратить ему 3-х гусей»²⁰. Любопытна одна из публикаций в «Погарской газете» (Орловская область), вышедшая в мае 1942 г. В ней констатируется «поток жалоб на незаконные действия некоторых старост», в числе недостатков старост упоминаются «грубость, самодурство, пьянки, разрешение большинства вопросов за выпивкой с одурманенными мозгами, а иногда и пристрастное решение дела за взятку или по родственным или дружеским связям» [6]. Статья заканчивается предостережением недобросовестным старостам: «Придет время, когда народ сбросивший цепи большевистского рабства, произнесет свой суровый приговор над негодными членами общества» [6].

Однако фактически абсолютная власть старосты формально была ограничена, в частности, тем, что староста являлся лишь «исполнительным органом» волостного старшины и не имел права принимать самостоятельные решения, управляя только по указаниям и поручениям волостного старшины²¹. В деревне, где жил волостной старшина, староста не назначался – его обязанности одновременно выполнял старшина.

Несмотря на большую власть, староста больше, чем кто-либо иной, подвергался опасности со стороны немецких властей. Так, за сбор и сдачу немцам урожая, за спо-

койствие населенного пункта от партизан отвечал, часто жизнью, прежде всего староста и его семья, а потом все село [1, 23]. Жители пос. Переторги Брянской области засвидетельствовали автору, как в одной из близлежащих деревень погибли двое немецких военнослужащих. Староста к этому был непричастен, напротив, был настроен резко антисоветски, свои обязанности исполнял с усердием. Тем не менее по приказу офицера СС немцы, собрав всех жителей, устроили показательную расправу над семьей старосты. Одну из дочерей старосты по приказу офицера публично обнажили, затем отрезали ей груди. По окончании издевательств вся семья старосты и он сам были расстреляны. В д. Мякотино Погорельского района Калининской области 1 мая 1942 г. за непринятие мер к четверым жителям деревни, хранившим оружие, вместе с непосредственно виновными после издевательств повешены староста С.В. Махов и его помощник П.Ф. Безобразов²². В случае совершения проступков, не направленных против интересов германской армии, староста подлежал переизбранию. Так, собранием общества «Новый путь» села Пески (Орловская область) был переизбран староста, бравший взятки с жителей села, не выдававший им положенный за выполненные работы хлеб²³.

Однако, несмотря на недостатки, старосты в целом выполняли возложенные на них обязанности, ввиду чего следует признать, что оккупантам удалось сформировать вполне дееспособный аппарат управления сельскими населенными пунктами. Этого удалось достигнуть как благодаря привлечению к работе в качестве старост бывших советских руководителей, так и ввиду вступления на путь сотрудничества с противником достаточного количества крестьян, знакомых с вопросами ведения сельского хозяйства. Эпизодические случаи сопротивления оккупантам со стороны сельских старост, саботаж отдельных мероприятий германских властей не могли в целом переломить ситуацию, ввиду чего германская армия получила

приемлемые для военного времени условия для снабжения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Тверской центр документации новейшей истории (далее: ТЦДНИ). Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.
- ² Центр новейшей истории Брянской области (далее: ЦНИБО). Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.
- ³ Государственный архив Брянской области (далее: ГАБО). Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.
- ⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.
- ⁵ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 38.
- ⁶ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 157. Л. 2, 11, 46.
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151.
- ⁹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее: ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 106. Л. 49.
- ¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.
- ¹¹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74-75об, 76-81.
- ¹² ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 93. Л. 160.
- ¹³ ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 111-159.
- ¹⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74-75об, 76-81.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151-152.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151-152.
- ¹⁸ ГАБО. Ф. Р-1890. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1.
- ¹⁹ ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.
- ²⁰ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.
- ²¹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14, 26.
- ²² ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 9. Л. 103.
- ²³ ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 262. Л. 24.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Гогун А.С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941-1944 гг.: статьи и воспоминания / Под ред. Б.С. Пушкарева. – М.: Посев, 2004.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945: в 6 т. / под ред. П.Н. Поспелова. – М.: Воениздат, 1961-1965. – 6 т. – Т. 2.
3. Котов Л.В. В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: сб. статей / сост. В.Е. Быстров. – М., 1970.
4. Партизаны Брянщины: сб. материалов и документов БПА / под ред. В.К. Соколова. – Брянск, 1962. – Т. 2. – С. 382.
5. Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
6. Староста – первый и достойнейший член общины // Погарская газета. - 1942. - 17 мая.

ПАРТИЙНЫЕ НАКАЗАНИЯ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ТЕХНОКРАТИЧЕСКУЮ ЭЛИТУ (НА ПРИМЕРЕ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В 1964–1991 гг.)*

Аннотация. В статье дан анализ партийных наказаний в отношении региональной технократической элиты. Официальная типология включала в себя выговор, строгий выговор и исключение из рядов КПСС. Выявлены неуставные способы, с помощью которых партийная бюрократия утверждала и сохраняла свое первенство на региональном уровне. В арсенал латентных наказаний партийной элиты входили: неизбрание в состав партийного органа, отказ в представлении к государственной награде; критические высказывания о работе того или иного руководителя со стороны высокопоставленных партийных и государственных чиновников, критический материал в партийном печатном органе.

Ключевые слова: Региональная технократическая элита, хозяйственные руководители, партийные органы, уставные и неуставные партийные наказания, приписки, аморальное поведение, неэффективные управленческие решения.

E. Volosov

Ust-Ilimsk Department of East-Siberian
State Academy of Education

THE MEANS OF PUNISHMENTS USED
BY THE PARTY AS A MEANS OF INFLUENCE
AT THE TECHNOCRATIC ELITE (EX-
AMPLE OF THE REGION OF ANGARA-ENI-
SEY, YEARS 1964-1991)

Abstract. The article gives an analysis of the punishments directed to the regional elite of technocracy. The official typology included a reprimand, a severe reprimand, and exclusion from the Communist Party of the Soviet Union. The author also indicated the means which were used at the regional level to confirm and support the superiority of the bureaucracy of the Party. These latent punishments included barriers of elections into the highest communistic bodies, refusal to grant a reward of governmental importance; dissatisfaction of the highest State bodies by the work

of the particular leader, critics in the official press editions of the Communist Party.

Key words: regional technocratic elite, executive leaders, bodies of the Communist Party, official and unofficial (latent) means of punishment used by the Communist party, amoral behavior, ineffective managerial solutions.

Взаимоотношения партийно-бюрократической и технократической групп региональной элиты на протяжении 1960-80 гг. выстраивались по вполне понятным формальным и неформальным правилам. Они включали в себя вариант своеобразного договора, в рамках которого партийная бюрократия: не вмешивалась в текущую производственную деятельность хозяйственных структур; признавала высокий уровень материальных и социальных предпочтений технократической элиты; допускала технократию к представительству в высших выборных органах партийной иерархии; в основном отдавала на откуп решение кадровых вопросов внутри региональной технократической элиты министерствам и ведомствам; примиренчески относилась к мелким «грешкам» технократии в части не соответствующего советским стандартам улучшения социально-бытового обеспечения, «гедонистического» отношения к жизни.

В свою очередь, технократическая элита признавала: право партократии на формальное доминирование в принятии стратегических решений, касающихся социально-экономического развития региона; необходимость согласования кадровых вопросов с партийной бюрократией; возможность и необходимость персональных наказаний в случае действий, несовместимых с положениями Устава КПСС, прежде всего, аморального поведения; возможность собственных кадровых траекторий по инициативе или при согласовании партийного аппарата.

Одним из самых действенных способов управления технократической элитой явля-

* © Волосов Е.Н.

лись партийные взыскания. Угроза строгого выговора и тем более исключения из рядов КПСС напоминала хозяйственным руководителям об их месте во властной иерархии, заставляла еще более ответственно заботиться о выполнении плановых заданий, не нарушать гласных и негласных правил и норм советской этики.

Официальная типология партийных наказаний была представлена в главном организационно-правовом документе КПСС – Уставе КПСС. В разделе I, статье 9 указывалось, что «За невыполнение уставных обязанностей и другие проступки член или кандидат в члены партии привлекается к ответственности и на него могут быть наложены взыскания: постановка на вид, выговор (строгий выговор), выговор (строгий выговор) с занесением в учетную карточку. Высшей мерой партийного наказания является исключение из партии»¹.

Однако официальные формы партийных взысканий далеко не всегда решали проблему беспрекословного подчинения хозяйственных руководителей партийным чиновникам. Доминирующий индустриальный вектор создавал колоссальные проблемы для региональной партийной и советской бюрократии, ибо именно она отвечала за полноценное, гармоничное развитие территорий. Но инвестиционные ресурсы, как на промышленное, так и на социальное строительство, реконструкцию, хозяйствование в основном находились у министерств и ведомств. Дихотомия «ответственность без денег у одних и деньги без ответственности у других» создавала и поддерживала тлеющий, иногда возгорающийся очаг напряжения во взаимоотношениях между ведомственной (региональной и столичной) технократической элитой и местной партийно-советской бюрократией.

Поэтому вопрос, как заставить технократию играть подчиненную роль по отношению к партийной бюрократии и более активно участвовать в комплексном социально-экономическом развитии регионов, являлся актуальным для местных партийных и советских лидеров в течение всего периода 1960-80-х гг. вплоть до наступления постсоветской эпохи. В этой борьбе, носившей иногда характер личного противостояния, использовались не столько официальные, уставные способы воздействия на технократическую элиту, сколько латентные. Об официальной типологии партий-

ных взысканий мы уже говорили. Однако партийная бюрократия имела значительно большее количество инструментов воздействия, нежели те, что прописаны в Уставе КПСС. Анализ различных групп источников позволяет нам выделить еще несколько способов, с помощью которых партийные и советские лидеры утверждали и сохраняли свое первенство на региональном уровне: избрание в состав партийного органа, партийного форума, соответствующего статусу конкретного представителя технократической элиты; отказ в представлении к государственной награде; критические высказывания о работе того или иного руководителя на партийном форуме (областная партийная конференция, Пленум ОК КПСС, областной партийно-хозяйственный актив) со стороны ответственного партийного чиновника; отказ в согласовании просьбы вышестоящего хозяйственного органа о переводе на новую должность.

Список проступков, за которые могли получить партийные взыскания хозяйственные руководители, нельзя назвать широким. Это – бытовая сфера или то, что в те времена принято было называть «аморальным поведением». Тем не менее, советское общество, несмотря на попытки власти насадить пуританские представления об образе жизни, оставалось способным на человеческие, обыденные поступки, имеющие тысячелетние традиции.

В изученных нами документах практически отсутствуют факты партийных наказаний хозяйственных руководителей только за недостойное поведение в быту. Большая часть технократов – люди серьезные, ответственные и умеющие контролировать свое поведение и свои поступки. Однако «проколы» бывали даже с ними. Например, на XVII Иркутской областной партийной конференции (1971 г.) в выступлении председателя ревизионной комиссии прозвучала информация о недостойном поведении руководителей авиационного завода, устроивших в рабочее время пикник, отягощенный потерей партийного билета (это и был основной пункт обвинения) одним из руководителей предприятия. Местными партийными структурами этот эпизод был спущен «на тормозах». Однако вмешался Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, который очень жестко поставил на место лидеров предприятия, являющихся, кстати, номенклатурой ЦК КПСС. На его заседании директору завода

В.А. Максимовскому и секретарю парткома Н.А. Преображенскому были объявлены строгие выговоры с занесением в учетные карточки².

Часто в документах встречаются комбинированные варианты нарушений, когда несанкционированное вышестоящим партийным органом «организованное принятие спиртных напитков» совмещалось с торжеством, банкетом, приемом по случаю визита высокопоставленного руководства. В таких случаях звучат фамилии партийных, советских и хозяйственных руководителей, которые впоследствии сами, в силу своего положения, становились партийными судьями следующих нарушителей партийного закона.

Из архивных документов следует, что «для пользы дела» по такому варианту развертывания событий пострадали заместитель директора Норильского горно-металлургического комбината Ю.А. Трушкин, директор Ачинского глиноземного завода Г.П. Ткаченко³.

Комбинация пьянства и социально-бытовой распущенности хозяйственных руководителей как основа для партийных наказаний встречается в документах чрезвычайно редко. В этом нет ничего странного, так как подавляющее большинство представителей региональной технократической элиты прошли суровую школу жизни, партийных проверок, пристального внимания со стороны партийных органов и органов государственной безопасности. Красноярский край и Иркутская область являлись территориями с преобладанием так называемых моноградов, то есть городов, чье благополучие практически полностью зависело от работы одного или двух предприятий, расположенных в них. Поэтому жизнь их руководителей была видна, почти как на ладони, они пользовались пристальным вниманием со стороны горожан. Не всегда оно носило доброжелательный характер. Все это, а также определенные нравственные принципы, делали жизнь и деятельность большинства руководителей не скандальной, обставленной множеством условностей, достаточно пуританской.

Хотя встречались исключения. Например, в 1969 г. бюро Иркутского обкома КПСС за нарушение финансовой дисциплины, злоупотребление служебным положением в личных целях и аморальное поведение в быту, выразившееся в систематической пьянке, связи с «посторонней» женщиной,

исключило из партии директора Иркутского кабельного завода Ю.П. Волнягина. Документы регионального комитета партии передают весьма пикантные подробности поведения попавшего в опалу руководителя и свидетельствуют, что причины производственного характера (бесконтрольность, приписки, искажение государственной отчетности) носили вторичный характер⁴.

Официальные партийные наказания представителей региональной технической элиты за социально-бытовые и морально-этические прегрешения в период с середины 1960-х до конца 1980-х гг. носили все-таки достаточно редкий характер, по причинам, о которых мы говорили выше. Значительно чаще хозяйственные руководители несли партийную ответственность по производственным основаниям: невыполнение показателей государственного плана, приписки, неправомерное начисление премий, халатность, неспособность управлять коллективом и т.д.. Партийные наказания почти всегда шли в комбинации с наказаниями других органов и ведомств: комитетов народного контроля, главков, министерств, а в самом худшем случае, – с решениями судебных органов о привлечении к уголовной ответственности. Архивы свидетельствуют, что наказания в виде выговора сопровождали весьма значимых хозяйственных руководителей, среди которых В.И. Долгих, Е.А. Мармонтов, А.А. Петкевич, В.М. Плотников, Б.Г. Качарянц, Ф.Г. Долинин и многие другие^{5, 6, 7}.

Помимо уставных партийных наказаний, существовали внеуставные мероприятия, отражающие недовольство действиями того или иного хозяйственного руководителя со стороны партийной бюрократии, но не имеющей формальных оснований для его наказания в рамках Устава КПСС. Например, партийный разнос.

В документах, воспоминаниях, научно-популярной литературе очень немного свидетельств публичных разносов, устраиваемых высокопоставленными региональными и столичными партийными работниками местным хозяйственным руководителям. Типичными являлись кабинетные разбирательства в формате заседаний бюро, совещаний секретариата, личных бесед. Жесткий, агрессивный подход являлся малоэффективным и даже вредным по многим причинам. Он не создавал конструктивной, созидательной атмосферы для решения экономичес-

ких, социальных и психологических проблем. Публичное унижение руководителя, конечно же, не способствовало росту его авторитета среди подчиненных и, в лучшем случае, вызывало жалость и сочувствие у подчиненных. Тем не менее, некоторые заезжие ответственные партийные и государственные чиновники охотно пользовались этим методом.

Очевидцы вспоминали о публичном унижении, которому подверг начальника «Братскгэсстроя» А.Н. Закопырина заместитель Председателя Совета Министров СССР Б.Е. Щербина. «Львиный рык высокопоставленного администратора, – по мнению мемуариста, – исключал любую степень свободы, без которой невозможен аналитический разбор ситуации. Хамство, проявленное Щербиной, выступило здесь союзником и прикрытием его некомпетентности [6, 22-23].

После публичной унижительной и неаргументированной критики со стороны секретаря ЦК КПСС О.Д. Бакланова в адрес генерального директора ПО «Ангарскнефтеоргсинтез» Б.А. Блудова, с тем случился инсульт. Долгое лечение не помогло, и Блудов был вынужден уйти в отставку [4, 159].

Особой формой наказания высокопоставленных хозяйственных руководителей со стороны региональной партийной бюрократии можно считать отказ в представлении к правительственным и государственным наградам. В материалах архивов, на страницах периодической печати и в мемуарной литературе не так уж много свидетельств об отказах в награждении. Любые награждения являлись результатом сложнейшей цепи согласований столичной и местной власти. Рекомендации министерств и ответы региональных комитетов партии обычно носили согласованно комплиментарный характер, за некоторыми исключениями. Например, в 1980 г. Иркутский обком КПСС отказался поддержать инициативу Министерства электротехнической промышленности СССР в выдвижении генерального директора ПО «Радан» В.П. Александрова для представления к правительственной награде – ордену Трудового Красного Знамени. Мотивом отказа стали недостатки хозяйственного руководителя политического и нравственного характера⁸.

Примерно в это же время (1981 г.) бюро Иркутского обкома КПСС отказалось поддержать ходатайство Минэнерго СССР о награждении заместителя Министра энер-

гетики и электрификации СССР, бывшего руководителя «Братскгэсстроя» А.Н. Семенова Звездой Героя Социалистического Труда. Рекомендуемое лицо являлось фигурой, которую объективно обком должен был поддерживать. Слишком уж важны были позиция министерства и его ресурсы для развития производительных сил Иркутской области. Однако этого не произошло. Большинство голосов бюро обкома отказалось поддержать ходатайство Министерства, считая, что заслуги А.Н. Семенова были уже отмечены по достоинству⁹.

Выше были приведены примеры жестких решений партийных органов. Гораздо чаще в документах встречаются варианты превентивных угроз, предупреждений. Помимо прочих, ими могла стать критическая информация в газете. Хозяйственные руководители в 1960-80-е гг. входили в число героев критических публикаций средств массовой информации. По всей видимости, каждый критический репортаж, касающийся представителей региональной технократической элиты, согласовывался с краевым или областным комитетом партии, и те не всегда давали добро на его публикацию. Например, в 1970 г. рядовой экономист Иркутского алюминиевого завода Т. Троицына в областной газете «Восточно-Сибирская правда» в двух номерах подряд раскритиковала работу директора Иркутского алюминиевого завода Т. Панжина за невыполнение основных плановых показателей [5].

В этой публикации было необычно все. И критика вполне успешного руководителя, в заслугу которому ставили выход на проектную мощность одного из лучших алюминиевых заводов страны. И то, что автором статьи был не журналист или партийный работник, а рядовой инженер-экономист этого же предприятия. На память сразу же приходит «замечательная женщина», разоблачитель «врачей-вредителей» Л.Тимашук. И то, что, в общем-то, рядовым проблемам любого предприятия была посвящена большая статья с продолжением.

Ясно, что замысел такой статьи мог родиться только в областном комитете партии, который на примере алюминиевого завода хотел показать, что непогрешимых нет и любой, даже очень заслуженный руководитель, может оказаться в зоне критики.

Мы хорошо знаем, что слово может лечить, может ранить, а может и убить. Не зря еще классик сказал: «Злые языки страшнее

пистолета». Судя по всему, именно такой случай произошел с весьма авторитетным хозяйственником, директором Коршуновского горно-обогатительного комбината В.В. Беломоиним. В марте 1983 г. члена Иркутского обкома КПСС и депутата Иркутского областного Совета народных депутатов В.Беломоина подвергли жесткой критике за неверно выбранную стратегию развития железорудного предприятия. По мнению журналиста А. Берковца, бессменный руководитель комбината Беломоин на протяжении более чем 20 лет бросал все силы на добычу руды, забывая о вскрышных работах [2].

В.В. Беломоину, человеку сверхавторитетному в своей отрасли, создавшему практически с нуля крупнейший в стране горно-обогатительный комбинат, было чрезвычайно обидно услышать публичную критику в партийной печати. Вкупе с низкими производственными показателями она, видимо, спровоцировала буквально через месяц после публикации статьи скоростную смерть руководителя Коршуновского ГОКа [1].

Дискретная критика хозяйственных руководителей времен Брежнева – Андропова – Черненко после прихода к руководству ЦК КПСС М.С. Горбачева начинает приобретать системный характер. Начатая на XIX Всесоюзной партийной конференции генеральным директором Ивановского станкостроительного производственного объединения Кабаидзе с летучих слов: «Будет министр ловить мышей...», она логически завершилась популистской кампанией выборов руководителей всех рангов и мастей и тотальной компрометацией столичной и региональной технократической элиты [3, 240-241]. С 1988 г. на страницах региональной печати, как партийной, так и комсомольской, разворачивалась тотальная, зачастую огульная критика хозяйственных руководителей. В дело шли материалы производственного и социально-бытового характера. Особого накала она достигла при выборах в депутаты на Съезд народных депутатов СССР в 1989 г., когда из десятков видных представителей региональной технократической элиты Красноярского края и Иркутской области на съезд попали буквально единицы.

Выводы:

Одним из самых действенных способов влияния на технократическую элиту являлись партийные взыскания. Помимо нака-

заний в рамках Устава КПСС, партийная бюрократия использовала неуставные инструменты воздействия.

Исследованный нами информационный массив позволяет выделить следующие виды внеуставных партийных наказаний: ничем не аргументированная критика со стороны высокопоставленных столичных партийных и государственных чиновников, ставящая целью унижить хозяйственного руководителя в назидание другим («партийный разнос»); неизбрание в состав партийного органа, партийного форума, соответствующего статусу конкретного представителя технократической элиты; - отказ в представлении к государственной награде; - отказ в согласовании просьбы вышестоящего хозяйственного органа о переводе на новую должность; - критические высказывания о работе того или иного руководителя на партийном форуме (партийная конференция, пленум, партийно-хозяйственный актив) со стороны ответственного партийного чиновника; - критический материал в партийном печатном органе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Устав Коммунистической партии Советского Союза. Утвержден XXVII съездом КПСС. - М.: Политиздат, 1988.
- ² Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), Ф. 127. Оп. 88, Д. 10, Л. 133.
- ³ Государственный архив Красноярского края (ГАСК). Ф.П-26. Оп. 8. Д.532, Л. 41; Оп. 9. Д. 27. Л. 122-123.
- ⁴ ГАНИИО. Ф.127. Оп.86. Д.16. Л.156-157.
- ⁵ ГАСК. Ф.-П.26. Оп. 42. Д.29. Л.38.;
- ⁶ ГАНИИО. Ф.127. Оп.86. Д.11. Л.65;
- ⁷ ГАСК. Ф.-П.26. Оп.44. Д.22. Л.138.
- ⁸ ГАНИИО. Ф.127. Оп.109. Д.88. Л.2,4.
- ⁹ ГАНИИО. Ф.127. Оп. 109. Д.90. Л.17-19.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беломоин В.В. (Некролог) // Вост-Сиб. правда. - 1983. - 15 апреля.
2. Берковиц, А.К. проигрышной стратегии [Текст] / А. Берковиц // Вост-Сиб. правда. - 1983. - 17 марта.
3. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. [Текст] В 2 т. Т. 1. - М.: Политиздат, 1988.
4. Радченко, Е.Д. Есть в Сибири город Ангарск / - Иркутск: Оттиск, 2004.
5. Троицына, В. Откуда пришла беда. Письмо с отстающего завода. Часть 1 // Вост-Сиб. правда. - 1970. - 22 марта; Часть 2 [Текст] // Вост-Сиб. правда. - 1970. - 24 марта.
6. ЧЕЛОВЕК и его дело (очерки истории Братскгэстроя). - В 2-х кн.: Кн.1. - М.: Энергоатомнадзор, 1994.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА, СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94.(32).04

Сафронов А.В.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ГРУПП «НАРОДОВ МОРЯ» В ЕГИПТЕ В СМУТЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ДИНАСТИИ*

Аннотация. Автор приводит свидетельство из заупокойного храма Аменхотепа III, которое, по его мнению, подтверждает факт, что топоним *Сечет*-«Азия» в эпоху Нового Царства мог включать в себя не только сиро-палестинские регионы, но также и регионы, которые традиционно считаются «прародиной» «народов моря» (Эгеида, Южная Греция, Западная Анатолия). На основании этого автор полагает, что в Элефантинской стеле фараона Сетнахта под наемниками из Сечетиу могут подразумеваться филистимляне и иные группы «народов моря», которые появляются в Египте и Палестине в конце 13 – начале 12 в. до н.э., согласно данным археологии (раскопки Дж. Таббом в Телль ас-Саадийа) и письменных источников (Р. Louvre 3136, надпись 5-го года правления Рамсеса III в Мединет Абу).

Ключевые слова: «народы моря», филистимляне, Эгеида, Сетнахт, Рамсес III, Мединет Абу, XX династия.

А. Safronov

Moscow State Regional University

THE PARTICIPATION OF THE SEA PEOPLES IN THE DISTURBANCES IN EGYPT AT THE END OF THE XIX – BEGINNING XX DYNASTY

Abstract. The author adduces evidence from the mortuary temple of Amenhotep III., which confirms, in his opinion, the fact that the place-name *St.t* in the New Kingdom includes not only the regions of Syria-Palestine, but those that are traditionally considered as the homeland of the Sea Peoples too (the Aegean, the Southern Greece, the North-Western Asia Minor). Based on this evidence the author supposes that the mercenaries from the *St.tw* mentioned in the text of Elephantine stele as the enemies of the Pharaoh Sethnakhte could be

the Philistines and the other groups of the Sea Peoples which appear in Egypt and Palestine at the end of the 13 – beginning 12 BC according to the archaeological data (the excavations in Tell es-Sa'idiyeh by J. Tubb) and the textual evidences (P. Louvre 3136, the inscription of Ramses III. 5th regnal year in Medinet Habu).

Key words: the Sea Peoples, the Philistines, the Aegean, Sethnakhte, Ramses III, Medinet Habu, XX Dynasty.

Недавно опубликованный папирус Louvre 3136 позволил автору данной статьи выдвинуть гипотезу, согласно которой филистимляне впервые появились в Палестине и Египте не после 1190 г. до н.э., когда они были разбиты Рамсесом III, а, по крайней мере, за несколько лет до этого. Текст папируса упоминает наемников филистимлян и *шардана*, которых египтяне использовали в войне против ливийцев в 1193 г. до н.э. Эти данные, по нашему мнению, подтверждаются и рельефами из заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу, на котором воины в т.н. «перьевых» шлемах (типичная иконография филистимлян и прочих «народов моря» времени Рамсеса III) изображены сражающимися в египетской армии против ливийцев на 5-й год правления Рамсеса III (1193 г. до н.э.) [1, 249-262]. Учитывая тот факт, что филистимляне уже служили в египетской армии еще до их масштабных нападений на Египет в 1193 и 1190 гг. до н.э., возникает вопрос, когда они могли появиться впервые в Палестине и Египте.

Раскопанный Дж. Таббом в слое XII в Телль ас-Саадийа (Центральная долина Иордана) некрополь содержал большое количество захоронений в сосудах и т.н. «двойных пифосах», часто в ямах, обложенных камнями. Подобные захоронения были найдены и в других городских центрах Палестины (60

* © Сафронов А.В.

захоронений в Телль-Зерор) [9, 186]. Этот совершенно не характерный для Палестины обряд захоронений позволил Дж. Таббу справедливо приписать данные захоронения «народам моря» и указать аналогии подобному погребальному обряду в Анатолии вплоть до Сард [9, 186, 189]. В свое время нами были приведены также аналогии данному обряду погребения, происходящие с северо-запада Анатолии, из района Троады [2, 131, прим. 37].

Дж. Табб датировал подобные захоронения концом 13 – началом 12 в. до н.э., что указывает на то, что «народы моря» уже присутствовали в Центральной долине Иордана перед их нападением на Египет на 8-й год правления Рамсеса III [9, 192]. Таким образом, археологические данные Палестины полностью согласуются со свидетельствами папируса Louvre 3136 и рельефов Мединет Абу, на которые указал автор данной статьи.

Ранее нами высказывалось предположение, что группы «народов моря» могли участвовать в смутных событиях начала 12 в. до н.э., в результате которых к власти пришла XX династия [3, 13-14]. Позднее независимо от нас к схожим выводам пришел Д. Канн [6, 14-23]. Основанием для этого послужил текст Элефантинской стелы основателя XX династии Сетнахта, который описывает смуту в Египте, предшествующую воцарению этого фараона. В тексте стелы упоминается, что в борьбе за престол Сетнахт столкнулся с оппозицией неких мятежников, которые пытались воспользоваться услугами наемников *сечетиу*, призвав последних из сопредельных с Египтом северо-восточных областей. В тексте говорится [8, Beilage 3a]: [9] *[hr hrw.w] hr h3.t=f nhm.n snd=f jb=sn wth=sn r [...]* [10] *[mj hp.w.t] sf.w bjk hr-s3=sn jw w3h=sn hd nbw [bj3]* [11] *[hbsw] t3 mrj.(w) jw rdj.n=sn n nn St.tw r wh3 n=w nh.t.w* [12] *[...t3] sf.w t3 mrj.(w) sh.w=w whj.jw sr.w=w wsf.(w)* – «[9] [пали враги] перед ним (Сетнахтом – А.С.), его ужас объял их сердце, бежали они [...] [10] [подобно птахам и] птицам малым, когда сокол позади них. Оставили они серебро, золото, [медь] [11] [ткани] Та-мери (Египта – А.С.), которое они положили для этих *сечетиу*, чтобы искать себе воинов [...] [12] [...] грани]цы Та-мери. Их планы не имели успеха, их угроза отменилась».

Автором данной статьи на основании ряда косвенных данных было выдвинуто предположение, что термин *сечетиу* (традиционное значение «азиаты») в тексте стелы мог

обозначать и племена «народов моря» как обитателей северо-восточных от Египта областей, которые к рубежу 13/12 вв. до н.э., судя по археологическим данным, уже присутствовали в Палестине и немногим позже, при Рамсесе III, напали и на сам Египет [1, 249-262]. Подобное предположение основывалось на следующих фактах:

1. В надписи 5-го года Рамсеса III (1193 г. до н.э.) упоминаются ливийцы и *сечетиу*, которые до правления этого фараона напали на Египет [7, Pl. 27:20-22]: [20] *... n3 hrw.w St.tw Thn.w jt3.w wn hr...* [21] *s^cd3 shr t3 mrj.(w) fk p3 t3 m skmkm dr nswjw id=sn ntr.w mj bw-nb nn pr-^c r* [22] *šsp=w dr bšt=sn* [20] «Враги *сечетиу* и *техену*, воры, те, кто ... [21] губили имущество Та-мери. Пустыня (была) земля из-за разрушения со времён прошлых царей. Преследовали [22] они богов, как и людей. Не было героя, чтобы схватить их, с тех пор как они восстали». Далее в надписи 5-го года речь идет о сражениях Рамсеса III только с ливийцами и «народами моря» *пелесет*, *текер* и *туриша* [2, 127-128]. Поскольку ливийцы в вышеприведенном фрагменте надписи четко определяются как *техену*, то возможно предположить, что *сечетиу* здесь следует трактовать как обозначение племен «народов моря», упомянутых далее в тексте.

2. В надписи 8-го года правления Рамсеса III, в которой содержится рассказ о битве с «народами моря», появляется фраза [7, Pl. 46:4]: [4] *m33=f hh jm=sn mj dfdf.t wr nrw=f m sd.t r n3 ph.w t3 dj htj St.tw* [4] Смотрит он (фараон – А.С.) на миллион их (врагов) как на каплю. Велик ужас его как огонь до пределов земли, (он) тот, кто заставляет отступить *сечетиу*. Фраза «тот, кто заставляет отступить *сечетиу*» может быть просто частью царской титулатуры. Однако примечателен тот факт, что в надписи 8-го года противниками египтян выступают только «народы моря». Поэтому опять-таки заманчиво было бы считать, что в данном случае термин *сечетиу* был употреблен по отношению к «народам моря».

Предположение о том, что под *сечетиу* Элефантинской стелы Сетнахта могли подразумеваться филистимляне и иные группы «народов моря», позволяло бы связать едино свидетельства вышеупомянутых рельефов Мединет Абу, данных папируса Louvre 3136 и археологических исследований Палестины и датировать их появление в Палестине рубежом XIX/XX династий (13/12 вв. до н.э.).

Рис. 1. Фрагмент постамента статуи из заупокойного храма Аменхотепа III в Ком эль-Хетан (приведено по: [4, Tf. 13]).

Единственное, что не удавалось обнаружить в поддержку данной гипотезы, так это бесспорное свидетельство того, что в обобщенный термин *Сечет*-«Азия» в египетском языке эпохи Нового Царства могли включаться также и регионы, которые традиционно считаются «прародиной» «народов моря» (Эгеида, Южная Греция, Западная Анатолия). Однако такое свидетельство, по нашему мнению, все же существует. На одном из пяти постаментов статуй, найденных в 1964 г. в заупокойном храме Аменхотепа III в Ком эль-Хетан, содержится список, который перечисляет города и страны Эгеиды, юга Балканского полуострова и запада Малой Азии. В надписях на постаменте имеется любопытная приписка (Рис. 1): *t3.w nb(.w) št3.w n.w ph.w n.w St.t* «Все страны сокрытые северных пределов *Сечет*» [5, Tf. 13]. Под припиской стоят топонимы *Kft.w* и *Tn3uw* «Кефтиу» и «Танайу», которые принято отождествлять с Критом и греками-данайцами. Далее перечислены города Кносс, Фест, Микены, Илион и другие [4, 237-238]. Судя по этой приписке,

районы Эгеиды, Южной Греции и запада Малой Азии, по крайней мере, с 15-14 вв. до н.э. относились египтянами к крайним северным пределам *Сечет* (Азии). Этот факт подтверждает справедливость утверждения, что под собирательным термином *сечетиу* Элефантинской стелы Сетнахта могли скрываться не только обитатели Сирии и Палестины, но и наемники из «народов моря», которые традиционно служили в армиях правителей Древнего Востока и, видимо, участвовали в смуте в Египте на рубеже XIX/XX династий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сафронов А.В. Датировка pLouvre 3136 и раннее появление филистимлян в Египте и Палестине. // Труды Государственного Эрмитажа XLV. Петербургские египтологические чтения 2007 - 2008 памяти О.Д. Берлева к 75 летию со дня рождения. Доклады. СПб, 2009. С. 249 - 262.
2. Сафронов А.В. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III. // ВДИ. 2006. № 4. С. 124 - 139.
3. Сафронов А.В. Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в конце XIII - начале XII вв. до н.э. Автореф. канд. дис.. М., 2005.
4. Cline E. Amenhotep III, the Aegean, and Anatolia. // Amenhotep III. Perspectives of his reign. Ann Arbor, 2004, P. 237 - 238.
5. Edel E., Görg M. Die Ortsnamenlisten im nördlichen Säulenhof des Totentempels Amenophis' III. Wiesbaden, 2005.
6. Kahn D. Who is meddling in Egypt's affairs? The Identity of the Asiatics in the Elephantine Stele of Sethnakhte and the Historicity of the Medinet Habu Asiatic War Reliefs. // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. 2010. Vol. 2:1. P. 14 - 23.
7. Medinet Habu. By the Epigraphic Survey. Vol. I. Chicago, 1930.
8. Seidlmayer S.J. Epigraphische Bemerkungen zur Stele des Sethnakhte aus Elephantine. // Stationen: Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens Rainer Stadelmann gewidmet. Mainz, 1999, S. 363 - 386.
9. Tubb J. Sea Peoples in the Jordan Valley. // Sea Peoples and their World: the Reassessment. Philadelphia. 2000, P. 181 - 196.

К ВОПРОСУ О СООТНЕСЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «СЕНАТУСКОНСУЛЬТА О ВАКХАНАЛИЯХ» ИЗ ТИРИОЛИ И СООБЩЕНИЯ ТИТА ЛИВИЯ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ВАКХАНАЛИЙ В РИМЕ*

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному изучению двух важных свидетельств о процессе против Вакханалий в 186 г. до н.э. в Риме. Это так называемый «сенатусконсульт о Вакханалиях», эпиграфический памятник из Тириоли, и сообщение Тита Ливия о преследовании Вакханалий. Цель статьи установить, как соотносятся между собой надпись и три сенатусконсульты, о которых говорит Ливий в 18-й главе 39-й книги своего исторического труда: на основе какого решения сената была составлена надпись, какой характер она имеет – заключительный и итоговый, или же она является просто компиляцией различных решений сената, которая лишена всякого смысла, как документ, поставивший точку в процессе 186 г. до н.э.

Ключевые слова: сенатусконсульт о вакханалиях, вакханалии, римский сенат, преследование, Вакх, заговор вакхантов.

A. Sukharev

Moscow State Regional University

TO THE PROBLEM OF RELATIONSHIP BETWEEN SO-CALLED SENATUS CONSULTUM DE BACCHANALIBUS AND LIVY'S ACCOUNT ABOUT THE PERSECUTION OF THE BACCHIC RITES IN ROME.

Abstract. This article is dedicated to comparative study of two important evidences about the suppression of the cult of Bacchus in 186 B.C. in Rome. This is so-called senatus consultum de Bacchanalibus, the epigraphic testimony from south-Italian site Tirioli and the report of Titus Livius about persecution of the Bacchanals, which is contained in 18-th chapter of 39-th book of his historical work. The main purpose of this article is to determine, how the inscription and three senate's decisions about Bacchanals, which are mentioned by Livy, correspond one another: which of three senate's decrees had become a basis of the Tirioli's inscription; and what character has the so-called senatus consultum de Bac-

chanalibus – is it concluding and final decision in the persecution of the Bacchanals or this inscription is simply pure compilation of different decisions of the roman senate, which is deprived of all sense as a document, which had put a point in the process of 186 B.C.

Key words: senatus consultum de Bacchanalibus, Bacchanalia, the roman senate, quaestio, Bacchus, bacchanalian conspiracy.

Одним из самых противоречивых, запутанных и малоисследованных событий римской истории до сих пор остаётся процесс о Вакханалиях 186 г. до н.э. Однако в нашем распоряжении есть ряд ценных свидетельств, проливающих свет на события 186 г. до н.э.: эпиграфический памятник, живой отголосок событий тех лет, и сведения античных авторов. И у нас есть уникальная возможность сопоставить между собой сведения эпиграфики и нарративной традиции. Так называемый сенатусконсульт о Вакханалиях, эпиграфический памятник, обнаруженный на юге Италии в местечке Тириоли, который содержит в себе подлинный текст постановления сената относительно Вакханалий [6]. Во-вторых, сообщение Тита Ливия о преследовании Вакханалий в Риме, содержащееся в 39-й главе его истории Рима (*Liv.* XXXIX. 8-19). Сообщение Ливия, несмотря на ряд недостатков, в том числе романтический характер повествования об истории появления культа Вакха в Риме [4, 82–109], содержит в себе тексты трёх, по всей видимости, подлинных, постановлений римского сената относительно Вакханалий. При этом содержание постановлений сената в передаче Ливия, с одной стороны, значительно шире надписи из Тириоли¹, с другой стороны постановления, зафиксированные в надписи из Тириоли, отражены у Ливия не полностью и в весьма сжатом виде. Текст самой надписи также имеет ряд особенностей, на основании которых исследователи предполагают, что составлен он был на базе не одного, а нескольких документов². Ввиду

* © Сухарев А.К.

данных особенностей этих двух памятников в науке зародилась не разрешённая по сей день дискуссия по поводу соотношения между собой свидетельства Тита Ливия и надписи с текстом постановления сената из Тириоли [5, 378–379; 7, 389; 8, 280; 9, 216]. Вопрос этот крайне важен потому, что от его решения зависит сам подход к работе с сенатусконсультом из Тириоли: следует ли считать его итоговым документом, призванным регулировать культ в будущем, или же простой компиляцией разных инструкций из Рима, относившихся к самому процессу следствия по делу о Вакханалиях и не имевших ничего общего с итоговыми решениями сената о судьбе культа в дальнейшем. Прежде чем дать свой ответ на данный вопрос, необходимо чётко представить структуру каждого из документов.

Так называемый сенатусконсульт из Тириоли состоит из трёх частей: введения, в котором говорится о принятии сенатом решения по запросу консулов Спурия Постумия Альбина и Квинта Марция Филиппа и перечисляются лица, присутствовавшие при записи текста постановления³; основной части, которая состоит из трёх абзацев, где перечисляются все запреты и меры ограничительного характера в отношении Вакханалий (запрет кому-либо иметь вакхические святилища для отправления церемоний, а также запрет кому-либо из числа римских граждан, латинян или союзников вступать в вакханты⁴; разного рода предписания, обращённые к участникам мистерий⁵; ограничение количественного и качественного состава участников мистерий⁶); заключения, в котором содержится ряд предписаний касательно опубликования текста постановления, санкция за нарушение любого из запретов, изложенных в основной части надписи, и распоряжение о разрушении вакховых святилищ⁷.

В сообщении Тита Ливия о преследовании Вакханалий в Риме в 186 году до н.э. зафиксировано три решения римского сената, относящихся к процессу преследования культа. Первое постановление о Вакханалиях было вынесено сенатом в самом начале магистратского года сразу же после того, как консул Постумий доложил о тайных священнодействиях сенаторам [2, 339]. Состояло оно из семи пунктов⁸: благодарности, которую сенат объявил консулу за проявленную расторопность в деле выявления священнодействий; поручения консу-

лам провести чрезвычайное расследование в отношении раскрытых тайнств; указания относительно привлечения свидетелей по делу; распоряжения о розыске и аресте жрецов данных священнодействий; распоряжения об издании эдиктов; указания о том, в отношении кого в первую очередь должно производить следствие, и заключительной фразы, что это постановил сенат. Условно данное постановление сената называется в историографии сенатусконсультом № 1. Два других постановления сената отражены в главе 18-й 39-й книги Ливия и содержат предписания о разрушении вакхических святилищ и относительно порядка регулирования культа в будущем (см. табл. 2), т.н. сенатусконсульты № 2 и 3. С целью обеспечения наглядности и удобства работы с текстом источников мы приведём таблицы под номерами 1 и 2, в которых содержится текст постановлений сената и его перевод.

Относительно соотношения между собой текстов сенатусконсульта из Тириоли и сенатусконсультов, зафиксированных в рассказе Ливия, в историографии нет единого мнения. Вольфганг Краузе считал, что в надписи из Тириоли отражены все три сенатусконсульты, зафиксированные у Ливия, в том числе и первый сенатусконсульт, фиксируемый Ливием в главе 39. 14. 5-9. По мнению В. Краузе, этот сенатусконсульт передан в надписи из Тириоли в двух местах: в приказании довести до сведения всей Италии факт запрета Вакханалий, а также в установлении смертной казни в качестве наказания за нарушение запретов, содержащихся в данной надписи [9, 216].

Следует отметить, что мы не согласны с такой трактовкой В. Краузе относительно происхождения постановления о смертной казни в надписи. На наш взгляд, санкция эта происходит из последнего заседания сената, о котором Ливий сообщает в главе 39. 18 и которое было призвано разрешить все вопросы, связанные с культом Вакха в дальнейшем, после расследования, ввиду того, что она обращена в будущее и имеет обобщающую формулировку⁹, в то время как решение о смертной казни в первом постановлении сената не фиксируется (*Liv.* XXXIX. 14. 5-9; таб. 1). Более того, смертная казнь, применявшаяся в ходе расследования к участникам Вакханалий (*Liv.* XXXIX. 18. 3-6), и смертная казнь как санкция, зафиксированная в надписи из Тириоли, – разные вещи. Первая служила в качестве наказания по итогам проведённо-

Таблица 1

Перевод	Тит Ливий о преследовании Вакханалий (XXX-IX. 14. 5-9) – сенатусконсульт № 1
1. Сенат же постановил вынести консулу благодарность за то, что он расследовал это дело с особым старанием и без какого-либо шума. 2. Затем расследование о Вакханалиях и ночных священнодействиях передали в чрезвычайном порядке консулам. 3. они велели заботиться о свидетелях, Эбутии и Фецении, чтобы данное дело не причинило им вреда, и поощрять других свидетелей вознаграждениями. 4. жрецов этих священнодействий, мужчины ли они были или женщины, не только в Риме, но и по всем торжищам и рыночным площадям разыскать, что было в полномочиях консулов. 5. затем [они велели чтобы] были разосланы эдикты в городе Риме и по всей Италии, чтобы никто, кто был посвящён в мистерии Вакха, собираться и встречаться ради осуществления священнодействий не смел, ни тому подобные религиозные обряды совершать. 6. чтобы прежде всего расследование было устроено в отношении тех, которые собирались и составляли заговор, дабы разврат и позорное дело учинять. 7. Это постановил сенат.	1. censuit autem senatus gratias consuli agendas, quod eam rem et cum singulari cura et sine ullo tumultu inuestigasset. 2. quaestionem deinde de Bacchanalibus sacrisque nocturnis extra ordinem consulibus mandant 3. indicibus Aebutio ac Faeceniae ne fraudi ea res sit curare et alios indices praemiis inuitare iubent 4. sacerdotes eorum sacrorum, seu uiri seu feminae essent, non Romae modo sed per omnia fora et conciliabula conquiri, ut in consulum potestate essent 5. edici praeterea in urbe Roma et per totam Italiam edicta mitti, ne quis, qui Bacchis initiatus esset, coisise aut conuenisse sacrorum causa uelit, neu quid talis rei diuinae fecisse. 6. ante omnia ut quaestio de iis habeatur, qui coierint coniurauerintue, quo stuprum flagitiumue inferretur. 7. haec senatus decreuit.

Таблица 2

перевод	Сенатусконсульт №2-3 по Титу Ливию (XXX-IX.18.7-9)
XXXIX.18.7 Затем консулам было дано поручение, чтобы все места вакхических сборищ (Вакханалии) в первую очередь в Риме, а затем по всей Италии они разрушили, за исключением тех, если там какой-либо старинный алтарь или посвящённое изображение находилось. XXXIX.18.8-9 1. Затем в отношении остального постановлением сената было определено, чтобы никаких Вакханалий в Риме и Италии не было. 2. Если кто-либо укажет, что данное священнодействие является священным и необходимым и что он не может оставить эти таинства без внимания без опасения и греха, он должен прямо заявить о том перед городским претором, а претор должен запросить сенат. Если ему будет дано разрешение с тем только, чтобы в сенате присутствовало не менее 100 человек, лишь тогда он может совершать это священнодействие. 3. только бы не более пяти человек участвовало в жертвоприношении. 4. и никакой общей казны не было бы, и никто не был бы руководителем священнодействий, и никаких жрецов не было бы.	XXXIX.18.7 datum deinde consulibus negotium est, ut omnia Bacchanalia Romae primum, deinde per totam Italiam diruerent, extra quam si qua ibi uetusta ara aut signum consecratum esset. XXXIX.18.8-9 1. in reliquum deinde senatus consulto cautum est, ne qua Bacchanalia Romae neu in Italia essent. 2. si quis tale sacrum sollemne et necessarium duceret, nec sine religione et piaculo se id omittere posset, apud praetorem urbanum profiteretur, praetor senatum consulere. si ei permissum esset, cum in senatu centum non minus essent, ita id sacrum faceret 3. dum ne plus quinque sacrificio interessent 4. neu qua pecunia communis neu quis magister sacrorum aut sacerdos esset.

го расследования за уже имевшиеся факты нарушения закона¹⁰, вторая же предполагалась как санкция за нарушение запретов, отражённых в надписи, в будущем.

Другой немецкий исследователь, А. Диль, полагал, что надпись из Тириоли явилась итогом продолжительной работы местных властей Бруттия по соединению воеди-

но множества разных инструкций, которые приходили из Рима по ходу расследования [5, 378–379]. Вместе с тем исследователь полагает, что надпись из Тириоли в целом основана на одном постановлении сената, которое можно обозначить как сенатусконсульт № 3 (*Liv.* XXXIX. 18. 8-9). Данные выводы исследователь делает, во-первых, из содержания самого сенатусконсульта № 3, которое имеет итоговый характер, в отличие от сенатусконсульта № 1, который положил начало расследованию. Во вторых, А. Диль отмечает, что Ливий не знает ничего ни о каком ином сенатусконсульте [5, 377], который содержал бы в себе меры по урегулированию Вакханалий и был бы издан в промежутке между сенатусконсультами № 1 и 3¹¹. А. Диль подчёркивает, что данное постановление сената посредством нескольких исключительных решений выразило запрет вакхического культа на будущее время [5, 378]. Однако более конкретной аргументации на этот счёт исследователь не приводит.

Аналогичного мнения относительно количества сенатусконсультов, легших в основу надписи из Тириоли, придерживается и М. Гельцер. Он отмечает, что весь вопрос относительно вакхического культа для территории союзников был урегулирован посредством решений одного заседания сената [8, 280].

Российский учёный П.Н. Бодянский в своей монографии о событиях 186 года до н.э. также характеризует сенатусконсульт № 3 в рассказе Тита Ливия как заключительный и обобщающий¹². Он проводит прямую параллель между сенатусконсультom № 3 и надписью из Тириоли, которая отражает содержание именно этого постановления сената.

Итак, суммируя все приведённые выше точки зрения, мы можем разделить их на три группы:

1. В. Краузе, который считает, что в основу надписи легли все три сенатусконсультa, упоминаемые Ливием.

2. А. Диль, который полагает, что в основе надписи лежит один сенатусконсульт – заключительный сенатусконсульт № 3. Но он был дополнен рядом вставок, которые сделали местные власти из ранее присылавшихся им инструкций.

3. М. Гельцер и П. Н. Бодянский, которые считают, что надпись из Тириоли всецело базируется на сенатусконсультe №3 (с учётом того, что Гельцер отмечает, что Ливий недостаточно полно передаёт содержание постановлений сената).

Теперь нам самим необходимо сравнить данные традиции с данными надписи из Тириоли, чтобы на конкретном материале определить характер текста надписи, так как представленные выше точки зрения исследователей не вносят ясности в данном вопросе. На наш взгляд, п. 5 сенатусконсульта № 1 (см. табл. 1) не может лежать в основе строк 3 и 7 надписи. В отличие от формулировки, представленной в надписи, формулировка постановления сената, содержащаяся у Тита Ливия, значительно уже по контингенту лиц, который она охватывает. В сенатусконсультe №1 содержится запрет собираться и встречаться ради отправления таинств только для лиц, уже посвящённых в мистерии¹³, т.е. формулировка сенатусконсульта №1 не содержит указания на будущее время для всех прочих категорий лиц, которые ещё не посвящены в мистерии Вакха (см. п. 5, табл. 1). Кроме того, здесь использованы определённые глаголы, запрещающие соответствующие коллективные действия – *scoeo*, *convenio*, а также содержится запрет на осуществление священнодействий. Это – то, на что, как на особую опасность указывал на сходке граждан консул Постумий¹⁴. Всё это указывает на то, что лица, к которым обращён запрет, были уже посвящены в мистерии. В связи с данным замечанием п. 5 сенатусконсульта № 1 следует рассматривать как меру превентивного характера¹⁵, которая была направлена на устранение конкретной опасности, угрожавшей в тот момент времени общине, и против действий, которые уже ранее имели место быть.

Формулировка же надписи более пространный, и она сама по себе предлагает расширенное толкование. Строка 3: «Пусть никто из них (союзников – А.С.) не имеет вакханалий (вакхических святилищ – А.С.)»¹⁶. Здесь употребляется глагол *habeo*, значение которого многосторонне в сочетании с понятием Вакханалий. Под этой фразой может скрываться запрет и на коллективные собрания ради совершения священнодействий, и на сами священнодействия. Большинство же исследователей сходится во мнении, что в данном месте в надписи подразумеваются именно святилища [3, 290; 10, 218; 11, 222–223; 12, 61]. В самой надписи из Тириоли понятие «Вакханалии» как культовое место и как священнодействия чётко разграничены посредством глаголов, употреблённых в обоих случаях. В строках 15-16, где говорится о

запрещении осуществлять именно священнодействия, употребляется иная конструкция – с глаголом *facio* (*fecisse*), а не *habeo*¹⁷. И это не частный случай. Аналогичным образом глагольная форма *fecisse* употребляется и в строке 19 сенатусконсульта о Вакханалиях¹⁸. И поэтому соответствие строк 3 и 7 с текстом сенатусконсульта № 1 вообще невозможно. Кроме того, в надписи указаны не только лица, посвящённые в мистерии Вакха, – запрет адресован ко всем членам общин союзников в целом и к каждому в отдельности: «Пусть никто не вступает в вакханты – ни римский гражданин, ни латинского племени, ни кто-либо из союзников»¹⁹. Здесь содержится запрет на вступление в ряды участников мистерий, на посвящение в вакханты, и вновь запрет адресован ко всем категориям лиц, вдобавок и с весьма важным уточнением, что запрет распространяется на римских граждан, латинов и союзников, т.е. в данном случае мы снова имеем дело с расширенной формулировкой. Да и сам предмет запрета отличается от того, что содержится в сенатусконсульте №1.

По своему смысловому и лексическому значению к данным строкам надписи более подходит формулировка сенатусконсульта №3 у Тита Ливия: «чтобы никаких Вакханалий в Риме и в Италии не было» (***ne qua Bacchanalia Romae neve in Italia essent***).

Данная фраза имеет также расширенное значение (***ne Bacchanalia essent***), как и строка 3 в надписи (***Ne Bacchanal habuisse***). Наконец, в тексте из Тириоли оба запрета на проведение Вакханалий и участие в них сопровождаются общей для всех разделов первой части надписи формулой, которая определяет условия, при которых осуществление священнодействий стало бы возможным. Мы имеем здесь в виду обращение к городскому претору Рима и специальное разрешение со стороны сената, которые были необходимы для получения возможности осуществлять эти таинства²⁰. Аналогичная формула содержится и в сенатусконсульте № 3 и следует сразу же за решением о недопущении Вакханалий на территории Италии (см. п. 2 сенатусконсульта № 3, табл. 2). Пункты 3 и 4 сенатусконсульта № 3, а также решение о разрушении вакхических святилищ на всей территории Италии, принятое на том же заседании сената (*Liv. XXXIX. 18. 7*), находят полное соответствие в надписи. Для удобства сопоставления мы приведём ещё одну таблицу, в которой представлены места из сенатусконсульта № 3 и надписи из Тириоли, обнаруживающие соответствие друг другу.

Помимо представленных доказательств идентичности текста надписи из Тириоли сенатусконсульту № 3 и отсутствия в надписи

Таблица 3

Senatus consultum de Bacchanalibus	Сенатусконсульт №2-3 по Титу Ливию (XXXIX. 18. 7-9)
Ст.28-30 Atque (28) ut ea Bacchanalia, si qua sunt, extra quam si quid ibi sacri est, (29) ita ut supra scriptum est, in diebus decem, quibus vobis tabellae datae (30) erunt, faciatis, ut dimota sint. Ст.15-16 Sacra in occulto ne quisquam fecisse vellet. Neve in publico neve in (16) privato neve extra urbem sacra quisquam fecisse vellet Ст.3 Ne quis eorum Bacchanal habuisse vellet. Ст.7 Bacchas vir ne quis adisse vellet civis Romanus neve nominis Latini neve sociorum (8) quisquam Ст.4-6 Si qui (4) essent, qui sibi dicerent necesse esse Bacchanal habere, ei ut ad praetorem urbanum (5) Romam venirent, deque eis rebus, ubi eorum verba audita essent, ut senatus (6) noster decerneret, dum ne minus senatoribus centum adessent, cum ea res consuleretur. Ст.8 nisi praetorem urbanum adissent, isque de senatus sententia, dum ne (9) minus senatoribus centum adessent, cum ea res consuleretur, iussissent. Ст.19 Homines plus quinque universi, viri atque mulieres, sacra ne quisquam (20) fecisse vellet Ст.10-11 Sacerdos ne quis vir esset. magister neque vir neque mulier quisquam esset. (11) Neve pecuniam quisquam eorum communem habuisse vellet.	XXXIX. 18. 7 datum deinde consulibus negotium est, ut omnia Bacchanalia Romae primum, deinde per totam Italiam diruerent, extra quam si qua ibi uetusta ara aut signum consecratum esset. 1. in reliquum deinde senatus consulto cautum est, ne qua Bacchanalia Romae neve in Italia essent. 2. si quis tale sacrum sollemne et necessarium duceret, nec sine religione et piaculo se id omittere posse, apud praetorem urbanum profiteretur, praetor senatum consuleret. si ei permissum esset, cum in senatu centum non minus essent, ita id sacrum faceret 3. dum ne plus quinque sacrificio interessent 4. neu qua pecunia communis neu quis magister sacrorum aut sacerdos esset.

фрагментов сенатусконсульта №1 обратимся к другому сравнительному материалу.

В труде Тита Ливия зафиксировано два аналогичных случая запрещения чужеземных священнодействий римскими властями, в 428 и 213 гг. до н.э. И в том, и в другом случае сенат издавал распоряжения, адресованные младшим магистратам с указанием мер, которые следовало предпринять. Порядок действий сената и этих магистратов, а также структура сенатских постановлений весьма схожи с порядком действий сената в деле о вакханалиях и со структурой сенатусконсульта № 1.

Как уже отмечалось выше, сенатусконсульт № 1, отражённый Ливием в его повествовании, последовавший сразу же после доклада консула Постумия о раскрытии Вакханалий, в целом носил предварительный и превентивный характер по сравнению с сенатусконсультом № 3, который упомянут Ливием уже после сообщения о наказании участников вакханалий. Аналогичный характер носило, к примеру, и постановление сената в 213 г. до н.э. Более того, и сенатусконсульт 213 года, и сенатусконсульт № 1 186 года имеют аналогичную структуру в рамках ливиевой передачи. Так, в 213 году, согласно Ливию (XXV. 1. 7-8.), сенат дал задание городскому претору, чтобы тот освободил народ от этих священнодействий²¹, т.е. чужеземных обрядов, захлестнувших Рим. Аналогичным образом Ливий говорит о первых шагах сената в 186 году. Он сообщает, что обоим консулам было поручено расследование о тайном заговоре, в самом начале своего повествования о преследовании Вакханалий в Риме²². Затем в сенатусконсульте № 1 содержится аналогичный пункт, который идёт первым в структуре постановления (см. табл. 1): консулам в чрезвычайном порядке было поручено расследование о вакханалиях и ночных священнодействиях²³. Как мы можем наблюдать из приведённых выше строк, оба постановления сената (213 и 186 гг.) Ливий предваряет аналогичными по структуре и смыслу ёмкими фразами, которые в целом заменяют собой содержание собственно самих постановлений. В случае 213 года Ливий после указанной выше фразы не раскрывает содержание сенатусконсульта, а переходит сразу же к описанию событий на сходке, созванной претором (Liv. XXV. 1. 11-12).

Аналогичным образом он передаёт и постановление сената, адресованное в 428 году эдилам по пресечению чужеземных священ-

нодействий в Риме. Он говорит, что эдилам было поручено, дабы они следили, чтобы эти обряды не совершались²⁴.

Все три сообщения Ливия о данных сенатусконсультах, таким образом, имеют аналогичное лексическое строение, с применением обобщающих понятий – *negotium* и *quaestio*. Однако эти фразы, которые передают у Ливия общий смысл и содержание решений сената, автор затем продолжает, раскрывая их содержание посредством перечисления уже конкретных мер, которые подразумевались под ними. Так фразу о сенатусконсульте 213 года Ливий продолжает перечнем приказов претора, которые тот издал по оглашению сенатского постановления: *is et in contione senatus consultum recitavit et edixit...* (Liv. XXV. 1. 12). И именно в данных распоряжениях претора Ливий передаёт конкретное содержание сенатусконсульта, которое ранее скрывалось за фразой «*negotium ab senatu datum est ut eis religionibus populum liberaret*». И мы узнаём, что сенатусконсульт содержал в себе предписание уничтожить все пророческие книги и запрет совершать жертвоприношения по чужеземному обычаю²⁵. Точно так же, говоря о содержании сенатусконсульта № 1, Ливий после фразы о поручении консулам расследования раскрывает содержание сенатусконсульта, которое состоит из четырёх пунктов (см. табл. 1):

- 1) привлечение других свидетелей по делу;
- 2) арест жрецов Вакханалий;
- 3) рассылка по всей Италии и Риму эдиктов, чтобы никто из посвящённых в мистерии Вакха не смел собираться и подобных священнодействий совершать;
- 4) в первую очередь провести расследование в отношении тех, которые собирались и сговаривались о том, чтобы совершать разврат и т.д.

Как можно заметить, все меры действительно носят предварительный, ситуативный характер и все они относятся к понятию *quaestio*. Сенатусконсульт № 1 в ливиевой передаче даже имеет концентрическую структуру: Ливий начинает его со слов «*quaestionem deinde consulibus mandant*» и завершает, перед заключительной пометкой «*haec senatus decrevit*», фразой «*ante omnia ut quaestio de iis habeatur...*», т.е. Ливий вновь возвращается к началу сенатусконсульта, заключая, таким образом, все пункты, с 1 по 5, между этими двумя фразами,

показывая тем самым, что они, собственно, и составляют содержание того самого quaestio, порученного консулам.

Таким образом, структура рассмотренного нами сенатусконсульта № 1 и особенности его передачи в труде Тита Ливия позволяют заключить, что он в целом, как и все его составные элементы, носил ситуативный характер и содержал в себе только меры, которые должны были быть предприняты римскими магистратами в целях расследования. Окончательных решений по вопросу о Вакханалиях в этом сенатусконсульте нет, и он сам, как и составные его элементы, не входит в структуру первой части надписи из Тириоли. Сама надпись всецело основана на двух последних постановлениях сената, принятых, согласно Титу Ливию, уже по итогам расследования (т.н. сенатусконсульты № 2 и 3). Все решения, зафиксированные в надписи из Тириоли обращены в будущее и имеют целью, как и сенатусконсульты № 2 и 3, регулирование всех вопросов, связанных с осуществлением вакхических таинств в дальнейшем. Поэтому данный эпиграфический документ следует рассматривать как целостный по своей структуре и как итоговый в деле о Вакханалиях по своей сути.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Имеется в виду фрагмент с текстом первого сенатусконсульта, принятого в самом начале 186 г. до н.э. (Liv. XXXIX. 14. 5-9).
- ² Подробнее со всеми особенностями данного памятника можно ознакомиться в статье Эд. Френкеля [7, 369–396].
- ³ FIRA Z. 1-3: (1) [Q(uitus)] Marcius L(uci) f(ilius), S(purius) Postumius L(uci) f(ilius) co(n)s(ules) senatum consoluerunt n(onis) Octob(ribus), apud aedem (2) Duellonai. Sc(ribundo) arf(uerunt) M(arcus) Claudi(us) M(arci) f(ilius), L(ucius) Valeri(us) P(ubli) f(ilius), Q(uitus) Minuci(us) C(ai) f(ilius) De Bacanalibus quei foideratei (3) esent, ita exdeicendum censuere: «Консулы Квинт Марций сын Луция и Спурий Постумий сын Луция обратились за советом к сенату в октябрьские ноны возле храма Беллоны. При записи присутствовали Марк Клавдий сын Марка, Луций Валерий сын Публия и Квинт Минуций сын Гая. О Вакханалиях тем, которые являются союзниками, решено объявить следующее:...».
- ⁴ FIRA Z. 3-9: «Neiquis eorum [B]acanal habuisse velet. seiques (4) esent, quei sibi deicerent necesus ese Bacanal habere, eis utei ad pr(aitem) urbanum (5) Romam venirent, deque eis rebus, ubei eorum v[e]r[b]a audita esent, utei senatus (6) noster decerneret, dum ne minus senator[i]bus C adesent, [quom e]a res cosoleretur. (7) Bacas vir nequis adiese velet ceivis Romanus neve nominus Latini neve socium (8) quisquam, nisei pr(aitem)

urbanum adiesent, isque [d]e senatuos sententiad, dum ne (9) minus senatoribus C adesent, quom ea res cosoleretur, iousisent. Ce[n]suere «пусть никто из них (союзников. – А.С.) не смеет иметь Вакханалии (места собраний членов мистерий и отправления культа. – А.С.), те же, кто заявят, что им необходимо иметь Вакханалии, должны придти в Рим к городскому претору, и чтобы об их делах, после того как их слова будут услышаны, сенат наш вынес постановление с тем, чтобы не менее ста сенаторов присутствовали во время обсуждения этого дела. Пусть никакой человек (мужчина) не вступает в вакханты, ни римский гражданин, ни латинского племени, ни кто-либо из союзников, разве что они придут к городскому претору, и тот повелит согласно решению сената с тем, чтобы не менее ста сенаторов присутствовало, когда это дело будет обсуждаться. Постановили».

- ⁵ FIRA Z. 10-18: (10) sacerdos nequis uir eset. Magister neque uir neque mulier quisquam eset. (11) neve pecuniam quisquam eorum comoine[m] habuisse velet. Neve magistratum, (12) neve pro magistratu[d], neque virum [neque mul]ierem qui[s]quam fecise velet. (13) Neve post hac inter sed conioura[se nev]e comvovise neve conspondise (14) neve conpromesise velet, neve quisquam fidem inter sed dedise velet. (15) Sacra in [o]quolod ne quisquam fecise velet. Neve in poplicod neve in (16) preivatod neve extrad urbem sacra quisquam fecise velet, nisei (17) pr(aitem) urbanum adieset, isque de senatuos sententiad, dum ne minus (18) senatoribus C adesent, quom ea res cosoleretur, iousisent. Censuere «Пусть никакой мужчина не будет жрецом, руководителем пусть не будет ни мужчина, ни женщина, пусть никаких общих денег (кассы- А.С.) они не имеют, пусть не назначают ни магистратом, ни промагистратом ни мужчину, ни женщину, кроме того пусть не дают общий обет, не сходятся между собой, не дают друг другу торжественных обещаний, не прибегают к третьейскому суду, не смеют пусть давать друг другу какой-либо клятвы, пусть не устраивают каких-либо священнодействий втайне, пусть ни публично, ни частным образом, ни вне города никакие священнодействия не совершают, разве что придут они к городскому претору, и тот повелит согласно решению сената с тем, чтобы не менее ста сенаторов присутствовало, когда это дело будет обсуждаться. Постановили».
- ⁶ FIRA Z. 19-22: (19) Homines plous V oinvorsei virei atque mulieres sacra ne quisquam (20) fecise velet, neve inter ibei virei plous duobus, mulieribus plous tribus (21) arfuisse velent, nisei de pr(aitoris) urbani senatuosque sententiad, utei suprad (22) scriptum est.» «свыше пяти человек вместе, мужчин и женщин, пусть не устраивают никаких священнодействий, и нигде пусть не собираются между собой более двух мужчин и трёх женщин, разве что по решению городского претора и сената, как то записано выше».
- ⁷ FIRA Z. 23-30: Haice utei in coventionid exdeicatis ne minus trinum (23) noundinum, senatuosque sententiam utei scientes esetis, eorum (24)

sententia ita fuit: «Sei ques esent, quei arvorsum ead fecisent, quam suprad (25) scriptum est, eeis rem capitalem faciendam censuere». atque utei (26) hoce in tabolam ahenam inceideretis, ita senatus aiquom censuit, (27) uteique eam figier ioubeatis, ubei facilumed gnoscier potisit. Atque (28) utei ea Bacanalia, sei qua sunt, exstrad quam sei quid ibei sacri est, (29) ita utei suprad scriptum est, in diebus X, quibus vobeis tabelai datai (30) erunt, faciatis utei dismota sient. In agro Teurano – «Так вы должны объявить это на сходке не менее, чем в течение трёх рыночных дней, как только вы узнаете (вам станет известно) решение сената, их решение было таково: «Если будут те, которые будут поступать вопреки тому, как записано выше, им вменять в вину совершение тяжкого уголовного деяния»; а также, чтобы вы вырезали это на медной доске, равно как определил сенат, и чтобы распорядились установить эту доску [там], где наиболее удобно с ней можно ознакомиться. А также вы должны сделать, чтобы эти Вакханалии, если где они есть, кроме как если там есть что-либо священное, так как записано выше, в течение десяти дней после того, как вам были даны эти письма, были разрушены. В Тарентинскую область».

⁸ Данное разделение постановления сената на семь пунктов предпринято нами.

⁹ FIRA Z. 23-30: «Sei ques esent, quei arvorsum ead fecisent, quam suprad (25) scriptum est, eeis rem capitalem faciendam censuere» - «Если будут те, которые будут поступать вопреки тому, как записано выше, им вменять в вину совершение тяжкого уголовного деяния».

¹⁰ Liv. XXXIX.18.4: qui stupris aut caedibus violati erant, qui falsis testimoniis, signis adulterinis, subiectione testamentorum, fraudibus aliis contaminati, eos capitali poena adficiabant (те, которые развратом или убийствами были осквернены, или лжесвидетельствами, поддельными печатями, подлогом завещаний и другими преступлениями были запятнаны, их присуждали к смертной казни). Следует также отметить, что данный перечень преступлений не встречается в сенатусконсульте из Тириоли, в виду чего следует полагать, что санкция, содержащаяся в нём, не имеет отношения к данным преступлениям, зафиксированным в рассказе Ливия, а является тем самым наказанием, которое постигнет того, кто осмелится нарушить любое из положений данного сенатусконсульта в будущем. На это дополнительно указывает соответствующая пометка в надписи: quam suprad (25) scriptum est (как записано выше), в данном случае имеется в виду остальной текст надписи, содержащийся в строках 3-22.

¹¹ Напомню, что т.н. сенатусконсульт № 2 был принят на том же заседании сената, что и сенатусконсульт № 3, и являлся по сути своей всего лишь частным решением по вопросу о судьбе святилищ Вакха.

¹² «Затем (то есть после расследования. – А.С.) сенат издал указ, запрещающий Вакханалии. О содержании этого сенатского указа консулы должны были известить не только прямых под-

данных государства, но и жителей союзных с Римом общин. Одно из таких извещений дошло до нас в подлиннике» [1, 11].

¹³ Liv. XXXIX. 14. 8: ne quis, qui Bacchis initiatus esset, coisse aut conuenisse sacrorum causa uelit.

¹⁴ Liv. XXXIX. 15. 11 – консул перечисляет случаи, когда официально разрешалось собираться на сходку. Далее он предупреждал граждан об угрозе, исходящей от Вакханалий в виде ночных собраний: huic diurnae, legitime ab consule uocatae, par nocturna contio esse poterit (ibid. 16.2).

¹⁵ В. Краузе также характеризует сенатусконсульт № 1 не как окончательное решение, а как меры, предпринятые непосредственно для отвращения беды [9, 216].

¹⁶ FIRA Z.3: Ne quis eorum Bacchanal habuisse vellet.

¹⁷ (15) Sacra in [o]quoltod ne quisquam fecise velet. (16) Neve in poplicod neve in (16) preivatod neve exstrad urbem sacra quisquam fecise velet [3, 290; 10, 218; 11, 222–223; 12, 61].

¹⁸ (19) Homines plous V oinvorsei virei atque mulieres sacra ne quisquam (20) fecise velet [3, 290; 10, 218; 11, 222–223; 12, 61].

¹⁹ FIRA Z. 3;7: Bacchas vir ne quis adisse vellet civis Romanus neve nominis Latini neve sociorum (8) quisquam.

²⁰ Ibid Z.5, 6; 8, 9; 17, 18; 21.

²¹ Liv. XXV. 1. 11: negotium ab senatu datum est ut eis religionibus populum liberaret.

²² Liv. XXXIX. 8. 3: consulibus ambobus quaestio de clandestinis conjurationibus decreta est.

²³ Liv. XXXIX. 14. 6: quaestionem deinde de Bacchanalibus sacrisque nocturnis extra ordinem consulibus mandant.

²⁴ Liv. IV. 30. 11: datum inde negotium aedilibus, ut ...

²⁵ Liv. XXV. 1. 12: edixit (praetor. – А.С.) ut...libros vaticinos...ad se...deferret...neu quis...externo ritu sacrificaret.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бодянский П.Н. Римские вакханалии и преследование их в VI веке от основания Рима. Киев, 1882.
2. Baumann R.A. The suppression of the Bacchanals: Five questions // Historia. Bd. 39 1990.
3. Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Cambridge, 1998. Vol. 2.
4. Cova P.V. Livio e la repressione dei Bacchanali // Athenaeum. Studi periodici di Letteratura e Storia dell' Antichita. Vol. 52. 1974.
5. Dihle A. Miscellen zum SC de Bacchanalibus // Hermes. Bd. 90. 1962.
6. Fontes iuris romani antiqui / Ed. C. Bruns. 1879.
7. Fraenkel Ed. Senatus consultum de Bacchanalibus // Hermes. Bd. 67. 1932.
8. Gelzer M. Die Unterdrückung der Bacchanalien bei Livius // Hermes. Bd. 71. 1936.
9. Krause W. Zum Aufbau der Bacchanal-Inschrift // Hermes. Bd. 71. 1936.
10. Lewis A Latin Dictionary. Oxford, 1958.
11. Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.
12. Watson A. The State, Law and Religion. Pagan Rome. London, 1960.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КВАКЕРОВ В АНГЛИИ В XVII ВЕКЕ*

Аннотация. Рассмотрены социальные аспекты деятельности ранних квакеров в Англии XVII века: степень интеграции квакеров и квакерских общин в окружающее их местное сообщество; отношение английского общества к квакерам и движению квакеров в целом (а также отношение членов квакерских общин к представителям местного английского сообщества); идейная борьба квакеров с представителями государственной власти и официальной англиканской церкви (отношение к общественной молитве, основным таинствам: крещению, церемониям венчания и погребения и т.д.); особенности религиозной мысли и способ отправления общественных богослужений, правила поведения внутри квакерской общины: отношение к семье, браку, личным контактам.

Ключевые слова: английские квакеры, англиканская церковь, социальная борьба в Англии в XVII веке.

S. Artemenko

Sholokhov Moscow state university for humanities

SOCIAL ASPECTS OF THE QUAKERS ACTIVITY IN THE XVII CENTURY ENGLAND

Abstract. The article explored some of the social aspects of the early Quakers activity in the XVII century England: the degree of integration of Quaker and Quaker communities in the local community, surrounding them; attitude of english society to the Quakers and Quaker movement as a whole (and attitude of members of Quaker community to the members of local English society); Quaker ideological struggle with public authorities and the official Church of England (attitude to public liturgy, basic sacraments: christening, wedding and funeral ceremonies etc); peculiarity of religious thought and way of Quaker public liturgy; the rules of conduct inside the Quaker community: attitude to the family, marriage, personal contacts.

Key words: English Quakers, Anglican Church, social struggle in England in a XVII century.

* © Артеменко С.А.

Перевод священником и богословом Джоном Виклифом (ок. 1320-1384), а затем богословом Уильямом Тинделом (1494-1536) Библии на английский язык и распространение её дешёвого печатного варианта среди самых разнообразных слоёв населения взорвал уже давно забродившую бочку всеобщего недовольства католической церковью. Достаточно низкая цена дала возможность приобретать книгу в личное владение, а английский перевод – самостоятельно читать Библию, не обращаясь за помощью к богословам. «Библия на родном языке стала собственностью всех грамотных мирян», – пишет английский историк К. Хилл [1. 21]. С появлением в 1560 г. женевого издания Библии католическая церковь потеряла свой главный козырь: статус единственного толкователя Священного Писания. Т.н. «желевская» Библия стала первой английской Библией, в которой использовалось деление текста на стихи для поиска и сравнения фрагментов Писания, и, что самое главное, на полях она содержала комментарии, основанные на реформаторских принципах, помогающие всякому грамотному христианину «верно» трактовать те или иные пассажи Библии. Желевская Библия сознательно ставила своей целью широкое распространение Писания, чтобы помочь читателям самим истолковывать священный текст.

Это спровоцировало появление разнообразных радикальных толкователей. Так, Англия XVI-XVIII столетий стала ареной общественно-политических баталий, главным оружием которых являлась Библия. Аргументами из Библии защищали свои убеждения, цитированием отдельных глав Писания разили в борьбе с инакомыслящими братьями-христианами, причём разные трактовки одних и тех же строчек Библии часто становились аргументами противоборствующих сторон: анабаптистов и рантеров, уэйтеров и сикеров, визионариев и фамилистов и многих других религиозных движений.

Одним из многочисленной толпы толкователей Библии стал сын зажиточного

ткача-пуританина из Лестершира, ученик сапожника Джордж Фокс – основатель и главный идеолог движения квакеров (впоследствии – «Общество друзей»). В 1652 г. он переживает мистическое откровение на холме Пендл Хилл недалеко от Ланкастера, где получает главное откровение свыше. «Есть некто, – сказал божественный голос внутри него, – сам Христос Иисус, кто может ответить на твои искания». Как объяснял Фокс в своих дневниках, это означало, что непосредственный религиозный опыт существенно любых написанных или произнесённых слов, любого учения или толкования. Даже Священное Писание, которое Фокс хорошо знал и почитал, отходит для него на второй план и является меньшим авторитетом, нежели непосредственное религиозное откровение. Получив откровение, Фокс начал свою проповедническую деятельность, как и многие другие реформаторы в христианской истории, провозглашая возвращение к простоте евангельской модели апостольской церкви.

Отличительной же особенностью предложенной Фоксом доктрины был перенос акцентов с внешнего на внутреннее религиозное переживание. Вместо молитвы – молчание, вместо храма и священников – собственно сам человек, который есть храм и проводник Бога в себе. Основой мировоззрения квакеров стал постулат о том, что Свет Христов пребывает в сердце каждого человека от рождения и руководит делами его и поступками на протяжении всей жизни, что дало основание квакерам полностью отрицать доктрину божественного предопределения – принцип, имевший огромное значение в реформаторской богословской мысли. Если для Жана Кальвина предопределение – это божественное решение об искуплении некоторых избранных людей, независимо от того, насколько они достойны искупления, а для Мартина Лютера предопределение проявляется в божественном оправдании всех грешников, несмотря на их пороки, то для Фокса предопределения не существовало вовсе. По его мнению, в каждом человеке изначально заложена часть Божественного Света, который является не чем-то божественно-инородным, но непосредственной частью естества каждого человека. Следуя указаниям Божественного Света, можно повлиять на свою судьбу и, по примеру Христа, искупить грехи богоугодными делами. Фокс подчёркивал полное равенство

всех перед Богом. Именно оно даёт возможность каждому человеку, как бы глубоко он ни погряз в грехах и как бы ни был далек от идеала христианской жизни, покаяться, обратиться и очиститься, став подлинно сыном Божиим [8, 25]. Естественно, это помогло раздвинуть границы квакерского движения, поскольку привлекло к квакерам множество сочувствующих, желавших самостоятельно влиять на свою посмертную судьбу.

В вопросах веры Фокс призывал полагаться исключительно на непосредственный личный религиозный опыт, тем самым отрицая необходимость в священниках как проводниках воли Божией. Эта позиция квакеров повлияла на их взаимоотношения с официальной церковью, местным обществом, судебной властью и на отношения с окружавшими их современниками.

Согласно религиозным воззрениям квакеров, не было причины, по которой церкви должно выказываться какое-то уважение. Особенно предосудительным в глазах квакеров было высокомерное ожидание церкви, что квакеры и прочие в округе обязаны вынужденно посещать церковь и обеспечивать служение духовенству [2, 22]. Поскольку Христос, согласно квакерской доктрине, находится в сердце каждого рождённого человека, надобность в посещениях церковных служб и собраний исчезает сама собой. Равно как и необходимость в уплате десятинных платежей в пользу церкви, а также в оплате услуг священников за проведение ритуальных, свадебных и прочих служб. Даже принятое в обществе уважительное обращение к представителям официальной церкви было неуместно, так как, согласно доктрине квакеров, разницы между обычным трактирщиком и выпускником богословского факультета Оксфорда или Кембриджа не было никакой.

«Все вы, священники и учителя, кто жалуетесь и говорите, что вы подвизались по семи лет в колледжах и что это стоило вашим родителям уйму денег. И что поэтому, когда вы отслужили своё время и организовали своё дело, почему бы теперь не получать за него деньги. Люди, которые слушают вас и смотрят на вас как на своих учителей – для них лучше послужить вам семь лет, а для вас научить их всем вашим семи искусствам и вашему знанию Христианства (какое вы имеете) и богословия (какое вы имеете), чем для вас думать, что вы поучаете этих людей

в течение всей их жизни, чтобы они служили вам». (Из «Дневников» Фокса.)

Квакеры отрицали всё: принятые в обществе нормы приличия (как изначально бессмысленные), обрядовость (как суеверное), посещение служб (как бесполезное). Посещение церкви они почитали святотатством, ибо церковь была для них лавкой, которая торгует верой. Поскольку церковь не воспринималась таковой для квакеров (истинная церковь существует внутри каждого верующего), то квакеры называли её не иначе, как «дом со шпилем» или «дом с колокольной» и, естественно, пренебрегали посещением церковных служб и собраний. «Разве большинство публичных мест для богослужения не подобны лавкам с отличительным знаком на их верхушке? И разве не идут все эти знаки, изображающие крест, от папы? Разве вы не узнаете своих публичных лавок по их публичному знаку? Разве знак папистского креста не установлен на верхушке зданий, где священники и учителя продают свои товары народу с помощью песочных часов – из своих публичных лавок?» (Из «Дневников» Фокса.)

Впрочем, было бы неверным сказать, что квакеры вовсе не посещали церковных служб. Для ранних квакеров «дома с колокольной» были удобными трибунами, с которых они могли донести до всех прихожан новую «благую весть». Обычной практикой квакеров 1650-х гг. было проповедовать на собраниях округа после окончания богослужения или даже, при случае, прерывать церковные ритуалы. Подобные случаи описаны во многих дневниках ранних квакеров и церковных судебных отчетах. Ральф Джо-зеллин [5, запись от 17 августа 1656 г.] описывает случай, когда двое молодых людей провокационно расположились в церкви на местах для девиц, нарушая общепринятые нормы поведения, и ему пришлось изгнать их из церкви, а некая Мэри Брэди из Челмсфорда позволила себе после службы громкие оскорбительные замечания в адрес священника. В своем желании помочь окружающим людям прозреть и увидеть «истинный свет Христовый внутри самих себя», многие ранние квакеры шли на весьма провокационные поступки. В Шербурне (Йоркшир), например, в 1670 г. Джордж Оустон был привлечен к церковному суду за «запирание двери храма перед прихожанами, утаивания ключа и связывание веревки звонка» [9, 40]. Пытаясь подражать поведению ран-

них апостолов и пророков Ветхого Завета, многие квакеры надевали на себя одежды из грубого холста (иногда просто обмазывались грязью) и босые, с головой, покрытой пеплом, шествовали через города и округа, моля их обитателей искать раскаяния.

Судебный приказ об отлучении от церкви («*de excommunicato capiendo*») как способ воздействия на «заблуждающихся фанатиков» оказался неэффективным в случае с квакерами. Квакеров невозможно было таким способом лишить права общаться с Богом или молиться, поскольку квакерская «церковь внутреннего света» даже после отлучения оставалась при них. Хорошее же знание Библии помогало им защищать себя на судах и избегать тюремного заключения (невозможно заключить под стражу человека, который всего лишь повторяет действия первых апостолов и известных библейских проповедников). Отлученные квакеры не спешили искать прощения, к явному неудовольствию священников. Записи церковных судов сообщают: Джон Эйлет и Грейт Лейтс были отлучены в 1670-х гг. на 6 лет, Финис Барнард из Маунтнессинга в 1685 г. – на 10 лет, два шэлфордских квакера, Джон Досон и Джон Катт – на 12 лет с 1667 г., а Питер Пэчей, кузнец из Ист-Хэм, был отлучен в 1684 г. «по его собственному желанию на 20 лет» [2, 54].

Отказ признавать церковные полномочия и, соответственно, законность обязательных десятинных платежей явился основной причиной напряженных отношений между церковью и квакерами. Многие квакеры специально поощряли местных жителей совершать поступки, за которые их отлучат от церкви, что поможет избежать уплаты церковной десятины. В Литл Валтон, например, в 1670-х гг. квакеры свезли весь рогатый скот в соседние округа во время сборов десятины, сделав тем самым требования об уплате недействительными, а в Хадстоке в 1650 г. не без помощи квакеров была уничтожена книга, детализирующая десятинные платежи. Существуют свидетельства, что многие последователи квакеров были вовлечены в десятинные конфликты прежде своего присоединения к движению, т.е. содействие местным жителям было для квакеров одним из способов привлечения новых последователей. Поскольку десятины были очень ценным (а для большинства духовенства основным) источником доходов, то отказ бывших прихожан платить десятины, таким

образом, стал для квакеров одним из самых эффективных методов подрыва авторитета церкви и власти духовенства на местах.

Но всё же отказ признавать обряды прихода и нарушение правил поведения вызывали неодобрение среди большинства местных жителей окружающего квакеров общества. Новая вера подрывала широкий спектр социальных норм поведения, санкционируемых церковью. Отрицание важности церковных таинств, таких, как таинство брака, крещения, исповеди и др. привело бы к игнорированию многих мирских обычаев и связей.

Из опасения духовного «загрязнения» ранние квакеры часто прерывали отношения с «заблуждающимся миром», в том числе с друзьями и даже родственниками, не принявшими новую веру. Джон Келсол из Долобрана (Монтгомеришир) писал в своём дневнике в 1703 г., что «ни с кем, кроме как с квакерами, не может он найти ни мира, ни удовлетворения, ни товарищества» [7, 72]. Джеймс Парнелл объяснял в 1665 г. в «Дневнике» причину этой исключительности квакеров: «Чистота и нечестивость не могут договориться между собой, и это наше личное желание – держать себя незапятнанными миром, от которого мы отделились, мы – Сыновья и Дочери живого Бога» [10, 38]. Впрочем, современники не считали квакеров исключительными, но лишь «тщеславными» и «погрязшими в гордыне». Многие современники отмечали в ранних квакерах деление мира на «нас» и «их». Так, например, дети квакеров обучались отдельно от прочих детей. Такое разделение должно было препятствовать своему потомству связываться с детьми неквакеров. А квакерские женщины отказались от помощи приходских акушеров, в обязанности которых входило, помимо помощи роженицам, крестить ребенка, если его жизни что-либо угрожало. Брачные союзы также признавались только между квакерами.

Пренебрежение квакеров многими важными для социальной интеграции церковными ритуалами (венчание, отпевание, крещение) привело к разногласиям с преобладающими социальными нормами поведения в обществе. По мнению квакеров, брачная церемония, например, может совершаться под руководством местного квакерского делового собрания. Записи из архивов квакерских собраний сообщают о множестве заключенных без одобрения цер-

кви браков. То, что помолвка, заявление намерения и непосредственно брачная церемония совершались без официальной санкции, было причиной серьезного беспокойства церкви и местного общества. Результатом игнорирования квакерами церковного авторитета и принятой практики было то, что они рассматривались как изгои. Считалось, что их браки недействительны, поскольку заключались без содействия духовной или юридической власти [4, 234]. «Живущих во блуде» преследовали по закону, а их потомство считалось незаконным. Так, в 1678 г. квакер Майкл Джексон из Квиндона был привлечен к церковному суду за «порождение внебрачного ребенка телом Мэри Булл» [2, 40]. В Вимбише в 1684 г. чиновник писал в похоронном регистре округа «бастард» (незаконнорожденный) следом за именами квакерских детей. Рождение детей вне официального брака было одним из самых сильных проступков сексуального характера и серьезным оскорблением для окружающего квакеров общества.

Другим серьезным нарушением общественных норм была квакерская практика погребения. Поскольку члены общества всячески избегали установленных церковных обрядов и смешения с «духовно нечистым» миром, приходские кладбища как места погребения для них не годились. В качестве альтернативных мест для упокоения умерших использовались частные земли членов общины: цветники, сады, прочие неиспользуемые земли. Для местной власти подобного рода похороны «без священника» или «при несоблюдении обрядов» считались несостоявшимися, а для местного общества это было эквивалентно неуважению к покойному. Глубокое неодобрение такой практики погребений иногда выливалось в прямые конфликты с местным обществом (особенно если покойник являлся одновременно родственником как принявших квакерскую веру, так и не принявших ее). Зафиксированы случаи, когда квакерские похороны прерывались, а тела насильственно предавались земле на окружном кладбище или оставались не погребёнными на улице.

Квакерами игнорировались даже самые общие нормы приличий. Наиболее резонанс в местном обществе вызвал отказ квакеров снимать шляпу для приветствия или в знак уважения. Отказ снимать её перед судьями, чиновниками и, в особенности, перед духовенством навлёк на кваке-

ров репутацию опасных социальных радикалов. Пастор в округе Аббертон в Эссексе побил квакера Джеймса Поттера на улице, когда тот отказался приподнять шляпу для приветствия. Кроме того, «друзья» позволяли себе оставаться с покрытой головой в церкви, что было вообще недопустимо и не менее аморально для местных жителей, чем порождение детей вне законного брака. За «непочтительное поведение в церкви... и присутствие на проповеди в шляпе» семь квакеров из Тхакстеда в 1664 г. были привлечены к церковному суду. Другой случай отказа снять шляпу в знак уважения, описанный Томасом Элвудом в своих дневниках, привел к разрыву с семьей. Разгневанный подобной непочтительностью, отец Томаса отрёкся от своего сына [3, 47-49]. То, что нам сейчас кажется мелочами, не стоящими внимания, для современников Элвуда было узаконенными нормами жизни, и несоблюдение их каралось общественным негодованием и даже судебными разбирательствами. Таким образом, можно говорить о том, что степень разрыва между квакерами и окружающим обществом была довольно велика. Всякий, вступивший в квакерскую общину (по идейным соображениям или из нежелания выплачивать десятину), автоматически становился изгоем для своего привычного окружения. Принятие доктрины квакеров для вновь обращённых часто означало разрыв семейных уз, а также родственных, дружеских и соседских отношений.

Естественно, что обращение в квакерскую веру имело важные социальные последствия и для повседневной жизни самих обращённых. Разрыв привычных межличностных отношений заставлял примкнувших к движению квакеров добровольно искать большего сотрудничества друг с другом. В конце 1660-х гг. Фокс и другие лидеры приступили к организации квакерского сообщества изнутри и стали насаждать в нём дисциплину. Созданные им организационные структуры Фокс называл «Евангельским Распорядком», поскольку был убежден, что Христос не просто является номинальным главой церкви, но и непосредственно распоряжается её деятельностью [11, 19]. Таким образом, «Общество друзей» становилось главным центром социальной самоидентификации, а общение исключительно с себе подобными становилось заменой привычных взаимоотношений. Члены «Общества» помогали друг другу так же, как семья или соседи, было ли

это посещением больного, помощью заключённым или членам «Общества» во время какой-либо тяжёлой утраты.

К 1670 г. квакерами была создана альтернативная административная структура в форме ежеквартальных, ежемесячных и особых собраний, осуществлявшая серьёзный контроль за повседневной жизнью последователей. Цели подобных собраний были, помимо совместных молитв, самыми разнообразными: предоставление денег для выплаты долгов, улаживание внутренних споров между членами общины, определение учителей для квакерской молодежи, оказание помощи бедным квакерам. «Евангельский Распорядок» подразумевал групповое принятие решений (на собрании) в послушании Христу. Как говорит Дуглас Гвин: «Квакерское ожидание Божьего наставления и научения – это сконцентрированное усилие собрания и его членов открыться божественному порядку». Собрания обычно проводились в домах членов общества, там же происходили свадьбы квакеров, обучение детей и прочие важные события. Часто многие члены «Общества» перед смертью завещали ему свои дома, земли и сбережения, как, например, Дэниэль Вандволл, богатый торговец из Харвиша, который завещал собранию дом в Грэйт Оакли. Это говорит о несомненном внутреннем единстве членов секты по отношению друг к другу.

Совместно с сетью мест для собраний и мест для погребения «друзья» выработали систему распределения помощи бедным братьям. Вообще, забота о бедных была приоритетной среди квакерских богоугодных дел. Согласно основным положениям квакерской веры, личное процветание зависело исключительно от Божьей воли, и богатые квакеры владели богатством на земле просто как «божьи стюарды» (помощники). «Лишнее» следовало раздавать тем, у кого не было даже самого необходимого: бедным, вдовам, сиротам, поскольку все члены «Общества», независимо от их социального статуса и дохода, являлись членами одной большой квакерской семьи. Тот же дух, что свёл квакеров в одно христианское братство, указывал им, что они должны помогать бедным братьям, поскольку это естественное выражение христианской любви. Помогать бедным для квакеров значило не только и не столько давать деньги неимущим (оплата контракта неимущих квакерских учеников, помощь в организации похорон для бедных), но по-

мочь им найти себе ремесло, а знающим ремесло – работу. Когда Томас Строай прибыл в Лондон в 1696 г. и искал работу, его имя и ремесло были зачитаны на собрании и затем записи прошли среди «друзей» [6, 1696]. Бедные квакеры имели возможность найти доход, убирая молитвенный дом или обрабатывая пряжу, купленную для них местным собранием. Сохранившиеся завещания квакеров графства Эссекс показывают, что 18% завещателей оставили некоторое наследство бедным. И это в дополнение к вкладам, уже сделанным на местных собраниях и к деньгам, обязательно получаемым с членов общества на нужды бедняков. Это, несомненно, стало важной причиной для привлечения в квакерские общины новых последователей из бедных слоёв населения.

Поскольку степень разобщённости с местным населением была достаточно велика, квакеры предпочитали заниматься коммерцией между собой. Местные собрания давали ссуды членам «Общества», иногда на благоприятных условиях, но независимых деловых торговых связей между конкретными членами было значительно больше, чем тех, которые были официально санкционированы группой на местных собраниях. Например, «Казначейские отчеты» демонстрируют поразительный случай 1686 г., когда судно, принадлежащее Джону Абрахаму из Колчестера, находилось под командованием моряка Эдварда Фидама, а перевозимые товары принадлежали квакерам Джозии Тэйлору, Джону Ферлаю, Абрахаму Кэйзу и Стефану Криспу [2, 88]. Для многих квакеров членство в «Обществе» предоставило возможность войти в неофициальную сеть для торговли и других экономических отношений.

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать следующие выводы о социальном взаимодействии квакеров и общества: несомненно, существовала сильная дисгармония в социальном взаимодействии квакеров как с местным обществом, так и с официальной церковью и властью на местах. С одной стороны, из боязни «духовного загрязнения», квакеры пытались обособиться в отдельное сообщество, установив свои собственные нормы поведения и образовав административные структуры. Но, с другой стороны, поскольку географически квакеры не были

изолированы, им всё же приходилось взаимодействовать с обществом, вступая как в деловые, так и в экономические и личные отношения.

Принятие доктрины квакеров и следование ей, несомненно, сильно влияло на жизнь вновь обращенных: разрывались старые дружественные, родственные и соседские связи, полностью менялся образ жизни, начиная с манеры одеваться и разговаривать и заканчивая морально-этическими установками личности. Социальное взаимодействие между квакерами и прочим обществом было сильно затруднено по причине явного пренебрежения квакеров к важным для остальных людей социальным нормам и устоям. Установка и следование собственным правилам поведения усложнили отношения квакеров с официальной властью: их дети официально считались незаконнорожденными, равно как и их браки – незаконными. Однако новые связи, несомненно, имели огромную важность для обращенных, поскольку давали возможность получать ссуды на выгодных условиях и успешно заниматься торговлей, находить работу, даже при отсутствии средств существования изучать ремесло, получать помощь при потере кормильца и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хилл К. Английская Библия и революция XVII в. М., 1998.
2. Davies A. The Quakers in English Society. 1655-1725. Oxford, 2000.
3. Ellwood T. History of the Life of Thomas Ellwood. L., 1714.
4. Horle C.W. The Quakers and the English Legal System 1660-1688. Pennsylvania, 1995.
5. Josselin R. Diary. L., 1958.
6. Journal of the Life of Thomas Stroy. Vol. I. L., 1938.
7. Kelsall J. A Journal of the Historical Account of the Chief Passages, Concerns and Exercise of My Life. L., 1976.
8. McGregor R.H. George Fox Speaks for Himself. York, 1991.
9. Mortimer J.E. Thoresby's poor deluded Quakers: the sufferings of Leeds Friends in the 17th century // Thoresby Society Miscellany. Second series. Vol. I. L., 1990.
10. Parnell J. A Shield of the Truth. L., 1988 (reprinted ed.: L., 1655).
11. Wilmer A.C. A Living Faith. An Historical and Comparative Study of Quaker Beliefs. Richmond (Indiana), 1990.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

Бродецкий Я.О.Московский государственный
областной университет

МЕХАНИЗМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СВАСТИКИ В СИМВОЛ НСДАП*

Аннотация. В статье рассмотрены механизмы преобразования свастики из солярного знака в символ национал-социализма путём пропагандистской работы и манипуляции общественным сознанием граждан Третьего Рейха. Выявлены методы использования особенностей человеческой психики для достижения идеологических и других изменений в обществе. Целью этих изменений было смешение национальной и партийной культур.

Ключевые слова: свастика, символ, НСДАП, нацизм, пропаганда, психология.

I. Brodetsky

Moscow State Regional University

MECHANISM OF TRANSFORMATION
SWASTIKA TO SYMBOL OF NSDAP

Abstract. Article examines mechanisms of transformation swastika from solar symbol to symbol of national-socialism, via propaganda and manipulations on social consciousness of citizens of the Third Reich. Peculiarities of human psychic and usage of this peculiarities for various changes in society are scrutinized. Their aim was mixing national and party culture.

Key words: Swastika, symbol, NSDAP, Nazism, propaganda, psychology.

Символ свастики, который сейчас ассоциируется исключительно с нацизмом и расизмом, до начала XX в. таких ассоциаций, естественно, не вызывал. Свастика воспринималась как очень древний солярный знак и символ удачи, возникший ещё у первобытных людей. Чтобы вытеснить бытовавшее значение и создать новое, потребовалось немало усилий пропагандистов. Для этого свастике пришлось проникнуть во все области жизни Третьего Рейха. Если в военной области символ свастики присутствует только на штандартах, нашивках, отличительных знаках и

наградном оружии, то в быту свастика была распространена намного шире. Культурная и социальная жизнь были пронизаны этим символом практически на всех возможных уровнях. Был создан определённый стиль и образ, который нуждался в наполнении.

Пропагандистские открытки можно легко напечатать и создать массу флагов со свастикой, но намного труднее подготовить ораторов, которые бы помогли оживить этот символ в информационном пространстве.

В брошюрах «Пропаганда» [9] и «Современная политическая пропаганда» [10] в период, когда нацисты боролись за власть, первыми пунктами стоят «пресса» и «речи, встречи и дискуссионные вечера». Сам по себе символ партии не несёт никакой информативности, действует только на подсознательном уровне. Чтобы символ стал работать, необходимо информационное наполнение, связанное с ним. По сути, перед нацистами стояла очень сложная задача – придать символу совершенно новое значение. Для этого понадобились действительно титанические усилия, чтобы уже сам символ стал пропагандой, а не просто знаком партии.

Полностью развернуться и добиться максимального эффекта от флага и символа стало возможным только после прихода нацистов к власти. Если обратиться к фильму Лени Рифеншталь «Триумф воли», то там, начиная с первых кадров, когда самолёт пролетает над городом, мы видим, что флаги со свастиками находятся практически на всех зданиях. Они постоянно служат напоминанием людям, в каком государстве они живут. Флаг стал исполнять функцию агитплаката. Чтобы этого добиться, был нужен постоянный информационный резонанс.

Об этом писал Хьюго Ринглер в статье «Работа пропагандиста в национал-социалистическом государстве» [11]. Ссылаясь на Гитлера и Геббельса, Ринглер пишет о необходимости поиска новых методов пропа-

* © Бродецкий Я.О.

ганды. Он отмечает, что не стоит забывать о прежних методах и критикует тех, кто считает лишними собрания и публичные речи, которые можно заменить радиовещанием и пропагандистскими фильмами. Работа пропагандистов тогда была не менее важна, чем до прихода нацистов к власти.

Человек по-разному воспринимает и реагирует на информацию, когда он находится один и когда он среди масс. Находясь в группе, человек становится более подвержен влиянию, так как его чувства размываются и смешиваются с общими эмоциями в группе. Это объясняется так называемой «подстройкой». Термин появился намного позднее, в среде нейро-лингвистического программирования, однако сам механизм работы «подстройки» встроен в человеческую психику с рождения и является очень древним. Принцип его работы таков – находясь в аналогичном физическом состоянии (поза, жесты, восприятие одних и тех же явлений), люди склонны испытывать общие реакции и эмоции, по сути синхронизироваться.

В «Майн Капф» Гитлер писал: «В массовых собраниях мышление выключено. И я использую это состояние; оно обеспечивает моим речам величайшую степень воздействия, и я отправляю всех на собрание, где они становятся массой, хотя они того или нет. Интеллектуалы и буржуа так же хороши, как и рабочие. Я перемешиваю народ. Я говорю с ним как с массой» [1, 207].

Чтобы понять работу этого механизма, обратимся к уже современной книге «Мастерство коммуникации» Любимова.

«Человек проводит в трансе большую часть своей жизни... Человек в этом состоянии вполне может контролировать самого себя и понимать то, что происходит вокруг. Правда, это восприятие будет несколько иным» [2, 185].

Ранее Любимов приводит статистику восприятия человеком информации во время коммуникации. «Язык тела – 1/2, голос – 1/3, содержание – 1/6» [2, 21]. Таким образом, большая часть информации приходится на невербальное восприятие.

Один из ветеранов НСДАП в фильме Би-Би-Си о Третьем Рейхе описывает одно из партийных собраний так: «Внешний вид [Гитлера] не произвёл на меня впечатления... Особенно были нелепыми эти его усы... Он говорил банальные вещи... Однако, как он говорил, его голос... Люди вокруг были в восторге...»

Происходило следующее – используя вербальный канал, оратор перегружал сознание слушателей, так что фильтры восприятия отсеивали большую часть информации («банальные вещи»). В некотором роде мышление действительно выключается, и основное воздействие идёт на невербальном уровне через голос и язык тела. Эту информацию получает подсознание. Отсюда и манера Гитлера, а потом и нацистских ораторов, перенявших её, повышать голос и бурно жестикулировать.

Если изучить фотографии съездов и сборов нацистской партии, то мы увидим множество свастика, которые находятся вокруг ораторов. Часто выступления проходят на фоне флагов или украшенной свастикой трибуны.

В документе «Кампания встреч» [7] упоминается конкретный порядок появления флагов на встречах. Открытие собрания объявлялось короткими фанфарами. Потом глава собрания, ответственный за проведение акции, приветствовал присутствующих. И лишь потом, когда ораторы начинали говорить, вносились флаги.

В современной психологии этот эффект называется «якорением», когда определённой эмоции или настроению всегда соответствует некий символ или жест. Оратор транслирует невербальную информацию через жесты – возбуждение, гнев, радость и т.д. Вербальный канал тоже используется для создания необходимого тона – используются определённые речевые формы, соответствующие выбранной эмоции. В зависимости от актуальности проблемы и необходимой реакции публики.

Впоследствии появление «якоря» (в нашем случае свастики) вызовет в подсознании заложенную программу. Человек, будучи существом живым и постоянно обновляющим своё информационное окружение и наполнение, нуждается в периодическом обновлении и этой информации. Чем свежее информация, тем сильнее будет воздействие от символа.

Плюс к этому информация о свастике уже содержится в массовом подсознании, и связана она с некой духовностью и сверхъестественными силами. Получается очень взрывоопасная смесь.

Свастика – необходимый элемент этой системы. Отсюда и её повсеместное распространение, чтобы человек больше времени находился в нужном настроении и эмоцио-

нальном состоянии (в статьях для пропагандистов часто говорится о некоем «бойцовском духе»). Вплоть до столовых приборов и марок – свастика была всюду. Наградные и форменные кинжалы со свастикой и девизом также играли роль напоминания.

В своих брошюрах и статьях для пропагандистов нацисты пишут о том, что пропаганда должна быть эффективной. Если нет эффективности – нет смысла для её существования. Хьюго Ринглер в упомянутой выше статье [11] пишет, что повторение одних и тех же методов агитации может быть опасно. Они могут выработать свой ресурс и стать непригодными. У людей выработается иммунитет и войдёт в привычку. Поэтому методы пропаганды должны быть различными.

В статье «Политическая пропаганда» Шульц-Вехсунген [8], напротив, пишет об опасности «разнообразия». Слишком много разного и нового опасно. Пропагандистский материал должен выступать единым пластом и строго регулироваться. Он также даёт довольно интересную трактовку пропаганды: «Пропаганда – это не наука; разновидность всех её методов невозможно освоить, сидя за партой. Для неё нет абсолютных рецептов, однако с ней необходимо считаться». Далее идут рассуждения о том, что если нарушить фундаментальные принципы, то пропадёт эффективность и смысл. В статье также было озвучено требование к пропагандистам – отказаться от «проклятой немецкой объективности» и быть максимально субъективными, односторонними и не думать о том, что плохо, а что хорошо, просто делать.

Такие требования вполне объяснимы, учитывая, какие коммуникации активно использовались нацистами. Перформансная и мифологическая коммуникации стали очень эффективным тандемом. Осознав его эффективность, нацисты стремились больше не к новым экспериментам, а к использованию и усовершенствованию уже работающих методов.

Очень значимыми здесь являются ритуалы, созданные нацистами. Имелся ряд эффективных ритуалов, которые стали часто применяться. Например, огненные шествия, построения в форме свастики. Проводились они в основном ночью, так как считалось, что в ночное время психика уязвимее. Причём, как и во всяком перформансе, целью здесь были не сами участники ритуала, а зрители. Ночные факельные

шествия с флагами и гипнотизирующей барабанной дробью были ориентированы на вторичный коммуникативный процесс, чтобы люди потом пересказывали и обсуждали восхитившее и вдохновившее их. Как отмечают специалисты, «только тот первичный коммуникативный процесс имеет успех, который потом продолжается во вторичных процессах» [4, 294].

Символ свастики всегда присутствует в нацистских ритуалах. В ночное время очень популярна была огненная свастика из факелов или свечей. Пылающий знак на фоне окружающей темноты прочно оседает в сознании. Геббельс знал, что в захватывающее зрелище можно вложить большой смысл.

Перформансная коммуникация была активно дополнена мифологической. Миф всегда повторяет уже заложенные в подсознании сюжеты. Например, борьбу добра со злом, где добро должно победить. И специфика героического мифа использовалась в нацистской обработке общественного сознания.

Одним из важных ритуалов нацистов являлось освящение новых знамён «Знаменем Крови» (Blutfahne). С ритуалом активно связан миф о мучениках, отдавших свою жизнь в борьбе: «Это знамя в числе других находилось в нацистских колоннах во время неудавшегося мюнхенского путча 1923 года. Когда полиция открыла огонь по путчистам в районе Одеонплац, знамя держал в руках Генрих Траумбауэр. Именно тогда на знамя брызнула кровь Андреаса Бауридля, который оказался одним из шестнадцати человек, погибших во время мятежа» [3, 13]. Шестнадцать погибших потом стали мучениками в нацистском пантеоне (не религиозном, а мифическом).

В ритуале освящения знамени участвовал Адольф Гитлер. Он исполнял роль посредника. Через него сила и героизм погибших нацистов переходила к новым боевым формированиям. Опять же это является мифическим восприятием, и не следует здесь искать какое-то оккультное значение. Всё это чистой воды уловки, созданные, чтобы изменить восприятие людей. В военной среде знамени уделяется особое значение (есть даже так называемое «учебное знамя»). Часть, потерявшая своё знамя, считалась обесчещенной. Прикосновение нового знамени к «Знамени Крови» невербально показывает преемственность идей и ответственности. Солдаты боевого формирования получают эстафету от тех, давно погибших

и, следовательно, должны проявлять героизм и самоотверженность, достойные «мучеников». Свастика здесь трактуется подоснованием как ссылка на область духовного.

В современной традиции нейро-лингвистического программирования данная техника психокоррекции называется «walking my shoes» (дословно англ. «ходи в моих ботинках»). Основана она была на традиции коренных американцев. Суть её заключалась в следующем. Молодой индеец, чтобы пройти воинскую инициацию и приобрести статус полноправного защитника и члена общества, должен был участвовать в охоте и принести добычу. Один из старших и более опытных воинов отдавал молодому свои мокасины на время охоты. Цель этого ритуала заключалась в изменении восприятия охотника, чтобы он почувствовал себя *уже* опытным и сильным, получая атрибут старого воина, он ассоциировал себя с ним. Аналогично работал ритуал со «Знаменем Крови».

Перед войной нацисты предприняли попытку переделать некоторые религиозные праздники в партийные. Есть целая серия статей на эту тему. Например, «Как мы празднуем Рождество» [5], «Ритуалы молодёжи — Обряды перехода для молодёжи» [6] и т. д. Все они пишут примерно об одном — об использовании ритуалов в пропагандистских целях. Нигде речь не идёт о создании новой религии или чём-либо подобном. Программа-максимум, которую они ставят перед собой, заключается в том, чтобы политизировать религиозные праздники. Например, на картинках в брошюре о Новом Годе [5] Вифлеемская звезда (по традиции часто изображаемая как звезда Давида) заменена на свастику. При этом автор отмечает: «Каждая семья празднует Рождество по-своему. Мы не хотим указывать, как это надо делать». Ведь Рождество — это чисто семейный праздник, и проводить его надо в кругу семьи. Для немцев Рождественские каникулы растягиваются на неделю, поэтому есть возможность организовывать массовые гуляния и сборища. Автор предлагает совершать гуляния и «ритуалы» в день зимнего солнцестояния. Например, почитание павших предлагалось отметить зажиганием большого количества свечей или разжиганием костра. Интересно, что в брошюре огонь в центре костра изображался в виде свастики. Никто не пытался заменить праз-

дник или поменять его суть. Просто это одна из возможностей привязать партийную символику к положительным эмоциям людей, сделать её более привычной.

«Наши ритуалы не должны оставаться в рамках политической деятельности партии или ячейки, но должны вырасти за рамки этого круга, и стать в течение грядущих лет народным обычаем», — писал Бельштейн. Речь, конечно же, идёт о ритуалах, связанных со свастикой и партийными знамёнами.

Цель была в том, чтобы политический символ национал-социалистической партии прочно укрепился в культуре немецкой нации, чтобы стёрлась грань между политической и социальной культурой. Такая цель не могла не быть утопией, учитывая хотя бы то, что существование государства, ориентированного на одного-единственного человека, ограничено сроком его жизни. В данном случае, это тринадцать лет правления нацистов, за которые они смогли превратить древнейший символ удачи и света в знак террора и насилия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гитлер А. Моя борьба. — М.: Т-ОКО, 1992.
2. Любимов А. Мастерство коммуникации. — М.: Издательство «КСП+», 2000.
3. Награды, эмблемы и знаки различия Третьего Рейха. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2006..
4. Почепцов Г. Теория коммуникации. — М.: «Рефл-Бук», 2001.
5. N.S. Briefe, December 1939. URL: <http://www.bytwerk.com/gpa/christmas1939.htm> - дата посещения 26.01.10
6. Der Hoheitsträger, #1/1939. URL: <http://www.calvin.edu/academic/cas/gpa/jufelir.htm> - дата посещения 26.01.10
7. “Die Versammlungswelle,” Die Hoheitsträger, III (#1, 1939). URL: <http://www.calvin.edu/academic/cas/gpa/breslau.htm> - дата посещения 26.01.10
8. “Politische Propaganda,” Unser Wille und Weg, 4(1934). URL: <http://www.calvin.edu/academic/cas/gpa/polprop.htm> - дата посещения 26.01.10.
9. Propaganda Abteilung, Propaganda (Munich: Reichs-Parteileitung der N.S.D.A.P., 1927). URL: <http://www.calvin.edu/academic/cas/gpa/prop27.htm> - дата посещения 26.01.10
10. Stark G. Moderne politische Propaganda (Munich: Verlag Frz. Eher Nachf., 1930). URL: <http://www.calvin.edu/academic/cas/gpa/stark.htm> - дата посещения 26.01.10
11. Unser Wille und Weg, 4 (1934). pp. 293-301. URL: <http://www.calvin.edu/academic/cas/gpa/ringler2.htm> - дата посещения 26.01.10

ПАТРИК ДЖ. БЬЮКЕНЕН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА *

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению общественно-политических взглядов одного из самых известных представителей правого крыла современного американского консерватизма Патрика Дж. Бьюкенена. В статье дается краткая характеристика современного американского консерватизма, а также рассматриваются этапы политической биографии П.Дж. Бьюкенена.

Ключевые слова: консерватизм, Республиканская партия, политическая система, изоляционизм.

P. Reutov

Moscow State Region University

PATRICK J. BUCHANAN AS A REPRESENTATIVE OF MODERN AMERICAN CONSERVATISM

Abstract. This paper deals with the socio-political views of one of the most famous representatives of the right wing of modern American conservatism P. Buchanan. This article gives a brief description of modern American conservatism, but also discusses the stages of political biography, P. Buchanan.

Key words: conservatism, Republican Party, the political system, isolationism.

Хотя современный американский консерватизм, как правило, ассоциируется с Республиканской партией, и подавляющее большинство американцев, позиционирующих себя как консерваторов, согласно опросу фонда Gallup, поддерживают Республиканскую партию [12], сам по себе американский консерватизм как политическая философия отнюдь не однороден. Это обусловлено политической историей США, имеющей целый ряд особенностей. Именно в силу ее особенностей процесс формирования идеологических течений в американской политической мысли зачастую отличался от аналогичных процессов в европейских странах.

Формирование современного американского консерватизма, пришедшего на смену в значительной степени дискредитированной

«великой депрессией» идеологии свободного предпринимательства, началось после окончания Второй мировой войны. Огромное влияние на становление современного американского консерватизма оказали своими работами философ и социолог Р.Кирк, а также известный консервативный редактор и издатель У.Ф. Бакли. В 1955 г. У.Ф. Бакли основал журнал «National Review», ставший на долгие годы своеобразным рупором американского консерватизма. Бакли сумел объединить в одном издании авторов с зачастую довольно разными политическими взглядами. Помимо традиционалистов Р. Кирка и Т. Беттла, в «National Review» публиковались бывшие марксисты У. Кендалл и Дж. Бернхэм, а также ряд авторов выступавших с позиций либертарианства. Таким образом, в послевоенной политической мысли США наметился идеологический альянс традиционалистов, бывших коммунистов и либертарианцев. Именно этот непрочный союз положил начало современному американскому консерватизму во всем его многообразии.

Итак, совершенно неудивительно, что современный американский консерватизм представляет собой объединение весьма широкого спектра политических течений. Разные авторы, в том числе и отечественные, в своих работах, посвященных типологии американского консерватизма, предлагают разную классификацию и дифференциацию сил правого крыла американской политической мысли.

Но, в общем и целом, в отношении всего многообразия консервативных течений в современной американской политической жизни можно принять позицию Гаджиева, выделяющего два основных идеологических направления на правом фланге современной политической структуры США.

1) Неоконсерватизм. Неоконсерваторов отличает акцент на внешнеполитических вопросах, вкупе с либерализмом по отношению к вопросам внутренней политики.

2) Новые правые. Основным политическим кредо их являются вера в свободу час-

* © Реутов П.П.

тной собственности, индивидуализм и морализм. Христианско-фундаменталистское крыло отличает ностальгическая вера в «золотой» XIX век, мессианскую миссию Америки и т.д. [4,168].

Если «новые правые» или, как их часто называют в США, «палеоконсерваторы» являются идейными наследниками Р. Кирка и У.Ф. Бакли, то «неоконсерватизм» явление в американской политике сравнительно новое. Сам по себе неоконсерватизм получил идейное оформление в 80-90 гг. XX столетия. Примечательным является то, что многие неоконсерваторы в прошлом – либералы, члены Демократической партии. Не случайно в политологических кругах широко известно определение неоконсерватизма, данное одним из представителей данного идеологического направления Ирвингом Кристолом: «Неоконсерватор — это либерал, измороженный реальностью» [9, 123].

Сами по себе неоконсерваторы стали известны в силу пропаганды агрессивной внешнеполитической линии США. Основные положения неоконсервативной программы были изложены в статье Вильяма Кристола и Роберта Кагана в журнале «Foreign Affairs» в 1996 г. Основная идея статьи заключается в необходимости для правительства следовать активному внешнеполитическому курсу [10]. Нетрудно заметить, что в годы президентства Дж. Буша мл. США следовали этой идее весьма активно. Не в последнюю очередь это связано с активной деятельностью на посту заместителя министра обороны «неоконсерватора» П. Вулфовица.

Неоконсерваторы стали одной из ведущих сил в современном американском консервативном движении, и это притом, что многие элементы их идеологии имеют весьма далекое отношение к ценностям «классического» американского консерватизма.

Непосредственным свидетелем эволюции как американского общества, так и консервативной идеологии стал Патрик Джордж Бьюкенен. Он родился 2 ноября 1938 г. в семье потомков первых американских колонистов. В 1962 г. он получил степень магистра журналистики в Колумбийском университете журналистики. На протяжении двух с половиной десятилетий Бьюкенен работал спичрайтером и консультантом в администрациях президентов Никсона и Рейгана.

После ухода Рейгана из Белого дома Бьюкенен какое-то время продолжал работать на CNN и NBC, а в 1992 г. выдвинул свою

кандидатуру на президентских выборах. Программа Бьюкенена была основана на принципах социального консерватизма. На выборы он шел под лозунгами борьбы с нелегальной иммиграцией, мультикультурализмом, ограничениями на покупку и хранение оружия и т.д. На республиканских праймериз Бьюкенен получил почти три миллиона голосов, но уступил Дж. Бушу-ст. После поражения Бьюкенен заявил о своей поддержке Буша и приобрел общенациональную известность своим выступлением на Республиканском национальном конвенкте, где заявил: «Повестка дня, которую Билл и Хиллари Клинтон предложили Америке: признать право на аборт, права гомосексуалистов, дискриминацию религиозных школ, право женщин на службу в армии – это не те перемены, которые нужны Америке. Это не те перемены, которых Америка хочет» [6].

После этого, Бьюкенен еще дважды выдвигал свою кандидатуру на пост президента США. Значительную известность он приобрел, в первую очередь, как публицист и писатель. Стоит отметить, что в своих книгах и статьях Бьюкенен касается самых разных актуальных и злободневных для граждан США проблем - как из области внешней, так и внутренней политики.

В 1999 г. увидела свет его работа «A Republic, Not An Empire», в которой П.Дж. Бьюкенен обрушился с критикой на политику администрации Клинтона. Критике подверглись принципы свободной торговли, исповедуемые демократической администрацией, агрессивная внешняя политика. В данной работе, как и в других своих публикациях, Бьюкенен позиционирует себя как наследника идейных принципов отцов-основателей, в частности защитников протекционизма и экономического «национализма» – А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Г. Клэя и Т. Рузвельта [8].

Однако общенациональную и мировую известность Бьюкенену принесла вышедшая в 2002 г. работа «Смерть Запада». По мнению Бьюкенена, США и всей западной цивилизации (к которой он относит и Россию) угрожает целый ряд опасностей. Среди них: катастрофическое падение рождаемости, отказ от традиционных ценностей, война с собственным прошлым и историческим наследием, неконтролируемая иммиграция из стран Третьего мира. Все это, на взгляд автора, может поставить Западный мир на грань гибели. Учитывая падение рождаемости,

европейцы, по словам Бьюкенена, становятся «вымирающим видом»: «Запад умирает. Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. С самой Черной Смерти, выкосившей треть Европы в четырнадцатом столетии, мы не сталкивались с опасностью серьезнее. Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию. Сегодня в семнадцати европейских странах смертность значительно превышает рождаемость, гробы в них требуются куда чаще, чем колыбели... Католики, протестанты, православные – все они участвуют в грандиозной похоронной процессии западной цивилизации» [3, 22].

Стоит отметить, что вовсе не Бьюкенен первым затронул эту проблему. Предсказал появление проблем, в частности демографических, с которыми сегодня все чаще и чаще сталкиваются США и Европа еще О. Шпенглер, в далеком 1933 г. [5]. Схожие идеи встречаются и в работах Ю. Эвола, и современника Бьюкенена – С. Хантингтона. Одной из причин этого, по словам Бьюкенена, является растущая феминизация западного общества, а также трансформация общества, формирование нуклеарной семьи и культа деловой женщины.

«Вставая перед выбором, женщины выбирают или только карьеру, или карьеру и однократную радость материнства. Глобальная экономика отнимает у западных народов трудоемкую работу в пользу низкооплачиваемых народов Азии и Латинской Америки. Дорога, вымощенная желтым кирпичом, ведет в одном направлении, и потому американки вынуждены работать как можно усерднее – чтобы не отстать от соседей Джонсов... В итоге детей забрасывают, если не забывают о них раз и навсегда» [3, 55].

Кроме того, Бьюкенен поставил вопрос о существовании целого ряда других проблем, по его мнению, угрожающих стабильности американского общества. В частности, это проблема войны с собственным прошлым, которая ведется в американских школах и университетах. По словам Бьюкенена: «Американские общеобразовательные школы призваны воспитывать граждан и патриотов, которые смогут защитить в случае необходимости свою страну. Эти школы должны научить детей любви к Америке. Ребенок читает биографии, исторические и художественные произведения и стихотворения, слушает песни, рассматривает картины, изображающие эпизоды нашего слав-

ного прошлого, – и в нем растет патриотизм. Чем сильнее любовь к стране, тем острее желания навсегда остаться ее частичкой, жертвовать собой во имя своей страны, даже умереть за нее, если понадобится, защищать ее народ как собственную семью...» [3, 213].

Однако современное американское образование воспитывает в детях лишь ненависть к собственной стране и истории. Нападкам подвергаются герои прошлого – Д. Вашингтон, Т. Джефферсон, Э. Джексон, Д. Крокетт [3, 223-226].

Бьюкенен также обратил внимание на процесс «дехристианизации» США: «К двадцать первому веку дехристианизация общества завершится. Празднование Пасхи, рождественские представления и гимны, христианские книги, фильмы, процессии исчезнут не только из школьных программ, но и, как говорится, из обихода» [3, 257].

После этого Бьюкенен выпустил еще ряд книг. В 2004 г. была опубликована работа «Правые и Не - правые», посвященная внешней политике администрации Дж.Буша мл., который, по мнению Бьюкенена, находился под значительным влиянием неоконсервативных идеологов. С точки зрения Бьюкенена, Республиканская партия, попав под контроль неоконсерваторов, в значительной степени перестала отвечать интересам своего традиционного электората, и быть защитницей консервативных ценностей: «Партия приняла «новоимперскую» внешнюю политику, которую отцы-основатели сочли бы отступлением от веры. Партия отринула философию Тафта, Голдуотера и Рейгана и превратилась в партию «большого правительства», за которую долго ратовали рокфеллеровские республиканцы...» [2, 22]. В свою очередь, неоконсерваторы виновны во втягивании США в войны, в которых США не заинтересованы, в войны, ведущиеся в интересах Израиля [14].

Какой же внешнеполитический курс должны проводить США? По мнению Бьюкенена: «Мы должны отказаться от имперских амбиций, вернуть домой наших солдат, разорвать соглашения, восходящие к временам «холодной войны», которая закончилась пятнадцать лет назад. Будучи величайшей в истории республикой, Америка никогда не провозглашала и не станет провозглашать своей политикой самоизоляции. Но мы должны отказаться от бесконечных интервенций...» [2, 347].

В 2006 г. была опубликована книга «На

краю гибели», посвященная нелегальной иммиграции, в первую очередь латиноамериканской. По утверждению Бьюкенена, США угрожает невиданная опасность в лице миллионов легальных и нелегальных иммигрантов: «Америка на пороге экзистенциального кризиса. Если мы не наведем порядок на границе, к 2050 г. американцы европейского происхождения окажутся меньшинством в стране, которую создали и построили их предки...» [1, 20].

Но помимо сугубо демографических проблем, помимо изменения хрупкого расового и этнического баланса, эта миграционная волна несет и другие опасности Америке: «...Мы постепенно становимся тем, от чего нас предостерегал президент Рузвельт, — многоязычным, мультирасовым, мультиэтническим, мультикультурным Вавилоном. К восторгу антиамериканцев всего мира и при равнодушном попустительстве наших элит мы сползаем к балканизации Америки и к уничтожению государства...» [1, 21-22].

Иными словами, Америка от государства с населением преимущественно белым, протестантским и обладающим американской идентичностью, превращается в клубок враждующих между собой расовых, религиозных и этнических общностей.

В 2008 г. увидела свет получившая весьма неоднозначную реакцию работа Бьюкенена, посвященная Второй мировой войне, вину за разжигание которой автор возлагает на французское и английское правительства, в первую очередь на У. Черчилля [7]. Кроме того, Бьюкенен в точности повторяет позицию идеологов «Old Right», считая вступление Америки в войну огромной ошибкой, и сравнивает обстоятельства вступления США во Вторую мировую войну со втягиванием США в Первую мировую. Бьюкенен обвиняет Великобританию в создании напряженности между США и Японией [7, 124-127].

Таким образом, на протяжении шестнадцати лет со времени своего выступления на съезде Республиканской партии П. Дж. Бьюкенен продолжает «борьбу за душу Америки». По сути, он сформировал целое направление в современной американской политологии, базирующееся на традиционных ценностях и критике существующей политической системы. Трудно сказать, каково будущее самого Бьюкенена как политика и политолога, но можно с уверенностью сказать одно. Взгляды, Бьюкененом защищаемые, пользуется поддержкой в американском об-

ществе. Так, согласно опросу проведенному «Pew Research Center», впервые за последние десятилетия в США сторонников внешнеполитического изоляционизма оказалось больше, нежели их противников. 49% опрошенных заявили, что Америке «пора заниматься своими делами» [13]. А по опросу, проведенному фондом «Gallup» в мае этого же года, 51% респондентов оказались противниками аборт [11]. В то же время, на сегодняшний день существует перспектива выдвижения от Республиканской партии на грядущих президентских выборах 2012 г. такого консервативного политика, как Митт Ромни. А одним из самых влиятельных членов Республиканской партии является известный своими консервативными взглядами радиокomentатор Раш Лимбо. Так что, несмотря на неблагоприятные демографические тенденции, не исключено, что Америку ждет еще одна консервативная революция, за которую уже более двадцати лет выступает П. Дж. Бьюкенен.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бьюкенен, П. Дж. На краю гибели. М., 2008.
2. Бьюкенен, П. Дж. Правые и Не-правые. М., 2006.
3. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада. М., 2004.
4. Гаджиев К. С. Американский консерватизм. М., 1990.
5. Шпенглер О. Годы решений. М., 2006.
6. Address to the Republican National Convention by Patrick J. Buchanan // American Rhetoric // <http://www.americanrhetoric.com/speeches/patrickbuchanan1992rnc.htm>
7. Buchanan, P. Churchill, Hitler and the Unnecessary War: How Britain Lost Its Empire and the West Lost the World. N.Y., 2008.
8. Buchanan, P. A Republic, Not an Empire. D.C., 1999.
9. Kristol I. Reflections of a NeoConservative. N.Y., 1983.
10. Kristol, W. Kagan, R. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy. Foreign Affairs, July/August 1996.
11. More Americans "Pro-Life" Than "Pro-Choice" for First Time // The Gallup Poll // <http://www.gallup.com/poll/118399/More-Americans-Pro-Life-Than-Pro-Choice-First-Time.aspx>
12. Republican Base Heavily White, Conservative, Religious // The Gallup Poll // <http://www.gallup.com/poll/118937/Republican-Base-Heavily-White-Conservative-Religious.aspx>
13. U.S. Seen as Less Important, China as More Powerful // The Pew Research Center // <http://people-press.org/report/569/americas-place-in-the-world>
14. Whose War? by Patrick J. Buchanan // The American Conservative, March 24, 2003 // <http://www.amconmag.com/article/2003/mar/24/00007/>

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1992-1996 ГОДАХ*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые концептуальные аспекты российско-американских отношений в 1992-1996 годах и проблемы их практической реализации. В статье анализируется стратегия «расширения», выдвинутая в период первого президентства Б.Клинтон, в основе которой лежало давнее стремление США к мировому лидерству. Со своей стороны, Россия провозгласила политику партнерства с Соединенными Штатами, которая претерпела определенную эволюцию и трансформацию в плане определения и стремления к защите российских национальных интересов.

Ключевые слова: национальная безопасность, «стратегия расширения», политика партнерства.

T. Kashirina

All-Russia state tax academy of the Ministry of Finance of Russia

THE PROBLEMS OF THE RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS IN 1992-1996

Abstract. In the present article some conceptual aspects of the Russian-American relations in 1992-1996 and problems of their practical realization are considered. In the given work the strategy of “expansion” which have been put forward during the first presidency by B.Klinton in which basis the old aspiration the USA to world(global) leadership laid is analyzed. From its part, Russia has proclaimed a policy(politics) of partnership with the United States which has undergone the certain evolution and transformation by way of definition and aspirations to protection of the Russian national interests.

Key words: national safety, «strategy of expansion», politics of partnership.

Российско-американские отношения являются продолжением советско-американских отношений, являвшимися определяющими в международной политике в период холодной войны и носившими, в основном, конфронтационный характер. Поворотным

моментом в советско-американских отношениях стала политика «нового политического мышления» М.С. Горбачева, приведшая к распаду СССР, а в перспективе – к перераспределению ролей на мировой арене, в понижении статуса России и возможностей ее влияния на ход событий в мире.

В 1993 г. президентом США стал демократ Б. Клинтон, который в своей программной внешнеполитической речи 1 апреля 1992 г. сказал, что практические дивиденды Америки в случае успеха российских реформ будут состоять «в получении доступа посредством мировой торговли к гигантским ресурсам России, создании нового крупного рынка для американских товаров и услуг» [3, 25].

Новый президент и его администрация стали определять внешнеполитическую концепцию государства и проводить ее в жизнь в изменившемся мире, ставя превыше всего державные «национальные интересы», гегемонистские устремления с целью сохранить и усилить международную роль Соединенных Штатов как единственной сверхдержавы. В этом контексте рассматривались и отношения с новой Россией. При этом благопристойные слова нередко скрывали неблагоприятные мысли и дела.

В отношении бывших противников по холодной войне новая администрация, отказавшись от прежних стратегий, в частности стратегии «сдерживания», провозгласила стратегию «расширения» – расширения мирового сообщества «свободных рыночных демократических государств» [7].

Эгоистический прагматизм новой американской стратегии выявляется, в частности, при подходе к вопросу о том, какими путями осуществлять эту стратегию. Тогдашний помощник президента Э. Лейк без тени смущения заявлял, что лишь интересы государства определяют, будут ли США действовать в многостороннем или одностороннем порядке. Следовательно, стратегия расширения, по существу, полностью игнорировала позицию как союзников США, так,

* © Каширина Т.В.

конечно, и тех стран, которые станут объектом этой стратегии. Американские политики полностью уверовали в безусловность лидерства и господствующего положения США в мировом сообществе, отведя России второстепенную роль в мировой политике, а по некоторым вопросам просто сбрасывая ее со счетов.

В общем плане Соединенные Штаты в официальном документе американского президента «Стратегия национальной безопасности США» (июль 1994 г.) провозгласили «содействие развитию демократии в странах бывшего СССР», отметили, что «России принадлежит ключевая роль в этом смысле», что они поддержат демократические и личные свободы в России, экономические реформы [11, 122].

В этих совместных заявлениях, декларациях и выступлениях американских государственных деятелей цели США по отношению к России выглядели благородными: поддержка рыночных реформ и демократии, оказание всякого рода помощи, установление политики партнерства. Но повседневная практика американо-российских отношений показывала другое – одна только проблема расширения НАТО на восток говорит о многом.

С 1994 г. Вашингтон в своей геостратегии в отношении бывшего СССР стал отходить от ориентации в первую очередь на Россию и усилил внимание бывшим советским республикам: Украине, Казахстану. С 1994 г. во внешней политике США стала активно проводиться линия на расширение НАТО на восток, приближение к границам России.

Характерно, что 5 февраля 1997 г. на слушаниях в специальном комитете Сената США по разведке был рассмотрен специальный секретный список угроз первостепенной важности для Соединенных Штатов. На первом месте среди главных «критических вызовов» США, их национальным интересам, стояла «продолжающаяся трансформация России» [2, 70].

Кроме того, во внешней политике США наблюдается стремление ослабить влияние России в тех регионах, где оно традиционно было сильным (Индия, Сербия) и сделать так, чтобы затруднить улучшение отношений с Китаем, Японией.

Перед президентскими выборами 1996 г. в предвыборной платформе республиканцев и демократов отношениям с Россией было уделено мало внимания. Демократы

и республиканцы заявляли о своей приверженности поддержке реформ в России. Это говорит о том, что сложившаяся к 1996 г. внешняя политика администрации Клинтона, за исключением некоторых нюансов, устраивала обе ведущие партии и конгресс США и, видимо, считалась оптимальной для того периода.

Но отношения с Россией стали развиваться в тот период достаточно сложно, что справедливо отмечали некоторые американские специалисты во внешней политике. Они считали, что никакие успехи США в бывших соцстранах не могли по своему значению превзойти важность отношений с Российской Федерацией, все еще остающейся ядерной сверхдержавой, взявшей на себя многое из советского наследства, играющей роль центра притяжения во всем постсоветском мире [12].

Если отойти от официальных документов и деклараций о партнерстве с Россией, где политика в отношении России сводится к помощи в становлении нашей страны как «демократического рыночного государства», то, проанализировав практический аспект американо-российских отношений, можно выделить действительные цели, преследуемые руководством США в 1992-1996 гг:

1. сохранение той или иной степени влияния на внутреннюю и внешнюю политику российского руководства;
2. недопущение существенного экономического и, в особенности, военно-политического усиления России;
3. недопущение восстановления сфер влияния России в Прибалтике, Центральной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке или в каких-то других регионах мира;
4. ядерное разоружение России до максимально возможной степени;
5. сохранение и расширение рынка для потребительских и сельскохозяйственных товаров США и закрепление роли России в качестве поставщика сырья, в первую очередь энергоресурсов.

Но так как речь идет о достаточно сильном суверенном государстве, что хорошо понимают в Америке, то основная цель Соединенных Штатов заключается в следующем – добиваться на каждом из этих направлений всего того, что США могут реализовать с помощью дипломатии, экономического и психологического давления, политического торга и других рычагов внешней политики.

Рассмотрим внешнеполитическую кон-

цепцию России. В процессе самоопределения России вопрос о необходимости разработки концепции ее внешней политики, в том числе и основ российско-американских отношений, возник с самого начала, в 1991-1992 гг. Перед руководством страны, намного сократившейся территориально и не имевшей такого влияния и веса в международных делах, какой был у СССР, но объявившей себя его правопреемницей, стала нелегкая задача – определить свое место на мировой арене, обозначить приоритеты и национальные интересы государства. Основное влияние на характер внешнеполитической деятельности России в рассматриваемый период оказывали новые взгляды президента Б. Ельцина, позиция тогдашнего министра иностранных дел А.В. Козырева, а также связанной с ними политической и научной элиты.

Испытывая вначале значительное воздействие горбачевского «нового мышления» на внешнюю политику «новой России», ее лидеры чем дальше, тем больше стали внедрять новые внешнеполитические установки. Они заключались в следующем – Россия отказывается от своих прежних идеологических установок, мировоззрения, которые являлись причиной конфронтации, проводя демократические реформы внутри страны, берет курс на сближение с Западом (партнерство) на основе общности демократических идей, идеалов и ценностей.

Данная стратегия начала реализовываться на практике. Горя желанием в сжатые сроки построить в России «демократическое государство с процветающей рыночной экономикой», новые власти рассматривали Запад как главного политического и идеологического союзника, основной источник экономической помощи, необходимой для проведения внутренних реформ, а также как образец для подражания.

Выступая на заседании Совета безопасности ООН 31 января 1992 г., президент РФ Б. Ельцин выделил то обстоятельство, что Россия теперь разделит с Западом основополагающие внешнеполитические принципы: «главенство демократических прав и свобод личности, законности и морали» [1, 59-60].

Российско-американские отношения стали приоритетными и чуть ли не определяющими в международной деятельности российского государства.

Российская дипломатия наивно полагала, что с учетом таких установок Запад пойдет на сотрудничество и даже на жертвы

для «становления в России демократии и рыночной экономики», содействия России в нахождении новых экспортных рынков [1, 61]. Надо отметить, что США и другие страны Запада поспешили воспользоваться в своих интересах, где только могли, готовностью России идти на союз с ними, но отнюдь не торопились ответить полной взаимностью на ее «объяснения в любви».

В этот период у внешнеполитического руководства Российской Федерации, в частности у министра иностранных дел Козырева, представление о российских национальных интересах было довольно смутным, размытым [10, 204].

Жизнь чем дальше – тем больше убеждала в ошибочности и бесперспективности односторонней прозападной ориентации и способствовала постепенному отрезвлению политического руководства России. Президент Ельцин еще в октябре 1992 г. выступил в МИД РФ с критикой внешнеполитической деятельности этого ведомства. Он, в частности, отметил, что «в основе российской внешней политики может быть лишь одна идеология – идеология интересов Российской Федерации... У такой самобытной страны, как Россия, должна быть самобытная внешняя политика... Россия воспринимается сейчас на Западе как государство, говорящее только «да», государство, которое иногда не замечает, как по отношению к нему другие не выполняют своих обязательств, которое молча сносит обиды и даже оскорбления» [11]. Слишком уж очевидным становилась ущербность крена в сторону союза с Западом в роли младшего партнера, а также отсутствия четкой концепции, в результате чего важные текущие вопросы решались походя.

В конце 1992 г. определенный сдвиг в официальных установках все же произошел. Министерство иностранных дел при участии Совета по внешней политике разработало Концепцию внешней политики Российской Федерации, где среди стран дальнего Зарубежья первая роль отводилась США. В документе отмечалось, что на обозримую перспективу отношения с Америкой будут сохранять в шкале приоритетов одно из первых мест, так как развитие полнокровных отношений с США способствует созданию благоприятной внешней среды для проведения внутренних реформ в России [6, 11-14].

В 1995-1996 гг. в официальных установках российского руководства по вопросам

внешней политики появляются некоторые коррективы. Это видно, в первую очередь, из документов руководства страны. В Послании Президента РФ Ельцина Федеральному собранию от 16 февраля 1995 г. в последовательности приоритетов США «поменялись местами» со странами Центральной, Восточной и Западной Европы. И если в 1992 г. взаимодействие с США сводилось к тому, чтобы добиться (а вернее, выпросить) содействия Соединенных Штатов в различных сферах деятельности Российского государства, то в 1995 г. в президентском Послании говорится уже о равноправном сотрудничестве двух стран [9, 3].

Перемены во внешнеполитическом курсе обозначились более отчетливо после назначения 9 января 1996 г. нового министра иностранных дел – Е.М. Примакова, который уже на первой своей пресс-конференции сказал о необходимости равноправного, взаимовыгодного, учитывающего интересы друг друга партнерства с бывшими противниками по холодной войне [4, 3].

В Послании Президента РФ Федеральному собранию «О национальной безопасности» от 1996 г. говорилось следующее: «В подходах США к России просматривается определенная двойственность. С одной стороны, США, не заинтересованы в появлении на мировых рынках и в мировой политике сильного конкурента, с другой – в долгосрочной перспективе США должны быть заинтересованы в том, чтобы Россия была достаточно консолидированным центром силы, играющим стабилизирующую роль в Евразии» [8, 24-25].

По сути, внешнюю политику России можно разделить на два этапа. Первый – 1991-1995 гг., когда международная деятельность государства концентрировалась главным образом на отношениях с Западом и в первую очередь с США. И второй – с 1996 г. – после смены внешнеполитического руководства. Было заявлено о многовекторности международных связей России, сделаны упомянутые выше новые акценты.

В период с 1996 г. в отношениях с Соединенными Штатами были декларированы следующие принципы:

1. внешняя политика «по всем азимутам»;
2. отношения с США – приоритетные, но с твердым отстаиванием российских национальных интересов;
3. российско-американские отношения

строятся на основе совпадающих интересов в различных областях сотрудничества – наука, космос, нераспространение оружия массового уничтожения, экономическое сотрудничество, борьба с терроризмом и др.;

4. продолжение политики партнерства, но на принципах равноправия.

Как видно, внешнеполитические установки Российской Федерации в середине 90-х гг. претерпели определенные изменения. Вместо «поддакивания» Западу, в первую очередь США, был декларирован самостоятельный международный курс, исходящий из национальных интересов, но предполагающий партнерство с Западом (которое, в перспективе, так и не состоялось). В чем же причины этой перемены?

Во-первых, в самом начале у руля политического (в том числе внешнеполитического) руководства в стране оказались так называемые демократические силы, исходявшие из ряда иллюзорных, нереалистических идей. Среди них можно выделить следующие. Поскольку Россия будет строить новое общество, в основе которого будут лежать ценности и черты западной цивилизации (рынок, деньги, индивидуализм, демократия, права человека и т.п.), – «Запад нам поможет». Тем более, что именно Запад, в первую очередь США, рассматривались как образец для подражания. С точки зрения российской правящей элиты, важным аргументом в пользу симпатий политического руководства западных стран к России должен был стать жесткий антикоммунизм теоретиков и практиков ее политики.

Отсутствие эффективного механизма реализации внешнеполитических решений усугубляло ситуацию не только идеологической «зацикленности», но также сказывалась неопытность дипломатического персонала, особенно руководства, которые первоначально не поняли (а может быть, не захотели понять) жесткий мир реальной мировой политики.

Во-вторых, причиной перемен стало поведение Запада. В российском обществе созрела убежденность, что западный лагерь не является надежным союзником, что многие властвующие политики в США и в Европе предпочли бы видеть Россию слабой экономически и политически. Тем более, что недостатка в недружественных акциях со стороны Запада не было: расширение НАТО, односторонние действия НАТО в Боснии, фактическое игнорирование требований

русскоязычного населения в Балтийских республиках, попытки воспрепятствовать развитию нормальных деловых отношений с Ираном и Ираком, нежелание Запада согласиться с интеграцией бывших советских республик и т.п.

Рассмотрев некоторые концептуальные аспекты российско-американских отношений в 1992-1996 гг., их практический ракурс, а также учитывая национальные интересы России и США в их реальном проявлении в мире, можно констатировать, что в установках и деятельности правящих кругов двух стран заложены основы двух тенденций: к сотрудничеству и к противостоянию.

Стремление к сотрудничеству отражено во всех официальных совместных документах. Что же лежит в основе стремления к сотрудничеству? Правящие круги России хотели построить демократическое рыночное государство, беря в качестве образца западное сообщество, а США заявляли о готовности оказывать им поддержку в этом деле (чаще, правда, на словах). Тенденция к сотрудничеству являлась в значительной мере следствием субъективных устремлений сторон.

Но одновременно в отношениях двух государств все чаще проявлялась (и не могла не проявляться) вторая тенденция – к про-

тивостоянию, что является следствием как объективных, так и субъективных причин. Связано это в первую очередь с тем, что и США и Россия преследуют на международной арене свои цели, которые не просто не совпадают, а зачастую противостоят и даже сталкиваются.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бажанов Е.П. Эволюция российской внешней политики в 90-е годы //Дипломатический вестник. 1997. №2. с.59-60, 61.
2. Выступление Чрезвычайного и Полномочного посла США в России Т. Пикеринга // США-ЭПИ. 1996. №6. с.70.
3. Джерри Дж. Б. Клинтон и внешняя политика США // США-ЭПИ. 1993. №5. С. 25.
4. Дипломатический вестник. 1996. № 2. С. 3.
5. Козырев А.В. Преображение. М., 1995. С. 204.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации //Дипломатический вестник. 1993. Январь. С.11-14.
7. Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» //США-ЭПИ. 1994. №3.
8. О национальной безопасности. Послание Президента РФ Федеральному собранию //Дипломатический вестник. 1996. №7. С. 24-25.
9. Послание Президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному собранию от 16 февраля 1995 года. // Дипломатический вестник. 1995. № 3. С. 3.
10. Речь А.В. Козырева в МИД РФ //Дипломатический вестник. 1992. № 15-16. С. 45.
11. Стратегия национальной безопасности США // США-ЭПИ. 1995. №1. С. 122.
12. USIS Wireless File, EVR 424, 06.02.97.

УДК 93/99(093):930.1(09)

Искоркина Е.А.

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ КАМПАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БУША В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ВОЙНЫ В ИРАКЕ 2003 ГОДА*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема использования пропаганды в войне США с Ираком, распространение ее через американские СМИ, которое должно было способствовать созданию благоприятных условий для начала второй войны в Персидском заливе. Приведены приемы и методы идеологической обработки американской и мировой общественности.

Ключевые слова: пропаганда, война,

* © Искоркина Е.А.

США, Ирак, идеологическая подготовка, терроризм.

E.Iskorkina

Penza State Pedagogical University named after V. Belinsky

THE PROPAGANDISTIC CAMPAIGN OF GEORGE BUSH'S ADMINISTRATION IN AMERICAN PRESS DURING THE PREPARING OF THE WAR IN IRAQ IN 2003

Abstract. In the article given is devoted to

the problem of the usage of propaganda in the Bush's war against Iraq and it's spreading through American mass media. This propaganda had to assist the creation of favorable conditions for the beginning of the second war in the Persian Gulf. Receptions and methods of the ideological treatment of the world and American society are described in the article.

Key words: Propaganda, War, USA, Iraq, ideological preparation, terrorism.

В настоящее время, как известно, с трибуны ООН президент США Барак Обама озвучил проблемы, которые особенно беспокоят США – ситуация вокруг Ирана и Афганистана [1]. Соединенные Штаты волнует проблема терроризма, а возможность покончить с этой угрозой мировому сообществу американское руководство видит в продолжении войны в Афганистане и ужесточения позиции по отношению к Иранской ядерной программе (вплоть до военного решения вопроса) [4]. Однако борьба с терроризмом такими путями после провала Иракской войны имеет большие сложности. Поэтому для осуществления поставленных целей правительству США придется столкнуться с проблемой, как это преподнести общественности, и для уменьшения этих сложностей необходимо снова провести идеологическую обработку. В связи с этим изучение пропагандистских приемов и методов, используемых правительством США, своей актуальности не потеряло. С большой вероятностью мы можем предположить то, что эта пропагандистская кампания пойдет по тому же пути, который был выработан администрацией Дж. Буша перед вторжением в Ирак. Поэтому, хотя война в Ираке закончилась, идеологическая подготовка, предшествующая ей, своей актуальности не потеряла, это позволит увидеть ту преемственность, которая наверняка проявится в ходе подготовки новой войны, если американское правительство захочет ее развязать.

Схожесть ситуации, которая была накануне вторжения США в Ирак в 2003 гг. и той, что разворачивается вокруг Ирана, имеет и другие общие черты, а именно, как известно, война в Ираке была одной из ступеней в политике по установлению однополярного мира. Не вызывает никаких сомнений, что война в Афганистане и недружественная политика по отношению к Ирану, имеет ту же самую цель, поэтому пропагандистская прелюдия американо-иракской войны не

была уникальной, она вписывается в общую канву идеологического обоснования и обработки в соответствующем плане американского общества, которая вытекает из доктрины «однополярного мира» [7, 19]. В связи с этим, рассматривая те методы и приемы, которые использовались правительством Дж. Буша перед Иракской войной, и, проводя параллель ситуации, которая складывается вокруг Афганистана и Ирана, мы должны понимать, что проблемы во внешней политике Соединенных Штатов не сводятся к войне с международным терроризмом.

Уже накануне войны в Ираке в пропагандистской кампании, начатой администрацией Дж. Буша, была особенность, которую озвучил журналист «The New York Times», написав, что «на планете осталось всего две сверхдержавы – США и международное общественное мнение» [15]. Следовательно, Тулера, по сути дела, признавал, что американское правительство не выражает интересы народа, а выражает мнение элиты, и он ставит знак равенства между американским народом и международным общественным мнением, которые противостоят администрации Соединенных Штатов, но как бы пренебрежительно американское правительство не относилось к своему народу политическая элита Соединенных Штатов постоянно нуждается в поддержке со стороны общественности своей страны и вынуждена влиять на мнение народа. Другой вывод, который можно сделать на основании статьи Тулера, состоит в том, что начало пропагандистской кампании внутри страны, в современных условиях, запускает пропагандистскую кампанию и за ее пределами.

Хотя сохраняется прежний термин «пропаганда», но в современных политических условиях он приобрел другой смысл: стал одним из понятий не только политики, но и рекламы. По сути дела пропаганда и реклама срослись и в США получили новый термин «PR- кампания». Обработка общественного мнения имеет вполне определенный точный смысл, а термин «пропаганда» в современной трактовке уже является атрибутом рекламной кампании. Термином «пропаганда» чаще всего обозначают метод психологического воздействия на население с помощью средств массовой информации и коммуникации. Пропаганда является методом воздействия, выполняющим функцию ценностной регуляции сознания, и основана на психологических механизмах сравнения

и оценки. В действительности задача пропаганды состоит в том, чтобы распространить среди аудитории определенную идеологию для достижения заранее сформулированной цели. Хотя пропаганда принимает различные формы, она почти всегда представляет собой в том или ином виде «активизированную идеологию», иногда пропаганда служит средством возбуждения общественного мнения в поддержку определенных целей, а часто выполняет интеграционные функции, делая публику пассивной и отвлекая ее от любых форм несогласия к существующей системе [6, 271]. Это определение, которое мы привели, по нашему мнению, является достаточно убедительным аргументом высказанного о связи пропаганды и рекламе в общественной жизни США. Как не прискорбно, но это наводит на мысль, что пропаганда определенной политики является сродни рекламе некачественного товара.

В истории, как известно, ни одно крупное политическое событие не происходило без определенного идеологического обоснования. Это характеризуется появлением новых общественно-политических идей и идеологии: Английской буржуазной Революции предшествовала «Памфлетная война», возникновение парадигмы Просвещения было предтечей Великой Французской революции и т.д. Сейчас в Соединенных Штатах научно-философская основа, которая должна была предшествовать навязыванию американскому обществу идеи закономерности новых политических событий, отсутствует, так как предложить ничего нового по развязыванию войны невозможно. Выше мы уже обращали внимание на то, что войны в Ираке, Югославии, Афганистане, Грузии все укладываются в одну установку – стремление к мировому господству. Такая политика сформировалась в США на рубеже XIX – XX вв., и с того времени агрессивная позиция США по отношению к другим странам осталась неизменной, меняются только направления, регионы и поводы. Поэтому никакого позитива для интеллектуального развития американского народа в этой идеологической кампании не может быть, ему лишь навязывают волю узкой прослойки американской правящей элиты.

Наиболее яркий поворот в использовании обработки общественного мнения методами рекламы в США произошел, как это ни странно, после событий 11 сентября. Впервые, правительству Соединенных Шта-

тов необходимо было оправдаться за свои ошибки, которые привели к трагедии американского народа, при том, что США считались единственной сверхдержавой в мире. И правящие круги США не нашли ничего лучше чем обвинить исламский терроризм, но это незамедлительно привело к проблеме с арабским миром. Во многих арабских странах начались антиамериканские выступления, которые игнорировать было просто невозможно. Теперь нужно было решать и эту проблему. Из этого вытекает новшество этой пропагандистской кампании: кроме того, что администрации Белого Дома нужно было отвести обвинения от себя, нужно было создать положительный имидж Америки на Ближнем Востоке [13, 31].

Таким образом, правительство США оказалось перед решением двух вопросов, которые друг друга взаимно исключали. Из этого сложного положения администрация Дж. Буша решила выйти с помощью приемов и методов рекламы.

В результате терактов 11 сентября население Америки увидело, что страной не так уж и восхищаются во всем мире, и, соответственно, их поведение за рубежом не всегда было объективно – на все это надо было реагировать американскому правительству и влиять в соответствующем направлении на общественность. Атакой террористов на Всемирный торговый Центр и Пентагон были все потрясены, в том числе президент, «Я поражаюсь, почему там так неправильно понимают нашу страну, и что эти люди нас ненавидят» [1]. Если президент США этого не понимал, то и другие политические деятели не отставали, они были уверены, что они помогали многим странам и их населению, а на деле их воспринимали по-другому. Конгрессмен Том Лантес из всех сил пытался понять, «почему яд ненависти медленно сочится» от стран, подобных Индонезии и Пакистану, хотя это «две нации, которым мы очень помогали, начиная с получения независимости» [15]. Прозрение, начавшееся в американском обществе по поводу того, что взаимоотношения между США и арабским миром не те, которые считались нужными в правящих кругах Америки, привело неизбежно к переоценке данного вопроса в американском обществе. Так, конгрессмен из Иллинойса обратил внимания еще на одну сторону арабской проблемы: правительства ряда стран не имеют никакого чувства благодарности, за все то, что для них делали

Соединенные Штаты, и позволяют в правительственных изданиях печатать антиамериканские материалы, известные зарубежные издания, находящиеся в собственности своих правительств, ежедневно изображают Соединенные Штаты, как злобную силу» [15]. В связи с этим стало необходимо воздействовать не только на мнение арабского населения, но и правительства этих стран; во-вторых, успокоить американскую общественность. Это обозначало одно из направлений пропагандистской кампании, которая имела две стороны, во-первых, успокоить американское общественное мнение, а во-вторых, успокоить арабский мир.

Поэтому не удивительно, что через 10 дней после событий 11 сентября газета «Wall Street Journal», сообщила, что в США было запущено две рекламные кампании. Первый ролик показывал Первую леди – Лору Буш, которая говорила, что жизнь продолжается, и надо жить дальше, как это было до нападения террористов (этот ролик был направлен на укрепления морального духа народа Соединенных Штатов). Во втором ролике показанный сюжет должен был подчеркнуть наличие в США расовой терпимости, политкорректности и толерантности [14]. Как сообщала вся та же «Wall Street Journal», в период между «9/11» и вторжением в Афганистан специалисты по связям с общественностью выехали в страны с преобладающим мусульманским населением для переговоров с местными СМИ, с помощью которых планировалось разместить материалы для успокоения антиамериканских страстей в этих странах, чтобы в умах местного населения возобладала терпимость к возможным военным действиям [9]. Решение этой задачи было поручено не ученым, не философам, не журналистам, а профессиональным рекламщикам. В это же время бывшего руководителя ведущих рекламных компаний Шарлотту Бирс назначили заместителем государственного секретаря по связям с общественностью. Она является легендарной личностью в рекламном бизнесе США и известна как «королева Мэдисон Авеню». То, что решение проблемы передали в руки известного имиджмейкера, показывает, что американское правительство основывалось на том, что их целям может послужить реклама без какого-либо научного наполнения. К помощи рекламы часто прибегают для того, чтобы продать залежалый товар, в данном случае Бирс должна была придумать для политики Соединенных

Штатов «новые отдушки» и попытаться продать все в упаковке под «брендом свобода». Для осуществления поставленных целей она провела ряд мероприятий.

Во время войны в Афганистане Бирс работала над проектом, который был назван «женщина может остановить терроризм?» [9]. В ходе этой кампании она пыталась рассказать «истории женщин, которые во время терактов не впали в панику и помогли обезвредить террористов» [9]. С другой стороны, была проведена «рекламная» программа под девизом «Жизни мусульман в Америке» [9], в ходе которой звучали призывы к терпимости и уважению исламского населения Соединенных Штатов. После вторжения в Афганистан и на первом этапе подготовки кампании против Ирака Бирс разработала и привела в действие кампанию «Диалог с исламом» [8], в рамках этой программы посетила Ближневосточный регион. Это было чисто пропагандистское турне, в ходе которого Шарлотта Бирс демонстрировала хорошее отношение к исламу. Однако в ходе него выяснилось, что арабскому населению нужны реальные доказательства, «нового курса» в отношении мусульманского мира, а не только его декларация. В Каире ее спросили, как же относиться к ситуации вокруг Палестинского вопроса и она ответила, что «давайте забудем прошлое и начнем с чистого листа» [12]. Тем самым, она по сути дела ушла, от ответа, с одной стороны, а с другой стороны, она перечеркнула всю ту национально-освободительную борьбу палестинского народа за свою государственность, а вместе с этим – и те жертвы, которые были положены на «алтарь свободы». Тем самым невольно Бирс укрепила мнение, существовавшие в арабских странах, что Бен Ладен – национальный герой. Это высказывание показало расхождение реальной политики и всех тех установок, которые предлагали сами США. В результате всех предпринятых мер, как сообщает «The New York Times», «афганский конфликт, кажется, подтвердил Осаму Бен Ладена как народного героя» [12]. Пропагандистские приемы, которые Бирс привнесла в политику, привели к краху, мнение арабского мира в лояльности к США не изменилось.

В результате кампания Бирс по сути своей провалилась, главный смысл заключался в том, что она не смогла создать положительный образ как в СМИ арабских стран, так и правительствах, в их деятельности ничего

не изменилось по отношению к США. А могли быть другой результата такой кампании? На наш взгляд, вряд ли. Конкретная политика американского правительства в арабских странах полностью опровергала те слова, которыми наполнены пропагандистские кампании, осуществляемые различными специалистами по рекламе.

Другой стороной этой проблемы, на наш взгляд, является идеологическая кампания проводимая внутри США, целью которой была отвести возмущение народа от правительства Соединенных Штатов. Внутри страны кампания проводилась теми же приемами и методами рекламы, что не удивительно, так как эту кампанию возглавила все та же Бирс. Свою рекламную кампанию она решила вести методами распространения печатной продукции в виде рекламных плакатов, которые составляли основу акции прошедшей под девизом «Награда за правосудие». Были выпущены плакаты и листовки, на которых жестокости, которыми сопровождаются всегда теракты исламских боевиков, сочетались с утверждением, что это дело рук Бен Ладена. Дальше шел текст гласивший, что за помощь в поимке террориста №1 будет выплачено баснословное вознаграждение в несколько миллионов долларов [9].

Таким образом, очевидно, что эта часть идеологической кампании несла, с другой стороны, то негативное мнение, которое было сформировано в общественном сознании граждан США в отношении арабов, и через СМИ оно становилось доступным в мусульманском мире. Это сводило на нет те мероприятия, которые были проведены для воздействия на арабское общественное мнение, поэтому внешне политическая сторона провалилась, а внутри страны она имела успех.

Эта кампания имела узконаправленный характер – отвести недовольство, главной же проблемой для правительства Соединенных Штатов была борьба с терроризмом, здесь нужны были конкретные действия и тогда возникла идея, чтобы найти за пределами США виновника. В целом был объявлен главный виновник – Бен Ладен, но до него добраться было невозможно, нужна была другая, более доступная фигура, ею стал Саддам Хусейн.

Для осуществления задуманных целей, как сообщала «The New York Times», наняли «черных пиарщиков» Rendon Group, ко-

торая специализировалась на PR-акциях в интересах США на международной арене и была тесно связана с Пентагоном [10].

Основные тезисы новой информационной кампании, развернутой против Ирака, сводились к утверждениям: во-первых, США имеют правовую основу для свержения антидемократического режима Хусейна [14]; другим направлением идеологической обработки была необходимость убедить американское общество, что США и их союзники имеют достаточно военной мощи, чтобы уничтожить террористический, диктаторский режим Саддама Хусейна; третьим тезисом утверждалось, что война, развязываемая Соединенными Штатами, будет не с народом, а только с правительством С. Хусейна.

Но прежде, чем запустить оправдательные аргументы, в США была проведена новая крупная кампания, объясняющая угрозу терроризма, но теперь обосновывалась связь между Бен Ладеном и Саддамом Хусейном [2].

Таким образом, круг замкнулся, война против Саддама Хусейна была приравнена к борьбе с терроризмом. Как известно, терроризм и пропаганда часто ходят рядом: используют одни и те же рычаги давления на общество – это страх. Многие военные кампании сопровождалась пропагандой, развернутой на вражеской территории, чтобы запугать население и сломить его сопротивление. Особенность американской пропаганды в Иракской кампании – это изменения географии проведения информационно-пропагандистской кампании, она развернулась непосредственно на своей территории, то есть была направлена на своих граждан и распространилась по всему миру. Программа по запугиванию американского народа, в которой Rendon Group преуспела.

Это привело к тому, что когда началась Иракская война, она не встретила серьезной оппозиции как среди американского народа, так и международной общественности, за исключением ряда стран.

Также особенностью этой пропагандистской кампании была открытая поддержка правительством США (она велась с подачи администрации Дж. Буша). Как правило, прежде чем в СМИ разворачивалась очередная антииракская компания, ей предшествовало выступление из самых высоких кабинетов [5]. Эта особенность идеологической обработки общественного мнения явля-

ется доказательством, на наш взгляд, того, что идеологическую войну правительство вело против своего народа. Таким образом, роль прессы как рупора общественного мнения полностью была подменена тем, что она стала озвучивать политику правительства и различными способами воздействовать на американское общественное мнение.

То, что рупором американского правительства были центральные газеты, было не случайным, на наш взгляд, первой причиной этого было то, что с ними правительству легче всего было договориться, так как их владельцы сами являются правящей элитой. Во-вторых, государственные средства вкладывались в эти газеты путем публикации рекламы фирм, связанных с государством, особенно ВПК. Выбор центральной прессы правительством для осуществления своих целей определяется тем, что эти газеты имели большой тираж, они считались выразителями интересов определенных демократических идей и пользовались работками, сделанными в предшествующий исторический период и доверием масс. Таким образом, такой союз был выгоден как правительству, так и этим газетам.

Таким образом, обработка общественного мнения, которая была проведена американским правительством накануне войны в Ираке, дала определенный положительный результат для правительства. С другой стороны, она дала опыт и показала, какие методы и приемы были неудачны, и, таким образом, обобщив все положительные и отрицательные стороны, правительство могло использовать накопленный материал для применения в случае необходимости. В результате ничего нового изобретать не надо, поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что если США захотят развязать войну, они используют те же методы.

Все те методы и приемы пропаганды, которые были использованы администрацией Дж. Буша в войне с Ираком, можно не без оснований предположить, будут и дальше применяться для формирования того или иного общественного мнения в интересах правительства США, и это будет продолжаться до тех пор, пока США не откажутся от мирового господства. Поэтому рано сдавать в архив как саму историю Иракской войны, так и ее пропагандистскую подготовку.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Выступления президента США Барака Обамы на Генеральной ассамблее ООН 23.09 2009// <http://russian/moscow.usembassg.gov./obama.un.htm/>
2. Голдсмит Ч. С.Хусейн финансировал «Аль-Каиду» // The New York Times. - 2003. - 10 сентября. - URL. www.inopressa.ru
3. Курц Х. Доказательства по атомному оружию были дутыми // The Washington Post. - 2003. - 11 августа. - URL. www.inopressa.ru
4. Обама втягивает Медведева в противостояние с Ираном // MidEast.ru интернет-газета. // <http://www.mideast.ru//357//47594>. - 2009. - 24 сентября.
5. Обезоруживающее заявление Дональда Рамсфела // Le Figaro. - 2003. - 19 февраля. - URL. www.inopressa.ru
6. Социологический энциклопедический словарь / Редактор-составитель академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА — ИНФРА М), 2000.
7. Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание. Стремление США к мировому господству. - М.: СТОЛЫЦА-ПРИНТ, 2007, - 464 с.
8. Charlotte Beers. Public Diplomacy After September 11. - Remarks to the National Press Club. // <http://www.state.gov/r/us/16269.htm> - 2002. - 18 December.
9. Charlotte Beers and Richard Boucher at the Foreign Press Center (transcript), November 9, 2001, U.S. Department of State.// <http://usinfo.state.gov/usa/islam/tl11401.htm>.
10. Dao James and Schmitt Eric. Pentagon Readies Efforts to Sway Sentiment Abroad. // New York Times. - <http://www.nytimes.com/2002/02/19/international/19PENT.html>. - 2002. - 18 February.
11. George W. Bush, press conference (transcript), Federal News Service, October 11, 2001.
12. MacFarquhar Neil. Many Arabs Say Bush Misreads Their History and Goals. - The New York Times. - <http://www.nytimes.com/2002/01/31/international/middleeast/31ARAB.html> - 2002, - 31 January.
13. Rampton Sh., Stauber J. Weapons of mass deception. The Uses of propaganda in Bush's war on Iraq. - New York: PENGUIN, 2003, - 248 p.
14. Robbins Carla Anne. Spin Control.// Wall Street Journal. - 2001. - 4 October. - P. A1.
15. «The Role of Public Diplomacy in Support of the Anti-terrorism Campaign», hearing before the Committee on International Relations, U.S. House of Representatives, 107th Congress, First Session, October 10, 2001, Serial №107-47, U.S. Government Printing Office.
16. Tyler Patrick E. Threats and responses: new analysis.// The New York Times. - <http://www.nytimes.com/2003/02/17/world/threats-and-responses-news-analysis-a-new-power-in-the-streets.html> - 2003. - 17 February.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 321:342.4(470.41)''1990/1995''

Голышева А.В.

Московский институт
предпринимательства и права

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В НАЧАЛЕ 90-Х гг. XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)*

Аннотация. Распад СССР в 1991 г. обусловил процесс суверенизации не только в бывших союзных республиках, но и в некоторых автономных республиках в составе России, одной из которых являлся Татарстан. Принятие местной Конституции и ее положений вызвало острую дискуссию как в республике, так и на уровне федерального центра. Поскольку некоторые положения Основного Закона Татарии не имели аналогов в истории отечественной конституционной мысли. Политическая атмосфера принятия Конституции Татарстана характеризовалась, с одной стороны, давлением федерального центра, выступавшего за подписание республикой Федеративного договора, с другой стороны выступлениями представителей радикальных националистических организаций, выступавших за независимость республики.

Ключевые слова: Россия, Татарстан, Конституция, автономная республика, федеративный договор, суверенитет, проект, референдум.

A. Golysheva

Moscow institute of business and the law

THE CONSTITUTIONAL PROCESS IN
THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN THE
EARLY 90'S. XX V. (MATERIALS ON THE
REPUBLICAN PERIODICAL PRESS)

Abstract. The collapse of the Soviet Union in 1991 led not only of sovereignty of former Soviet republics, but also some of the autonomous republics of Russia, one of whom was the RT. The process of adopting a local constitution and its provisions have provoked heated debate both in the republic, and at the federal level, as some provisions of the Basic Law of Tatarstan had no parallel in the history of domestic constitutional thought. The political

atmosphere of the Constitution of Tatarstan was characterized on the one hand the pressure of the federal center, speaking for the signing of the federal republic of the contract, and presentations by the radical nationalist organizations, spoke for the independence of the republic.

Key words: Russia, Tatarstan, the Constitution, the autonomous republic, federal contract, sovereignty, the project referendum.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. политическое руководство Татарии последовательно выступало за самостоятельное подписание Союзного договора, что, по сути, ставило республику на один уровень с другими учредителями будущего государства – Союза суверенных государств. Прекращение существования СССР в декабре 1991 г. поставило крест на амбициях республики, и перед ее властвующей элитой встал вопрос: «Какой должен быть государственно-правовой статус у Татарстана?»

Цель настоящей статьи заключается в историко-политическом анализе конституционных процессов в Республике Татарстан, связанных с принятием Основного Закона.

Политическое и государственно-правовое обособление республики в проекте Основного Закона Татарстана

Руководство республики до распада СССР выступало за выстраивание отношений с СССР и РФ на равноправной, договорной основе. Эта позиция была отражена в статье 64 Конституции ТССР. 31 декабря 1991 года в газете «Советская Татария» был опубликован проект Конституции Республики Татарстан. В статье 1 содержалось определение республики как «суверенного демократи-

* © Голышева А.В.

ческого государства, выражающего волю и интересы всего многонационального народа Республики. Суверенитет и полномочия государства исходят от народа. Государственный суверенитет есть неотъемлемое качественное состояние республики Татарстан». В проекте статьи не содержалось упоминаний о Союзе суверенных государств, Российской Федерации, Содружестве Независимых Государств [11, № 260]. В статье 62 проекта было отмечено что «Республика Татарстан самостоятельно, независимо определяет свой государственно-правовой статус, решает вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства. Законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории». Было отмечено, что республика «в интересах политического и экономического развития страны, обеспечения ее обороноспособности и безопасности ... добровольно может входить в сообщества суверенных государств и в соответствии с договором передавать часть своих прав в ведение федеральных органов государственной власти РФ» [1, №№ 4-5].

Проект Конституции Татарстана вызвал резкое неприятие со стороны представителей федеральной власти. Так, ответственный секретарь конституционной комиссии О.Г. Румянцев отметил, что «главная черта этого проекта – полное умалчивание проблемы взаимоотношений Татарстана и России. Однозначно просматривается, что разработчики Конституции считают: вопросы их взаимоотношений должны быть закреплены межгосударственным договором» [2, № 14]. Основой данного документа, по его мнению, должна была стать Конституция России. При этом Румянцев не исключил, что Татарстан в результате переговоров получит статус ассоциированного государства с РФ.

Заметным явлением в жизни Республики Татарстан в 1992 г. стала деятельность общественно-политической организации – татарского национального парламента (мили-меджлис). 1-2 февраля 1992 г. состоялся первый курултай татарского народа, который принял закон татарского народа «О государственной независимости Республики Татарстан». В нем было отмечено, что курултай восстанавливает независимость татар, прерванную в 1552 г. в результате агрессии со стороны соседнего государства и «провозглашения Татарстана субъектом международного права» [3, № 23]. Кроме того, курултай объявил о создании мили-меджлиса

(национальный конгресс), который был провозглашен парламентом татарского народа. Рассуждая о статусе новой «квазигосударственной» структуры, один из лидеров татарских радикалов Ф. Байрамова, отметила, что Верховный Совет Татарстана – «это парламент населения Татарстана, второй парламент семи миллионов татар. Мили-меджлис – это не альтернатива Верховному Совету и в то же время не параллельная структура» [3, № 23]. Представители татарского национального движения стремились представить мили-меджлис как этнопредставительный орган власти, издающий нормативные предписания. Один из лидеров организации Г. Файзрахманова заявила о его притязаниях на власть в республике. «Татарский национальный парламент, – отмечала она, – имеет право законодательного регулирования пяти сфер: статуса Татарстана, татарского языка, татарского народа, татарского просвещения и образования, культуры и религии» [7, № 17]. Некоторые деятели организации рассматривали мили-меджлис в качестве структуры, призванной заменить официальный парламент республики при наступлении определенных обстоятельств. А. Махмутова отмечала, что «мили-меджлис – единственный орган, объединяющий татар. В случае распада Верховного Совета он призван заполнить образовавшуюся пустоту» [3, № 23].

Данная позиция лидеров структуры встретила жесткое противодействие со стороны политических лидеров республики. Так, президент Татарстана М.Ш. Шаймиев в докладе «О текущем моменте», сделанном на VIII сессии Верховного Совета Республики Татарстан 03 февраля 1992 г. отметил, что «мы имеем дело со становлением новой формы организованной общественности и не более. Любое другое восприятие ее статуса неприемлемо и должно строго оцениваться с позиции закона» [8, № 24]. Таким образом, М.Ш. Шаймиев дал понять, что власти республики не потерпят существования «квазивластных» субъектов, претендующих на принятие и реализацию политических решений.

В первые месяцы 1992 г. политическая элита Татарстана продолжает делать ставку на вхождение в Содружество Независимых Государств, проводить курс на суверенизацию республики, дистанцируясь от российского федерального центра. «После августовского путча, – отмечал М. Шаймиев, – было сорвано подписание Союзного договора, в подготовке которого наши представители

принимали активное участие. ... Наша политика во многом опиралась на принцип прямого вхождения в Союз ССР» [12, № 24]. Усилия Татарстана, по мнению лидера Татарии, были направлены на подписание двухсторонних договоров со всеми республиками бывшего СССР, так как республике необходимо все экономическое пространство, а не только Россия. Премьер-министр Сабиров, выступая на сессии Верховного Совета ТССР 20 февраля 1992 г., обвинил руководство России в стремлении «сохранить унитарное построение, не допустить повышения государственного статуса автономных образований. В этих условиях мы исходим из заявления восьмой сессии Верховного Совета нашей республики о том, что Татарстан должен стать равноправным членом формирующегося Содружества» [13, № 36-37]. Ему вторили чиновники самых различных рангов. Так, заместитель председателя Госкомэкономики ТССР М. Галлеев заявил: «Татарстан должен быть полноправным учредителем СНГ» [9, № 26].

Республика рассматривалась как суверенное государство, которое должно обладать всеми властными атрибутами и собственной правовой системой. Премьер-министр Татарстана Сабиров, выступая на сессии Верховного Совета, отметил, что в числе обязательных правовых атрибутов республики обязательно должны быть закон о выборах, закон о собственности, закон о предприятиях, предпринимательской деятельности, землепользовании и т. д. При этом использование нормативно-правовых актов России допускалось лишь в части, не противоречащей Декларации о государственном суверенитете и Конституции Республики Татарстан. «Республика Татарстан, – отмечал он, – как самостоятельное государство должно располагать целостной системой права... В нынешней ситуации для Республики Татарстан приобрело особое значение принятие Конституции, которая призвана юридически закрепить государственный суверенитет, перевести концепцию суверенитета из области деклараций на язык конкретных основополагающих правовых норм».

Исторические аспекты конституционных взаимоотношений России и Татарстана

Крупным политическим событием стало принятие решение Верховным Советом Татарстана о проведении 21 марта 1992 г.

референдума по вопросу о государственном статусе республики [14, № 38]. Предметом политического спора между Москвой и Казанью стала формулировка вопроса референдума: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?». В интервью газете «Советская Татария», опубликованном 27 февраля 1992 г., М. Шаймиев подверг критике проект Конституции РСФСР в части разграничения полномочий между центром и субъектами, отметив, что «большинство других республик признает, что предлагаемая Конституция обезличивает наши народы, дает им чуть ли не меньше прав, чем они имели в доперестроечное время» [16, № 40]. Принципиальная позиция руководства Татарии, желающего строить свои отношения с Российской Федерацией на исключительно равноправной основе, не перетерпела изменений. Председатель Верховного Совета ТССР Ф. Мухаметшин на встрече с народными депутатами России подчеркнул, что «Татарстан предлагает свое видение национального государственного устройства: либо ассоциированное членство в Федерации, либо построение ее на принципах конфедерации» [17, № 45]. При этом Мухаметшин категорически отверг саму постановку вопроса о выходе Татарии из состава России.

Федеральный центр негативно отнесся к идее референдума, усматривая в нем шаг, направленный на подрыв территориальной целостности России. Верховный Совет РФ 05 марта 1992 г. принял обращение к народу, Верховному Совету и Президенту Республики Татарстан, в котором отметил, что постановка вопроса не является корректной, так как объединяет три разных вопроса, на которые можно дать только один утвердительный или отрицательный ответ [18, № 48]. Б.Н. Ельцин обратился к Верховному Совету Татарстана с просьбой изменить формулировку вопроса, выносимого на референдум [15, № 56].

Конституционный Суд РФ 13 марта 1992 г. принял постановление, в котором признал не соответствующей Конституции РСФСР часть сформулированного вопроса, вынесенного на референдум, в котором предусматривалось, что «Республика Татарстан является субъектом международного права и строит отношения с Российской Федерацией

и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров, поскольку это связано с односторонними изменениями национально-государственного устройства РСФСР и означает, что Республика Татарстан не состоит в РСФСР» [4, № 53].

Тем не менее, решение Конституционного Суда РФ не было истолковано как запрет на проведение референдума в республике. В беседе с главным редактором газеты «Вечерняя Казань» Х. Шамсутдиновым М. Шаймиев подчеркнул, что в постановлении Конституционного Суда РФ «правомерность постановки вопроса о государственном статусе Татарстана, порядке проведения и норм подведения итогов референдума не вызывают сомнений» [5, № 55].

Политическая позиция Татарстана осталась неизменной и нашла свое воплощение в заявлении Президиума Верховного Совета Республики Татарстан, в котором было изложено официальное толкование формулировки вопроса, вынесенного на референдум. Она состояла в том, что он «не предусматривает выхода или не выхода Татарии из состава России и государственное обособление Татарстана от России» [18, № 48]. Цель референдума заключается в том, чтобы «определить, отвечает ли интересам и воле народа Республики Татарстан конституированный Основной Закон республики, переход ранее автономного Татарстана в статус суверенного государства, которое остается в едином с Российской Федерацией экономическом и геополитическом пространстве». 16 марта 1992 г. в Постановлении Верховного Совета Республики Татарстан было отмечено, что «вопросы государственной обособленности Республики Татарстан от Российской Федерации, изменения ее территориальной целостности и границ предметом проводимого референдума не является» [15, № 56].

Следует отметить, что руководство Татарстана испытывало давление не только стороны федерального центра, но и со стороны радикальных националистических организаций, например, мили-меджлиса. Председатель этой организации Т. Абдуллин сделал заявление, в котором увязал итоги референдума с вопросом о самоопределении республики. «Референдум, – отметил он, – проявит истинную сущность декларируемой дружбы русского и других народов к татарскому народу, а если результат референдума будет отрицательный, то мили-меджлис заявляет о принятии других адекватных мер по реше-

нию вопроса о самоопределении татарского народа» [10, № 55].

За сутки до референдума – 20 марта 1992 г. – было опубликовано выступление М.Ш. Шаймиева, которое по стилю больше напоминало политическую клятву на верность России. «Перед лицом многонационального народа моей республики, – отмечал Шаймиев, – я, как Президент суверенного Татарстана заявляю, что мы навсегда с русским народом, с Россией. Мы никоим образом не нарушаем целостности России».

Итогом референдума стало одобрение вынесенного вопроса. В нем приняло участие 82 % лиц, обладающих правом голоса. «За» высказалось 50,3%, «против» – 30,5 % [19, № 58]. Главным политическим результатом референдума стал отказ Татарстана подписывать 31 марта 1992 г. Федеративный договор.

Отвечая на вопрос корреспондента газеты «Советская Татария», связанный с дальнейшими действиями руководства Татарстана после отказа подписать Федеративный договор, М.Ш. Шаймиев отметил, что «мы будем стремиться разработать и подписать равноправный двусторонний договор с Россией до начала Съезда народных депутатов РФ» [21, № 64].

Жесткой критике был подвергнут проект Конституции РФ, в котором отсутствовало право на выход из состава Российской Федерации. Так, М.Г. Сабилов в выступлении на IV съезде народных депутатов РФ 18 апреля 1992 г. отметил, что «добровольная основа Федерации в проекте предложенной Конституции нарушена тем, что в нем возможность вхождения новых республик предусмотрена, но не зафиксировано их право на выход. Предоставив республикам право свободного выхода, в то же время надо создать такую Федерацию, из которой никому не хотелось бы уходить» [22, № 78]. По его мнению, первоначально созданная Российская Федерация в 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов была «федеративной советской национальной республикой на основе свободного союза свободных наций».

Итоги референдума, прошедшего в Татарстане 21 марта 1992 г., были юридически оформлены в Постановлении Верховного Совета Республики Татарстан «О мерах по реализации государственного суверенитета Республики Татарстан, состоявшегося 21 марта 1992 г.». В соответствии с данным нормативным актом «государственные ор-

ганизации, должностные лица и общественные организации Республики Татарстан, расположенные на территории, в своей деятельности должны исходить из того, что Республика Татарстан есть суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров» [23, № 102].

Неизменным оставался курс политического руководства республики на игнорирование подписания Федеративного договора и заключения договора между Россией и Татарстаном. Вице-президент Татарстана В.Н. Лихачев, отмечая несовершенство Федеративного договора, подчеркивал, что «по содержанию предстоящий двусторонний договор должен быть договором о Союзе – Союзе с большой буквы» [25, № 153]. Новый уровень взаимоотношений России и Татарстана, по его мнению, должен отражать две тенденции: «повышение государственного статуса Татарстана и обновление самой Федерации: Федерация должна выражать действительно добровольный, справедливый экономический и политический союз» [24, № 113].

15 сентября 1992 г. состоялась встреча президентов России и Татарстана, на которой обсуждались вопросы подписания двустороннего договора. М. Шаймиев, комментируя итоги встречи, отметил, что, несмотря на то, что найдены общие точки взаимодействия в переговорном процессе, спорными остаются вопросы об отнесении к сфере ведения России или Татарстана вопросов обороны, безопасности, внешних отношений, правового пространства, фундаментальных научных исследований [27, № 183].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопрос подписания двустороннего договора был решен российским и татарским политическим истеблишментом задолго до его юридического оформления в 1994 г. Однако дискуссионными вопросами на протяжении всего переговорного процесса оставались вопросы отнесения сфер ведения в компетенцию федерального центра и республики.

Альтернативные проекты республиканского Основного Закона

Параллельно с обсуждением вопроса установления договорных отношений между Российской Федерацией и Республикой Та-

тарстан в республике шел законодательный процесс обсуждения и принятия местной Конституции.

В процессе обсуждения было предложено несколько вариантов республиканского Основного закона. Оживленную дискуссию вызвали статьи проекта, определяющие государственное устройство республики. Так, члены конституционной комиссии «Движение демократических реформ Татарстана» (М. Аитов, А. Барабанов, В. Беляев, А. Разанов) предложили проект в котором Республика Татарстан определялась как «демократическое правовое государство в составе Российской Федерации» (статья 55). В статье 56 было зафиксировано, что «Республика Татарстан входит в Российскую Федерацию на принципах делегирования полномочий и разграничения компетенции» [6, №79]. Представители депутатской фракции «Народовластие» (И. Султанов, В. Михайлов) предложили проект, статья 54 которого определяла правовой статус Татарстана как «суверенной республики в составе Российской Федерации». В статье 55 было определено, что «Республика Татарстан обладает всей полнотой суверенной государственной власти, за исключением тех полномочий, которые переданы ею на договорной основе в ведение федеральных органов государственной власти РФ».

Таким образом, в предложенных альтернативных проектах не усматривалось принципиальных противоречий в постановке вопроса о нахождении Татарстана в составе России. Спор развернулся вокруг государственно-правового статуса Татарии в Российской Федерации. Государство или республика? При этом оба варианта исходили из необходимости разграничения компетенции между федеральным центром и республикой.

06 ноября 1992 г. на XII сессии Верховного Совета республики Татарстан была принята новая Конституция. Президент М. Шаймиев выступил по поводу этого события и отметил, что республиканская «Конституция – первая в нашей истории, идущая от интересов республики. Она создавалась не по чьей-либо указке, а базировалась на волеизъявлении народа, выраженном в Декларации и на референдуме 21 марта 1992 года» [28, № 221, 222].

12 декабря 1992 г. был опубликован текст новой Конституции Татарстана. В главе 1 «Общественно-политическая система»

1 раздела «Основы государственного и общественного строя Республики Татарстан» был определен государственно-правовой статус Республики Татарстан как «суверенного демократического государства выражающего волю всего многонационального народа республики. Суверенитет и полномочия государства исходят от народа» [29, № 246, 247]. Государственный суверенитет был провозглашен «неотъемлемым качественным состоянием Республики Татарстан».

В разделе III Конституции «Государственное устройство Республики Татарстан» в статье 59 было зафиксировано право Республики Татарстан самостоятельно определять свой государственно-правовой статус, решать вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства. Законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан» [29, № 246, 247].

В статье 61 Основного Закона республики было зафиксировано положение, в соответствии с которым Татарстан был провозглашен «субъектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией – Россией на основе договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения».

Нормативно-правовая и политическая коллизия вышеизложенных предписаний заключалась в том, что, с одной стороны, в Конституции не провозглашалась независимость республики Татарстан, а с другой – не был отмечен факт нахождения республики в составе России, так как ассоциированность с Россией предполагала союз равноправных субъектов, без государственно-правового соподчинения. Таким образом, трактовать данные положения можно было весьма широко, как представителям татарской политической элиты, так и федерального центра.

В законе «О порядке введения в действие Конституции Республики Татарстан», принятом 30 ноября 1992 г., содержалась статья 11, в которой было отмечено, что в связи с принятием новой Конституции Республики Татарстан необходимо «обратиться в Верховный Совет Российской Федерации с предложением о конституировании в Основном Законе Российской Федерации положения о договорно-конституционных отношениях между Республикой Татарстан и Россией».

Следует отметить, что принятие новой

Конституции Татарстана до подписания двустороннего договора между Россией и республикой вызвало недовольство московских властей. Так, М. Шаймиев, выступая на пресс-конференции, посвященной встрече двух делегаций по поводу подписания договора, состоявшейся 21 января 1993 г. отметил, что Б.Н. Ельцин упрекнул Татарстан за принятие новой Конституции до принятия общероссийского Основного Закона. Однако, по мнению президента Татарстана, «объективно было достаточно времени для заключения договора и не по нашей вине оно было плодотворно использовано» [30, № 16].

Выводы

Конституционный процесс в республике Татарстан протекал в сложной общественно-политической обстановке. Прекращение существования СССР в 1991 г. подтолкнуло руководство на дальнейшее политическое обособление от России. В проекте местного Основного Закона, опубликованного 31 декабря 1991 г. Россия упоминалась только в контексте делегирования некоторых полномочий федеральным органам власти. Это не могло не вызывать осуждения со стороны руководства России, выступавшего против проекта республиканской Конституции и политических актов, направленных на провозглашение суверенитета Татарстана, например, референдума по вопросу определения его государственного статуса. С другой стороны на политическую элиту Татарии оказывали давления радикально настроенные националистические структуры, добивавшиеся независимости Татарстана и претендовавшие на правотворческий статус – возможность принятия законов, касающихся татарского народа, в том числе суверенитета. Альтернативные конституционные проекты, предложенные различными депутатскими фракциями, предполагали нахождение республики в составе России. Республиканский референдум 21 марта 1991 г. упрочил позиции сторонников суверенитета Татарстана и выстраивания отношений с Россией на договорной основе. В принятой 6 ноября 1992 г. Конституции Татарстана статья 61 зафиксировала его ассоциированный статус с Россией на основе договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения, что создало политическое и правовое поле для проведения дальнейших переговоров по его подписанию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вечерняя Казань. 08. 01. 1992. № 4-5.
2. Вечерняя Казань. 21. 01. 1992. № 14.
3. Вечерняя Казань. 03.02.1992. № 23.
4. Вечерняя Казань. 16. 03. 1992. № 53.
5. Вечерняя Казань. 18.03. 1992. № 55.
6. Вечерняя Казань. 06.05.1992. № 79.
7. Известия Татарстана. 25.01. 1992. № 17.
8. Известия Татарстана. 05.02. 1992. № 24.
9. Известия Татарстана. 07.02. 1992. № 26.
10. Известия Татарстана. 19. 03. 1992. № 55.
11. Советская Татария. 31.12. 1991. № 260.
12. Советская Татария. 05.02. 1992. № 24.
13. Советская Татария. 22.02. 1992. № 36-37.
14. Советская Татария. 25. 02. 1991. № 38.
15. Советская Татария. 20.03. 1991. № 56.
16. Советская Татария. 27. 02. 1992. № 40.
17. Советская Татария. 05.03. 1992 № 45.
18. Советская Татария. 10. 03. 1992. № 48.
19. Советская Татария. 24. 03. 1992. № 58.
20. Советская Татария. 28. 03. 1992. № 61-62.
21. Советская Татария. 01. 04. 1992. № 64.
22. Советская Татария. 21.04. 1992. № 78.
23. Советская Татария. 26. 05. 1992. № 102.
24. Советская Татария. 10. 06. 1992. № 113.
25. Советская Татария. 04. 08. 1992. № 153.
26. Советская Татария. 15.08.1992. № 161-162.
27. Советская Татария. 17.09. 1992. № 183.
28. Советская Татария. 07. 11. 1992. № 221-222.
29. Советская Татария. 12.12.1992. № 246-247.
30. Советская Татария. 26. 01. 1993. № 16.

УДК 316.324

Жижимов Э.Е.

Инженерно-экономическая камская академия

«ВЕСТЕРН» – ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ УНИФИКАЦИИ МИРА*

Аннотация. Толкуя «глобализацию» в терминах цивилизационной унификации мира, автор выступает с критикой универсализации ценностей западного мира. Самое фатальное в неумном прогрессе капитализма заключается в своеобразном эффекте сфумато: издержки декомпенсируют приобретения. Функциональная бесперспективность турбокапитализма проявляется в тупиках консьюмеризма; несбалансированности развития, подрывающего ассимиляционный потенциал природной среды, влекущего деградацию ресурсной базы; истощения сырьевой базы расширения экономики; максимизирующей экологические риски жажды наживы; углублении расслоения, экономического неравенства, социальной поляризации, региональной дифференциации, имплицитных рост недовольства, экспорт терроризма; упадке человеческой духовности, обмельчании внутреннего мира: в сравнении с индустриальным, технико-производственным прогрессом нравственное совершенствование личности «выбрасывающего общества» (Тоффлер) оставляет желать лучшего.

Ключевые слова: глобализация, оптимальность, эффективность, жизнеспособность.

E. Gigimov
Engineering-economic Kamskaya Academy
«WESTERN» AS A PROJECT OF GLOBAL
UNIFICATION OF THE WORLD

Abstract. Interpreting «globalization» in the terms of unification of the world by means of a civilization, the author suggests some critics concerning the universalisation of the western values. The most fatal in the western way of developing is a sort of sfumato-effect: deficiency decompensates profit.

The features of functional brutality of turbocapitalism are limits of consumption; disbalanced essence of industrial progress, which destroys the assimilation capacity of environment; strengthening of social polarization, regional differentiation; degradation of human qualities.

Key words: globalization, optimality, efficiency, life reproduction.

Подобно советизму (космоглобализму) вестерн также противопоставляет мировому сообществу социально-политическую систему. Противопоставляет с намерением проводить в масштабе человечества интересы Запада. Для уточнения последних сообразно широте охвата проблемы дифференцируем понятие «Запад».

Анализируемое нами растяжимое понятие вмещает редакции:

* © Жижимов Э.Е.

– объединенная континентальная Европа, зиждущаяся на консолидации Старого Света перед лицом СССР, США, Великобритании;

– Европейское сообщество – целостная Европа, противостоящая неевропейским силовым центрам влияния;

– атлантизм – панамериканизм: распространение тезиса А. Гамильтона (1757-1804) (легшего в основу доктрины Монро) о гегемонии США в Западном полушарии на мир в целом;

– сплочение западной цивилизации – континентализм плюс атлантизм – отъединенный от всех мировой вестерн с обязывающим «The West against the rest».

В схематических контурах рассматриваемого предмета улавливаются нюансы – формы и нормы, обуславливающие диапазон, размежевание, пересечение, земные возможности тех или иных фигур политико-географического обособления Запада. Для их качественной оценки обопремся на внушающий доверие фактический материал.

а) Континентальная Европа. Идея пан-Европы как федерации 15 государств без Московии М.Сюлли (1560-1641). Без какой бы то ни было коррекции на времена и условия, буквально в тех же словосочетаниях идея приближенного Генриха Наваррского воспроизводилась А. Брианом (1862-1932), ратовавшим за европейский федеративный Союз без Великобритании и США как неконтинентальных держав и СССР как неевропейской державы (сходную модель, правда в терминах германизма, выдвигал Куденхове-Калерги – консолидированный Старый Свет противостоит супердержавам – СССР, США, Великобритании).

б) Европейское сообщество. Модель противовеса атлантизму, намечающая возможности:

– Европа от Атлантики до Урала (сделавший данный ход де Голль обосновал выход Франции из НАТО);

– Европа от Дублина до Владивостока – идея Ж. Тириара, проигрывавшего вариант трансконтинентальной оси.

в) Атлантизм. Имеет тройное толкование:

– блок США и России – соединение континентальных массивов двух супердержав туннелем под Беринговым проливом с противопоставлением приобретенной мощи европейским контрагентам (проект);

– единоличная геополитическая гегемо-

ния США во имя обеспечения собственных национальных интересов (реальность);

– перераспределение глобальных величин на базе блока США и Европы – мировой вестерн (реальность).

г) Мировой вестерн. Модель планетарного униполярного под эгидой США. Традиционный социально-исторический оппонент Запада, Россия, ввиду отсутствия институализированного партнерства между ними (в первую очередь между РФ и НАТО, что является непростительным просчетом бывшего руководства страны), теснится по всему спектру принципиальных вопросов, находя недвусмысленное идейное обеспечение в пресловутом кредо: величие Запада (прежде всего США) прирастает «за счет России, против России, на обломках России» (Бжезинский).

Итак, герметизм изображения мира в свете «вестерн» опирается на обилие деклараций собственной исключительности – штампы:

– Abendland – собирательная идея традиционной католической и христианской Европы как сообщества народов, культивирующих единый (западный) образ жизни; восточные границы ареала, определяемые произвольно, позволяют, по конъюнктуре, то включать, то исключать из него те или иные популяции;

– превосходства: идея преимущества западного существования, дающая право вершить третейский суд, распоряжаться судьбами народов. Та же Тэтчер рекомендовала сократить население России до 15 миллионов (открыто спросим: каков рецепт для Великобритании?);

– чванливого первенства: монополия на рассмотрение любого народа в качестве объекта превентивной экспансии (с 90-х гг. прошлого века по начало века текущего США применяли грубую силу в 40 случаях).

Штампы разные, суть одна – до смешного плоская линия подчинения наций-государств некоему цивилизационному ядру – центру сосредоточения силы и капитала (ср. с проектом Трилатеряля: расчленение мир-системы на три сопряженных сферы влияния – американское, европейское, тихоокеанское пространства с региональными лидерами).

Интенции и объективации часто не совпадают. Двуличие Запада в новейшее время проявилось в генеральном курсе на конструирование послевоенного панпорядка, поддерживающего новые пространственные мир-

системные законы по правилу «один пишем – два в уме». С одной стороны – Ялтинско-Потсдамские договоренности о принципах стратегической политики по созданию справедливого мира и системы международной безопасности. С другой стороны – бесконечные изъятия из этих договоренностей – антироссийское военно-политическое, социально-экономическое сотрудничество, от планов использования немецко-фашистских контингентов в вероятной войне против СССР до организации Бреттон-Вудских институтов (МВФ, ВБ, МБРР) (1944), НАТО (1949), Бильдербергского клуба (1954), Трехсторонней комиссии (1973), фрагментации постсоветских республик (проект РУБК), расширения НАТО на восток (вне «существующей угрозы» и «объявленного противника»).

Учитывая исторический системогенез, не вызывает сомнений справедливость слов Пушкина: Европа в отношении России столь же невежественна, сколь и неблагоприятна.

Комбинация политико-военных, финансовых, экономических, гражданских, идеологических ресурсов Европы (Запада) традиционно имеет антироссийскую направленность. Не важно, какой в России строй – монархия, советская власть, демократия, – важно величие державы. Великой России не должно быть, – вот девиз и программа.

Если любят не за что-то, а несмотря ни на что, то ненавидят тем более ни на что не смотря. Понимание степени происходящего дало повод Струве именовать подобный подход Брест-Литовской точкой зрения. Для Запада хороша Россия слабая, которой незатейливо хотелось бы объяснить, что она представляет собой «слаборазвитое общество, едва-едва вышедшее из Средневековья, находящееся под управлением порочной и некомпетентной клептократии и имеющее в истории человечества значение, не многим более существенное, чем типичное африканское государство-неудачник». Объяснить хотелось бы ... да мешает мощь России.

Вековые указания истории прозрачны: пикировка Европы (Запада) с Россией – не функциональная, а субстанциальная – ценностно-цивилизационная. В понятии Европы (Запада) Россия выступает фронтальной угрозой. Откуда метафоры повального «прогресса, демократии, добра» – для Европы (Запада) и повальной же «отсталости, тирании, зла» для России (вспомнить хоть рейгановское «империя зла»).

Борьба первого со второй отличает контактные и бесконтактные противостояния. От попыток:

- добиться политического влияния – устройство римской курией династического брака Ивана III с воспитанной в Риме племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог;

- установить торговую блокаду – линия папства на запрет немецким городам иметь товарообмен с Русью (XIII в.);

- наладить миссионерство – засылка в 30-х гг. XIII в. эмиссаров, намерение посадить митрополитом сторонника Флорентийской Унии Исидора, низложенного Василием II (характерно, что и в XIX в. курс Ватикана остался прежним – культивировать вестерн, сепаратизм. Показателен случай: в 1887 г. прихожане униатской церкви в галицийском селе Гнилички обратились в Вену для разрешения перейти в православие. Ответ – отлучение от церкви настоятеля прихода Ивана Наумовича, отставка Галицкого митрополита, реформа монастырей, переходивших под контроль иезуитов. В XX в. развернулась борьба Ватикана за проникновение католицизма на каноническую православную территорию);

- установить вассальную зависимость русского государя – идея Фридриха III.

До прямых столкновений: Ливонская война (1558-1583); Русско-польская война (1654-1667); Русско-шведская война (1656-1658); Северная война (1700-1721); Семилетняя война (1756-1763); Отечественная война 1812 г.; Крымская война (1853-1856); I и II Мировые войны.

Персия, Рим навязывали народам свои устои (нормы, кодексы, законы общения) регионально (Ближний Восток, Средиземноморье). Запад (проект «вестерн») имеет тенденцию осуществлять это глобально. В силу сказанного, у всех «сокамерников по эпохе» он вызывает типологическую вполне предсказуемую позицию «The Rest against the West».

Лишь преступление мысли и чувства навлекает тщеславную гордость стяжать «мандат неба», обязанность вести по лабиринтам зависимости незрелую часть человечества (общества запоздалой либерально-рыночной демократии). Разные народы втягиваются в цивилизационный поток с разных стартов, однако никто не волен от имени «прогрессизма» сортировать гуманитарный материал на причастность к «туземным фактам» или «передовым знамениям века».

Пожелания другим «преобразовываться», добиваться «радости развертывающихся далее» так же легко сформулировать, как нелегко исполнить. В тех же «продвинутых демократиях», как свидетельствует изданный в КНР документ «Факты о состоянии прав человека в США в 2001 г.», масса проблем, эксплицирующих, какого знамени носители геостратегические гегемоны.

С 1977 г. по 1996 г. в США убито 400 тыс.; с 1997 г по 1999 г. – 480 тыс. человек. В 1979 г. наивысшие доходы наблюдались у 5%, а наинизшие – у 20% семей. В 1999 г. разрыв в доходах семей увеличился в 19 раз 1% населения владеет 40%, 80% населения – 16% национального богатства страны (2001). 10% американских семей (19 млн. взрослых и 12 млн. детей) в 1999 г. страдало от недостатка продовольствия. В том же году около 12 млн. детей проживало за чертой бедности (1/6 часть всех детей). Латиноамериканцы составляют около 12,5% населения США, а в Сенате и Конгрессе из 535 депутатов их – 19. Афроамериканцы составляют 13% населения и занимают 5% выборных должностей. Уровень безработицы у черных в 2 раза выше, чем у белых. И патати, и патата.

Вследствие высказанного изначально положительного отношения к себе западный гегемонизм (атлантизм) не имеет. Разносторонние откровения по части проекта «вестерн» суммируются исходами:

- уничтожить Запад – модель мировой революции вплоть до деятельности радикальных новых левых, пламенных революционеров типа команданте Ч, его приспешников, в настоящем террористов и фундаменталистов всех мастей;

- отграничиться от Запада – модель державной автаркии, «железного занавеса», намеченная Николаем II, введшим более широкую (на 9 см) железнодорожную колею, предопределившую коммуникационный разрыв и тем самым забаррикадировавшую прорубленное Петром в Европу окно;

- догнать и перегнать Запад – модель цивилизационного броска, модернизационного форсажа стран запаздывающего социально-экономического развития;

- мирно сосуществовать с Западом – биполярная модель мировой гегемонии с четко обозначенными сферами влияния;

- уподобиться Западу – модель открытого общества со смешанной экономикой (политический идеал правых либерал-демократов).

В национальной истории с тем или иным

успехом практически перепробованы все варианты, в качестве простого момента познания подводящие к морали:

а) Запад – традиционный социально-исторический, геостратегический оппонент, антагонист России, добивающийся ее ослабления. Утрированная ирритация Запада к России – онтогенетическая черта, составляющая *conditio sine qua non* его с ней взаимодействия.

б) Либерально-рыночная демократия как социальная организация, лоббируемая Западом, сама по себе не панацея. Россия обязана жить не заемными, а собственными интересами. Как указывает Леонтьев, либерализм в России есть система легкая и незатейливейшая. Потому что охранение у каждой нации свое: у англичан – английское, у русских – русское, а либерализм у всех один. Суть дела, таким образом, состоит в том, чтобы наладить национальное охранение без нарочитых скерцозных движений в сторону статусных форм *in absentia*, – «Россия, Русь, храни себя, храни!»

в) Однополюсный некомпенсированный стратегическими противовесами мир не стабилен. Способность купировать конфликтность обнаруживает силовая иррадиация – участие в мир-системных делах региональных лидеров. В первую очередь – России, Китая, Индии, Ирана.

Куда ни посмотришь, везде повторение повторений, – замечал Гидденс. Между тем аналогов тому, что именуется глобализацией, – нарастанию реальной взаимозависимости частей человечества в мировой истории не было. Наличную жизненную форму определяет транснационализация субъектов политики, экономики, культуры. Традиционная единица международных отношений государство-нация замещается экстерриториальными комплексами групповой идентичности. Возрастает роль интернациональных, региональных образований:

- в политике – ООН, НАТО, ЕС, Шанхайский форум и т.д.;

- в экономике – ТНК, ТФПГ (транснациональные финансово-промышленные группы), ПКА (производственно-коммерческие агломерации), ТСА (транснациональные стратегические альянсы), АТЭС, ЕВРАЗЭС (наличие которых исключает возможность «свободного рынка», управляемого «невидимой рукой») и т.д.;

- в торговле – ГАТТ, ВТО, НАФТА, МЕРКОСУР и т.д.;

- в финансах – ВБ, МБРР, МВФ (бреттон-вудские институты) и т.д.;

- в сельском хозяйстве – ФЕОГА;

- в праве - Гаагский трибунал, Страсбургский суд;

- в межправительственном и неправительственном взаимодействии – ВФАСООН, ВФДМ, ВВФ, ВФНР, ВСЦ, ВФПГ, ВФП, ВПС и т.д.

Складываются своеобразные корпоративные альянсы, являющиеся опорными элементами институционально-правового каркаса прошлому неведомого поставляющего общества.

Своеобразие очертаний нового мирового уклада жизни сообщает коалиционность – по стандартам, технологиям, образу существования. Согласованность, соотнесенность, совместность реакций и акций отличает деятельность по налаживанию производства, разделению труда, выстраиванию цепей поставщиков, дистрибьютеров, посредников, проектировщиков, субподрядчиков, управлению миграцией, водными, биологическими, природными ресурсами, разворачиванию мелиорации, селекционной, племенной работы, развитию энергетики, транспорта, проведению природоохранных мероприятий, мониторингов загрязнения ландшафтов, атмосферы, купированию эпидемий, инфекций, созданию и обработке символов, регулированию платежей, финансовых отношений, реструктуризации задолженностей, поиску инвестиционных возможностей, отработке механизмов накопления, движения капиталов, сокращения бюджетных дефицитов и т.д.

Неизбежным следствием указанных реальных движущих сил и процессов является качественный фазовый переход от организаций «физических», «национальных» лиц, диффузных агентов капитала, инициативы, собственности к солидарно действующим системным объединениям с корреальными обязательствами, полномочиями, функциями. Архитектуру мирового порядка, по этой причине, определяют трансграничность, транснациональность, трансферальность, редактирующие происходящее. Примечательным достоянием настоящего в связи со сказанным выступает:

- деэтизация нации-государства: дерегулирование экономики, свобода иностранного инвестирования, обеспечение прав собственности (элементы Вашингтонского консенсуса 1992 г.), оформление много-

национальных промышленно-торговых, инвестиционных, коммуникационных кооперативных сетей детерминируют свертывание жесткого госконтроля хозяйства, приватизацию предприятий, либерализацию цен, сокращение социальных программ, патронажной политики; амплуа государства в основном покрывается социальным реформированием, индикативным планированием, поддержанием внутреннего порядка, созданием инновационного климата в макросреде, развитием инфраструктуры, реализацией общенациональных проектов гуманитарного роста;

- концентрация воспроизводственного, научно-технического потенциала в промышленно развитых странах (преимущественно державы G-7). Некоторые цифры: 500 из 53 тыс. ТНК контролируют до 50% мирового промышленного производства, 63% внешней торговли, 80% патентов, лицензий на авангардные технологии. 5 супер-ТНК контролируют до 50% мирового выпуска товаров длительного пользования. В 1993 г. в 10 продвинутых странах сосредоточено 84% мировых НИОКР. В 2000 г. в державах G-8 (плюс Китай, Индия) проживало 88% пользователей Интернет. 90% сайтов в мировой паутине – американские. При такой концентрации научно-технических возможностей в развитых странах цивилизационное отставание от них развивающихся стран – фатально катастрофично [1];

- диспропорции развития: отсталость – глобальная проблема; величина разрыва между основными показателями образа жизни развитых и развивающихся стран прогрессирует. Ограничимся приведением лишь нескольких данных, опуская их (впрочем, очевидную) интерпретацию. 3,3 млрд. живущих на планете недоедают. 1,2 млрд. не в состоянии получать медицинские, образовательные услуги. Это на фоне того, что 10% населения потребляет 90% природных богатств. 20% жителей планеты контролирует 70% глобальной торговли товарами и услугами. Из 80% мирового экспорта доля 5 беднейших стран составляет только 1%. США, представляя 4% населения мира, используют 40% мировых потребительских ресурсов, дают 25% выбросов CO₂ (Германия, имея 0,3% лесов и 1% населения мира, суммарно выделяет 4% окиси углерода). Уровень неграмотности взрослого населения (от 15 лет) в Южной Азии – 51%, в Африке – 43%, на Ближнем Востоке, Магрибе

– 39%. Как говорится, хлеб для меня – материальная забота, хлеб для моего ближнего – забота духовная [1];

– диспаритет доходов. Опять же – кричащие данные по концентрации богатства в развитом и развивающемся отсеках ойкумены. 358 миллиардеров владеют средствами, что и 2,5 млрд. людей. Разрыв в доходах 5 богатейших и беднейших стран: 1960 - 30:1, 1990 – 60:1, 1997 - 74:1. 20% населения первых сосредоточивает 86% мирового валового продукта; 20% населения вторых – 1%. Разрыв показателей годового дохода жителей развитых и развивающихся стран возрос с 5700 долл. (1960) до 15400 долл. (1993). Производство ВВП на душу населения в Южной Азии – 350 долл., Африке – 490 долл., США – 27000 долл., Германии – 27500 долл., Японии – 39600 долл., Швейцарии – 40600 долл. Как видно, разворачивается фронтальное наступление богатых на бедных, получающее техническое именование «новый империализм» (Малиновский) [1].

Государственное пространство прирастает ростом национального влияния. Глобальное пространство прирастает ростом сетевого влияния. Возникает новая морфология социальной реальности полевого типа: есть наднациональные центры силы, обуславливающие перенесение взаимодействия, задающие субъектам коллективной жизни степени свободы.

Подобная организация, однако, отступая от интеграции как добровольного союза открытых ассоциаций, вычеркивает из списка дееспособных одно государство за другим. Подмена интеграции глобализацией – оформление пирамиды с корыстным ядром влияния – вызывает неприятие антиглобалистов, борющихся с институтами мировой гегемонии (выступления в Сиэтле, Вашингтоне, Ницце, Праге, Квебеке, Генуе) и нового империализма. Объектом проблематизации оказывается «самое все» глобализации – «три Т» – трансграничность, транснациональность, трансферальность.

Трансграничность: стандартизация жизни от промышленности до культуры чревата поставом эрзацев, выхолащиванием уникального, нетрафаретного, оригинального, – как отмечает Кельнский форум, – глоба-

лизация сопровождается «ростом опасности нарушения привычного образа жизни, усилением неопределенности финансового положения некоторых трудящихся, семей и общин во всем мире».

Транснациональность: универсальность социального бытия ограничивалась порожденной преодолением абсолютизма национально-государственной формой, которая, сосредоточивая монополию на правовую и силовую инициативу, проводит не самочинную (самодержавно-монархический строй), а народоориентированную линию. Перекрывающий национальную форму новый – сверхнациональный – тип социальной общности лишается прерогатив отстаивания национальных интересов. В частности, в современное время значителен отсек национальной экономики (а не глобального рынка), между тем отправлять ту же политику разумно понятого протекционизма способны лишь сверхсильные игроки (казус США по поддержке отечественных сталепроизводителей).

Трансферальность: подрыв культурно-ценностного разнообразия, подмена «многообразия ситуаций» (Гумбольдт) космополитичными суррогатами. Учитывая монополию Запада на информационные потоки, унификация существования выглядит вестернизацией. Против нее в свое время со всей прямотой выступал еще Н. Трубецкой, указывавший: «В этом главный и основной грех ... европейской цивилизации. Она стремится во всем мире нивелировать ... упразднить все индивидуальные национальные различия, ввести повсюду единообразные формы быта, общественно-государственного устройства и одинаковые понятия» [2, 331.]. Против нее в наши дни выступают участники форума тысячелетия «Мы, народы: укрепление ООН в XXI веке», наметившие систему общедемократических социальных, экологических инициатив в кильватере «равноправия, справедливости, многообразия».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин В.В. Мир Globo. Монография. М., 2009
2. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1989.

ПРОВАСТНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДВИЖЕНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ*

Аннотация. В статье обсуждается актуальность военно-патриотического воспитания молодежи в современной России, связанные с ним проблемы и причины их возникновения. Рассматривается деятельность провластных молодежных движений «Наши» и «Молодая гвардия Единой России» в сфере военно-патриотического воспитания. Дается оценка успешности проводимых мероприятий, предлагаются пути повышения эффективности работы движений с молодежью.

Ключевые слова: патриотизм, военно-патриотическое воспитание, молодежные движения, молодежная политика.

M. Kudryavtsev

Military university (Moscow)

PRO-GOVERNMENTAL YOUTH ORGANIZATIONS AND MOVEMENTS AS THE SUBJECTS OF MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Abstract. This article tells about military-patriotic breeding of young people in modern Russia, related problems and their backgrounds. It analyses the activity of pro-government youth movements «Our» and «Young Guard of United Russia» in the sphere of military-patriotic breeding. The article evaluates the success of organized events and offers the ways to increase the effectiveness of movements work with the youth.

Key words: patriotism, military-patriotic breeding, youth movements, youth policy.

Система военно-патриотического воспитания неразрывно связана с явлениями и процессами, происходящими в обществе. С развалом Советского Союза, наступлением перестроечных и постперестроечных времен резко сократились не только финансирование, но и контроль со стороны государства над сферой образования и воспитания. В наиболее плачевном состоянии оказалось гражданское и военно-патриотическое воспитание прежде всего молодежи студенческого возраста [9]. В высших учебных заве-

дениях и учреждениях профессионального образования были упразднены должности, отвечающие за воспитательную работу. Организации, традиционно отвечающие за работу с молодежью в СССР, исчезли вместе с распадом прежнего государства. Перестали существовать ЦК и обкомы ВЛКСМ, в 1991 г. был упразднен Госкомитет по делам молодежи, его функции были переданы Министерству образования и науки РФ.

В процессе преобразования политической системы происходившая переоценка ценностей не просто сменяла духовные ориентиры, а часто приводила к их потере. Западные концепции глобализации и вестернизации, реализуемые на практике, способствовали обострению в России социальных и национальных проблем, привели к духовно-нравственному упадку общества, деградации значительной части молодежи [11, 252]. Политика государства в сфере воспитания молодежи отличалась непоследовательностью и противоречивостью на протяжении всего перестроечного и постперестроечного времени. Хотя отдельные шаги по воспитанию гражданственности и патриотизма в среде молодежи предпринимались, например, в 1990-е г. существовала программа «Молодежь России», но в целом в постперестроечное время укоренились ценности личного, прагматического плана, усилились пацифистские настроения, сформировалось негативное отношение к армии [2, 47]. Последнее выражалось в резком росте числа уклонистов и молодых людей призывного возраста, не желающих идти в армию. К сожалению, зачастую это сопровождалось одобрением старшего поколения, родителей и родственников этих молодых людей, а также негативной оценкой состояния армии и военнослужащих в СМИ [5, 196].

В конце 90-х гг. XX в. – начале XXI в. власти приняли ряд мер в области гражданского и патриотического воспитания молодежи, была сделана попытка упорядочить деятельность в области молодежной политики, но она не принесла должных результатов. Как отмечают некоторые иссле-

* © Кудрявцев М.М.

дователи, контролируемый и управляемый с помощью комсомольских организаций активизм советской молодежи сегодня перекочевал в плохо контролируемые культурные и субкультурные области, в связи с чем для большой доли российской молодежи навязывание политической и патриотической позиции «извне» отвергается [14, 156]. Современная молодежь в отношении политики занимает пассивную позицию.

В настоящее время понимание этой проблемы есть на всех уровнях власти, что выражается в указах, программах и постановлениях, направленных на налаживание и регулирование сферы молодежной политики. Так, 2009 г. в Российской Федерации был объявлен Годом молодежи. В соответствующем указе Президента России особое внимание обращено на необходимость воспитания чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей [18]. Во многом такое решение Президента можно объяснить повышением значимости молодежной политики и изменением статуса молодежи в современном мире в целом.

В государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 - 2010 гг.», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации № 422 от 11 июля 2005 г., также большое внимание уделяется военно-патриотическому воспитанию молодежи [6].

Молодость – это особенная ступень в развитии личности, когда человек усваивает большинство идейных конструктов, которыми руководствуется во взрослой жизни. Модели поведения и ценности, принимаемые молодыми людьми в этот период, становятся идеологическими якорями, которые консервируются в обретенном качестве на всю жизнь [14, 161]. Особое внимание в рамках молодежной политики уделяется воспитанию патриотизма, т.к. именно гражданско-патриотическое воспитание в России всегда являлось ключевым в обеспечении политического и социально-экономического развития, в конечном счете, единства страны.

По мнению отечественных ученых, под военно-патриотическим воспитанием понимается «...многоплановая, систематическая, целенаправленная и скоординированная деятельность государственных органов, общественных объединений и организаций по формированию у молодежи высокого патриотического сознания, возвышенного чувства верности к своему Отечеству, готовности к

выполнению гражданского долга, важнейших конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [10].

Основным институтом, обеспечивающим организацию системы патриотического воспитания, ее функционирование, контроль за ее эффективностью и конечными результатами, является Российское государство. На неинституциональном уровне такое воспитание осуществляется в процессе социализации молодежи в разнообразных сферах жизнедеятельности общества путем участия в работе организаций патриотической и военно-патриотической направленности, в рамках различного рода движений, в том числе политических, а также акций, инициатив и мероприятий. Именно на развитии последнего аспекта, по-видимому, сосредоточена сегодня деятельность государственных структур в вопросе воспитательной работы с молодежью.

Рекордным по появлению в России молодежных организаций стал 2005 г. Молодежь привлекают и правые, и левые политические силы, и органы государственной власти, и «Единая Россия». Конкуренция на «рынке» молодежных организаций значительно обострилась. Показателен пример «цветных революций» в Грузии, Украине и Киргизии, где именно молодежь стала «ударной силой» оппозиции.

В тоже время молодежь продолжает оставаться в большей степени аполитичной, что влечет за собой проблемы ее мобилизации. Для анализа существующих сегодня в России молодежных организаций можно использовать систему координат, в которой учитываются два фактора: отношение к власти и идеологически-политическая направленность. Согласно такой классификации, можно выделить четыре типа молодежных организаций:

- 1) работающие в интересах власти, среди которых правые или консервативные движения – «Молодая гвардия», «Наши», «Россия молодая» (именно о них и пойдет речь в дальнейшем);
- 2) работающие в интересах власти «патриоты», чья идеология – национал-патриотическая или левая: «Евразийский союз молодежи», «Движение против незаконной миграции»;
- 3) правые оппозиционные молодежные организации: «Оборона», «Да!» и множество других;
- 4) оппозиционные молодежные органи-

зации левой направленности: «Союз Коммунистической Молодежи» РФ, «Авангард Красной Молодежи».

Особняком стоят организации, которые создаются как бизнес-проекты («Пора», московское отделение «Идущих без Пути-на», «Мы»).

В современной России наиболее заметные и многочисленные молодежные политические движения являются провластными. От остальных их отличает специфический набор параметров: создание «сверху», то есть при поддержке либо государства, либо правящей партии; наличие финансирования; поддержка активистами движений существующего режима и его лидеров; политическая несамостоятельность.

Путь создания молодежных организаций, вовлечения молодежи в политическую жизнь через участие в различных политических движениях и акциях не нов для нашей страны, как и их использование в качестве органов для воспитательной работы по формированию военно-патриотического сознания.

Молодежное Демократическое Антифашистское движение «Наши», образованное в 2005 г., – наиболее жизнеспособное, успешное и активно действующее из всех провластных молодежных организаций и движений. Это самый крупный и хорошо финансируемый молодежный проект в России. Его численность оценивается неоднозначно: например, лидер движения Никита Боровиков еще в 2008 г. утверждал, что активистами движения являются уже более 100 тыс. молодых людей. Лидеры оппозиционных молодежных движений говорят о гораздо более скромных цифрах в 10-15 тыс. человек [16]. Деятельность этой организации давно уже вышла за рамки обычного молодежного движения. Выходцы из «Наших» занимают высокие посты в управленческом аппарате страны. Так, бывший лидер «Наших» Василий Якеменко сейчас возглавляет Федеральное агентство по делам молодежи. В манифесте движения одной из главных задач ставится развитие патриотизма и преданности своей стране [12, 13]. В рамках движения существует множество проектов, так или иначе связанных с военно-патриотическим воспитанием. Наиболее интересным из них является целое направление деятельности «Наших» – проект «Наша Армия» [13]. Он создан в 2006 г. и ориентирован на утверждение престижа воинской службы среди молодежи и в обществе в целом.

Проект обеспечивает полугодовую качественную подготовку молодых людей к армии в привычном, знакомом коллективе. Группы участников формируются по городам. При прохождении программы обучения призывникам предоставляются все условия для полноценной физической подготовки и занятий по военным дисциплинам. Особое внимание уделяется психологическим и правовым консультациям. Как правило, участники проекта, по его окончании, призываются вместе, в одну воинскую часть. Им обеспечивается поддержка и непосредственно во время службы. «Наша Армия» организует дружеские визиты в подразделения, где проходят службу участники проекта, специальные спортивные и культурные мероприятия. В рамках масштабной популяризации службы в армии активисты проекта проводят специальные акции, информационные кампании, военно-тренировочные сборы, игры «Зарница». За время своей деятельности «Наша Армия» отправила в воинские части разных регионов России более 500 своих выпускников. В целях повышения эффективности проекта налажено активное взаимодействие с представителями Министерства обороны РФ, общественных структур, военкоматов. В настоящее время разрабатываются дополнительные комплексные мероприятия, направленные на решение проблем военно-патриотического воспитания, в том числе и программным методом. Надо отметить, что в рамках проекта «Наша Армия» ведется не только практическая деятельность по подготовке молодежи к службе в армии, но и теоретические и методологические изыскания в области военно-патриотического воспитания молодежи. В частности, предлагается принятие единой государственной программы в этой области, создание координационного центра по военно-патриотическому воспитанию молодежи, целью которого было бы сплочение и консолидация большого количества уже действующих объединений и организаций, что позволило бы сформировать единое пространство военно-патриотического воспитания. Роль главенствующей организации в данном вопросе «Наши» отводят Федеральному агентству по делам молодежи.

В настоящее время работа проекта продолжается, и у него есть все шансы стать одним из факторов повышения престижа военной службы среди молодежи. Хотя даже большие возможности движения по подготовке моло-

дых людей к службе в Вооруженных Силах и, в целом, перспективные идеи, заложенные в основу проекта, не позволяют считать его успешным. Во многом данное направление деятельности «Наших» является скорее популистским, нежели реально действующим.

Самым первым и запоминающимся публичным мероприятием патриотического характера, проведенным движением «Наши», стала акция под названием «Наша Победа», которая состоялась 15 мая 2005 г. на Ленинском проспекте в г. Москве и была приурочена к 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Организаторы смогли вывести на митинг 50 тыс. молодых людей. Заявленной целью акции явилось привлечение внимания россиян к годовщине Победы и воспитание патриотических чувств к стране, победившей фашизм. Несмотря на массовость и широкое освещение мероприятия в СМИ, в том числе и иностранных (телеканал ВВС в течение 5 часов транслировал акцию в прямом эфире), «Наша победа» вызвала у граждан неоднозначное восприятие этого мероприятия. Лишь 1% опрошенных в ходе исследования смогли дать верный ответ о целях акции [15].

Хотя акция, посвященная 60-летию Победы, получила противоречивые отзывы, тем не менее, через 5 лет, в 2010 году, «Наши» повторили мероприятие. По данным Агентства Национальных Новостей, в акции приняли участие более 70 тыс. ветеранов Великой Отечественной войны и молодежи из многих регионов страны [1]. Каждый молодой участник акции получил из рук ветерана гильзу времен войны с надписью «Помни о войне, береги Родину!». Также участники «Нашей Победы» встретились с ветеранами, чтобы снять фильм о каждом герое войны, еще живущем с нами; до конца года должно быть снято около 150 тыс. таких фильмов. По мнению специалистов, такой масштабный видеоархив живой истории станет серьезным и профессиональным вкладом в историческую науку [1].

В рамках движения часто проводятся различные акции патриотического характера, среди которых самая массовая и известная – «Георгиевская ленточка». Это общественно-политическое мероприятие, посвященное празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне, проходящее с 2005 г. С тех пор оно стало традиционным и проводится ежегодно с 24 апреля по 12 мая. С 2008 г. акция приобрела междуна-

родный масштаб и охватила более 30 стран. За шесть лет ее проведения было распространено более 45 миллионов ленточек по всему миру. Надо отметить, что данная акция не является инициативой «Наших», ее автором выступает Наталья Лосева, первый заместитель руководителя ОРН (Объединенная редакция новостей) ФГУП РАМИ «РИА Новости». «Наши» же присоединились к акции скорее как массовая сила, способная распространить и популяризировать идею «Георгиевский ленточки», а также чтобы самим получить позитивные отзывы о своей деятельности в СМИ [4].

Таким образом, движением «Наши» была предпринята попытка организовать общественную деятельность по военно-патриотическому воспитанию молодежи силами молодежного же объединения при финансовой и административной поддержке государства, во взаимодействии с государственными институтами и ведомствами, в том числе военными, и со СМИ. Однако отсутствие методологической и нормативно-правовой базы подобной деятельности, единого общественного или государственного координирующего центра, эпизодическое освещение в средствах массовой информации, небольшая численность активистов, нерегулярное финансирование, неумение самих активистов находить ресурсы, неэффективность расходования денежных средств делает работу членов движения проблемной и незаконченной.

Еще одной массовой организацией с большими возможностями является молодежное крыло партии «Единая Россия» – Всероссийская общественная организация «*Молодая гвардия Единой России*». Как и «Наши», «молодогвардейцы» имеют серьезную финансовую и административную поддержку от партии власти и государства. Существует «Молодая гвардия» с 2005 г., но фактически является правопреемником «Молодежного Единства». Численность организации оценивается в диапазоне от 60 до 100 тыс. человек [7, 254]. Организация имеет представительства в большинстве регионов России. В настоящее время руководителем организации является Руслан Гаттаров, Председатель Политсовета ВОО «Молодая гвардия Единой России», председатель комитета Законодательного собрания Челябинской области по делам молодежи, культуре и спорту, член Генерального Совета ВПП «Единая Россия», сменивший на этом посту известного тележурналиста Ивана Демидова.

Одной из важнейших целей, которые ставит перед собой «Молодая гвардия», также является воспитание у молодежи чувства патриотизма и гордости за свою страну [3]. Воплощение этой цели руководство движения видит в проведении различного рода акций, семинаров и съездов патриотического характера.

В 2006 г. активистами «Молодой гвардии» была проведена патриотическая акция «День Героя», в ходе которой было предложено возродить государственный праздник – День Героя, а сами молодогвардейцы провели митинг, встречались с Героями России, Героями Советского Союза, Героями Социалистического Труда и возложили венки к Памятнику Славы на Поклонной горе в Москве. Подобные акции прошли также и во многих регионах. Еще одним примером может послужить реализация проекта «День Флага», в ходе которой участники раздавали ленточки с цветами российского флага, выставляли караулы у памятников, а также организовывали концерт. В 2007 г. был проведен ряд мероприятий антифашистской направленности, связанных с переносом памятника в Таллине [20]. Активисты «Молодой гвардии» больше недели пикетировали посольство Эстонии в Москве, а также организовали массовые митинги, возложения венков, провели «Урок истории». «Молодая гвардия» проводит большое количество подобных мероприятий, – как правило, они имеют очень похожий сценарий. Часто организация выступает одним фронтом с другими движениями, например с «Нашими» и «Местными», как это было на «Марше согласных» или в выступлениях в поддержку «плана Путина».

Сейчас трудно объективно оценить деятельность провластных организаций и движений в области военно-патриотического воспитания, можно только сказать, что эпизодические местные акции не получают широкого информационного распространения и отклика со стороны общества, но вместе с тем массовые акции, даже хорошо освещаемые в СМИ (такие, как «Наша Победа») остаются малоэффективными и при этом весьма ресурсозатратными.

Относительно удачные попытки проводятся движением «Наши» в рамках проекта «Наша Армия». Однако стоит отметить, что подобные акции направлены на работу с самими участниками движения. Вместе с тем, в провластные движения вовлекается далеко не вся молодежь, и зачастую не толь-

ко и не столько реально политически и социально активные молодые люди, но и пришедшие «за компанию» или преследующие цели меркантильного, карьеристского характера. Исследователи отмечают высокий конформизм, низкую степень активности, воодушевления и инициативности в планировании и проведении различных проектов среди большинства участников отечественных провластных движений [8, 108]. Молодежные движения не проводят мероприятий или общественных программ, направленных на комплексное решение какой-то проблемы. Такая ситуация связана с потребительским отношением организаторов движений и политических партий к молодежи, отношением к ней только как к электоратному ресурсу, а не субъекту политической жизни страны. Участники движений, поддерживаемых той или иной партией, сами признают практическую нереальность создания собственной программной идеологии и формирования решений. Лидеры молодежных организаций воспринимают их всего лишь как стартовую точку для своей карьеры в «большой» политике [17, 109]. Ситуация усугубляется излишним использованием материальных стимулов при привлечении молодых людей в провластные движения и организации.

Еще одной негативной чертой в работе молодежных провластных движений, причем не только в отношении их деятельности в сфере военно-патриотического воспитания, является кратковременная активность проектов и участников. Большинство центристских молодежных проектов рассчитаны на недолгий период предвыборных кампаний, после выборов активность работы таких движений по всем направлениям, как правило, спадает [19, 139]. Непродолжительность существования провластных движений или направлений деятельности и проектов отрицательно сказывается не только на формировании соответствующего уровня патриотического сознания внутри общности активистов и участников движения, но и в целом на результатах их деятельности в рамках проектов по военно-патриотическому воспитанию граждан. Кроме того, явная политизированность деятельности провластных молодежных движений плохо влияет на имидж всех проектов, в том числе даже не связанных напрямую с популяризацией той или иной властной группы или предвыборной борьбой. Подобная ситуация может вы-

зывать неприятие аполитичной, пассивной в отношении политики, а также оппозиционно настроенной молодежи. Таким образом, верные идеологически, полезные в плане военно-патриотического воспитания мероприятия могут восприниматься негативно из-за их эпизодичности и очевидной политизированности. По вышеперечисленным причинам имидж провластного движения-организатора может оказывать негативное влияние на восприятие объективно полезных для формирования гражданского и патриотического сознания акций и мероприятий.

Пора признать, что единичные и неординарные проекты и акции, проводимые силами провластных молодежных движений, в том виде, в котором они существуют сегодня, не принесут желаемого эффекта в плане формирования патриотизма и гражданственности, сколько бы ресурсов на них не было затрачено.

Для повышения эффективности деятельности провластных молодежных движений и организаций следует привлекать активных молодых людей, искренне заинтересованных в общественных проектах, предоставлять подобным движениям больше самостоятельности, поощрять инициативность молодежи, наделять молодежные движения политической субъектностью.

Вся деятельность активистов патриотической направленности должна быть не только согласована с другими действиями государства в сфере военно-патриотического воспитания, что требует выстраивания единой, централизованной системы, но и носить постоянный, регулярный, а не эпизодический характер. По нашему мнению, в целях повышения эффективности массовых мероприятий их следует проводить в комплексе с: информационно-популистскими акциями и встречами, военно-спортивными сборами, работой с воинскими частями и призывниками, а также другими видами деятельности, предполагающими непосредственную работу членов движений с молодежью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агентство Национальных Новостей, 15 мая 2010 г. Режим доступа: <http://www.annnews.ru/news/detail.php?ID=224703>
2. Волков А.П. Пацифизм и защита отечества. 1992.
3. Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России» // Устав организации. Режим доступа: <http://www.molgvardia.ru/statutes>
4. Георгиевская лента // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Георгиевская_лента
5. Глушаченков А.А. Социальные проблемы армии в 1992 – 1998 годах (по материалам центральной печати) Вестник МГОУ №1. Серия «История и политические науки». 2009.
6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 - 2010 годы». М.: Росвоенцентр, 2005.
7. Данилин П.А. Новая молодежная политика. М., 2008.
8. Камнев Д.Г. Молодежные политические движения в современной России. – Дис... канд. полит. наук. М., 2009.
9. Караулов С.А. Государственная власть и студенческая молодежь Российской Федерации в эпоху системных реформ 1985-1999 гг.. – Вестник МГОУ №1. Серия «История и политические науки». 2009.
10. Кулаков В.Ф., Лутовинов В.И., Синайский А.С. Концепция военно-патриотического воспитания молодежи. Режим доступа: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=299&Itemid=1723
11. Левашова А. В. Современная международная система: глобализация или вестернизация // Социально-гуманитарное знание. № 1 2000.
12. Манифест молодежного демократического антифашистского движения «Наши». М., 2005.
13. Молодежное демократическое антифашистское движение «Наши». Режим доступа: http://www.nashi.su/nasha_armia
14. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4, № 2.
15. Политический потенциал и политическая активность молодежи // Фонд «Общественное мнение». Режим доступа: http://www.bd.fom.ru/report/cat/soc_gr/molodezh/dd052222/printable.
16. Российское информационное агентство «Новый регион» Москва, 1 февраля 2009 г. Режим доступа: <http://www.nr2.ru/moscow/162062.html>
17. Рудаков А.В., Устинкин С.В., Грошев М.М. Механизм формирования и технологии реализации государственной молодежной политики РФ. Нижний Новгород, 2006.
18. Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года молодежи» №1383 от 18 сентября 2008. Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/doc.asp?ID=47814>
19. Хохлова Н.А. Современное молодежное движение в России: структурно-функциональный анализ. Дис... канд. полит. наук. М., 2007.
20. Эстонские власти против Бронзового солдата. Интернет-газета lenta.ru. Режим доступа: <http://www.lenta.ru/story/bronze>

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ *

Аннотация. Статья посвящена анализу идей, концепций различных авторов в области аграрной политики России. Подчеркивается их разнообразие, противоречивый характер и как следствие сложность разработки теоретико-методологических основ реализации аграрной политики России в условиях трансформации социалистической системы хозяйствования в рыночную. Подчеркивается необходимость критического осмысления как советского опыта проведения аграрной политики, так и рекомендаций западных экспертов. В этой связи обосновывается необходимость тщательной подготовленности в части методологического обоснования аграрной политики в кризисных условиях, использования рыночного механизма, государственного регулирования и поддержки. Аргументируется важность корректировки курса аграрной политики страны в условиях радикальной рыночной трансформации.

Ключевые слова: рыночная трансформация, социально-экономический кризис, переходный период, концепция аграрной политики, частная собственность на землю, купля-продажа земель сельскохозяйственного назначения, государственное регулирование, демократизация.

S. Malozemov

Mordvinian State University named after
N.P. Ogarev (Saransk)

CONCEPTUAL BASES OF REALISATION
OF AGRARIAN POLICY OF RUSSIA IN CRI-
SIS CONDITIONS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ideas, concepts of different authors in the field of agrarian politics of Russia. Their variety and inconsistent nature are emphasized, and as the effect it is difficult to de-

velop of the theorist-methodological grounds of realization of the agrarian politics of Russia in the condition of the transformation of the socialist system of the management in the market system. The author tells about the necessity of the critical comprehension of the both the soviet experience in the undertaking of the agrarian politics, and the recommendations of the western experts. In this connection the necessity of careful readiness regarding the methodological basis of agrarian politics in the crisis conditions, of the usage of a market mechanism, of a state regulation and support is provided. The importance of the adjustment of the course of the agrarian politics of the country in the condition of the radical market transformation is argued.

Key words: market transformation, social-economic crisis, connecting period, concept agrarian politics, private property to the land, buying-selling of the lands for agricultural purposes, government regulation, democratizations.

В центре внимания экономистов-аграрников, историков, социологов, политологов всегда оказываются проблемы аграрной политики государства, ее стратегии и тактики, адаптации сельского хозяйства к рыночным условиям, продовольственной безопасности страны, повышения материального уровня и обеспечения достойного образа жизни крестьян.

В 50-60-е гг. XX в. оформилось реформаторское направление в исследовании сельского хозяйства, направленное на разработку альтернативной партийно-государственной целостной программы перестройки аграрной сферы экономики на кооперативно-рыночных и многоукладных основах, что связано с работами В.Г. Венжера. В его исследованиях содержатся идеи конструктивного подхода к определению места сельского хозяйства в экономической системе общества и его интеграции в качестве аграрно-производственной подсистемы [4, 67-111]. В частности труд, затраченный

* © Малоземов С.И.

Статья подготовлена в рамках АВЦП Развитие научного потенциала высшей школы (2009 – 2010 годы). Проект 2.1.3 /1134 «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)»

на производство продуктов питания, с точки зрения общественных потребностей есть труд необходимый, так как только благодаря ему и могут развиваться промышленность, транспорт, торговля и отрасли самого сельского хозяйства, поставляющие сельскохозяйственное сырье, иными словами, только благодаря ему и возможна сама общественная жизнь [5, 141].

Принципиальное значение для нашего исследования имеет идея ученого, состоящая в том, что сельскохозяйственные проблемы являются не просто проблемами отраслевыми, а народнохозяйственными, затрагивающими вопросы общественного развития в целом. Венжер надеялся, что после долгих лет забвения особенностей земледелия как специфической области приложения труда наконец-то будет осуществлен поворот к теории вопроса, и он не будет ограничиваться только рассмотрением задач экономики сельского хозяйства как одной из отраслей экономики [5, 141], т. е. значимость сельского хозяйства понималась в широком социально-экономическом смысле.

Важное значение для изучения аграрной политики представляет кооперативная концепция В.Г. Венжера. Будущее сельского хозяйства России он видел в воссоздании и развитии строго кооперативных форм через акционирование, формирование паевых фондов, т. е. через наделение их реальными кооперативными чертами.

Другой отечественный специалист в области аграрной политики, А.А. Никонов, также отмечал системный характер сельского хозяйства, а следовательно, системный характер воздействия на него. Он выделяет приоритет человека, крестьянина при определении как целей аграрной политики, так и механизмов ее реализации. Важна опора на науку в ходе разработки стратегии и тактики политических решений, а также при оценке результатов их осуществления. По его справедливому замечанию, «наше село всегда было внутренней колонией и донором людских и материальных ресурсов для других сфер производства», «наше сельское хозяйство долгие десятилетия «поднимали», «развивали», «модернизировали», «специализировали», коллективизировали, концентрировали, ему «помогали», над ними шефствовали, его опекали... А надо было просто не мешать крестьянину» [8, 158-159]. Поэтому суть аграрной политики должна состоять не в отрыве крестьянина от земли в

классическом значении этого слова, как в эпоху социализма, а, наоборот, в сочетании у крестьянина качества инициативного работника и ответственного хозяина; в наличии прямой зависимости его материального положения от результатов собственного труда, замене бюрократических, командных методов управления методами экономического регулирования при широком использовании возможностей кооперации, хозрасчета и рынка.

В условиях переходного периода принципиальным является характер рыночных преобразований в сельском хозяйстве постсоветской России. Так, одни авторы, стремясь освободиться от идеологических догм при изучении теории, исторической практики и перспектив развития аграрных отношений в России, настаивают на необходимости радикальной трансформации аграрных отношений, которая давно назрела, хотя и представляет собой чрезвычайно сложный, противоречивый и длительный эволюционный процесс, обусловленный не только наличием административно-силовых методов ускорения хода аграрных преобразований, реформ, но и ориентацией на их самопроизвольное, стихийное развитие [1, 267]. Однако некритичное применение на практике в переходный период принципов неолберализма, находящих свое крайнее выражение в лозунге «Государство – вон из экономики» оказывало на аграрную отрасль разрушительное воздействие. Проводимая под руководством, главным образом, американских экспертов отечественная аграрная политика сводилась к уходу государства из аграрной отрасли и продовольственного рынка и внедрению фермеризации вместо колхозной системы, решая тем самым такую важную политическую проблему, как создание класса мелких земельных собственников. Пагубность и бесперспективность такой аграрной политики заключалась в том, что опыт Запада демонстрировал успешность вертикальноинтегрированных продовольственных корпораций, государственно-монополистических объединений, доказавших свою эффективность.

В этой связи аграрная политика в кризисных условиях должна быть тщательно подготовлена в части методологического обоснования, правового обеспечения, использования рыночного механизма, развития ресурсной базы, государственного регулирования и поддержки. Поэтому наличие

политической стабильности в обществе, соизмерение целей и задач с возможностями, с реальным состоянием социальной и материальной базы реформ, с качественными изменениями в формировании всесторонне развитой рыночной среды, системы рынков товаров, труда, капитала и земли, региональных рынков, укреплением международного сотрудничества в агропромышленной сфере позволит уверенно прогнозировать дальнейший ход аграрных преобразований и выход на качественно новый рубеж мировой цивилизации с последовательной демократической структурой рыночной ориентации, достойным уровнем жизни крестьянина.

Некоторые противники радикальной трансформации аграрной политики в условиях перехода к рынку критически относятся к упразднению колхозно-совхозной системы. В частности, Р.И. Тонконог ратует за глубокое преобразование социально-экономической структуры колхозов и совхозов на основе широкого использования подряда; пожизненной аренды с правом наследования, создав прочные правовые и социально-политические гарантии ее незыблемости; акционирования; действенного хозрасчета; кооперативных и семейно-индивидуальных форм [10, 21].

Оценивая потенциал системы коллективного хозяйствования в свете необходимости разработки аграрной политики в условиях постсоветской трансформации, необходимо разобраться в объективных и субъективных условиях ее развития, которые являлись крайне неблагоприятными. Низкая эффективность общественного сельскохозяйственного производства, которое далеко не полностью удовлетворяло потребности страны в продовольствии и сельскохозяйственном сырье, коренилась в общем состоянии и уровне развития народного хозяйства страны в целом. Промышленность в должной мере не вооружала колхозы и совхозы современными материально-техническими ресурсами. Отсутствие комплексной интенсификации аграрного производства не позволяло ослабить влияние стихии на конечные результаты земледелия, вытеснить ручной труд, добиться устойчивого и динамичного наращивания продовольственных ресурсов. Кроме того, сельское хозяйство в течение длительного времени служило (и продолжает служить поныне) основным источником накоплений для ускоренной индустриализации, укрепления обороны государства. Сис-

тематическое изъятие из аграрного сектора экономики практически всего прибавочного (и значительной части необходимого) продукта подрывало основы расширенного воспроизводства в отрасли, усиливало его отставание от других отраслей.

Серьезный урон развитию сельского хозяйства и сопряженных с ним отраслей нанесли крупные ошибки и волюнтаристские перекосы в аграрной политике властей, в том числе насильственно и поспешно осуществленная коллективизация, хроническая неэквивалентность обмена между городом и деревней, многочисленные неоправданные перестройки управленческих структур, укрупнение и разукрупнение хозяйств, массовая ликвидация так называемых перспективных сел и деревень и т. д. Колхозы и совхозы длительное время работали в тисках административно-бюрократической системы, лишавшей их самостоятельности, инициативы и предприимчивости, насаждавшей мелочную опеку, субъективизм и волюнтаризм в решении экономических и социальных проблем. Крайне низкая оплата труда, многочисленные ограничения на развитие личных (подсобных) хозяйств в корне подрывали материальную заинтересованность крестьян; уровень жизни на селе оставался значительно ниже городского. Крестьяне были превращены в поденщиков, ощущавших себя отчужденными от средств и результатов производства, а значит, индифферентными к этим результатам. Отсюда социальная апатия, иждивенчество, казенное отношение селян к общественной собственности. Таким образом, в условиях социально-экономического кризиса, обострившегося в результате формирования рыночной экономики, речь должна идти о трансформации коллективных хозяйств в полноценные субъекты рыночных отношений.

На наш взгляд, позиция сторонников умеренной рыночной трансформации представляется более взвешенной. Ведь не случайно российское общество, в том числе и крестьянство, спустя некоторое время стремительно теряет оптимизм и доверие к осуществляемым реформам, негативно оценивает именно радикальные рыночные преобразования, имевшие целью разрушение плановой экономики. Столь драматичное развитие событий не случайно. Оно было предreshено, во-первых, недостаточным пониманием широкими массами населения

сущности, содержания и возможной «социальной платы» за переход к рыночной экономике, во-вторых, игнорированием «архитекторами» реформ социально-психологических факторов радикальных изменений в экономической системе, в том числе в земельных отношениях.

В условиях глобализации рыночных отношений, с учетом нынешней производственно-технической и экономической зависимости сельского товаропроизводителя от внешней для него сверхмонополизированной сферы общих условий рентабельного хозяйствования, не утихают споры вокруг института частной собственности на землю и вытекающей из него купли-продажи сельскохозяйственных угодий.

Так, многими авторами обосновывался тезис, что легитимация частной собственности на землю и связанный с этим переход крестьянства от коллективистской психологии к индивидуалистической обернется огромными общественными потерями. Сама же частная собственность на землю вполне допустима и целесообразна в личных (подсобных) хозяйствах, садоводческих и дачных кооперативах – с передачей гражданам соответствующих объектов безвозмездно или за сравнительно умеренную плату. Кроме того, частная собственность на землю перестает быть абсолютной, решающей все ценностью, а при определенном стечении обстоятельств и вовсе способна стать для собственника тяжким бременем, обузой. Парадокс состоит в том, что для общества было бы выгодным передать сельскохозяйственные земли в частную собственность, ибо в этом случае земельный собственник становится «заложником» освоенных в соответствующем земельном наделе средств и вынужден предпринимать отчаянные усилия для эффективного хозяйствования [10, 21; 6, 102-103; 2, 36].

По проблеме купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения можно выделить три основных точки зрения. По мнению одних, рыночный оборот земли необходим, именно он представляет собой то «основное звено», ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь аграрных проблем [3, 16-17]. Другие выступали против, ссылаясь, во-первых, на то, что Россия, как впрочем и Болгария, впала в состояние длительного системного экономического, финансового, государственно-политического и культурного кризиса, вызвавшего обнищание населе-

ния, ставшего неспособным к предпринимательской деятельности. Во-вторых, возросла степень открытости общества, угрожающая национальной безопасности. С этой точки зрения особую тревогу может вызвать массовая миграция потенциальных скупщиков земли и создание благоприятных условий для приобретения земельной собственности иностранным капиталом [11]. Третья точка зрения заключается в следующем: легитимация оборота земли принципиально не изменит положение села, ибо данный вопрос надо решать в комплексе с другими «кричащими» проблемами, в единстве с которыми только и может быть отрегулирована аграрная проблема. В частности, А.М. Емельянов, характеризуя текущее положение сельского хозяйства, прежде всего финансово-экономическое, как чрезвычайно тяжелое, отмечает, что диспаритет цен, весь комплекс экстремистски проведенной экономической реформы привели к значительному разрушению села, его экономического, трудового, материально-технического потенциала. Большинство сельскохозяйственных предприятий находятся на грани банкротства. О каком рынке сельскохозяйственной земли может идти сейчас речь? Ведь земельный рынок по своему предназначению нацелен, прежде всего, на соблюдение интересов крестьян. А какой спрос на землю может быть в реальных условиях со стороны селян? Земля – важный, но не единственный фактор ведения хозяйства. Нужны также капитал, техника, дееспособные и заинтересованные работники, производственная и социальная инфраструктура. Все это или вовсе отсутствует, или находится в крайнем дефиците. И никакой Земельный кодекс кардинально не изменит сложившейся критической ситуации на селе [10, 21-22].

Подобные рассуждения являются свидетельством неординарности проведения трансформируемой аграрной политики России в условиях социально-экономического кризиса.

Определенный интерес для анализа избранной проблематики представляет необходимость учета степени экономического развития страны при определении роли и места сельского хозяйства в национальной экономике страны. К сожалению, Россия, обладая богатейшей ресурсной базой и огромным сельскохозяйственным потенциалом, вместо того чтобы играть важную роль в международном продовольственном обес-

печении, сильно отстает от своих реальных возможностей.

В условиях предстоящего вступления России во Всемирную Торговую Организацию необходимо придавать особое значение степени всесторонней рационализации крестьянского труда на основе достижений современной аграрной науки и техники в сочетании с маркетинговой компетентностью. К сожалению, аграрная политика советского государства в условиях административно-командных методов управления экономическими и социальными процессами не формировала такие важные качества, необходимые крестьянину в современных условиях, как рыночный прагматизм и расчетливость, столь необходимые в условиях жесткой конкуренции на современных рынках.

В связи с этим для разработки аграрной политики существенное значение имеет идея демократизации системы хозяйствования и управления, требующая определенного переходного периода, эволюционного хода преобразований, поэтапной замены административно-командных методов экономическими. Она предполагает активное участие государства в реализации этих методов и регулировании рыночных процессов, финансовой поддержки, учета и психологической подготовленности самих селян к принципиальным изменениям в аграрных отношениях, их желания изменить привычный образ жизни, что представляется актуальным в условиях постсоветской трансформации в России. Свое отражение данная идея нашла в работах отечественных экономистов-аграрников Т.И. Заславской, В.А. Тихонова, А.М. Емельянова, И.Н. Буздалова, Г.И. Шмелева, Г.С. Лисичкина, Л.М. Бронштейна, М.Я. Лемешева, Л.Н. Кассирова [9].

Практика рыночного реформирования свидетельствует о важности государственного регулирования аграрного сектора. Бесспорным является факт энергичной поддержки практически всеми государствами мира аграрного сектора национальной экономики в интересах достижения двух независимых, но взаимосвязанных между собой целей: во-первых, повышения эффективности сельского хозяйства и пищевой промышленности, во-вторых, совершенствования модели международной торговли их продукцией. В качестве политического аргумента проведения государственной аграрной по-

литики в подобном ключе выступает реализация национальной продовольственной безопасности через мощный и устойчивый аграрный сектор, способный обеспечить население достаточным объемом продовольствия отечественного производства.

Период социально-экономических преобразований конца XX в. оказался чрезвычайно тяжелым для российского села. Реформы, проводимые без учета социальных и экономических последствий преобразований в отношении собственности на землю, показали, что формирование аграрной политики на основе безразличия к уровню и качеству жизни, к судьбам конкретных людей приводит к разорению значительной части крестьян и деградации огромной системообразующей отрасли народного хозяйства, что в итоге чревато не только потерей значительной части массово-политической поддержки власти, но и угрозами национальной безопасности, связанными со снабжением продовольствием.

Завершение данного трансформационного этапа социально-экономических реформ поставило новые задачи перед российским обществом. Институты рыночной экономики в аграрной сфере продемонстрировали низкую эффективность. Требовалась существенная корректировка курса аграрной политики.

К началу второго десятилетия аграрных реформ экономические и политические условия для кардинальной трансформации аграрной политики страны в целом были благоприятны: приостановлен спад производства, наступила социально-политическая стабилизация. Однако по-прежнему сохранялись фундаментальные проблемы социально-экономического развития. Например, оставался диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, что отражалось на соотношении уровня оплаты труда в сельском хозяйстве и экономике в целом, недоступности инвестиционных ресурсов для сельского хозяйства обеих стран. Все это делало труд крестьянина непривлекательным, непрестижным.

Таким образом, прежняя концепция аграрной политики, основанная на представлениях самодостаточности сельского хозяйства вела к углублению противоречия между общественным производством в целом и аграрным сектором. Игнорирование аграрной отрасли в качестве постоянного приоритета, отсутствие политического механизма выра-

ботки и корректировки курса аграрной политики способствовало усилению разницы в темпах роста аграрного сектора и других отраслей, вело к консервации разрыва между селом и городом, обострению проблемы территориально-региональных различий. Чтобы преодолеть такое отношение к жизненно важным проблемам, следовало изменить принципы и механизмы формирования аграрной политики, адекватной современному этапу трансформации общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аграрные отношения: теория, исторический опыт, перспективы развития. М., 1993. С. 267.
2. Беленький В.Р. Социально-психологические факторы формирования земельных отношений в России // Современное состояние и перспективы развития экономической социологии. М., 1998. С. 36.
3. Буздалов И.Н. Земельные отношения в России: коллизии и парадоксы // Земельные отношения в переходный период: политика, экономика и право. (Материалы «круглого стола» 15 марта 2001 г.). М., 2001. С. 16-17.
4. Венжер В.Г. Вопросы комплексной механизации сельского хозяйства. М., 1955; Вопросы экономики МТС. М., 1955. С. 67-111.
5. Венжер В.Г. Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М., 1979. С. 141.
6. Дудникова Е.Б. Рыночная трансформация аграрных отношений в постсоветской России и адаптационные стратегии крестьянства: дис. ...д-ра социол. наук: 22.00.03. М., 2005. С. 102-103.
7. Емельянов А.М. Реальное содержание споров о рыночном обороте земли и их скрытые мотивы // Земельные отношения в переходный период: политика, экономика и право. (Материалы «круглого стола» 15 марта 2001 г.). М., 2001. С. 21-22.
8. Петриков А.В. Научное наследие академика А. А. Никонова // Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950 - 1990 гг.). М., 1999. С. 158-159.
9. Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950 - 1990 гг.). М., 1999.
10. Тонконог Р.И. К проблеме обновления аграрного строя // Экономические науки. 1991. № 9. С. 21.
11. Фроянов И. Россия без земли // Литературная газета. 2002. № 31.

УДК 342.381.2

Махмудова С.А.

Московский государственный
областной университет

ИСТОКИ И ФУНКЦИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА КАК ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ*

Аннотация. В статье анализируется проблема парламентаризма как института государственной власти, его природы, признаков, истоков, а также функций в настоящее время. Доказывается, что сама парламентская система является неотъемлемым фактором любого демократического общества, сохраняя при этом свою национальную специфику. Парламентаризм в данном контексте призван обеспечить наиболее гармоничные взаимоотношения государства и народа при соблюдении всех человеческих и политических ценностей. Объектом статьи является парламентаризм как государственный институт, предметом – функции данного института на современном этапе развития. Автором использовались теория разделения

властей: классические трактовки и последующие подходы к взаимодействию ветвей власти; системный подход, структурно-функциональный метод, сравнительный анализ, исторический подход и элементы институционального подхода.

Ключевые слова: парламентаризм, государственная власть, парламент, этапы становления, основные функции.

S. Makhmudova

Moscow State Regional University

THE ORIGINS AND THE FUNCTIONS OF
PARLIAMENTARISM AS THE INSTITUTE
OF THE STATE POWER

Abstract. The main focus of this paper is the problem of parliamentarism as the institute of the state power, its nature, characteristics,

* © Махмудова С.А.

sources of formation and its current functions. The paper proves that a parliamentary system forms an integral part of any democratic society, at the same time maintaining specific features of a particular country (conceptualized through the national context). The study of parliamentarism in this context promotes mutual cooperation between the state and the public with the observance of human and political values. The subject of the research is parliamentarism as the state institution; the research question is the current functions of this institution. The author uses different methodologies based on the theory of division of power: classical school, system analysis, structural analysis, comparative analysis and historical analysis as well as some elements of institutional approach.

Key words: parliamentarism, state power, parliament, periods of formation, main functions.

В настоящее время парламентаризм является вполне осязаемой реальностью для демократических государств современного мира. Историческая практика демонстрирует, что именно парламентаризм как институт выстраивания отношений во власти даёт возможность наиболее полно выявить круг предпочтений различных социальных групп, найти государственные решения, способные соответствовать интересам большей части населения страны.

В то же время нестабильный характер политических институтов трансформирующихся государств, обусловленный отсутствием опыта функционирования и взаимодействия в новой социально-политической среде, становится предметом непрекращающихся дискуссий о том, какие факторы и условия, политические и социальные институты и структуры делают ту или иную систему демократической, каково соотношение парламентаризма и исполнительной власти.

Иными словами, в центре политологического дискурса оказывается проблема выявления эффективности той или иной конституционной модели, влияния последней на процессы сложения демократического общества и политической социализации граждан [4, 12].

Применив историко-хронологический подход, можно выделить четыре этапа в становлении парламентаризма. Это эпохи «протопарламентаризма», «сословно-представительного» парламента, буржуазного

парламентаризма и современного парламентаризма [8, 45].

Хронологические рамки **первого этапа** охватывают период с древнейших времен до XII в. Этот этап характеризуется как эпоха «протопарламентаризма», где можно обнаружить первичные, эмбриональные проявления парламентаризма, которые в ходе общественного развития постепенно приобретают черты прообраза средневекового парламента – важнейшего элемента парламентаризма.

Второй этап в развитии парламентаризма (начало XIII – середина XVII вв.) относится ко времени, когда ведущий элемент парламентаризма – парламенты начинают приобретать значение государственного форума, и с этого времени можно говорить о становлении «сословно-представительного» парламентаризма.

Третий этап (конец XVII в. – XIX в.) характеризуется становлением буржуазного парламентаризма в условиях зарождения и развития капиталистических отношений. Становление парламентаризма в разных странах в зависимости от конкретных условий происходило по-разному. После ломки сословно-представительных органов власти череда буржуазных революций вывела на политическую сцену новые социальные силы.

Четвертый этап в становлении парламентаризма охватывает XX в. и начало XXI в. Он характеризуется дальнейшим развитием и внедрением в политическую систему общества ведущих элементов парламентаризма.

В течение XX в. развитие парламентаризма по восходящей линии не было однонаправленным: одновременно усиливалась исполнительная власть, которая порой оттесняла ключевой институт парламентаризма – парламент на второй план, подчиняла его своему влиянию, а в ряде случаев ставила под сомнение дальнейшие перспективы развития парламентаризма. Итогом многолетней борьбы стало усиление обеих ветвей власти и совершенствование механизма их взаимодействия [13, 58]. Однако в начале XXI века, на наш взгляд, все четче проявляется тенденция к усилению исполнительной, прежде всего, президентской власти, сопровождаемая превышением ее над законодательной властью, призванной изначально быть главенствующей властью в государстве.

С точки зрения политической теории

парламентаризм является одной из форм представительной демократии и фактически отождествляется с демократическими ценностями, сложившимися за многие столетия, как-то: гражданское общество с высокой степенью правовой культуры; утверждение идеи верховенства права; господство законности; приоритет прав личности в отношениях с государством (именно воля народа является решающей при формировании государственных институтов); создание соответствующей шкалы ценностей, которая бы исключала противоречие общественных и личных интересов при осуществлении государственной власти. Несомненно, все указанные ценности должны реализовываться посредством деятельности органа народного представительства – парламента [7, 18].

Теория разделения властей в ее классической трактовке представляет различные интерпретации идеи «общественного договора» и распределения полномочий между ветвями власти. Ряд положений концепции разделения властей, сформулированной в эпоху Просвещения, мог уже тогда служить обоснованием возвышения именно исполнительной ветви власти. Так, теоретики Просвещения наделили исполнительную власть правом распускать законодательный орган и правом отмены закона (в отсутствие соответствующего «противовеса» у парламента). Монтескье объявил главу исполнительной власти – монарха – священным лицом, призванным предотвращать тиранию законодателей [6, 144], вследствие чего глава исполнительной власти неприкосновенен. Локк обозначил преимущество исполнительной власти, введя в ее состав федеративную власть, наделенную правом формирования внешней политики [5, 348]. Творцы общедеральной Конституции США также отметили необходимость передачи контроля над внешней политикой, включая связанные с этим атрибуты, исполнительной ветви власти [10, 483]. Таким образом, распространенное мнение о верховенстве законодательной ветви в триаде властей имеет лишь относительное подтверждение.

Общественные изменения, происходившие в XIX – начале XX вв., включая появление новых социальных сил, процесс демократизации и одновременный рост роли бюрократии, в совокупности с накоплением знаний, стимулировали пересмотр проблематики политической власти. В результате изменялось отношение к вопросу о разделе-

нии властей. На первый план вышли социологические теории (К. Маркса, М. Вебера, Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса и др.) Резкой критике подверглась идея «общественного договора», проблема разделения властей признавалась несущественной по сравнению с фактическим неравенством в обществе, формальные механизмы реализации государственной власти отходили на второй план. Западные теоретики сосредоточились на вопросах соотношения политики и управления (дихотомия «политика-администрация» В. Вильсона), анализировали бюрократию (М. Вебер), деятельность заинтересованных групп (А. Бентли, Д. Трумен). Особую роль в «ухуде» от традиционной проблематики разделения властей сыграли бихевиоризм и системный анализ, акцентирующие внимание на динамических характеристиках политического процесса, поведенческих моделях [11, 28].

Превалирование ценностей демократии в характеристике парламентаризма наблюдается во многих работах современных исследователей. К примеру, профессор Е. Хубнер говорит о том, что парламентаризм может ассоциироваться лишь с демократическим правлением [12, 43]. Ряд исследователей настаивают, что парламентаризм является «системой представлений об общедемократических, общецивилизационных ценностях государственно-организованного общества» [9, 9].

Таким образом, с точки зрения политической теории можно определить *парламентаризм в качестве государственного института народного представительства, в основе которого лежит система общедемократических, общечеловеческих ценностей, призванных обеспечить непосредственное участие населения в решении наиважнейших вопросов государственной жизни.*

На сегодняшний день представляется возможным выделить следующие основные функции парламентаризма как института государственной власти:

- представительская – организовывать представительство различных социальных групп (этнических, этноконфессиональных, классовых и т.д.) в работе властных институтов;
- децизионная (принятие решений) – трансляция интересов, требований и запросов различных социальных слоёв и удовлетворение их посредством преобразования

в форму принимаемых политических решений;

- регулирующая – уравнивание возможностей различных социальных сил и создание механизмов установления компромисса между ними;

- функции легитимации – обеспечение легитимности существующей политической системы вообще и проводимого политического курса в частности;

- функция контроля – осуществление надзора за деятельностью иных ветвей власти и исполнением принятых политических решений [9, 21].

Говоря о парламентаризме, стоит провести его сравнительный анализ на примере тех стран, где подобная система не только реальна, но и является уже сложившейся политической традицией.

Формирование правительства парламентского большинства, наряду с двухпартийной системой, при наличии строгой партийной дисциплины обеспечивает стабильную работу правящей партии и фактическое слияние ветвей власти в Великобритании, в то время как «недисциплинированность» партий, преобладание роли комитетов в работе Конгресса обеспечивают автономность ветвей власти в США. «Лазейки» Конституции, не прописывающие в ряде случаев четких ограничений власти главы государства, а также позитивное законодательство президентов в виде «заявлений при подписании законов» способствовали экспансии исполнительной ветви власти в послевоенное время.

Во Франции доминирование исполнительной власти было обеспечено как конституционно (предоставление главе государства права на роспуск Национального собрания в отсутствие права импичмента), так и благодаря практике внесения законопроектов правительством, сводящей на нет законодательную инициативу ассамблеи. Принятие в 2000 г. конституционной поправки о сокращении сроков полномочий Президента и их выравнивании с избирательным циклом в Национальное Собрание обеспечили формирование правительства парламентского большинства, что, наряду с тенденцией перехода от многопартийности к модели двухпартийной системы, также способствует слиянию властей в связке «президент-правительство-парламент».

Опыт развитых стран свидетельствует, что стабильное функционирование политической системы, будь то президентская, сме-

шанная или парламентская система, требует взаимодействия и сотрудничества ветвей власти.

Однако наличие представительного законодательного органа еще не означает наличия парламентаризма как особого социального и политического института современного цивилизованного общества. Парламентаризм – гораздо более сложная и многогранная система организации государственной власти, чем наличие парламента и простого разделения власти. Политическое участие является лишь «внешней» характеристикой парламентаризма, в то время как его базовым компонентом выступают, прежде всего, функционирование представительных учреждений и характер их взаимодействия с другими элементами политической системы, а также с гражданским обществом.

При парламентаризме особую важность приобретает именно баланс властных полномочий, когда ни один государственный орган не имеет возможности единолично осуществлять государственную власть. Поэтому одна из особенностей парламентаризма – это необходимость выработки совместной стратегии управления государством между различными властными структурами (законодательными и исполнительными). В этой связи можно говорить о компромиссной сущности отношений при парламентаризме [1, 18].

Понятие «парламентаризм» является весьма объёмным. Среди важнейших элементов парламентаризма мы выделяем: соблюдение принципа разделения властей; безусловное верховенство права; наличие в обществе законодательного и представительного учреждения – парламента; наличие системы политических партий парламентского типа; демократический процесс формирования парламента и его публичность [3, 13].

Парламентская система предполагает, что верховенство следует признавать исключительно за народом, так как народ в данном случае будет являться первоисточником государственной власти, власть же государственных институтов производна от власти народа. В подтверждение данной мысли хочется привести слова известного венгерского политолога М. Бихари, который подчеркивает, что «власть принадлежит не парламенту, а народу, власть парламентская в этом случае – лишь уполномоченная, ибо

суверенен народ, а парламент только олицетворяет суверенитет, не внося при этом изменений в объект прав суверенности» [2, 42]. То же самое можно сказать и о других государственных институтах.

Таким образом, в настоящее время уже представляется совершенно невозможным сохранить взгляд, будто парламентаризм есть самобытное явление, сложившееся на исторической почве отдельных государств.

Как мы уже отмечали, парламентская система это вполне осязаемая реальность для демократических государств современного мира. В каждой стране парламентаризм находит свою собственную форму выражения и наделяется своеобразными особенностями, характерными для данного государства.

Особо следует подчеркнуть универсальность парламентской системы, возможность применения многих ее элементов при построении властного механизма государства, основанного на народовластии, в том числе и в нашей стране. Использование парламентских начал при реформировании системы власти в России – один из актуальных вопросов нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. – М.: Издательский сервис, 2004.
2. Бихари М. Парламентаризм // Мир политики. – М., 1992.
3. Богданова Н.А. К вопросу о понятии и моделях народного представительства в современном государстве // Проблемы народного представительства в РФ. – М., 1998.
4. Керимов А.А. Парламентаризм как институт политической власти // Материалы IX Международной конференции «Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования», посвященной памяти профессора Л.Н. Когана. Ч. III. Политические процессы и политические институты: тренды и локализация. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006.
5. Локк Дж. Два трактата о правлении. В кн.: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988.
6. Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999.
7. Представительная власть в России: история и современность / Под ред. Л.К. Слиски. – М.: РОССПЭН, 2004.
8. Селезнев Л.И. Политические системы современности: Сравнительный анализ. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995.
9. Тихомиров Д.В. Становление и развитие российского парламентаризма (Исторический аспект): Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / рос. экон. акад. – М., 1997.
10. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. – М.: Литера, 1994.
11. Харламова Ю.В. Парламент и исполнительная власть: опыт и проблемы взаимоотношений // Государственная служба. – 2008. – № 2 (52). Март-апрель.
12. Хубнер Е. Парламентаризм и представительная система // Полис. – 1992. – № 3.
13. Шабров О.Ф. Политические системы и политические режимы современности // Политология: Учебник / Под общ. ред. В.И. Буренко. – М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2002.

УДК 334.021(470):35

Напалкова И.Г.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Аннотация. В статье рассматриваются трансформация системы государственно-го управления; влияние пространственных

факторов на специфику хозяйственного устройства страны; типы территорий Российской империи, различающиеся степенью самостоятельности. Анализируется характер освоения присоединенных территорий, организация там самоуправления, миграционные процессы. Делаются выводы о специфике административно-территориального устройства Российской империи, о

* © Напалкова И.Г.

Статья подготовлена в рамках АВЦП Развитие научного потенциала высшей школы (2009 – 2010 годы). Проект 2.1.3 /1134 «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)»

несовпадениях зон ответственности органов административного управления с районами действий финансовых, судебных и военных ведомств.

Ключевые слова: Российская империя, территория, административная реформа, административно-территориальное устройство, имперское пространство, хозяйственная колонизация, губернии, автономии, протектораты.

I. Napalkova

Mordvinian State University named after N.P. Ogarev (Saransk)

TERRITORIAL ORIGINALITY AS THE FACTOR OF EVOLUTION OF THE POLITICAL MECHANISM OF THE GOVERNMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. This article discusses the transformation of public administration, the impact of spatial factors on the specifics of the economic structure of the country, the types of territories of the Russian empire, with different levels of autonomy. The character of the development of attached territories, the organization of self-management there, the migratory processes are analyzed in the present paper. Conclusions are made about the specifics of the administrative-territorial structure of the Russian Empire, of the divergent areas of responsibility of the administration and the areas affected by the financial, judicial and military agencies.

Key words: Russian Empire, territory, administrative reform, administrative and territorial unit, imperial space, economic colonization, province, autonomous, protectorates.

Особенность управленческих функций, специфика развития хозяйственного строя в России определяется рядом факторов, к числу которых относится и территориальное своеобразие.

Территория Российской империи к концу XIX века составляла 22,4 млн. км (то есть 1/6 часть суши), что значительно превышало территорию всех европейских государств. Согласно переписи населения 1897 г., ее население составляло 128,2 млн. человек (в том числе население Европейской России 93,4 млн. человек, Царства Польского 9,5 млн., Великого княжества Финляндского 2,6 млн., Кавказского края 9,3 млн., Сибири 5,8 млн., Ср. Азии 7,7 млн. человек). Проживало свыше 100 народов; русские составляли 43 % населения. Территория Рос-

сийской империи в 1914 г. делилась на 81 губернию и 20 областей; насчитывался 931 город [5]. Приведенные общие параметры территории нашей страны указывают на ее значительное своеобразие. Она была и остается крупнейшим государством в мире.

Основным центром Имперского управления, в том числе территориального, являлся монарх – великий князь Московский, великий князь всея Руси, государь всея Руси (с Ивана III), царь (официально с 1547 г. при Иване IV).

Механизм государственного управления по территориально-отраслевому принципу складывается к середине XVI в. в виде приказной системы. Приказы ведали не только отраслями управления в масштабе всей страны и различными сферами дворцового управления, но и определенными территориями. Кроме того, следует подчеркнуть тот факт, что к каждому приказу были приписаны определенные города и уезды, доходы с которых поступали в данный приказ, который управлял ими и был для них судебным органом. Так, например, Разрядный приказ имел административные функции по делам личного состава государственного аппарата – назначения наместников и волостелей, воевод, осуществления суда над чиновниками, не оправдавшими доверия; ему же были подчинены областные разряды (Новгородский, Смоленский, Рязанский), которые в дальнейшем приобрели характер военно-окружных управлений.

Трансформация системы государственного управления (при значительной ее централизации во второй половине XVII в.) была осуществлена Петром I. Им была осуществлена «вестернизация» в рамках общего курса модернизации политической, социально-экономической и иных сфер жизни Российского государства. Реформа государственного механизма затронула все основные элементы центрального аппарата управления. Роль монарха как центра всей государственной системы сохранилась, однако изменилось ее понимание.

Реформа центрального аппарата управления связана с заменой прежних органов на новые, которые в значительно модифицированном виде продолжали выполнять прежние задачи в новых условиях. Так, роль Боярской думы как законосовещательного и контрольного органа была возложена в 1701 г. на Ближнюю канцелярию, а входившие в нее чиновники образовали Совет, получив-

ший наименование Консилии министров. С образованием Правительствующего Сената указом от 22 февраля 1711 г. трансформации Боярской думы прекратились, а Сенат стал постоянно действующим высшим правительственным учреждением [6, 156-157]. В интересующем нас аспекте функции Сената состояли в осуществлении связи с губерниями, для чего были учреждены должности губернских комиссаров (по двое от каждой губернии). Потребность в установлении этой должности была вызвана тем, что в период губернской реформы компетенция органов государственного управления была перераспределена (некоторые вопросы из ведения приказов отошли к губернскому ведению).

Централизация приказной системы привела к замене приказов коллегиями в результате реформы 1717-1720 гг. Они отличались коллегиальным обсуждением и решением дел, единообразием организационного устройства и делопроизводства, а также более четкой компетенцией. Это были центральные учреждения, подчиненные царю и Сенату, по разным отраслям управления им подчинялся местный аппарат. Особо следует подчеркнуть статус Коллегии иностранных дел, к ведению которой относилось заведование отдельными территориями на окраинах (например, Украина) [34, 82-84].

Дальнейшая реорганизация центрального управленческого аппарата проходила в русле его централизации и замены коллегиального начала единоначалием. Так, при императоре появляются совещательные органы, сосредотачивавшие значительные полномочия за счет иных органов, прежде всего Сената. Это – Верховный тайный совет (1726-1731 гг.), Кабинет министров (1731-1741 гг.), Конференция при Высочайшем дворе (1756-1762 гг.), Императорский совет (1762-1769 гг.), Совет при Высочайшем дворе (1769-1801 гг.), Непременный совет (1801-1810 гг.).

Особое место в системе центральных органов занимала, возникшая еще в конце XVIII в., Собственная его императорского величества канцелярия – орган, связывающий императора со всеми правительственными учреждениями по наиболее важным вопросам внутренней политики.

Специфичным для Российской империи было создание в качестве дополнительного звена центрального государственного аппарата высших комитетов, представляющих собой немногочисленные по штату, наде-

ленные значительными полномочиями оперативные объединения особо доверенных высших сановников. Среди четырех групп временных комитетов особо следует отметить комитеты по высшему руководству управлением отдельными национальными окраинами [1, с. 153-154]. К ним относят два Сибирских комитета (1821-1838 и 1852-1864 гг.), действовавший под разными названиями, Кавказский комитет (1840-1882 гг.), – они являлись органами высшего управления и надзора за местной администрацией этих регионов, кроме того, нередко выполняли и законосовещательные функции для законопроектов по местному управлению ими. Особые комитеты относились к делам западных окраин – Комитет по делам царства Польского (1831-1841 и 1864-1881 гг.), Комитет западных губерний (1831-1838 гг.) и Западный комитет (1862-1865 гг.), Остзейские комитеты (1828-1831 и 1849-1850 гг.), Комитет по делам финляндским (1811-1826 гг.), Особый комитет Дальнего Востока (1903-1905 гг.). По мнению Н.П. Ерошкина, создание высших комитетов по управлению отдельными окраинами явилось известным компромиссом между окраинной автономией и тенденциями к централизму абсолютизма [1, 154, 199]. Кроме того, на протяжении первой половины XIX в. действовали несколько еврейских комитетов, которые рассматривали вопросы черты оседлости, быта, религии и школы евреев.

Усложнение государственного управления привело к созданию в 1861 г. (неофициально действовал с 1857 г.) Совета министров, который, в отличие от Комитета министров, в ведении которого остались текущие административные дела, рассматривал и обсуждал мероприятия общегосударственного значения, главным образом законопроекты по проводившимся реформам. Соответственно, с 1882 г., после наступления эпохи контрреформ, он теряет свое значение [6, 53].

Завершающий этап реформирования высших органов государственного управления Российской империи был связан с принятием новой редакции Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. [7, 80]. Определяющим направлением реформы стало введение выборного начала в законосовещательные органы. Ее содержание составили ликвидация Комитета министров, создание Государственной думы и реорганизация Государственного совета. Формально и Госу-

дарственная дума, и Государственный совет были равноправными законосовещательными органами.

На специфику хозяйственного устройства страны не могли не оказать воздействия ее огромность, малонаселенность и недостаточная освоенность пространства.

Империя, включая в свой состав тот или иной регион, начинала его интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военную и экономическую базу для дальнейшего имперского расширения.

Освоение территории обычно начиналось с создания опорных военно-промышленных пунктов и установления внешних границ, обеспечивающих безопасность империи. На этом этапе большую роль играли частные инициативы (деятельность первооткрывателей, разнообразных экспедиций и др.), которые координировались государством. Затем начиналась хозяйственная колонизация. Экономическое освоение того или иного региона приводило к миграциям либо выходцев из региональных центров, либо иностранных колонистов (если они становились подданными Российской короны) с целью упрочнения имперского влияния.

В регионах с беспокойными соседями формировались новые казачьи войска (на Северном Кавказе, Сибири, на Дальнем Востоке), охранявшие рубежи страны. Другие же земли заселялись обычными крестьянами – государственными или частновладельческими.

Правительство, с одной стороны, преследовало самовольных мигрантов, а с другой – создавало необходимые условия для легальных переселенцев. Например, выделяло денежные пособия «на обустройство», временно освобождало от рекрутской повинности и уплаты налогов и т.д. Постепенно размеры различных льгот возрастали. Право на переселение получали те крестьяне, размер земельного надела которых в местах их первоначального проживания оказывался меньше 8 десятин на ревизскую душу мужского пола [2; 3]. Нередко многие самовольные мигранты не только не возвращались назад, но получали землю, ряд льгот и причислялись к крестьянским общинам.

Таким образом, в переселенческом процессе доминировали русские мигранты, так как составляли почти половину всего населения империи. Заметную роль в заселении окраин, особенно восточных, играли также

татары, чуваша, мордва, марийцы и др. [2].

После определения административно-политического статуса региона вырабатывалась оптимальная модель взаимоотношений региональной власти и центра (при сочетании принципов централизации, децентрализации и децентрализации). Выстраивалась имперская инфраструктура региона, и шло его культурное освоение. А затем происходило имперское «поглощение» региона путем создания унифицированных управленческих структур, распространения на окраины реформ, апробированных в центре страны, в ходе экономической и социокультурной модернизации.

Входя в состав Российской империи, территории не теряли своего самоуправления. Право на территориальное самоуправление содержится в Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном Уложении 1649 г., в Своде законов Российской империи. Но при этом разные территории Российской империи имели разную степень самоуправления.

Выделяются три типа территорий в Российской империи, различающихся степенью самостоятельности.

Во-первых, губернии Российской империи. Этот тип был характерен для территорий, на которых проживало в основном русское население, а также Прибалтики, Закавказья, Туркестана.

На этих территориях при наличии управленческой системы унитарного государства (генерал-губернаторства) имелись и органы самоуправления: сначала сословного, а позже – земского. Эти структуры занимались вопросами местного самоуправления, и их существование было совместимо со структурами унитарного государства, так как их функции не пересекались. Имперские структуры занимались фискальными, промышленными, правоохранительными вопросами, а структуры самоуправления ведали вопросами организации местного коммунального хозяйства, культурной жизни. Так, в Прибалтике действовали органы местного бюргерства – городские магистраты, а также приходские собрания, конвенты, ландтаги и комитеты. В самой России вопросами местного самоуправления занимались земства.

Нерусское население пользовалось широкими правами и участвовало в управлении тех губерний, в которых оно составляло большинство. Так, значительные права были даны различным сословиям Закавказья

зья: грузинские дворяне получили права русских дворян, зная за участие в военных действиях получала чины и должности в центральных и местных органах власти Империи.

Во-вторых, автономии Российской империи – Польша и Финляндия. Польша имела собственную Конституцию (1815-1832 гг.) и законодательную власть – Сейм, который состоял из Короля (российский император), Сената и Посольской избы. Финляндия тоже имела свои органы власти и управления, свою судебную систему. Ее законодательство было обособлено от законодательства Российской империи.

В-третьих, протектораты Российской империи. Российская власть имела договоры о покровительстве с Хивинским ханством, Бухарским эмиратом и Урянхайским краем (нынешняя Тува). В обмен на покровительство российской власти передавались права внешних сношений и военной защиты этих территорий, а русские купцы получали права на льготную торговлю.

Имперская экспансия сформировала к 80-м гг. XIX в. особое российское имперское пространство, главной отличительной особенностью которого была крайняя этнокультурная, политическая и экономическая разнородность.

Спецификой административно-территориального устройства Российской империи до 1917 г. было территориальное несовпадение зон ответственности органов административного управления с районами действий финансовых, судебных и военных ведомств (за исключением генерал-губернаторов).

Сложная структура центральных органов управления империей приводила к тому, что один вопрос мог находиться в компетенции различных органов. Причем очень часто требовалось его длительное согласование, а также то, что ни один серьезный вопрос не мог быть разрешен без личного участия самого императора, можно говорить о создании жестко централизованного государственного аппарата, все нити управления которым были сконцентрированы в руках абсолютного монарха. При этом главным инструментом управления периферией становилась имперская бюрократия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983.
2. Кабузан В.М. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. №4(18) [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=903> – Загол. с экрана.
3. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1998.
4. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 2001.
5. Российская империя // Наука: энциклопедический проект. – Режим доступа: <http://ru.science.wikia.com>
6. Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. А. Г. Манькова. – М.: Юридическая литература, 1986.
7. Смыкалин А.С. Этапы конституционного строительства в дореволюционной России // Государство и право. 2004. № 3.

УДК 32

Третьякова С.А.

Российский государственный социальный университет (филиал в г. Воронеже)

АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ*

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме теоретико-методологического анализа движения альтерглобализма. Автор исследует теорию движения альтерглобализма, стратегию, причины и источники

возникновения данного движения, основные группы и их идеологические представления, составляющие движение альтерглобализма. Важнейшим фактором в XXI веке является глобализация неолиберального типа, которая формирует новые угрозы безопасности,

* © Третьякова С.А.

связанные с распространением оружия массового уничтожения, загрязнением окружающей среды, мировым экономическим кризисом, растущим неравенством между развитыми и развивающимися странами и т.д. Альтерглобализм предлагает новые пути и решения по предупреждению данных угроз, поэтому исследование альтернатив неолиберальной модели развития представляется важным аспектом в дальнейшей разработке программ по выходу из мирового финансового кризиса.

Ключевые слова: альтерглобализм, антиглобализация, неолиберальная глобализация, налог Тобина, G-8.

S. Tretiakova

Russian state social university (branch in Voronezh)

ALTERGLOBALISM: IDEOLOGICAL AND THEORY-METHODOLOGICAL CONTOURS

Abstract. The article is devoted to the actual topic of theory-methodological analysis of the movement of alterglobalism. The author investigates the theory of the movement of alterglobalism, the reasons and sources of origin of this movement, the main groups and their ideological visions, which compose the movement of alterglobalism. The most important factor is a process of neoliberal globalization in XXI century, which forms new threats of security, such as the spread of the weapon of massive destruction, environmental contamination, world economic crisis, growing inequality between developed and developing countries. Alterglobalism proposes new ways and decisions to prevent such threats, that's why the investigation of the alternatives of neoliberal model of development, seems an important aspect in further elaboration of the programmes to escape from the world financial crisis.

Key words: alterglobalism, antiglobalization, neoliberal globalization, Tax of Tobin, G-8.

Современные мегатренды мирового развития характеризуются неустойчивостью, асинхронностью и нестабильностью, способствуя формированию однополюсного мира под руководством США и союзников. Поэтому анализ альтерглобализма как движения протеста против неолиберальной глобализации, предлагающего альтернативы современному мировому развитию, представляется актуальной темой исследования.

Началом возникновения движения альтерглобализма считается Европейский Социальный Форум, который прошел в Париже в ноябре 2003 г. Понятие альтерглобализма было впервые использовано в ежемесячном журнале *Le Monde Diplomatique*, Ассоциацией за введение налога по финансовым операциям для помощи гражданам (*Asociacion por una Tasacion sobre las Transacciones Financieras para Ayuda a los Ciudadanos*), и французскими специалистами по глобализации Susan George, Bernard Cassen, Ignacio Ramonet [11, 155]. Идеологической основой данного направления является разработка и предложение альтернатив актуальному мировому развитию, происходящему под воздействием неолиберальной глобализации.

В научной литературе многие авторы не выделяют различий между альтерглобализмом и антиглобализацией, объединяя данные социальные движения в одно – Анти-Альтер-Глобализм, поскольку оба движения выступают против актуальной формы развития глобализации – капиталистической неолиберальной глобализации [3, 57]. В моем исследовании я также выделяю движения альтерглобализма и антиглобализации в единое движение и в дальнейшем буду исследовать понятие альтерглобализма и антиглобализации как единое движение.

Основной целью движения Анти-альтерглобализма является борьба с транснациональными корпорациями, международным капиталом, выступающих в форме неолиберальной глобализации, и выдвижение альтернатив посредством Интернета – глобальной сети коммуникации между различными группами альтерглобализма, объединяющего такие движения, как борьба против расовой дискриминации, борьба за права человека, экологическое движение, феминистское движение, анархические группы, пацифистов (движение за мир) и другие неправительственные организации [10].

В связи с этим в научной литературе под анти-альтерглобализмом понимается общественное движение, состоящее из различных групп, объединенных одной идеологической установкой – критикой главных аспектов неолиберальной глобализации [11, 157].

Главными аспектами неолиберальной глобализации, которые подвергаются критике, являются следующие: экстремальное глобальное неравенство, консумизм (массовое потребление), экономическая политика, направленная на получение прибыли, ког-

да все подчинено достижению и получению экономической прибыли, – сосредоточение богатства и власти у доминирующей незначительной части мирового населения (20% населения планеты обладают 80% мирового капитала) [8, 349].

В качестве инструмента борьбы альтерглобалисты используют Интернет, благодаря которому в наиболее богатых странах формируется ответственность при принятии решений в экологической сфере, а также ответственность за процессы, происходящие в бедных странах [9, 76]. В качестве средств борьбы с неолиберальной глобализацией альтерглобализмом также используются: блокирование официальных форумов МВФ, бойкотирование определенных коммерческих «марок» и товаров, манифестации на улице, альтернативные социальные консультации, сопротивление полиции, блокирование автомагистралей и поездов, новые технологии электронного бойкота.

Первой протестной акцией против неолиберализма явилось восстание коренного мексиканского населения 1 января 1994 г в Чиapas (Мексика), которое в научной литературе известно как Национальное Освобождение Сапатистов – *Zapatista de Liberación Nacional* [12, 39]. Поводом для восстания послужило введение Соглашения о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой (*Tratado de Libre Comercio entre EEUU, Canada y Mexico*), основной целью которого являлось создание общего рынка между Канадой, Мексикой и США.

Наиболее сильным протестом альтерглобализма против неолиберальной глобализации, заявившим о себе на весь мир, являются манифестации в г. Сиэттле (США) в 1999 г. и в Генуе (Италия) в 2001 г., в противовес ежегодному Всемирному экономическому форуму, проходящему в Давосе (Швейцарии). Данные манифестации были направлены против международного капитала, протест был использован как средство борьбы против глобального капитализма под лозунгом «*Otro Mundo es Posible*» (Другой Мир Возможен) [7, 57].

В манифестации в Сиэттле – символе новой экономики неолиберализма, участвовали экологические движения, движения за права человека, движения солидарные с трудящимися предприятий Центральной Америки, работающих в тяжелых условиях и получающих крайне низкую зарплату (например *United Students Against Sweatshops*),

североамериканское движение синдикатов, молодежное движение *Direct Action Network*. В научной литературе указывается на отсутствие этнических меньшинств США в манифестации в Сиэттле [6, 141-147].

Всемирный социальный форум представляет собой место встреч представителей движения альтерглобализма для обсуждения вопросов мирового развития. В 2001 г. прошел первый Всемирный социальный форум в Порто-Алегре (Бразилия), положивший начало дальнейшим Форумам, на которых предлагаются альтернативы мировому порядку, вводимому неолиберальной глобализацией.

В Манифесте Всемирного социального форума, который проходил в Порто-Алегре, были провозглашены двенадцать основных пунктов: аннулирование внешних задолженностей бедных стран, аннулирование фискального рая, введение налога Тобина (*Tasa Tobin* – налог на валютные обменные операции, совершающиеся между странами на короткий срок, с целью прекращения спекулятивных операций и выделения денег, полученных от сбора данного налога на обеспечение потребностей населения), социальная защита, справедливая международная торговля, защита продовольственной промышленности, разумное использование природных ресурсов, мир и справедливость, борьба против дискриминации, прекращение разрушения окружающей среды, роспуск военных баз, не получивших авторизации Организации Объединенных Наций (ООН), право на получение информации о деятельности международных организаций, реформирование и демократизация международных организаций (в том числе ООН) [5].

Несмотря на то, что движение альтерглобализма является международным актом, однако предложения и идеи альтерглобализма далеки от реализации на практике, особенно в развитых западных странах. Данные идеи нашли отклик в этической и культурной сфере, однако реформы, предлагаемые альтерглобализмом, далеки от реализации в политической сфере. Например, альтерглобалисты не смогли добиться введения налога Тобина в странах Европейского Союза. Реформы альтерглобализма с большим успехом реализуются в странах Латинской Америки, где идеи и предложения данного движения пользуются большей поддержкой граждан. Об этом свидетельствует способ-

ность социального движения блокировать неолиберальную политику приватизации воды в Эквадоре, приход к власти Эво Моралеса в Боливии, срыв принятия Соглашения о свободной торговле между Америками (Tratado de Libre Comercio de las Americas) [12, 44].

Ignacio Ramonet в журнале *Le Monde Diplomatique* опубликовал работу под названием “Desarmar los mercados” – “Разоружить рынки”, которая послужила идеологической основой для создания ассоциации АТТАС. В своей работе он предлагает аннулировать финансовый рай и ввести налог на спекулятивные финансовые операции, осуществляемые странами за короткий срок.

Руководитель французской организации АТТАС Bernard Cassen акцентирует внимание на обсуждении вопроса о связи неолиберальной глобализации и военной агрессии, осуществляемой США в Ираке и Афганистане. На взгляд Кассена, неолиберальная глобализация и военная агрессия США не взаимосвязаны друг с другом, поскольку «военные действия США не влияют на бедность Бразилии или голод Аргентины» [1].

Протест против войны в Ираке и военной агрессии США в мире оформился в антивоенное движение внутри альтерглобализма. Война в Ираке способствовала концентрации манифестантов 15 февраля 2003 г., что послужило поводом для публикации в газете *The New York Times* заметки о том, что «в мире существуют две супердержавы: США и международное общественное мнение» [1, 36].

В 2005-2006 гг. в США были созданы антивоенные организации, направленные против войны США в Ираке, такие, как: MoveOn.Org, United For Peace and Justice, International Action Center [2, 58]. MoveOn.Org была создана в 1998 г. преимущественно в социальных целях, однако в 2000 гг. превратилась в антивоенную организацию, организующую манифестации против войны в Ираке при помощи Интернета. United for Peace and Justice (Объединенные за Мир и Справедливость) была создана в 2002 г. с целью оппозиции милитаризму и империализму США. International Action Center (Международный Центр Действия) был создан Мировой Партией Рабочих (Workers World Party) с целью мобилизации антивоенных выступлений, при этом критике подвергалась борьба Палестины против Израиля.

Особого внимания заслуживает анализ

неправительственных организаций (Non-Governmental Organizations) как одной из групп в составе движения альтерглобализма. Первые неправительственные организации возникли в 1960-е гг. В 1961 г. возникает первая неправительственная организация в Лондоне – Amnistia Internacional (Международная Амнистия) по защите прав человека [8, 349]. В 1969 г. была создана экологическая организация Amigos de la Tierra (Друзья Земли) и в 1971 г. – Greenpeace.

Значительной группой, входящей в движение альтерглобализма, является феминистское движение. Одной из таких организаций является Глобальное Движение женщин против бедности и насилия над женщинами, созданная в Квебеке (Канада) 8 марта 2000 г. Им были организованы манифестации в Брюсселе и Нью-Йорке 16 и 17 октября 2000 г. для выражения международного протеста против насилия над женщинами и феминизации бедности. В настоящее время данная организация координирует деятельность 5000 групп в 164 странах мира [12, 41].

Интернет является инструментом, объединяющим различные группы альтерглобализма в одно общее движение, в сети Интернета можно назвать следующие организации альтерглобализма: www.nodo50.org – виртуальное пространство, в котором встречаются различные коллективы, формирующие основу альтерглобализма; www.rompamoselsilencio.net – страница, созданная в 1998 г. и выступающая за аннулирование внешних задолженностей бедных стран; www.diagonalperiodico.net – виртуальное пространство журнала Diagonal, созданного в ноябре 2004 г.; www.alternativas.at – виртуальное пространство, в котором обсуждаются вопросы, связанные с критикой деятельности транснациональных испанских корпораций (Repsol, Endesa и др.) в Латинской Америке [12, 47-50].

Кризис 2008-2009 гг. показал наиболее негативные черты глобального капитализма. Объявили о банкротстве в сентябре 2008 г. самого крупного банка США – Washington Mutual, в октябре Lehman Brothers. В конце 2008 г. правительство США потратило 50.000 миллионов долларов на спасение CityBank [2, 59], что полностью противоречит идеологии неолиберальной глобализации о доминировании свободного рынка и либерализации экономики. В США безработица составила 8,1% в феврале 2009 г., что

означает 12,5 миллионов безработных американцев и представляет самый высокий процент безработных за последние 25 лет [4].

Кризис способствует переосмыслению современной модели развития глобализации и стимулирует возможность разработки новых стратегических решений по выходу из кризиса и новой модели экономического и мирового развития. Кризис показал очевидность необходимости изменения мирового порядка, выявил недостатки актуальной экономической системы и актуальность разработки альтернатив мирового развития.

ЛИТЕРАТУРА:

3. Echart E., Lopez S., Orozco K. Origin, protests and propositions of the movement of antiglobalization. - Madrid: Catarata, 2005. - P. 57.
10. Rovira G. Zapatism and international net // Reasoning and Word. -2005. - №47.
11. Uriarte R.U. Analysis of origin and development of the movement of globalization // Intersticios: Sociological Magazine of critical thoughts . - 2009. - Vol. 3, № 2. - P. 157. <http://www.intersticios.es>
8. Otero Carvajal L.E. Other World is Possible // Pages of Contemporary History. - 2003. - № 337-359. - P. 349.
9. Recio A. Fight of antiglobalization // In waiting . -2001. -№ 80. -P. 76.
12. Verdu J.R. Movement of "Antiglobalization" and its particularities in Spanish case // Youth, globalization and alterworld movements. Magazine of Studies of Youth. - March 2007. - № 76. - P. 39.
7. Negri A. Goodbye Mr Socialism. - Barcelona: Paidos, 2007. - P. 57.
6. Martinez B. Where Was the Color in Seattle? Looking for Reasons Why the Great Battle was So White // Monthly Review. - 2000.- № 52 (3). - P. 141-147.
5. <http://www.pensamientocritico.org/manpor0205.htm> (date of visit 01.02.2009).
1. Antentas J.M. and Vivas E. Global Resistance. From Seattle to the crisis of Wall Street.-Madrid: Popular Publisher, 2009.
2. Botz D.L. From the "Fight of Seattle" to the crisis of 2008 and Obama // Wind from South. - December 2009. - № 107. - P. 58.
2. Botz D.L. From the "Fight of Seattle" to the crisis of 2008 and Obama //Wind from South. - December 2009. - № 107. - P. 59.
4. http://www.forbes.com/2009/02/05/february-layoffs-fires-lead_cx_kk_0109february09layoffs.html (date of visit 01.02.2010).

УДК 351/354

Трофимова И.Н.

Институт социологии РАН

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ УПРАВЛЕНИЯ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ*

Аннотация. Эффективное решение социальных проблем сегодня зависит не только и не столько от централизованной политики государства, сколько от уровня социального взаимодействия. Перспективы европейской социальной политики связаны с децентрализацией системы государственного управления и активизацией гражданского участия.

Ключевые слова: социальные проблемы, социальная политика, реформы управления, европейские страны, децентрализация.

I. Trofimova

Institute of Sociology of RAS

SOCIAL PROBLEMS IN THE CONTEXT
OF ADMINISTRATIVE REFORMS: THE EUROPEAN EXPERIENCE

Abstract. The effective decision of social

* © Трофимова И.Н.

problems today depends not only and not so much from the centralized policy of the state, how many from a level of social interaction. Prospects of the European social policy are connected with decentralization of the system of the government and activation of civil participation.

Key words: social problems, social policy, administrative reforms, European countries, decentralization.

В последней четверти XX в. стало очевидным, что решение социальных проблем требует новых подходов, адекватных тем изменениям, которые происходили как в европейском регионе в целом, так и в отдельных государствах. Прежде всего, следует отметить масштабные изменения в политико-административном статусе территорий,

связанные с распадом СССР, объединением Германии и созданием Европейского союза. В Европе это привело к формированию многоуровневой организации управления, включая местный, субнациональный, национальный и наднациональный уровни.

Радикальный характер преобразований и сложность стоящих при этом задач обусловили необходимость создания устойчивой и в то же время гибкой системы управления, в которой каждый уровень должен нести свой объем социальной ответственности и полномочий. При такой организации идеология патернализма как всеобъемлющей опеки государства над своими территориями и гражданами уступала место представлениям о множественности и разнородности субъектов социальной политики.

На общий процесс децентрализации в национальных политических системах европейских стран повлияло не только создание многоуровневой организации власти и управления и делегирование части своих полномочий Европейскому союзу. Большое значение имело расширение и появление новых форм коллективной деятельности. Данная тенденция оказалась тесно связанной с развитием местных сообществ, которые стали главным местом выявления различного рода социальных проблем. Новые социальные движения, расширение политического и общественного спектра, перераспределение ролей между политическим и социальными институтами стали рассматриваться как условия для создания благоприятной местной среды. Во всяком случае, сама возможность участвовать в созидании среды своего непосредственного обитания стала для человека в современных условиях важнейшей ценностью.

Таким образом, на перемены в европейской социальной политике повлияли, в первую очередь, децентрализация системы государственного управления, оказавшегося к тому же непомерно дорогим и экономически мало эффективным, и рост социальной активности граждан. В основе этих изменений исследователи видят глубинные сдвиги в системе социальных связей и технологической организации современного постиндустриального общества (О. Гаман-Голутвина). Общество сегодня все менее нуждается в контролирующих и распределительных функциях государства и, напротив, все более в создании благоприятных условий для собственной самоорганизации и самоуправ-

ления в решении насущных социальных проблем. И наиболее перспективной в этом плане стала концепция «активизирующего государства», в рамках которой важнейшим видом деятельности становятся инициирование, активизация и стимулирование.

Если до создания Европейского союза можно было говорить о ряде признаков, позволявших отнести социальную политику отдельных государств к той или иной модели, то сегодня закономерен вопрос о том, какая модель социальной политики может соответствовать концепции «активизирующего государства». Однако недавняя история и существующая практика показали, что для ответа на этот вопрос потребуется еще некоторое время. Дело в том, что обозначенные выше преобразовательные процессы не закончены и социальная политика как в национальном, так и в общеевропейском масштабе сталкивается с определенными трудностями.

Существуют различные типологии и модели социальной политики. Распространенным подходом является выделение либеральной, консервативно-корпоративной и социально-демократической моделей, а с учетом региональных особенностей – континентальной, англо-саксонской и скандинавской моделей. Эти модели отличаются степенью вмешательства государства в рыночные отношения, местом социальной политики среди национальных приоритетов, сферами распространения и объемами социальных программ. Идеального воплощения ни одной из этих моделей не существует, во всех странах есть сторонники и противники каждой из них.

Если сторонники либерализма апеллируют к максимальной свободе от государственной опеки, то «государственники» волей-неволей способствуют укоренению патерналистских ценностей в обществе. Основной вопрос, как видится, заключается в определении уровней ответственности и перераспределения ресурсов. Либеральный подход однозначно определяет первичный источник ответственности «снизу». Что касается перераспределения ресурсов, то в качестве примера для объяснения можно привести слова Х. Зиберта: «Только в случае, если индивид, семья, регионы страны не могут справиться своими силами и найти решение своих проблем, приходится искать другие подходы [1, 237]. Реализация либеральных подходов логически ведет к тому,

что каждому из уровней власти предоставляется свобода в определении путей, ресурсов и целей развития. Однако без укорененных либеральных ценностей это чревато перераспределением собственности, правовым нигилизмом, в конечном счете, ущемлением прав и свобод гражданина. В то же время, и крен в сторону государственного капитализма с возвышением государства над гражданским обществом, по мнению ряда исследователей, выглядит как апокалипсическая перспектива [6, 357].

Очевидно, что учет интересов разных социальных групп может значительным образом повысить эффективность социально значимых решений за счет придания им большей гибкости, динамизма и инновационности. Это отвечает и сущности многоуровневого управления, а именно адаптации управленческого механизма к изменению социально-экономических условий, потребностей людей, динамике общественной жизни. Об этом свидетельствует пример наиболее благополучных европейских стран. Так, в Голландии доля граждан, которые знают, как донести свое мнение до властей, составляет 67%, Финляндии – 58%, Швеции – 54%, Дании – 52%, для сравнения – среди россиян таких только 16% [4, 77].

Успехи скандинавских стран в решении социальных проблем во многом являются результатом сочетания активной роли государства, развитого социального партнерства и сильного местного самоуправления. Хотя сам процесс выработки социальной политики требовал постоянного внимания и своевременного реагирования на текущие проблемы. С одной стороны, после Второй мировой войны возникли благоприятные условия для утверждения в обществе принципов социальной солидарности, развития общественных организаций и движений. Но уже с середины 1970-х гг. наметился процесс декорпоративизации и постепенного преобразования классовой солидарности в групповую солидарность. Увеличение числа социальных субъектов и акторов привело к усилению их представительства в политической сфере и, как следствие, к обострению проблем в сфере перераспределения ресурсов. В последнее время в переговорных процессах принимает участие уже не две, а гораздо больше сторон, при этом единодушия среди участников становится все меньше [3, 37-38]. Большое распространение получили также коллективные соглашения местного

характера. Более того, проблемы местного самоуправления в целом сегодня стали рассматриваться в контексте взаимоотношений не с государственными структурами, а с отдельными гражданами и их группами. На фоне неоднозначных и противоречивых тенденций локальная демократия в скандинавских странах продолжает играть важную роль. Прежде всего, это касается реакции региональных и местных сообществ на текущие изменения и возможности формировать устойчивую среду, которая уменьшает неопределенность и позволяет предвосхитить результаты реформ.

Немало вопросов связано с функционированием шведской социальной системы, достижения которой широко известны. Основанные на сочетании устойчивого экономического роста и уравнилельного распределения материальных благ, эти достижения привели к тому, что целые социальные группы и отдельные граждане оказались в большем выигрыше по сравнению со всем обществом. В условиях кризиса 90-х гг. XX в. шведское общество оказалось перед необходимостью пересмотра такого социального контракта, в том числе и в связи ростом числа иммигрантов и необходимостью налаживать социальное взаимодействие в поликультурной среде. Текущий мировой экономический и финансовый кризис (2008-2009 гг.) еще больше усугубил социальные противоречия. Прежде всего, это связано с ростом безработицы. По данным Международной организации труда (МОТ), безработица в Швеции в январе 2009 г. достигла 7,3%, а в 2010 г. может достигнуть более 10%, притом, что в 2000 г. уровень безработицы в Швеции составлял 4,9%. Для сравнения, в Норвегии – 3,4%, Исландии – 2,3%, Дании – 4,6%. Исключением является Финляндия, где в 2000 г. уровень безработицы достигал 9,7%, а потом постепенно снижался.

С экономической точки зрения нагрузки на социальную сферу при скандинавской модели стали слишком велики. Но и в других европейских регионах возникли аналогичные проблемы, связанные, прежде всего, со старением населения, ростом безработицы, снижением налоговых поступлений вследствие перевода производств в регионы с более низким уровнем зарплат и социальных льгот. С политико-правовой точки зрения пересмотр социальной политики связан с необходимостью приведения национальных норм к нормам Европейского союза, общих

для всех стран-членов.

В настоящее время можно говорить о европеизации социальной политики, сутью которой является перераспределение социальной ответственности между властью и гражданским обществом. Намечился общий тренд социальной политики европейских государств: с одной стороны, сокращение социальных программ, стремление к повышению их экономической эффективности и отдачи, с другой – расширение социального партнерства, децентрализация в сторону региональных (внутри страны) и местных властей. При этом происходит изменение роли и государства, и гражданина. Гражданин – уже не только объект социальной политики государства, он еще и субъект этой политики, избиратель в широком смысле, пользователь и со-производитель социальных услуг. Мероприятия, ведущие к повышению ответственности как самих граждан, так и их ассоциаций по защите своих социальных прав и расширению диапазона социальных возможностей, в отдельных странах могут быть самыми разными:

- создание советов пользователей, например, в сфере образования или здравоохранения (Финляндия, Дания);
- децентрализация сферы оказания общественных услуг (Финляндия);
- создание «гражданских бюро» (one-stop-shop), когда гражданин обращается к конкретному чиновнику для комплексного решения своего вопроса (Швеция, Ирландия, Германия, Греция);
- назначение уполномоченных по правам граждан на местах (Нидерланды, скандинавские страны);
- создание информационно-консультационных комплексов для взаимодействия с гражданами по наиболее важным жизненным ситуациям – рождение ребенка, переезд, социальная поддержка, поиск работы и др. (Швеция, Дания, Великобритания).

Децентрализация также составила сущность реформы управления 1982 г. во Франции. В связи с перераспределением функций центральных органов власти на места – в коммуны, департаменты, регионы – были переданы весьма значительные полномочия. Реформа была направлена на то, чтобы предоставить гражданам возможность реализовывать свои социально значимые инициативы, расширить демократию участия, уменьшить администрирование и снизить расходы на управление [5, 98]. И здесь, как

и в других европейских странах, децентрализация управления происходила в условиях нарастания социальных проблем. Безработица, бедность, экология, общественная безопасность – вот основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться региональным и местным органам управления, и решение которых виделось невозможным без развития партнерских отношений между государством и гражданским обществом.

Что касается бывших социалистических стран, то при следовании общеевропейской тенденции, у них существовала возможность своеобразного выбора той или иной модели социальной политики. По мнению некоторых исследователей, из бывших стран социалистического блока лишь три страны – Польша, Венгрия и отчасти Болгария – пошли по так называемому скандинавскому пути, который предполагает активное участие местной власти и гражданского общества в социальной политике государства, в других – ключевая роль по-прежнему отводится органам государственной власти.

Пожалуй, наиболее сложными и противоречивыми по своим результатам были реформы управления в странах с ярковыраженными региональными контрастами, что оказалось характерным не только для нашей страны. Из всех европейских стран с наиболее сходными с Россией по сложности проблемами столкнулась Германия, где процессы внутренней интеграции происходили одновременно с интеграцией в рамках Евросоюза. Перед германским обществом, особенно в новых федеральных землях, возникли неизвестные до этого времени социально-экономические проблемы. Например, безработица пришла на смену полной занятости, притом, что многие коммуны обезлюдели в связи с массовой эмиграцией местных жителей в «старые» федеральные земли и за рубеж. Так, в городе Лютерштадт Виттенберг (Lutherstadt Wittenberg) безработица сегодня достигает 23%, а население – при совсем не большой численности около 48 тыс. – уменьшается на 600 человек ежегодно [2, 6-16].

В современной Германии социальная политика соединяет в себе признание ответственности государства, бизнеса и общества за благополучие своих членов. В то же время она акцентирует внимание на обязательстве индивидов, социальных групп и местных общин, непосредственная активность и усилия которых являются основным источником

их благосостояния и развития. При всех особенностях в подходах, даже при противоположных интересах, всегда есть наибольший общий интерес, который может объединить различные социальные группы. При этом актуализируются именно те общественные ресурсы, которые отдельные граждане и их объединения готовы добровольно предложить ради достижения общественного блага: финансовые и материальные, информационные, время и т.п.

При всех положительных сторонах децентрализация управления социальной сферой имеет ряд негативных последствий. Прежде всего, речь идет о нарастании трудностей в решении социальных проблем по мере понижения от центрального к местному уровню управления. В связи с этим происходит ухудшение качества предоставляемых общественных услуг, существенная деградация социальной инфраструктуры. Не просто обстоит дело и с взаимодействием различных субъектов. Несмотря на привлекательность идеи социального партнерства как механизма вовлечения и демократического участия граждан в принятии социально значимых решений, существует проблема легитимности региональной и местной социальной политики. Прежде всего, это относится к участию бизнеса, взаимодействие с которым часто носит закрытый, не транспарантный характер. Наконец, существует определенное противостояние ценностей. С одной стороны, речь идет о ценностях, присущих «традиционным» европейским моделям социальной политики. С другой стороны – о ценностях «неолиберальной» и конкурентной политики, проводимой ЕС, но имеющей несколько чуждые – англо-американские

– основы, которые нужно адаптировать к европейским традициям местной демократии, основанным на гражданском участии и автономии.

Таким образом, европейские страны различаются по своему опыту совершенствования управления социальной сферой, тем не менее многие ситуации и решаемые в их контексте проблемы сопоставимы. Административно-государственные реформы и последовавшая за ними децентрализация управления поставили во главу угла проблему участия простого гражданина в процессе принятия социально значимых решений. В целом в европейских государствах, несмотря на трудности, эта тенденция видится наиболее перспективной, не только отвечающей требованиям сегодняшнего дня, но и наследующей традициям социального взаимодействия, локальной демократии и гражданского участия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зиберт Х. Эффект кобры: Как избежать заблуждений в экономической политике. / Пер. с нем. М.: Новое издательство, 2005.
2. Кунце Ф. Муниципальные реформы в Восточной Германии после объединения в 1989 г. // Муниципальная политика в России и Европе: проблемы и перспективы. Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2008.
3. Ясаи Э. де. Государство / Пер. с англ. Г. Покатовича, под ред. Ю. Кузнецова. М.: ИРИСЭН, 2008.
4. Петухов В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: ИС РАН, 2007.
5. Петерсон О. Шведская система правления и политика / Пер. с англ. М.: Моск. школа полит. иссл., 2008.
6. Тупикин А.П., Шилов В.С. Центр и регионы во Франции и России. Опыт сравнительного исследования. М.: Изд-во РАГС, 2008.

РУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ И РАСПАД СССР: К ИСТОРИИ ВОПРОСА О ВИНОВНЫХ В КРУШЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам, связанным с распадом СССР. Проанализирована роль русских националистов, а также политических сил и деятелей, к ним причисляемых, в данном процессе. Сделаны выводы о необоснованности претензий к русским националистам по поводу их участия в развале страны. Отмечен низкий уровень этнического самосознания, характерный для представителей русского народа на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Последнее обстоятельство ни в коей мере не способствовало стремлению русофилов к созданию русского мононационального государства.

Ключевые слова: распад СССР, Съезд народных депутатов СССР, Национально-республиканская партия России, умеренные националисты, национал-демократы, Республика Русь.

A. Fomenkov

Nizhny Novgorod State University after
N.I. Lobachevsky

RUSSIAN NATIONALISTS AND DISINTEGRATION OF THE USSR: TO THE HISTORICAL BACKGROUND ABOUT GUILTY OF WRECK OF THE SOVIET UNION

Abstract. The present article is devoted to the questions connected with disintegration of the USSR. The role of Russian nationalists, and also political forces and figures, to them ranked, in the given process is analysed. Conclusions are drawn on groundlessness of claims to Russian nationalists concerning their participation in the country disorder. Low level of ethnic consciousness, characteristic for representatives of Russian people on a boundary 1980 – is noted 1990th years. Last circumstance at all did not promote the aspiration of Russophiles to creation of Russian mononational state.

Key words: The history of USSR collapse, USSR People's delegates congress, National and Republic party of Russia, moderate nationalists, national-democrats, Republic Rus.

До сих пор нет единой точки зрения относительно главных виновников распада СССР. Наряду с западными спецслужбами, переродившимся партийно-советским руководством, сомкнувшимися в неприятии Советского Союза российскими демократами и окраинными националистами часто упоминаются и русские националисты. Среди обвинителей последних можно указать на известного отечественного политика 1990-х гг. Р. Абдулатипова [4, 118].

Программное заявление о необходимости выхода России из состава СССР часто приписывается видному советскому писателю В.Г. Распутину. Имеется в виду его речь на I Съезде народных депутатов СССР 6 июня 1989 г. Дабы прояснить наше мнение по данному вопросу, приведём выдержку из его выступления: «О стране. Никогда ещё со времен войны державная прочность не подвергалась таким испытаниям и потрясениям, как сегодня. Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтоб понимали и нас. Шовинизм и слепая гордость русских – это выдумки тех, кто играет на наших национальных чувствах, уважаемые братья. Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, а в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими. Эмиссары из Литвы и Эстонии едут с ними, создавая единый фронт, в Грузию. Оттуда местные агитаторы отправляются в Армению и Азербайджан. Это не борьба с бюрократическим механизмом, это нечто иное. Здесь, на съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путём добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами

* © Фоменков А.А.

своей судьбой. Но, по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете её и если её слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие. Кое-какие ресурсы природные и человеческие у нас ещё остались, руки не отсохли. Без боязни оказаться в националистах мы могли бы произносить слово «русский», говорить о национальном самосознании. ... Создали бы, наконец, свою Академию наук, которая радела бы российским интересам, занялась нравственностью. Помогли народу собраться в единое духовное тело.

Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки. Нам говорят: это ваш крест. Однако крест этот становится всё больше неподъёмен.... Нет возможности сейчас подробно объяснить..., что не Россия виновата в ваших бедах, а общий гнёт административно-промышленной машины... А лучше всего вместе было бы нам поправить положение. Для этого сейчас, кажется, есть все возможности» [11, 5].

Таким образом, нет оснований однозначно причислять В.Г. Распутину к сторонникам выхода России из состава СССР и последующего за этим создания русского национального государства. Можно сделать выводы, что знаменитый советский писатель и народный депутат – а) выступал за придание РСФСР равного статуса с другими союзными республиками; б) предлагал сохранить единое союзное государство, но на менее бюрократичной основе; в) доказывал, что не следует по-настоящему бояться прибалтийской угрозы. Впрочем, определённые выгоды от создания русского государства в этой речи были всё же обозначены, что дало многим рационально мыслящим гражданам пищу для размышления.

Доказать ничтожно малую роль русских националистов в развале Советского Союза можно следующим образом. Во-первых, политики, причисляемые к умеренному крылу русского национализма (С.Н. Бабурин, Н.А. Павлов), будучи народными депутатами РСФСР, 12 июня 1990 г. голосовали против «Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Впоследствии же они, будучи членами Российского

общенародного союза и Фронта национального спасения, выступали за расширение территории государства, в том числе и за счёт земель, населённых по преимуществу неславянскими народами.

Во-вторых, позиция более радикальных националистов, например, членов Национально-республиканской партии России (НРПР), также не была столь однозначной. Так, например, лидер Национально-республиканской партии России Н.Н. Лысенко уже в ноябре 1990 г., на I съезде своей партии в качестве объекта непримиримой борьбы упоминал тюрко-исламскую угрозу в лице выходцев с Кавказа и из Средней Азии [7, 284]. Существует даже мнение, что именно в недрах данной организации родилась идея об отделении Северного Кавказа от России. Вместе с тем одну из своих программных статей Н.Н. Лысенко назвал «Наша цель – создание великой империи» [2, 122-130]. Уже сам этот лозунг позволяет отнести его автора не к национал-демократам, но к имперцам. Имеет смысл привести также цитату из воспоминаний другого видного радикального националиста, П.М. Хомякова: «1991 год я встретил в личных делах и заботах. И в известных событиях, так всколыхнувших тогда всю страну, участия не принимал. Но развалу интернационального СССР радовался. Сожалел только, что тогда же под шумок от России не отвалились еще и дотационные регионы Северного Кавказа» [12, 24].

Следует также отметить, что в начале 1990-х гг. начинает складываться принципиально новое течение в рамках русского национализма. Его адепты выступали за создание русского национального государства, однозначно отрицая при этом имперский путь развития страны. В первую очередь в этой связи следует отметить сторонников так называемой Республики Русь, которую предполагалось сформировать на основе однородных в этническом плане субъектов РФ. Соответствующая карта неоднократно публиковалась на первой странице газеты «РОД», издаваемой Санкт-Петербургским мужским клубом (а фактически Русским освободительным движением). Впервые идеи такого рода были озвучены ещё в 1991 г. Однако в тот период в среде русских правых они были восприняты как несерьёзные и даже провокационные [5, 3], а их инициаторов посчитали маргиналами, не заслуживающими доверия [1, 2-3; 3, 4; 6, 3; 10, 4]. Негативно отнёсся к их идеям даже упомя-

нутый выше Н.Н. Лысенко¹. Как следствие, программные установки Русского освободительного движения, равно как и имевшие некоторое сходство с ними взгляды членов Гражданского объединения «Россы», Русской национально-демократической партии и «Русского союза» [8, 36. 44, 94], оказались невостребованными в начале 1990-х гг.

Таким образом, можно утверждать, что ряд русских националистов видел благо в распаде СССР, однако окончательная позиция указанной политической группировки ещё не была чётко сформулирована, и, кроме того, серьёзного влияния на политические процессы они не оказывали. Отметим также, что крайне негативная реакция ряда русских националистов на проекты «Русской республики», или «Республики Русь», появившиеся в начале 1990-х гг., пусть и косвенно, но всё же наглядно, свидетельствуют о неготовности русских правых к борьбе за претворение в жизнь идеи строительства русского национального государства.

Есть основание также утверждать, что, предложив в конце 1980-х годов русские националисты выйти России из состава СССР, они не были бы поняты большинством этнических русских. В самом деле, в начале 1990-х гг. имперский и русский националистический проекты довольно часто путали между собой, что объяснялось распространённым отождествлением понятий «русский» и «советский» в глазах большей части жителей РСФСР (так, согласно данным опроса, проведённого в 1986 г., лишь 15% русских осознавали себя русскими, в то время как советскими – 78% [9, 22-23]). Как следствие, национально мыслящие русские в большинстве своём мечтали о большей роли России в дележе общесоюзного «пирога» и о большем внимании к русским культуре и традициям.

В целом имеет смысл утверждать, что обвинять в развале СССР русских националистов в целом и В.Г. Распутину в частности

бессмысленно и некорректно, так как русская националистическая идеология в тот период строилась на базе идеи «единой, неделимой России».

ПРИМЕЧАНИЕ:

- ¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). ф. 8764. оп. 1. д. 4. л. 35.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кондратьев С.И. «РОД» родил уroda // Отечественное. 1992. № 9.
2. Лысенко Николай: «Наша цель – создание великой империи». На вопросы корреспондента «Нашего современника» отвечает лидер национальных республиканцев // Наш современник. 1992. №9.
3. Мищенко В. Осторожно: Оборотни // Русское дело. 1992. № 2(5).
4. «На ненависти будущего не построить». Беседа Александра Казинцева с заместителем председателя Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Рамазаном Абдулатиповым // Наш современник. 1995. № 12.
5. «Наши права защитит только сильное государство». О будущем Союза и России размышляют народные депутаты РСФСР Михаил Астафьев и Николай Павлов // Литературная Россия. 1991. 28 июня.
6. Носова В. Три сна, вызванных полётом мысли вокруг речей патриотов, за секунду до пробуждения // Ленинская смена (Нижний Новгород). 1991. 2 дек.
7. Попов А.М. Политические партии и движения России: История становления и идеологии. 1985–1993. Дисс... докт. ист. наук: 07.00.02 / Ярославль, 1997. С. 284.
8. Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Документы и материалы. М.: Рау-пресс, 1992. Кн. 8.
9. Севастьянов А. Время быть русским! Третья сила. Русский национализм на авансцене истории / А. Севастьянов. М.: Эксмо – Яуза, 2004.
10. Станные патриоты // Контраргументы и факты. 1992. № 9(18).
11. Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет // Известия. 1989. 8 июня. С. 5.
12. Хомяков П. Отчёт русским богам ветерана Русского Движения. Сборник эссе на темы идеологии и политики М.: Белые альвы, 2006.

СОВРЕМЕННЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

Аннотация. Статья посвящена федерализму, его современному состоянию и ближайшим перспективам развития. В статье выделены структурные характеристики федераций, рассмотрена практическая реализация концептуальных моделей федерализма (дуалистического и кооперативного), охарактеризованы и описаны типы федераций и проблемы разделения полномочий федерального центра и субъектов федерации. Проведенный автором анализ позволяет выделить тенденции и закономерности развития современного зарубежного и российского федерализма. Данная статья важна для понимания основ федерализма в контексте процессов глобализации и региональной интеграции.

Ключевые слова: федерализм, федерация, глобализация, региональная интеграция, дуалистический федерализм, кооперативный федерализм.

O. Orlinskaya

Nizhny Novgorod State University after
N.I. Lobachevsky;

MODERN FEDERALISM AND FEDERATIONS IN THE CONTEXT OF PROCESSES OF GLOBALISATION AND REGION INTEGRATION

Abstract. The article is devoted to Federalism, its modern status and the nearest perspectives. Correlation between the ideal forms of Federalism (dual federalism, cooperative federalism) and different real federations is the main subject. The author captures the dynamics of evolving debates about Federalism, examines the factors and forces that led to the federal union. This article is an essential guide to Federalism in the context of globalization and regional integration.

Key words: federalism, federation, globalization, regional integration, dual federalism, cooperative federalism.

Федеративные государства отличаются друг от друга по многим параметрам: по

размеру территории, численности населения, национальному, конфессиональному и лингвистическому составу. В зависимости от времени возникновения федерации подразделяют на «молодые» и «зрелые», причем в каждой стране возникновение и развитие федеративных отношений имеет свои особенности. Федерация не представляет собой раз и навсегда застывшую институциональную форму. Напротив, одно из коренных преимуществ этой сложной (по сравнению с унитарным порядком) формы государственного устройства заключается в ее адаптивности, способности быстро и гибко реагировать на новые «вызовы» со стороны национализма, глобализации, региональной интеграции, развития новых форм самоуправления и т.п. Таким образом, федерация находится в постоянных поисках баланса между центробежными и центростремительными тенденциями.

Часто выделяют следующие *структурные характеристики*, общие для федераций: верховенство писаной конституции, поправки в которую могут вноситься с согласия значительной части составляющих федерацию единиц (субъектов федерации); сосуществование двух структур управления (федеральной и региональной), каждая из которых непосредственно связана со своими гражданами; обеспечение баланса власти и управления между уровнями федерации; формальное конституционное распределение законодательных и исполнительных полномочий и государственных ресурсов между двумя системами управления, гарантирующие определенные области подлинной автономии для каждой системы; subsidiarность как принцип решения проблем на том уровне, где они возникают; обеспечение представительства региональных интересов внутри федеральных институтов (обычно в форме второй палаты парламента); наличие посредника (в форме суда или референдума) для разрешения конфликтов и споров между властными уровнями, а также институтов и процедур для облегчения сотрудничества в

* © Орлинская О.М.

областях совместной компетенции или пересечения сфер ответственности [11, 7].

Однако *концепции федерализма* сильно отличаются в различных странах мира. В частности, в США концепция дуального федерализма основана на том, что оба уровня в федерации (федеральный и региональный) обладают собственными источниками легитимации власти и полномочий, при этом каждый властный уровень обладает значительной автономией в своей сфере юрисдикции: «в федеральной системе каждая власть обладает суверенитетом в собственной сфере ответственности, поскольку полномочия, которые она осуществляет, не делегированы ей другой властью» [10, 184]. Концепция дуального федерализма может иметь и иную интерпретацию, когда акцент делается на то, что в основе федеративного союза лежит объединение двух наций (например, англо- и франкоканадцев в Канаде). Тогда природа федерации определяется как двоевластие («диархия») [6, 13].

Концепция дуального федерализма давно подвергается критике в США и постепенно замещается концепцией кооперативного федерализма, которая делает акцент на сотрудничестве, взаимодействии, взаимозависимости федерации и ее субъектов. Кооперативный федерализм реализуется через механизмы вертикального и горизонтального сотрудничества. Создаются как региональные объединения групп субъектов федерации (кооперация по горизонтали), так и особые федерально-провинциальные органы, которые имеют совещательный характер¹. Авторитет принимаемых этими органами рекомендаций может быть очень высоким, примером чему являются совещания премьер-министров федерации и провинций (штатов) в Австралии, Канаде, Индии [6, 12].

Считается, что кооперативный федерализм получил наиболее полное развитие в Германии, где крайне популярны конференции, рабочие встречи, совещания министров федерации и земель, ведающих одинаковыми сферами. Противники кооперативного федерализма полагают, что эта концепция с ее мощным финансовым выравниванием между землями и акцентом на выравнивание жизненных условий по всей территории страны исчерпала себя и не дает стимулов для развития экономически мощным землям. В частности, такие федеральные земли, как Бавария и Баден-Вюр-

темберг, выступают за концепцию конкурентного федерализма, который поощрял бы не изживенческие настроения более бедных восточных земель, но позитивную конкуренцию между субъектами германской федерации [1, 63-63].

Различные виды федераций часто определяют и различные *уровни политической автономии их субъектов*. Однако различия между договорными и конституционными федерациями в значительной мере условны. Считается, что в договорных федерациях субъекты отличаются более высоким уровнем политической автономии (США, Швейцария, Танзания). С другой стороны, федерации, формировавшиеся при сильном влиянии центральных властей, на основе конституции, дают регионам меньше полномочий (Германия, Индия, Пакистан, Мексика).

Российскую Федерацию следует отнести к типу конституционной федерации с элементами договорной. Наличие отдельных признаков договорной федерации связано с подписанием Федеративного договора и практикой договоров о разграничении полномочий между центром и отдельными субъектами федерации.

Симметричные федерации обычно возникают «снизу», на основе союза государств, при этом гарантируются как однородность, так и равноправие составляющих федерацию субъектов. Асимметричная федерация имеет несколько подвидов. В одном случае наряду с субъектами в состав федерации могут входить другие территориальные образования: провинции и территории в Канаде, штаты и ассоциированное государство Пуэрто-Рико в США. В другом случае федерация включает только субъекты, однако они имеют разные статусы и пользуются разными правами (области, края и республики в Российской Федерации). У ряда федераций есть федеральные владения: как правило, это небольшие прибрежные территории или острова без постоянного населения. Иногда в федерациях элементами особого статуса пользуются резервации для коренного населения².

Симметричная федерация обычно более стабильна, ибо в ней отсутствует борьба за выравнивание статусов субъектов. Асимметрия, впрочем, может представлять собой более адекватный ответ на объективно существующие различия между субъектами, коренящиеся в социально-экономических, исторических, культурных, этнических,

конфессиональных и иных различиях между регионами. В последнем случае искусственное выравнивание может способствовать территориальной дезинтеграции государства. В России, в частности, следует с особой осторожностью относиться к статусу существующих национальных республик. Кроме того, идеально симметричных федераций не существует, поскольку даже конституционно симметричная федерация на практике имеет ту или иную «скрытую асимметрию». Часто она проявляется в неодинаковом представительстве регионов в верхней палате парламента³.

Подход к выделению субъектов федерации может быть территориальным, не предполагающим учета этнического фактора, (например, в США) или национально-территориальным, когда границы субъектов федерации в целом совпадают с границами расселения этносов (например, в Бельгии). Каждый из данных подходов может продуктивно использоваться с учетом конкретной ситуации. При этом территориальный подход часто вызывает излишнюю централизацию, игнорирование коллективных прав компактно проживающих этнических общностей. А попытка решить национальный вопрос посредством федеративного выбора может привести к мощной политизации этничности и даже подорвать единство страны. В многоплеменной нигерийской федерации национально-территориальный принцип был сознательно использован «наоборот», то есть учтен для того, чтобы отвергнуть строительство федерации по племенному подходу («каждому племени — свой субъект федерации»). Таким образом, тридцать штатов Нигерии были созданы таким образом, чтобы «растворить» племена по разным штатам, раздробить этносы с тем, чтобы ни в одном штате не доминировало бы какое-либо племя, но создавались условия для формирования единой нигерийской нации [6, 34].

Различными способами реализуется в федеративных государствах *размежевание предметов ведения федерации и ее субъектов*. В целом эти способы могут быть сведены к пяти основным вариантам. Первый: федеральная конституция устанавливает исключительную компетенцию федерации, а все остальные вопросы относит к ведению ее субъектов (Танзания). Этот подход к размежеванию компетенций чреват бесконтрольным расширением компетенций федерации, поскольку исключительная компетенция

субъектов федерации не определена. Второй: конституция устанавливает исключительную компетенцию субъектов федерации (обычно - вопросы культуры, образования и т.д.), то есть сферу, в которую федерация не может вмешиваться. Данный редкий способ размежевания компетенций в настоящее время не используется. Третий: конституция устанавливает две сферы компетенций: федерации и ее субъектов (Швейцария, Канада, Аргентина). Конституция может давать перечень компетенций, однако иногда четко перечислены только компетенции федерации, а компетенции субъектов охарактеризованы в «негативном плане» (сказано, какие меры федерация не вправе применять по отношению к субъектам). Именно так формулирует соответствующие положения Конституция США. Четвертый: в конституции могут быть указаны три сферы компетенции: федерации, субъектов федерации и сфера совместной (совпадающей, конкурирующей) компетенции (Индия, ФРГ). Так, в Германии федеральная земля правомочна принимать законы в сфере конкурирующей компетенции лишь до тех пор, пока эта сфера не «покрыта» законами федерации, после чего все принятые ранее на земельном уровне законы в этой сфере автоматически упраздняются. Пятый: конституция дает перечень только двух сфер компетенций: федеральной и совместной (Пакистан, Нигерия) [1, 67-68].

В российской Конституции предметы, находящиеся в ведении Российской Федерации, перечислены в ст.71, а относящиеся к совместному ведению Федерации и ее субъектов — в ст.72.

Исследователи отмечают *новые тенденции и закономерности в развитии федерализма*: расширение применения федеративной формы государственного устройства; формирование федеративного государственного устройства с заранее заданными свойствами, отвечающими определенным целям (новая бельгийская федерация); параллельное развитие процессов децентрализации и централизации; отход от оценки асимметричности федерации как некоей патологии в федеративном порядке, сознательное использование принципа асимметричности для ускоренного развития составных частей федерации и более точного учета местных и региональных особенностей, интересов, потенциалов; рост разнообразия форм, в особенности неформальных, взаимоотношений федерации и ее субъектов [9, 75-78].

Федеративный принцип приобретает особое значение с развитием процессов глобализации и региональной интеграции. Государство, имеющее федеративный порядок организации власти, который предусматривает существенный уровень политической автономии и самоуправления для различных территорий и групп, имеет более широкий спектр возможностей адаптации к процессам глобализации, нежели «жестко» иерархически организованное унитарное государство [1, 71].

В современной политической науке наблюдается усиленное внимание к национальным федеративным системам, которые можно определить как «незрелые» федерации⁴, а также к применению принципа федерализма на наднациональном уровне. Важно подчеркнуть, что принцип, идеи и дух федерализма могут использоваться не только на национальном, но и на наднациональном уровне. Европейский Союз, очевидно, не является и не может являться унитарным образованием, но следует федеративному лозунгу «единства в разнообразии», признавая целостность и автономию своих составных частей (государств-членов и регионов). Частью конструкции Евросоюза всегда были взаимное уважение сторон, поиски компромисса, плюрализм, добровольность принимаемых обязательств. В 50-е годы XX в. размах федералистского проекта оказался чрезмерным, и интеграция пошла по пути функционального - постепенного, секторального объединения. В начале нового столетия идет сложный процесс развития ЕС в гибридную систему, сочетающую начала федерализма и конфедерализма (в рамках наднационального подхода) и межправительственного подхода. Эволюция Евросоюза проходит в границах «неофедерализма» или «конфедеративно-федеративного континуума», где полномочия, в соответствии с принципом субсидиарности, разграничены между наднациональными институтами, государствами-членами ЕС и составляющими их регионами [5, 19-22, 145-149, 218-232, 240-247].

Совершенно другим путем идет *современная Россия*. В последние годы начала явно усиливаться тенденция к унитарности. Однако некоторые отечественные исследователи предостерегают, что крен в сторону унитарности не будет доведен до логического конца, и мы будем иметь «либо федеративное государство с заметными примесями унитарных

отношений; либо унитарное государство с остаточными признаками прежней федеративности» [8, с. 237]. В любом случае, мы достаточно далеки от того, чтобы следовать как дуальному, так и кооперативному федерализму в чистом виде, а принцип субсидиарности, вероятно, весьма мало применим к современному устройству Российской Федерации.

Новый российский федерализм по сути оказался реформированным советским федерализмом [7, 414]. Он остался этническим по происхождению, когда главным признаком федеративного государства является наличие в его составе национально-территориальных автономий [2]. Однако все регионы современной России получили статус равноправных субъектов федерации, а следовательно федерация стала смешанной.

В дальнейшем Россия при определении своей модели федерализма должна учитывать возможности его пересечения с другими формами рассредоточения власти. Это могут быть всевозможные ассоциированные отношения (как между США и Пуэрто-Рико, Италией и Сан-Марино, Португалией и Азорскими островами), кондоминиумы (Андорра), регионы с особым статусом и даже конфедерации [3, 68]. В ближайшее время в России, вероятно, будет продолжаться политика укрупнения регионов и уменьшения количества субъектов федерации. При этом превращение семи федеральных округов в новые (и единственные) субъекты федерации маловероятно и совершенно неприемлемо для большинства национальных республик.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Основная задача федерально-провинциальных органов заключается в сглаживании трений между центром и регионами, в поиске компромиссов между ними.
- ² В США, например, резервации находятся в составе штатов, но их положение регулируется федеральным законодательством [1, 65].
- ³ Неравное представительство земель имеет место, например, в Бундесрате ФРГ [4].
- ⁴ К незрелым федерациям обычно относят государства, не обладающие всеми признаками федеративной государственности или даже формально унитарные (например, такие как Испания).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. – М., 2006.
2. Зорин В. Национальные аспекты российского федерализма // Свободная мысль. – 1996. – №10.

3. Колобов О.А. Современный российский федерализм / О.А. Колобов, И.П. Складов. – Н. Новгород, 2001.
4. Официальный сайт Бундесрата ФРГ. URL: <http://www.deutschland.de> (дата обращения: 25.08.2010)
5. Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: от Европейского Сообщества до Европейского Союза. – М., 1998..
6. Современный федерализм: сравнительный анализ. – М., 1995.
7. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М., 2006.
8. Усягин А.В. Политическое управление и его территориальные аспекты: российский опыт. – Н. Новгород, 2005.
9. Чиркин В.Е. Современное федеративное устройство. – М., 1997.
10. Robertson D. The Penguin Dictionary of Politics. – L.: Penguin Books Ltd., 1993.
11. Watts R. Comparing Federal Systems. – Montreal, 1999.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ”

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сообщаем Вам, что в целях развития учебно-научной деятельности, укрепления научных традиций и обеспечения интеграции науки и образования в рамках международного Российско-Германского проекта «OST STUDIEN», Московский государственный областной университет, Университет г. Потсдам (Германия), Университет в г. Аусбург, Российский университет дружбы народов, Московский государственный университет и др. институты и организации 21-22 февраля 2011 г. проводят Международную научно-практическую конференцию на тему: **“СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ”**.

Работа конференции спланирована по следующим направлениям:

Секция 1: Социально-политические проблемы России в условиях современной глобализации;

Секция 2: Историко-правовые проблемы России в условиях современной глобализации;

Секция 3: Экономические проблемы России в условиях современной глобализации.

Желающим участвовать на конференции необходимо прислать заполненную анкету и материалы выступления по электронной почте по адресу: E-mail: kcngy@yandex.ru

После проверки материалов на ваш адрес будет прислан счет по оплате стоимости публикации материалов в сборнике конференции. Публикация материалов платная: стоимость одной страницы 200 рублей + НДС 18%.

Объем материалов 8 стандартных листов А4 (Шрифт Times New Roman, размер шрифта 14, интервал 1,5; Отступы: верх 2,5; низ 2,0; слева 3,0; справа 1,5). Сноски на каждой странице и список литературы в конце обязательны. Вначале статьи данные автора: ф.и.о., ученое звание, ученая степень на русском и английском языках, **E-mail, телефон**. Аннотация к статье и ключевые слова на русском, немецком и английском языках.

Место проведения конференции – Московский государственный областной университет (г. Москва ул. Радио 10А). Маршрут проезда: метро Курская, выход из метро в сторону «театр им. Гоголя» и по ул. Казакова десять мин. пешком.

Секретарь Оргкомитета конференции
раб.тел.: (499) 780-09-47 + в тоновом режиме 15-29, моб.: 8-916-359-30-10; 8-916-440-94-12

С уважением, Оргкомитет конференции

НАШИ АВТОРЫ

Артеменко Светлана Александровна, соискатель кафедры всеобщей истории и теологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, e-mail: anubises@mail.ru

Белов Алексей Викторов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории Российской академии наук, e-mail: belovavhist@mail.ru

Богданова Татьяна Владимировна, соискатель степени кандидата исторических наук кафедры истории Отечества Российского государственного социального университета, e-mail: btvkandidat@yandex.ru

Бродецкий Ян Олегович, аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета, e-mail: ianbrod@mail.ru

Будкина Юлия Борисовна, аспирант кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, e-mail: yu.budkina@rsu.edu.ru

Бурнашева Наталия Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Якутского государственного университета, e-mail: n_burnasheva@mail.ru

Волосов Евгений Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин Усть-Илимского филиала Восточно-Сибирской государственной академии образования, e-mail: volosov@rambler.ru

Голышева Антонина Владимировна, декан юридического факультета Московского института предпринимательства и права, e-mail: ciwilist@rambler.ru

Грюнберг Пантелеймон Николаевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России, Средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета, e-mail: pang1812@gmail.ru

Гусынин Владимир Александрович, аспирант кафедры Истории древнего мира, средних веков и археологии Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского, e-mail: floki@list.ru

Ермолов Игорь Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Тверского института экономики и менеджмента, e-mail: jermolov@mail.ru

Жижимов Эдуард Евгеньевич, старший преподаватель кафедры философии Инженерно-экономической камской академии, e-mail: zhizhimov@list.ru

Искоркина Екатерина Анатольевна, аспирант кафедры Новой и новейшей истории Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского, e-mail: webmasterskaja@mail.ru

Кудрявцев Максим Михайлович, адъюнкт кафедры информатики и управления Военного университета, e-mail: ambermax@rambler.ru

Личак Наталия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Ярославского государственного технического университета, e-mail: dimmyar@mail.ru

Малоземов Сергей Иванович, кандидат исторических наук, докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Историко-социологического института Мордовского государственного университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск), e-mail: semalozemov@yandex.ru

Махмудова Саида Абдулахатовна, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, e-mail: s.makhmudova@mail.ru

Напалкова Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий, докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса, заместитель директора по науке историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (г. Саранск), e-mail: zamisi@yandex.ru

Никифоров Юрий Александрович, доцент кафедры отечественной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова, e-mail: 9035038012@mail.ru

Орлинская Ольга Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории политических партий и общественных движений факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail:

orlinskaya@mail.ru

Остроухов Алексей Игоревич, аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, Тел. 8- 917-513-56-93

Проворный Александр Владимирович, соискатель кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, e-mail: Alekz 376@ Яndex ru

Реутов Павел Павлович, аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета Folkvald@gmail.com

Сафронов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета, e-mail: safronov1477@yandex.ru

Собко Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, профессор Московского государственного университета культуры и искусств, Тел. 8-905-544-26-21

Сухарев Александр Константинович, аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета, e-mail: Sukharev_AK86@mail.ru

Третьякова Светлана Александровна, соискатель политологии и социальной политики Российского государственного социального университета (филиал в г. Воронеже), e-mail: tretiakova-s@mail.ru

Трофимова Ирина Николаевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, e-mail: itnmv@mail.ru

Фоменков Артём Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории политики факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: artjom2310@inbox.ru

Юзмухаметов Ришат Нургалиевич, кандидат исторических наук, председатель межрегионального профсоюза работников АК «АЛРОСА» (ЗАО) «Профалмаз», Западно-Якутский научный центр Академии наук Республики Саха (Якутия), e-mail: ruzmuhametov@mail.ru

Юрченко Иван Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах РФ, доцент кафедры истории Московского авиационного института (государственного технического университета) – Национального исследовательского университета авиационных, ракетных и космических систем, e-mail: ivankazzak@mail.ru

Якубсон Евгения Викторовна, соискатель кафедры истории России Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н.Толстого, e-mail: evg3937@yandex.ru

Ялозина Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Всероссийской государственной налоговой академии Минфина РФ (г. Москва), e-mail: elena_yalozina@mail.ru

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета «Вестник МГОУ» включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 06.07.2007г. (см. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», все – в рекомендательном списке ВАК (см.: прикрепленный файл на сайте www.mgou.ru).

Для публикации статей в сериях «Вестник МГОУ» необходимо по электронному адресу vest_mgou@mail.ru прислать текст статьи (в формате Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, поля 2,5 см со всех сторон, интервал полупропорциональный) вместе со следующей информацией:

а) авторская анкета (отдельный файл):

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже, а не аббревиатура);
- адрес (с указанием почтового индекса);
- номера контактных телефонов;
- адрес электронной почты, личный или служебный (обязателен с 25.06.09);
- желаемый месяц публикации.

б) фамилия, имя на английском языке;

в) название статьи на русском и английском языках;

б) аннотация на русском и английском языках (примерно по 500 знаков с пробелами). На английском под заголовком **Abstract**, с указанием места работы на английском языке

в) ключевые слова на русском и английском языках (примерно 5-7слов) под заголовком **Key words**;

г) список использованной литературы под заголовком **Список литературы**, оформленный по ГОСТу с указанием авторов всех использованных работ, в т.ч. художественных произведений; при ссылке на их работы и цитировании указываются фамилия авторов (или составителей), год издания, страницы.

Образец оформления статьи

УДК

Фамилия И.О.

Университет или организация

с указанием в скобках города, если он не следует из названия

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация.....

Ключевые слова:.....

И. Фамилия (английский язык)

Наименование учебного заведения на английском языке с указанием в скобках города, если он не следует из названия.

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЯ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Abstract.....

Key words:.....

Текст статьи.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках (например, [1, 15]). Сначала дается ссылка на порядковый номер использованной работы в приставленном списке литературы; после запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла в электронном и бумажном варианте!

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах

- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;

- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, в которой работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов; отмечается научная и практическая значимость статьи. Замечания и предложения рецензента при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются. Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

После принятия статьи к публикации все авторы оформляют подписку на журнал в любом почтовом отделении через каталог Агентства «Роспечать»

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2010, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов!!!**

Ответственный редактор серии «Лингвистика» – Ощепкова Виктория Владимировна.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию “Вестника МГОУ”: vest_mgou@mail.ru, тел. (499) 261-43-41, (495) 723-56-31 (Потапова Ирина Александровна)

Наш адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10 а, комн.98

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов.

Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» кандидат политических наук, доцент Абрамов Андрей Вячеславович.

Более подробную информацию можно получить на сайте **www.mgou.ru**

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«История и политические науки»

№ 4-5

Подписано в печать: 03.11.2010.

Формат бумаги 60х86 /₈. Бумага офсетная.

Гарнитура «SchoolBookC». Уч.-изд. л. 16. Усл. п. л. 11.

Тираж 345 экз. Заказ № 327.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.
Тел. (495) 723-56-31